АЛЕКСАНДР ТЮРИН

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 2012 ГОДА

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Омега». Гигантская транснациональная корпорация, опутавшая уже практически всю Землю сетью «техносферы».

Перепрограммируются целые народы. Миллионы людей забывают свою историю, язык и культуру.

Скоро все человечество превратится в материальные оболочки для типовых психопрограмм.

Так будет... если на пути корпорации не встанут достойные противники – «технодемоны», во главе которых стоит отчаянно смелый парень из России – последней страны, еще не покоренной властью «Омеги»...

Содержание сборника:

Отечественная война 2012 года. *Повесть*
Человек технозойской эры. *Роман*

- Александр ТЮРИН
  - ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 2012 ГОДА,
    - Глава 1. До войны
    - Глава 2. После войны
    - Глава 3. Вместо войны
    - Глава 4. Мир
  - ЧЕЛОВЕК ТЕХНОЗОЙСКОЙ ЭРЫ
    - Пролог
    - Глава 1. Негр литературный
    - Глава 2. Узник замка Нановилль
    - Глава 3. Пиратские будни
    - Глава 4. Исполнение последних желаний
    - Эпилог
      - 1. Ассошейтед пресс
      - 2. Эй-би-си
      - 3. Дойче Пресс Агентур
      - 4. Рейтерс
      - 5. Деревня
      - 6. Келья
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42

Александр ТЮРИН

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 2012 ГОДА, или Цветы техножизни

Глава 1. До войны

1

Пожалуй, запахи Грамматикову сейчас мешали даже больше, чем шумы.

Пережаренный картофель, табачный дым, перегар. Мама не верит, что он чувствует перегар, который источает сосед Стасик, лежащий за стеной на диване, продавленном многими поколениями алкашей. Источает всеми своими порами, вместе с запахом мочи от штанов, ни разу не стиранных за последние сто лет. Из его глаз и ушей выходят сивушные испарения раскисшего мозга, где нейроны плавают в сомнительном самогоне. Самогон гонят из саморазрушающегося пластика бородатые дяди с хищными глазами, а продают добрые бабушки, которые даже не знают такое слово: «краун-эфиры».

И шум тоже мешает. Стасик, конечно же, забыл выключить телевизор, приклеенный у него прямо к стене.

Музыка из трех нот как ложка перемешивает мысли в его голове. Но особенно задолбали новости. Музыка, новости, музыка, новости. В перерывах между музыкой, в выпусках новостей приближается война. Война похожа на зверя, у которого вместо шерсти факелы ракетных запусков, вместо дыхания лучи радаров, а вместо инстинктов страницы из уставов и штабных директив.

Уже сейчас известно, что война продлится недолго, что нас больно побьют и что она получит имя «Сибирская война». Если точнее, Cyberian War, типа сибирско-кибернетическая.

Надо успеть до ее начала, до рева сирен, до запаха портянок! Лишь бы она не прыгнула ему на загривок сегодня или завтра. Хоть бы отхватить у нее неделю, а еще лучше десять дней...

Со вчерашнего дня Би-би-си ухитрилось забить со спутниковых станций передачи нашего телевидения. Би-би-сишный диктор говорит с хорошо синтезированным простонародным сибирским акцентом, окает, чекает. Говорит, что российское правительство попрало демократические свободы, отобрав контрольный пакет акций компании «Таймыр Ойл» у коренных народов Сибири и таких-то законных владельцев. Говорит, что Россия в нарушение рижского соглашения не выводит свои войска из Западной Сибири. Говорит, Россия до сих пор не выдала международному трибуналу военных преступников, устроивших расправу над мирным оленеводческим

населением тундры…

Андрей Грамматиков завидовал соседу по коммуналке. Стасика заботит только сдача стеклотары, да и то не очень. Если надо, то добрые бабушки и так нальют. Стасик смотрит на мир, как будто это – мутное бутылочное стекло, за которым есть что-то еще. Зеленая многоградусная Бездна…

Стеклотара. Хотя мама перед отъездом на дачу оставила Грамматикову всю свою офицерскую пенсию, деньги почти все уже ушли. Работа движется куда медленнее. Стеклотара. Можно было бы и сдать, но где ее нынче найдешь в краю саморазрушающихся пластиковых упаковок? Только истинно первобытные собиратели вроде Стасика могли еще накопать пять-шесть бутылок за день…

Попробовать положить грелку на шею, разогреть увядшие кровеносные сосуды, но идти на кухню за горячей водой – опасно. Марина Аслановна на тропе войны, вон как грохочет кастрюлями.

На лице у творца, не отличавшемся ни красотой, ни мужественностью, были ссадины и даже синяк.

Марина Аслановна вчера ударила. Только не сверхлегкой полиуглеродной сковородкой, а допотопной чугунной. От нее пахло адреналином и тестостероном, а под носом, в горячих ветрах звериного дыхания развевались хорошо заметные усики…

Мономолекулярные экраны, плавающие как линзы в глазах Грамматикова, помещали виртуальное окошко для сетевых сообщений слева от него.

Поэтому, как бы прямо в воздухе, висел очередной отказ от издателя. Невежливый. Всего из пяти сизых одутловатых слов. «Дорогой Андрюша, не мешай работать». Отказ тыкался в лицо Грамматикову, как дуля. Его научно-художественно-философская книга называлась бы «Кому мешает техножизнь?»

Теперь остается спустить и текст, и картинки в канализацию Всемирной сети, где от них будут с ленцой отщипывать профессиональные гиены-плагиаторы. С ленцой, потому что на этом ничего не заработаешь, другое дело, если бы книга была посвящена порносадистскому людоедству и называлась бы «Тело как блюдо любви».

Справа томился абсолютно реальный покосившийся шкаф, напоминающий геологический разрез: снизу энциклопедии, утрамбованные до гранитной плотности, выше – отложения всякой журнальной ветоши. Найти смысл этому шкафу сегодня было трудно – чип, встроенный в зубной протез, содержал информации на порядок больше. Впрочем, к стенкам шкафа были прицеплены пожелтевшие фотографии предков, наклеенные на истрепанный картон. Прабабушке баронессе фон Урман подарил

томик своих стихов сам Николай Гумилев. Наверное, предварительно лишив ее невинности в кабриолете. В этом непутевом роду иначе и не могло быть.

Андрей Грамматиков посмотрел в другое виртуальное окно и зевнул.

Там мельтешило что-то напоминающее гроздья шаров. Это были атомы и молекулы. Руки Андрея, обтянутые цифровыми перчатками, манипулировали структурой вещества в виртуальном окне. Руки чувствовали неприличное притяжение, когда атомы и молекулы стремились по-быстрому вступить в связь, и отталкивание, когда они явно не переваривали друг друга. Атомы попискивали, молекулы похрюкивали.

И это не было игрой в виртуальном пространстве.

На реальном столе стояла реальная тарелка. В ней – что-то похожее на мамочкин бульон, даже с желтыми кругляшками жира.

Похожее, но еще лучше. Лучше мамочкиного бульона для Андрея Грамматикова могли быть только техноклетки в коллоидном растворе, кое-где с агрегацией в виде геля. Техноклеточки любимые и драгоценные. Ядра-процессоры на квантовых точках. Клеточные мембраны, способные когерентно передавать сигналы в миллиметровом диапазоне. И все такое прочее.

От громоздкого, размером с мыльницу, компьютера тянулось к тарелке несколько оптических проводов, каждый из которых заканчивался «ложечкой» фуллеренового чипа. Ложечки были прихвачены к краям тарелки пластырем. Справа от тарелки – трипод наноманипулятора, похожий на задумавшегося инопланетянина. Самая дорогая вещь в его доме, за которую пришлось не без трепета отдать подлинную картину художника Ге...

Чувствительность была сильной стороной Андрея Грамматикова. С помощью своей чувствительности он мог сделать больше, чем трое выпускников самых престижных университетов с предельно сильным абстрактным математическим мышлением.

Но в то же время чувствительность ему и мешала.

Вражеские звуки и запахи пробивали стену все мощнее. Марина Аслановна бьет копытом. Стасик перешел в фазу трупного разложения. Его труп, похожий на рвоту, стекает с кровати. Какая-то птичка кричит за окном, словно ее насилуют. А может, ее и в самом деле насилуют? Сегодня насилуют всех, кто ослабел или просто зазевался. Конец зимы. Почерневшие остатки снега напоминают зубы Стасика. Тьфу, опять Стасик.

Рободиктор из Би-би-си с неизменным «оканьем» вещает о военных преступлениях русских спецназовцев на Таймыре… На одном оленеводческом стойбище правозащитники из организации «Дудаев Мемориал» нашли пять трупов мирных жителей, на другом – семь. Все оленеводы были уничтожены с применением оружия массового поражения – отравляющих веществ, что является прямым нарушением Женевской конвенции. Представители долгано-ненецкого национального конгресса заявляют о геноциде, которому подвергла Москва некогда многочисленные народы древней таймырской цивилизации в течение последних четырехсот лет…

Сегодня у Андрея Грамматикова полный пролет. И завтра техноклетки в этой тарелке распадутся и у него не будет бабла, чтобы купить нанокристаллы у Вовки, что пасется около ДК имени Крупской темными дождливыми вечерами. Увы, техноклетки вырастают только из Вовкиных программируемых кристаллов.

Из какой же лаборатории Вова тащит капсулы с нанокристаллами, чтобы толкать по цене бутылки водки?

Да, собственно, не один ли… Завтра в моем пыльном кармане не найдется и на полкило синтетической колбасы со скромной этикеткой «Колпинская механохимическая фабрика по переработке канализационных стоков».

До слез стало жалко и своей головы с застывшим комом мыслей, и прабабушки баронессы, которую принесли в жертву мартеновским печам и домнам, и всех предков, чьи тонкие косточки были перемолоты танками, тракторами, станками и прочей грубой машинерией. Наверное, тогда нельзя было иначе. Надо было за десять лет нахрапом и рывком сделать то, что хитрые и расчетливые западные народы делают за сто лет. Иначе бы они нас утилизовали как дагомейских негров или стерли бы с географической карты как тасманийских аборигенов.

Андрей Грамматиков еще раз посмотрел на обиженное лицо прабабушки, и его рука в цифровой перчатке коснулась дрожащих атомных шариков…

После очередного штурма на этом пространстве, растекшемся между Балтикой и Монголией, всегда наступает спячка…

Истощенные мозги уже не слушались стимботов. Так всегда бывает как переборщишь с этими крохотными активистами, дрючащими его синапсы.

Тяжело опустились веки, как бронированные жалюзи в пригородном магазине. Глаза словно погружались в гудящую тьму. Но когда Андрей с великим трудом открыл их… то в тарелке уже был не просто коллоидный раствор техноклеток! А

совместно функционирующий конгломерат, настоящая колония техноклеток, организованно откликающаяся на вызовы пользовательского интерфейса.

В одно мгновение, с величайшей готовностью, сознание Андрея очистилось от сна – и он увидел города будущего. Живые дома, похожие на гигантские анемоны, кораллы, радиолярии. Живые магистрали, точь-в-точь огромные змеи, извивающиеся среди живых небоскребов. Живые машины, размножающиеся почкованием и живорождением новых машин. Живые системы, освобождающие живых людей от гнета тупой материи, от засилья мертвых систем и механизмов. Живая думающая техника, которая не требует жертв, как стальные и чугунные молохи столетней давности.

К нам на помощь спешат не бездушные производительные силы, а технодрузья, которые подарят нам свою любовь и сочувствие, которые утрут нам пот, слезы и сопли...

А чудо в тарелке было символом всего этого будущего великолепия. Оно было зародышем грядущего мира.

Андрей поднес палец к зеленому пупырчатому отростку с крохотными белыми волосками и тот слегка «привстал»... Волоски оказались крючочками, которые вошли в кожу человека.

Появились три капельки крови. Андрей отдернул руку, но не с возмущением, а с благодарным трепетом, с которым отец воспринимает первый укус своего маленького сына.

Это – нормальный метаболизм. Колония техноклеток уже питается, как все приличные живые существа, готовой органикой, окисляя ее до воды и углекислого газа. Задача «быть живым» распределяется на миллионы подзадач, которые успешно решаются процессорами, находящимися в ядре каждой техноклетки...

Зазвонил телефон, старый, засаленный. Грамматиков схватил трубку и закричал:

– Мама! Оно живет! Растет, питается.

– Я не твоя мама, я не умею жарить котлетки и вытирать тебе попку. – Голос в трубке был молодым, нежным, а не старческим, дребезжащим.

– Все ясно, девушка, вы сильно ошиблись номером. По этому номеру звонит только моя мама, потому что тут живет один маленький мальчик с соплей из отработанных стимботов под носом.

– Извини, – сказала девушка, – но судя по твоему голосу, ты давно не мальчик.

– Это только по голосу. Да и паспорт врет, что мне тридцать три. В самом деле, если бы мне было бы тридцать три, то я,

конечно, обскакал бы Александра Македонского и уж как минимум завоевал бы Персию и Индию.

– И скончался бы в страшных муках от переизбытка славы, – поддержала девушка. – А кто растет, кто питается? Ты завел морскую свинку?

– Это... это трудно объяснить, это то, чего раньше не было.

Голос на том конце трубки стал затухать, как огонек свечи.

– Похоже, я действительно ошиблась номером. Да, мальчик, тебя еще рано поздравлять с Днем защитника Отечества.

Раздался гудок, голос со смешком исчез, втянулся в прекрасный новый мир алмазоидных башен Васильевского острова или уютных кафешек Петроградской стороны...

Андрей стал тереть задрожавшие руки. Как устроен человек? Несерьезно устроен. Чуда в тарелке ему мало. Прекратившей ржать и бить копытом Марины Аслановны – тоже мало. Ему еще и подавай в День защитника Отечества зеленоглазую красотку с бархатным голосом и рыжей косой до попы.

Телефон зазвонил снова.

– Ну да, мам, слушаю. Ты когда с дачи приедешь?

– Мам сейчас пьет чай с вареньем. – Голос на том конце все тот же молодой, нежный. Прямо недоразумение в квадрате. На секунду у Грамматикова даже появилась мысль, что это говорит чат-бот, удачно прошедший тест Тьюринга. Сейчас предложит купить одноразовые носовые платки со скидкой или средство от ожирения.

– Но вы, девушка, наверное, снова ошиблись номером.

– В первый раз я ошиблась, а теперь я хочу узнать про это... то, чего раньше не было. Тем более и день подходящий.

2

Она не была зеленоглазой и рыжей. Но она была, что надо! Вера Лозинская оказалась тоненькой брюнеточкой. Стильной. Фотоническая татуировка чего стоит – змейки из изумрудного огня как будто ползут по ее предплечьям. И первое чувство, которое испытал Андрей Грамматиков при встрече со стильной Верой, был стыд.

Как ни прибирался, ничего путного в квартире ему добиться не удалось. Мицеллярная тряпка-грязеедка скорее размазывала, чем поглощала грязь. Да, Андрей перещелкал мухобойкой все рекламные пузыри, мерцающие спамом (едва откроешь форточку и уже не пропихнуться, столько налетело). Но от них остались светящиеся потеки на стенах, эти макромолекулы – такое стойкое

дерьмо. Да, взял напрокат у Константина Петровича декоративный водопад со сжиженным гелием, текущим вверх на манер картин Эсхера. Но эта штука смотрелась на фоне обшарпанных обоев так же нелепо, как и фрак на бомже. И статуэтка металлорганической девушки, всегда готовой взмахнуть веслом, едва щелкнешь ее по заду, демонстрировала уже не чудеса молекулярной механики, а плохой вкус.

Впрочем, брюнетка оценила фотографию прабабушки.

– Классно. Состаренная бумага. И телка в правильном прикиде. Предок?

Прабабушка была, пожалуй, похожа на Веру, только взгляд совсем другой и без музыкальной жвачки во рту.

– Предок. Баронесса, кстати, – нашел чем похвастаться Грамматиков, мучительно сознавая, что у его квартиры слишком скромное обаяние.

– А что, в Рашке разве были баронессы?

Слово «Рашка» покоробило Андрея, но недовольство сразу улетучилось. Девушки вроде Веры всегда правы.

– Баронессы были. Остзейского, то есть прибалтийского происхождения. А вот мой прапрадедушка, действительный статский советник...

– Тебе нужны точно такие же сексуальные усы. – Вера сравнила портреты прадеда и правнука, приложив лицо Грамматикова к фотокарточке своей аккуратной, но сильной ручкой. – Если не растут, могут снабдить классным геночипом.

Она так и осталась с ним на «ты», здорово. Хотя Андрей чувствовал, что это скорее всего свидетельство ее пренебрежения его персоной.

– А теперь расскажи мне про твое чудо-юдо, – попросила Вера.

Андрей говорил и говорил, хотя понимал, что этого делать не стоит. Что нельзя раскрывать постороннему то, что не слишком ясно самому себе.

– ...Это, без преувеличения, новый уровень нанотехнологии. Не просто стая наноботов, которые собирают атом за атомом, молекула за молекулой какую-то конструкцию, а затем тихо-мирно выпадают в осадок. Мне удалось собрать техноклетку, затем от одной техноклетки перейти к техноклеточному конгломерату с собственной сигнальной системой и энергетикой. А теперь у меня целая колония техноклеток. Да что там колония, это без пяти минут организм, способный расти, размножаться, приспосабливаться, саморазвиваться. А сейчас я учу мыслить этот почти-организм, мы идем от тупого перебора вариантов к стратегии.

– Ты про эту грязь в тарелке? – уточнила Вера. Андрей подумал, что ее речь явно недотягивает до тайны, которая есть в ее глазах, в линиях ее тела…

– Вот именно, я хочу, чтобы эта «грязь в тарелке» не была нам чужой, чтобы она могла общаться с нами. Уверен, что она уже чувствует нас, а скоро будет понимать нас.

– А кто ты по образованию? – Вера провела пальчиком по рубашке Андрея, да так, что его внутренние органы моментально встали по стойке «смирно».

– Я. – Он замялся, вспоминая. Но вспоминались почему-то только уроки в кружке бальных танцев. Называть в качестве alma mater институт пищевой промышленности было совсем не в жилу. Тема диссертации вообще не могла быть произнесена вслух в присутствии молодой интересной особы. – Я по образованию никто. Немного программист, чуток писатель, может быть, еще художник. Вон, смотри, там на стене анимэ-картина: «Лаокоон с сыновьями избавляется от компьютерных червей». Это я нарисовал микросхемной краской.

Девушка мазнула взглядом вежливости по отчаянно сражающемуся семейству Лаокоона.

– Я-то думала, что это схема городской канализации… Но ты не математик, правда? Тебе определенно нужен математик, парень с головой, набитой цифирками.

Не дожидаясь ответа, Вера уже названивала куда-то, только не крутя скрипучий диск засаленного черного телефона, а пощелкивая пальцами через боди-коннектор. Это несколько покоробило Андрея. Не прошло и получаса, а она уже распоряжается…

Вера прошлась и вдоль пыльных полок его книжного шкафа.

– По части книжек ты – супермен. Слушай, а сколько их надо, чтобы считаться крутым в твоей тусовке?

– Я чай сделаю, – отозвался невпопад Андрей. – У меня даже пирожные есть, почти свежие.

– Извини, я никогда не пью в гостях. Можно таких живчиков наглотаться. Ну, понимаешь, я про ботов…

От отсутствия общих тем стало немного неловко, но тут грохотнул древний дверной звонок и из коридора в комнату прорвался зычный голос Марины Аслановны.

– Чего не открываешь, Андрюха? Кто ты таков, чтобы хвост задирать? Штаны на тебе и то из магазина секонд-хенд при городском морге. Голубь ты мой дигитальный, надо меньше щелкать клювом.

Позорит, засранка. А на пороге коммунальной квартиры стоит представительный мужчина. В его глазах светится

надменность превосходящего разума. Стильный мужик. Кончики его волос подмигивают, благодаря фотонике, и парфюмерии дорогой на него вылито немерено, афродизиаки для баб и все такое. За ухом – разъем для нейрокарты, так вроде принято у программеров. Подчеркнуто заметный, как татуировка, боди-коннектор на кистях рук. Фраерский шарфик на шее. На шарфике насекомое под бронзу, египетский скарабей. Шевелится, чертяка-робоинсект.

Еще этот мужик был похож своими нахальными рыжими усами на капрала какой-то давно позабытой королевской армии. А белобрысая патлатая девка рядом с ним – на маркитантку нестрогих нравов.

– Вот это я – Боря. Анатомически говоря, мужчина средних лет, предрасположенный к апоплексическому удару и геморроидальным шишкам, – представился «капрал». – И тем не менее не бойся меня. Я не из агентства по перепродаже недвижимости. Блондинка со мной пришла. Верь не верь, но Леночка вовсе не из бюро добрых сексуальных услуг. Она – натуральный кандидат каких-то там наук. А гражданка-то Лозинская далеко? Не растворил ее случаем в кислых щах?

– Еще нет. Вы проходите. – Андрей несколько несобранно махнул рукой.

– И пройду. Ведь мы сюда не приторчать пришли, а ради познакомиться с непризнанным гением... – Боря решительно шагнул вперед и едва не поскользнулся на лужице, которую по обычаю предков оставила киска Мурка. Марина Аслановна отчаянно бросилась на защиту «бедного животного», которому представительный гость отвесил хорошего пинка. Но прежде чем киска укрылась на ложбинке между увесистых грудей «мамочки», гость еще раз прилично угостил «подлую тварь» по заду. Похоже, это сломало не знавшую доселе поражений соседку и она с выражением страдания на лице укрылась в своей комнате.

Хотя новоявленный Борис обменялся с Верой лишь мимолетными взглядами, Андрей сразу подумал, что их связывает что-то серьезное. А вот Лена скорее всего лишь прокладка между ними. Хотя это серьезное – вряд ли любовь. Скорее – деньги. Или что-то еще...

– И где твоя чудесная тарелка, гений? – Гость Борис, не сбиваясь с курса, уверенно подошел к столу. И заиграл всей своей размашистой пятерней на виртуальной клавиатуре компьютера.

– Позвольте, я вам объясню.

– Сам разберусь, не дурак покамест. Дай-ка лучше спецификацию программного интерфейса, – сказал в лоб Боря. – Да ты не бойся, я именно тот, кто схватывает на скаку.

Он не глядя протянул визитную чип-карту.

«Борис Дворкин. НАСА, российский филиал. Марсианский проект».

– А я Андрей Грамматиков.

– Не врешь? «Материалы с нужными свойствами, молекулярные машины с программируемыми функциями, все это хорошо только для корпораций. Потому что можно включить бешеную стоимость разработки в товары, которые раньше стоили копейки. Но нам, людям, нужна техножизнь, чтобы спастись от одиночества». Ну как, тебе приятно? Знаешь небось, кого я цитирую?

– Знаю, меня. – Андрей прочитал ехидство в глазах собеседника и ему опять стало не по себе. Гость явно не мучился со своим мозгом как Грамматиков, не блуждал в темных закоулках серого вещества в поисках смысла. Мозг господина Дворкина был как армия дисциплинированных солдат, которая всегда наготове и способна нанести массированный удар на любом участке фронта.

– Так уж получается, господин Грамматиков, что я запоминаю наиболее глупые фразы. Не нам это нужно. Нам и так сгодится, потому что мы работаем в корпорациях. Какое уж там одиночество? Корпорации – это такие большие дружные стаи прожорливых кровососущих насекомых. А знаешь, какие у нас корпоративные вечеринки с длинноногими секретаршами, истинными кудесницами в своем деле? Их клонировали специально для высоких стульев около стойки бара, ну и чтобы нам не было одиноко в джакузи. Нет, техножизнь нужна только тебе, заплутавшему псу-рыцарю.

– А в конце, когда кудесницы будут общаться уже не с вами?

– Вот об этом я только сейчас подумал. – Ехидство словно смыло из глаз Бориса. – В конце какой-нибудь довольно приличный дом престарелых. Правда, из друзей и близких остались только рекламные чат-боты. Одна трубка закачивает сладкую кашицу мне в рот, другая трубка откачивает несладкую кашицу из попы. И вот последний дрыг ногами. Меня еще катят в морг, а уборщица торопится собрать оставшиеся от меня никчемные безделушки в большой красивый мешок для мусора. Работники крематория, кстати, любят палить трупы давно забытых людей. Процедура прощания сведена к минимуму, гроб делается из картона и можно в сэкономленное время выпить чашечку кофе.

3

Через несколько секунд гость снова вошел в нормальный рабочий режим.

– Да, мы умеем контролировать материю на уровне молекул. Мастерить сверхпрочные нанотрубки для лифта на орбиту, боевые экзоскелеты, не толще сосисочной упаковки, чтобы солдаты бесстрашно прыгали в огонь и в воду, абсолютный клей, чтобы вражеские танки не проехали мимо героев-панфиловцев и навсегда прилипли в виде памятников, сияющие диамантоидные пленки, чтобы надувать небоскребы, тошнотворно питательную синтетическую колбасу для социально слабых. Да, конечно, наши медботы – мастера делать генные припарки для увеличения размеров бюста или выпуклости ягодиц. Но в жизни, к примеру, этой коммуналки практически ничего не изменилось за последние двадцать лет...

За разговором Борис Дворкин просматривал спецификацию программного интерфейса, причем с такой скоростью, что Грамматиков не успевал даже заметить номер страницы.

– А знаешь, барон, почему ничего не изменилось? Твои соседи не желают вертеться, зарабатывать, листать с придыханием модные журналы. Не хотят платить за нанотехнические чудеса. Возможно, у твоих соседей и так бюст большой, а ягодицы выпуклее некуда. Или они предпочитают вечные поллитровые ценности сиюминутным прибамбасам. Наверное, они думают: а на хрена нам эти наносборщики материальных объектов? Ведь из говна получается говно, хоть переставь ты там все молекулы. Но в любом случае за шиш и получишь шиш, по крайней мере в экономике, ориентированной на выколачивание прибыли из ближнего своего... Кстати, Леночка, а как ты смотришь на эту функцию?

И Лена, которая, казалось бы, умеет только визгливо хихикать, вдруг начинала править в графическом редакторе «фазовый портрет» всей технобиологической системы.

А Боря, сам не переставая работать, продолжал общаться в «фоновом режиме»:

– Но ты, барон, насколько я понял, выбрал третий путь и вознамерился изменить весь мир в нужную тебе лично сторону?

– Да с чего вы взяли, Дворкин? – наконец возмутился Андрей.

– Так, приснилось. Но ты же не хочешь, чтобы при звуках твоей фамилии девушки переспрашивали: «Чаво-чаво?» А теперь подсядь ближе. Тебе не кажется, что твоя техножизнь готова к еще одному качественному скачку?

Борис Дворкин действовал лучше всякого стимулятора. Он вытащил из кармана и всунул в компьютерную стойку плоский спинтронный сервер с лейблом «Наномайнд» – это ж аппаратура,

специально предназначенная для операций с наноразмерностями!

– Считай, Андрей, что ты теперь пересел из телеги в «мерседес». Но, пожалуй, ты и сам нуждаешься в усовершенствовании. Вера, давай-ка, займись товарищем.

Сжав пальцы Андрея своими нежными и неожиданно сильными пальцами (еще немного надави и будет больно), она, игриво поведя глазками, куснула его указательный… У укушенного аж заиндевело все внутри… никаких ботов она не боится, неправду сказала, просто не хотела его чай пить…

Вера провела чем-то похожим на губную помаду по подушечкам всех его пальцев.

Грамматиков посмотрел на свои усовершенствованные руки, в которых теперь лежали виртуальные атомы, имеющие размер с крупное куриное яйцо и соединенные паутинками взаимодействий. А еще молекулы, похожие на гроздья винограда. Он отлично чувствовал характеристики химических и вандерваальсовых связей через дрожание, тряску и прочие вибрации. Надо ж, как быстро сформировался боди-коннектор на подушечках его пальцев.

– Ну, так удобнее? – нарочито заботливым голосом поинтересовался Борис Дворкин. – И что самое приятное, фирма угощает, так что завтра не придет счет за услуги на пару сотен баксов.

Через пару часов совместной работы Андрей понял, что «прошел в дамки».

«Жирные пятна» в тарелке превратились в студенек, напоминающий по форме медузу. Студенек тянулся к органике, свету и теплу.

– Теперь эта технотварь действительно тебя чувствует, а возможно, даже и думает о тебе. Что-нибудь хорошее думает, ты же для нее папа Карло. Ах, тятя, тятенька. – Дворкин покрутил рыжий кавалерийский ус, как бы в задумчивости. – Но представляю, какие у нее планы на человечество, учитывая ее зверский аппетит. А особенно прожорливой она станет, когда начнет размножаться. Ну, это мы к восьмому марта доделаем. Преподнесешь цветы техножизни в подарок Верке. Точно?

На какое-то время Грамматиков перестал слышать Дворкина. В его цифровых пальцах сейчас дрожали уже не просто шарики углерода и водорода. Его руки как будто касались Бездны, которую заполняла молчаливая сила. Бездна своей безмерной властью сама ограничивала себя, иначе бы ничего не было, кроме нее. На ее границе недолговременной рябью возникало сущее. Материя, пространство, время, движение, жизнь, мысль – не более, чем легкое волнение этого океана вечности. Каждая

частица материи – лишь тоненький ручеек энергии, проходящий через крохотный затвор на границе Бездны. Чуть побольше откроешь затвор – и энергия затопит наш тусклый пленочный мир, сожжет его к едрене фене.

Виртуальное окно стало таким пронзительно емким, будто на границе зрительных и осязательных центров мозга сформировались тайные нейроинтерфейсы, способные превращать прикосновения Бездны в возбуждения нервных клеток.

– Эй, барон, ты в порядке? У тебя сейчас взгляд, как у Николая Угодника. – Дворкин помахал ладонью перед лицом Грамматикова.

Бездна отодвинулась. В уши проник бубнеж настенного телевизора из комнаты Стасика. Грамматиков почувствовал смертельную усталость. Ему уже ничего не хотелось, даже спать.

– Как вы думаете, Борис, война-то будет?

– Не будет, так что героем России тебе не стать. Наше начальство струхнет и подпишет рижскую бумажку, акции вернет да еще неустойку заплатит нефтяным вождям. Может, еще прикроет пару крупных русских заводов, чтобы не создавали конкуренцию забугорным брендам. Куда начальству деваться, если оно привыкло отовариваться в токийских бутиках и покрывать свое рыхлое тело золотистым загаром на Таити?

– Но про двенадцать мирных трупов в таймырских чумах – это ж брех.

– Я тебе дам, брех. Правозащитники из «Дудаев Мемориал» во главе с бесстрашной Лерой Найдорф честно напоили суррогатным спиртом бедных оленеводов, которые всегда рады оттянуться за чужой счет... Однако ж и прогрессивную мировую общественность надо было чем-то воодушевить, согласись? А мировую прогрессивную общественность на мякине не проведешь. Она привыкла к крутым зрелищам – порно пополам с экшн. Когти вервольфа, с которых свисают вырванные кишки и другие половые органы. Обагренные кровью зубы людоеда, непременно с жутким кариесом и дуплами. И все – крупным планом, в полный рост. Император Нерон по сравнению с нынешними затейниками – бледный забитый мальчик. Вот и крутят бибисишники по телику синюшные трупы оленеводов, павших жертвой «русских зверств»: глаза выпучены, языки высунуты, блевотня на малицах... Но вообще, надо признаться, мы заслуживаем хорошей взбучки за то, что тысячу лет ссымся в собственных подъездах. А на Западе тем временем мужчины даже забыли, что такое мочиться стоя. Только сидя, а потом непременно пожалуйте на биде.

Спорить не хотелось. Даже фразы не склеивались.

– Но, Борис, подъезды подъездами, а Сибирь-то… освоили наши… казаки всякие, Ермак Тимофеевич, и так далее, новгородские ушкуйники еще в четырнадцатом веке там промышляли, московские воеводы в конце пятнадцатого походы туда совершали, комсомольцы и зеки в двадцатом веке там нефть и минералы начали добывать.

– И где теперь казаки и зеки с Чудаком Тимофеевичем во главе? Вот и ты в одном популярном месте сидишь. Не надоело? Да забудь ты все это. Нам плевать, будет война или не будет война. Победят ли борцы за «свободу личности» с сильно истрепанным анальным отверстием или фаллически-несгибаемые борцы за «свободу родины». Те, кто писает сидя, или те, кто писает стоя. Врут и те, и другие. Свобода – это ведь что?

– Свобода – это когда…

– Задумался, барон? Сегодня свобода – это когда из тебя кто-то сосет кровь, мозги и деньги, а ты смотришь телик, дуешь пиво и доволен. Но завтра придет настоящая свобода. Это когда у тебя есть сила и ты знаешь, как ее употребить. Завтра, барон, весь мир станет другим, из плоского превратится в объемный, глубокий, и всем хватит места в Бездне. Согласись, что я озвучиваю в общем-то твои собственные мысли.

Из окна проник какой-то странный свет, который бы во времена бабушки-баронессы назвали бы неземным.

Грамматиков подошел к окну, тут Вера своими пальцами (какими же дуалистически нежно-сильными они могут быть) взяла его за руку, они выглянули наружу и…

У Андрея так захватило дух, что даже затошнило. Ниже ничего не было. Только гряда облаков. Выше – напряженно синее небо. По бокам… Фрагмент дома был вделан в парящую скалу, которая больше всего походила на гигантский алмаз. Но этот алмаз был легче воздуха, наверное, «скала» была склеена из диамантоидной пленки и накачана гелием.

Облака внизу разошлись, образовав обширный проем. По блесткам воды и очертаниям берега Андрей понял, что внизу Петербург.

Вернее, внизу должен быть Петербург.

Но там Андрей видит стволы, ветви и пневматофоры громадных техноорганизмов, которые поглощают дома, улицы, каналы… Город гибнет на его глазах! Город, переживший блокаду!

Грамматиков стал медленно сползать на пол… и тут раздался хоровой здоровый смех Бориса, Лены и Веры, переходящий в откровенное ржание.

– Розыгрыш, прикол! Вы обкакались на глазах у всего

честного народа. Эй, бабуля за стенкой, принеси тазик для чистосердечного блевания...

«Гибнущий Питер» – это всего лишь виртуальные картинки, переданные Верой через боди-коннектор. Дешево и смешно.

4

В три часа ночи Борис и Лена легли на матрас под столом и, против ожидания, сразу затихли. Вера и Андрей остались на исхоженном клопами диване. Это еще меньше укладывалось в его голове, чем бурный рост колонии техноклеток. Теперь у него столько друзей... Полночи он смотрел на лицо Веры. Лунный свет лился по блестящим волосам на ее щеку, превращая плоть в живое серебро. Живое серебро втекало в расширенные зрачки Грамматикова, скользило по маслянистой миелиновой оболочке его нейронов, насыщало его мозг сладковатым шепотом, отдаваясь в горле и груди нежными вихрями.

Лишь под утро он заснул. Разбудил его рекламный пузырь, пожаловавший через слегка приоткрытую форточку. Пузырь повис над головой и зашептал, разгоняя сон: «Дорогой господин... господин Грамматиков, вы слышите меня, Андрей Андреевич? Вы несчастливы? Вы сексуально не удовлетворены? Мы беремся сделать вас счастливым. Геночип фирмы „Кама-с-утра“ позволит вам вырастить новый полностью функциональный пенис на спине».

Вот дьявол, пузырь считал имя, отчество и фамилию потенциального покупателя с радиометки, прилепленной к окну метким выстрелом рекламного снайпера. Вон, клякса виднеется чуть выше подоконника...

Грамматиков на ощупь подхватил с тумбочки толстый журнал и метким броском уничтожил нарушителя утреннего спокойствия. Потом вспомнил, что творилось в его квартире вечером и ночью.

Было довольно рано, но новые друзья уже исчезли. И даже записки от них не осталось.

Какой-то запах внезапно атаковал его нос, вернее, отсутствие запаха. Он потянул воздух и понял, что Стасик пахнет иначе, чем вчера. И Марина Аслановна не храпит, не втягивает кубометры воздуха и не выдает их обратно, обогатив углекислым газом.

Комнату Андрея и комнату грозной соседки разделяла стена, которая в значительной степени состояла из двери, заколоченной и обклеенной газетами еще сто лет назад, в 1917 году.

Дорожка из чего-то липкого тянулась от тарелки по столу,

свисала на пол, дальше пролегала по истоптанному паркету – и прямиком под дверь...

Однажды Андрей побывал у Марины Аслановны в комнате. На Новый год, когда было совсем одиноко и хотелось чего-то вкусненького, непохожего на осточертевшие мамины супчики... Насилу вырвался только вечером следующего дня. Да и «вкусненькое» оказалось кошмарно переперченным. У Марины Аслановны не было папы. Если точнее, папа Марины был неизвестным боевиком с усиленной на генетическом уровне гормональной активностью. О папе Аслане известно только то, что он испортил Маринину маму и оставил под матрацем горсть патронов и кинжал со следами крови. Отсюда ясно, отчего Марина Аслановна такая агрессивная...

Андрей вышел в коридор и, прокашлявшись, постучал в дверь соседки. Никакого отклика, никакого ворчания или вопля. Он постучал снова и, набравшись духа, распахнул дверь.

Женщина лежала на кровати и у нее не хватало... скелета. А также прежнего объема. Марина Аслановна съежилась в три раза, она была маленькая, твердая и напоминала чебурашку. Может быть, потому, что уши уменьшились в куда меньшей пропорции, чем остальные части тела.

– Они вернут, – сказал Стасик. – Вернут, блин, и кости, и воду. Когда обстановка позволит. Эти медузы – честные. Пугаться тут нечего, воды кругом сколько хочешь. Маринкины клетки законсервированы глютаральдегидом, а их жижа замещена метапропилен гликолем.

Андрей обернулся на голос, и хорошо, что его вытошнило сразу.

Спереди Стасик был прозрачным. Хуже всего выглядели подвижные каловые массы в нижней части кишечника. Череп, как хрустальная ваза. И мозги, словно светящееся фруктовое мороженое. От мутных глаз, напоминающих несвежие ягоды, уходят к затылку тонко мерцающие красные ниточки. Что-то в мозгах ползало, черви, что ли. Это будет почище движущегося дерьма. Ой, снова блевать тянет...

– Представляешь, Андрюха, а меня они каким-то глицерином накачали, каждую, блин, клеточку. Вот дурью маются. Я вначале не хотел, но они объяснили, что это почти спирт, и я согласился. Понимаешь, они хоть и медузки, но могут все объяснить. Без всякого му-му...

Немножко полегчало. Андрей опустился на стул, а потом взвился как ракета. Да что же он тут сидит? Надо что-то делать. Надо останавливать кошмар.

Телефон в его комнате из засаленного стал глянцевым. И это плюс. Минус, что связи не было. Ни с милицией, ни с ФСБ, ни с депутатом не соединишься, вообще ни с кем.

Ладно, тогда надо съездить туда... Лихорадочно проведенная финансовая проверка показала, что у него нет даже мелочи на билет, чтобы добраться до приемной ФСБ на Литейном. Хорошо, пусть пешком, главное, не стоять и не ждать у моря дурной погоды.

Андрей бросился в прихожую. Оценил свой вид в мутном зеркале. Нет, сперва в ванную, хоть лицо ополоснуть, а то ведь за бомжа примут.

В ванной комнате оказалось очень душно. Как помоешься, при плохой вентиляции, всегда так. Но здесь со вчерашнего дня никто не мылся. И вряд ли еще кто-то помоется в ближайшее время. Ванна была занята. Наполнена до краев бесформенным существом, техноорганизмом, который и выделял тепло. В его сочной волокнистой мякоти преобладали серые и розовые оттенки. Помимо мякоти просматривался каркас из кальциевых спикул.

От спикулы к спикуле тянутся ниточки, не иначе как информационные линии. Кое-где ниточки свиты в узелки. Было заметно и что-то похожее на чашечки – наверное, органы размножения, гонофоры...

Андрей инстинктивно попятился, инстинктивно заозирался в поисках какого-нибудь оружия, но ничего не увидел, кроме бритвенного станка, которым Марина борется с волосами под мышками. Поскользнулся, чуть не упал.

Только сейчас он заметил, что из его комнаты в ванную проложена слизневая дорожка, не иначе как здесь прополз техноорганизм. Настоящая тропа войны. И теперь технорг, не останавливаясь на достигнутом, бодро лезет по трубам наверх, насыщаясь солями железа и явно нацеливаясь на следующий этаж.

У Андрея между сердцем и желудком образовалась черная дыра, когда он почувствовал какую-то липкую дрянь на своих ладонях... Так, подышать одной ноздрей, потом другой. Это всего лишь пот. Не дрейфить. Теперь легкая медитация, «я на пляже», ласковые волны омывают мое тело, проникают в рот, в нос... Тьфу, опять не то. Надо просто сосредоточиться.

Закон сохранения вещества еще никто не отменял! Даже если технорг употребил кости Марины Аслановны, этого явно недостаточно. Ой, мама, на крючке висят джинсы!

Андрей пошатнулся, почувствовав вату в коленях.

В таких, кажется, пришла Лена. Лена, а не Вера, и то хорошо. Классные джинсы, простроченные нанотрубками и нитекомпьютерами, которые способны менять степень обтягивания заднего места...

Так что, переться в ближайшее отделение милиции? Там могут не понять и немножечко того: посадить в обезьянник или подключить через громоздкий нейроинтерфейс, напоминающий фашистскую каску, к главному компьютеру МВД для выявления преступных наклонностей, присущих участнику нанохакерской группировки.

А пока доберешься до приемной ФСБ, во всем доме случится много непоправимого и необратимого. Необратимого.

Андрей вернулся в комнату.

Теперь ему показалось, что глянцевый оттенок приобрело все. И мебель, и обои, и фотография прабабушки.

Андрей с тоской потянул воздух. Голова просто опухла. Такого отупения он еще никогда не знал. Пирожок, не доеденный вчера Борисом, шепнул: «Это я, твой друг Ньям-Ньям. Съешь меня наконец. В случае непроходимости твоего кишечника ты можешь заказать у нашей фирмы капельницу с глюкозой». В пирожок встроен простой микрокомпьютер на белках и сахарах, но прозвучало это зловеще.

Компьютер, компьютер. Грамматиков, стараясь не смотреть по сторонам, бросился к своему компьютеру.

Если что-то еще можно спасти, то только с помощью верного «Секстиума».

Теория неравновесных процессов – вот тема, на которой собаку съела ныне несуществующая Лена и, возможно, еще существующий Борис.

Сам Грамматиков пользовался готовым пакетом фрактальной алгебры, Лена же подгоняла области начальных и граничных состояний технобиологической системы под конечное устойчивое состояние, «вручную» изменяя алгоритм развития.

Нелинейные процессы в многомерном пространстве и «ручная» правка алгоритма!

Хватит удивляться, надо посмотреть, а что с конечным состоянием, с аттрактором.

Андрей заколотил своими цифровыми пальцами по бесплотным клавишам виртуальной клавиатуры и вскоре почувствовал, как пот спускается по его спине, шагая тысячами мелких клейких лапок...

Эта сука Лена влезла в святая святых. Она задала его техножизни новый вектор эволюции. К устойчивому состоянию

очень малой вероятности. К конечному состоянию полностью открытой системы, которая черпает энергию из любых доступных источников для преодоления энтропии...

По счастью, эта траектория необратима только в математической модели.

Мы сотрем Ленин аттрактор, восстановим прежние начальные условия, после чего начнется обычная работа программиста средней руки. Вызывать интерфейсы всех классов системы и задавать новые параметры функциям.

Через полчаса работа была кончена. Андрей убрал бледной рукой мокрые волосы с посеревшего лба, словно пианист в конце концерта. Обои потеряли глянец, мякоть в ванной стала подсыхать, из нее показались иглы и увядшие почки. Технорг уже не полз на верхний этаж, он намертво приклеился к трубам, превратившись в обычную грязь.

6

И только сейчас, когда Андрей сделал все, зависящее от него, и остановил кошмар, его поглотила настоящая тоска. Самое главное, что ему уже не спастись. В результате экспериментов погибли Марина Аслановна и Лена. Стасик явно тоже не жилец. Да и что с Константином Петровичем, чья комната в коммуналке самая последняя?

Если даже адвокату удастся доказать, что эти преступления непредумышленные, из тюрьмы выйду только лет через десять, не ранее. Если вообще выйду. Что в тюрьмах-то творится, воры и авторитеты используют простых зеков как ресурсы стволовых клеток и органов...

Все мысли так или иначе сводились к Вере. Из-за нее тут появился Борис. Все элементарно с точки зрения засады. «Мальчик», разменявший четвертый десяток, с готовностью ловится на приманку в виде бабенки, такой тонкой, такой благоуханной (а ведь он ее даже и не попробовал трахнуть), а потом появляется черт, чтобы использовать его изобретение ради своих разрушительных забав. Остается, правда, один вопрос: откуда Вера и Борис узнали о существовании Андрея Грамматикова? Опусы, вывешенные в Сети, вряд ли должны обратить внимание серьезных людей. В Сети гигабайты и гигабайты подобных измышлизмов...

Единственный человек, который мог догадаться о его работе, был Вовка из Крупы. Но если Вовка попался и сдал всю свою клиентуру, то сюда бы приехали менты, а не Вера с Борисом.

Так, может, Вовка – часть приманки? Продавая нанокристаллы за цену бутылки портвейна, он выполнял чье-то задание... Допустим, некая лаборатория хотела произвести испытания на стороне...

А я-то думал, что сам по себе такой гений. Наверняка нанокристаллы обладают такими способностями к самоорганизации, о которых я даже и не догадывался.

Его использовали для эксперимента, и ему теперь за все отдуваться. Менты, особо не копаясь, отправят его в тюрьму, где ему тут же придется скончаться от кровавого поноса, ведь он привык к маминой кухне... Боже. Насколько дураки были предки, но он перещеголял даже их.

Если бы можно было найти Вовку. Но этот типчик появляется только после дождичка в четверг. Именно только в пасмурные дождливые дни... Борис... Борис, он же оставлял визитную чип-карту. НАСА, марсианский проект, все как будто солидно. На чип-карте должна быть персональная информация... Но где же эта чертова карта? Вроде оставлял ее на столе. Но сейчас там только засохшая дрянь...

7

В комнате раздалось шипение. Это вползла Марина Аслановна, волоча груди по полу. Какая-то часть костей и половина прежнего объема вернулась к ней, так что она напоминала сказочную змеедеву.

– Велено доложить, гости к вам, – не слишком приятным, но подобострастным голосом сказала змеевидная соседка.

Через распластанную соседку переступила длинными ногами Вера и встала у шкафа, эффектно задрав подбородок.

– Я просила эту дамочку подождать, но она не согласилась, – зашипела снизу Марина.

– Милый мой, – протяжно начала Вера, как будто внутри ее полоскалось добрых пол-литра шампанского.

Несмотря на следующую серию ужасов в виде змеедевы, Грамматиков был счастлив. Вера жива!

– Но что с Леной?

– Бог с ней, с Леной, – кратко ответила Вера. – Наверное, торчит сейчас в казино, рассчитывая на будущие Борины доходы.

– А где Боря, мне надо срочно связаться с ним? – зачастил Грамматиков. – Ты же видишь все это. Стасик, Марина, они теперь монстры и вообще творится невесть что. Борис, твой Борис, поставил эксперимент на всех, кто живет в этой квартире.

– Андрюша, какой ты в сущности еще ребенок. Или олигофрен. Борис не мой. Это ты – мой. А на Дворкина мне плевать…

Вера Лозинская заскользила между рук Грамматикова, наглядно демонстрируя преимущества непосредственного телесного контакта перед абстрактным общением с наукой.

– Позвольте удалиться, – смущенно сказала Марина и неуклюже, словно перекормленная мамба, выползла из комнаты.

Прямо из стены над шкафом выросла нанопластиковая [1] ветка, на ней набухли яблоко, апельсин и презерватив. Это, наверное, Боря сюрприз оставил…

Да, с Веры все и началось. С ее звонка.

Но от ее волос такой аромат. Луч солнца, мастерски проникая сквозь форточку, играет на ее ресницах. И тонет в черных зрачках. Ее тело как пружина, раз и хлестнет, собьет с ног. Да он и не хочет стоять на ногах… Но она как будто призывает совершить предательство. А он никогда никого не предавал…

– Коды активации, – сказала она.

Раскрылись затворы и струйки почти невидимого властного света потянулись из Бездны… Уже во второй раз! Значит, не переутомление виновато. Это – новое виртуальное окно, которое открывается тайными интерфейсами, непонятно как угнездившимися в его нервной ткани!

Других рациональных объяснений нет, хоть сойди с ума.

Струйки проходили сквозь Верино тело, к своей пронзительности добавляя ее сладость, фокусировались, а затем начинали опутывать его мозг, его мускулы, свиваясь в сеть… О чем она только что говорила?

– Какие коды?

– В программной спецификации на твою техножизнь имеется закрытый раздел, касающийся подсистемы полового размножения, – промурлыкала она, продолжая пританцовывать между его рук. – Меня не обманешь, коды доступа к половой подсистеме находятся лишь в твоей умной красивой голове… Ты просто вспоминай, милый, и коды будут передаваться мне через боди-коннектор.

– Но почему сейчас? – несколько растерялся «милый».

– Потому что скоро восьмое марта. Женский праздник. День любви, цветов и полового размножения техноорганизмов. Можешь ты мне подарить эти коды?

Ее ножка наступила на носок его распластанного и рваного домашнего тапка, давно просящего каши, а коленка потерлась об его ногу, облаченную в пузыристый дедовский треник. По позвоночнику Грамматикова потекла расслабляющая сладость.

Вера становилась объектом его веры...

Но все же что-то не то. Старорежимное «Восьмое марта» – не тот праздник, который может быть интересен продвинутой Вере. Давно прошли те времена, когда молодой кандидат наук имел, помимо баронского носа, еще неплохую зарплату и был по-своему обаятелен для студенток-аспиранток. Уход в интеллектуальное подполье сделал Грамматикова непривлекательным для увлекательных женщин. Беспорядочные научные изыскания вызвали в нем необратимые изменения. Внешний вид стал неухоженным, карманы пустыми, взгляд отрешенным, мышление отвлеченным – а это именно то, что отвращает симпатичных дамочек. По опыту последних лет Грамматиков твердо знал, что, когда он предлагает себя женщинам, они смеются. А когда женщины предлагают ему себя, то случаются неприятности. Убежденная коммунистка по имени Владилена Ильинична потом его в партком своей партии таскала, там вышестоящие товарищи убеждали Грамматикова жениться, разъясняя при помощи наглядной агитации высокие моральные качества невест, придерживающихся социалистической ориентации. А соседка Марина Аслановна ему просто жизнь отравила, чуть до самоубийства не довела. Даже грозила кастрировать папашиным кинжалом, а потом спрятать клинок с потеками свежей резус-отрицательной крови в лесном схроне.

– Конечно, могу, Вера.

Коды активации – это всего лишь картинки, которые он должен нарисовать в своей голове...

Или все-таки не могу?

Слишком она торопится...

Андрей сделал шаг от удивленной Веры, сладкая светоносная сеть напряглась, и он увидел в виртуальном окне, как из-под ее ногтей поползли синие мономолекулярные змейки. Их там много, настоящий гадючник. Извиваются, крутятся между ее рук. Спецэффекты, как в кино... А вдруг они настоящие, не нарисованные, и виртуальное окно просто сделало их видимыми?

Грамматиков неловко повернулся, рванулся, разрывая сладкую сеть, которую сплела горгона Вера, бросился к открытой двери. Быстрее, быстрее, теперь вильнуть в сторону – летучая змейка пронеслась около его уха и воткнулась в фотографию прабабушки. Назад дороги уже нет. Другая синяя змейка пересекла его путь – надо перепрыгнуть или она рассечет все мягкие ткани, могут и яйца улететь...

Окрыленный ужасом Грамматиков взвился в воздух, кое-как удержался на ногах после приземления, уже в коридоре перескочил через натужно ползущую Марину Аслановну,

отшвырнул полупрозрачного Стасика, в котором бултыхнулись моча и пиво... Наружная дверь квартиры была на одной старинной щеколде...

8

Он сразу соскочил на пролет вниз и тут же услышал. Снизу идут. Тяжело, вбивая массивные ноги в каменные ступени. Хорошо, что в доме с 1917 года не работает лифт...

Остается только путь наверх. На чердак. Там можно перескочить на соседнюю лестницу. Он так делал не раз, в детстве.

Андрей взлетел вверх на два пролета. Вот заветная дверца с огромным ржавым замком. Замок тут для видимости, он еще двадцать лет назад настолько проржавел, что спокойно открывался и закрывался пальцами...

Пятнадцать лет назад отец врезал дуба именно на этом месте. Почему он потащился на чердак, вместо того, чтобы позвонить в свою квартиру? Разыграл последний акт благородства, не захотел подыхать на глазах у своего болвана-сына? Или хотел доказать своей героической милиционерше-жене, что он не чемодан с соплями?

Тяжелые шаги приближались. Андрей ощутил то распирающее сочетание ужаса и бесстрашия, какое бывает только в детских снах. Отбросил замок и вошел внутрь...

Отчаянно заскрипели половицы, поверх них кружилась поземка из пыли. Фу-ты, там и сям в полу провалы. Кое-где остались лишь балки перекрытий, да и они не выглядят надежными. Со стропил, поддерживаемых покосившимися столбами, летит потревоженный пух и прах, копившийся тут десятилетиями. Из всех лампочек фурычит только одна, ближайшая, да и она, похоже, только усиливает сумрак.

Андрей сделал шаг и пол тревожно чмокнул под ногами. Потом пошел, напряженно вслушиваясь в стоны потревоженной древесной гнили. Впереди что-то хрустнуло, значит, надо взять левее.

Странные звуки донеслись сверху. Как будто кто-то шляется прямо по кровле. Ну, кто там может ходить? Отец Гамлета, брат Гамлета, сват Гамлета. Или, быть может, полтергейст моего папаши? Тьфу, отступись мысленная зараза...

И вообще то, с ним происходит с утра, – это просто набор детских кошмаров. Грамматикову даже стало на секунду обидно. Почему детских-то? Ему ж тридцать три. Может, потому что он –

инфантил. Мамаша ему сопли вытирает и пирожками подкармливает, пока он заглядывает в грядущее.

Стоп, не думать. Сверху что-то громыхнуло, сейчас ринется вниз. Вот здесь деревяшка на одном гвозде, еле держится. Уже двадцать лет еле-еле... То, что было наверху, уже рядом с ним... Грамматиков сорвал деревяшку и, почти не глядя, махнул в сторону сгустившегося засопевшего мрака. Потом обернулся. Рядом никого не было. Прямо наваждение какое-то. Или, может, шизофрения? В прессе писали про случаи техногенной шизофрении, вызванной неумеренным потреблением стимботов...

И вдруг до него дошло. Есть же спички, самые обычные спички, которые он всегда кладет в задний карман треников – чтобы долго не искать, когда захочется чайку испить.

Зашипела старомодная серная головка и осветила нечто настолько новомодное...

На гнилых половицах лежит голый полупрозрачный труп. Тусклый свет растекается по нему муаровым рисунком. И половицы сквозь него просматриваются, особенно в районе грудной клетки. В основании черепа свет почти полностью поглощается, превращая мозжечок в черную дыру, словно бы всасывающую мозг. Но и там что-то поблескивает, искрит, микроразъемы, что ли... А гвоздь прямо в глазницу вошел.

Труп неожиданно перестал быть трупом. Так неожиданно, что Грамматиков едва не обмочился. Труп дернулся, рывком вытащил из своего глаза гвоздь вместе с деревяшкой. Глазница запузырилась, словно в черепе вскипел жирный бульон. Из нее быстро-быстро поползли червеобразные отростки, которые, шевеля красными головками, начали штопку...

Труп (или уже-не-труп) явно силился встать, Грамматиков беспомощно, как загипнотизированный кролик, наблюдал за этим, не в силах даже разжать пальцы, которых палил огонек спички. Но тут перекрытие треснуло под ожившим полуневидимкой, и он... чиркнув по дереву длинными, словно алмазными ногтями, не удержался и упал вниз...

Грамматиков не успел осознать своим развитым интеллигентным сознанием всей чудовищности совершенного им. Не до этого было. Огонек спички наконец разбудил его и он со стоном разжал пальцы...

Там, около двери, ведущей на соседнюю лестницу, стоит кто-то. Сзади тоже кто-то прячется, кажется, за дальним столбом... Остается последнее: подняться по ближайшему столбу, выбраться на крышу и пройти там до следующего чердака.

Грамматиков нащупал в кармане подушечку с наноклеем и, надорвав ее уголок, побрызгал спереди и позади. Спасите меня,

вандерваальсовые силы! Потом полез по столбу, хватаясь за торчащие гвозди.

Когда Грамматиков уже выбирался сквозь рваную кровлю, снизу послышались вопли. Приклеились голубчики. Еще один рывок, и он на крыше.

9

«Голубчики» ползли за ним следом. В щели между разъехавшихся листов кровельного железа Грамматиков видел преследователей. Их лица были похожи на лица, пока на них не падал свет. Свет падал и проникал дальше. Вместо черепа – ваза, наполненная розоватой гущей, в которой ползают серебристые черви. Грамматиков сказал себе, что это всего лишь нервные волокна, играющие с отражением и преломлением света. «Всего лишь» – это успокаивало. Но эти глаза – васильки на хрустальных стебельках – производили в самом Грамматикове концентрированный ужас, который разъедал мышцы и превращал бицепсы в кисель. «Васильки» поворачивались то туда, то сюда и при каждом повороте становились заметными зрительные нервы, по которым бежали алые всполохи сигналов, чтобы превратиться в легкое сияние задних долей мозга.

– Не приближайтесь, – сказал Андрей Грамматиков, – или я спрыгну, мать вашу, честное слово.

Как-то по-бабьи это звучит. Пообещать спрыгнуть, а потом остаться на месте и предоставить себя насильникам. И зачем это я про «маму». Мама-мамочка...

Грамматиков нащупал в кармане еще одну подушечку с металлорганическим клеем. Время схватывания – три секунды.

Один из преследователей высунулся из щели и солнечный луч заиграл на его внутренностях, как будто облепленных сверкающей паутиной.

Грамматиков раздавил в руках подушечку с наноклеем и увидел в виртуальном окне рельеф из цепких острых атомных головок на своих ладонях.

Прозрачный урод цапнул Грамматикова по щеке, и кровь брызнула на кровлю. Но эту боль Андрей не успел как следует прочувствовать.

Один неловкий шаг, и он заскользил по мокрой кровле. Грамматиков вскочил, неловко дернул руками и сорвался с крыши.

Последнее, что он увидел перед падением, – по его телу расплывался волнами радужный нимб. В виртуальном окне атомы

углерода и водорода выстраивались гексагональными парадными фигурами на его коже.

10

Двое патрульных вышли из машины и подошли к телу, безропотно лежащему около мусорного бака. На лице у лежащего запеклась кровь.

– С крыши, что ли, навернулся? – без особого интереса спросил один из патрульных, тот, что помоложе.

Другой патрульный, тот, что постарше, перевернул тощее тело со спины на живот. Затем приложил щупик биосканера к шее лежащего гражданина.

– Ну, чего там? – поинтересовался напарник. – Дохлый?

– Не совсем, артериальное давление в норме, пульс тоже. Похоже, он не сверху свалился, а просто обдолбался и поцарапался.

– Я бы тоже обдолбался, если б не на службе. Господи, это ж надо, ООН объявила нам войну из-за какого-то жирного нефтяного чмура...

– Ладно, потащили тело.

– Фу, а он не обделался, случаем?

– Всякое бывает. Ладно, фельдшерица попу ему вытрет и заплатки сделает, а утром этому чудаку – в военкомат, будет отдавать долг родине...

– Э, глянь-ка. Что за хрень?

Патрульные, вытянувшись, как на построении, смотрели на запад.

С западной стороны на город словно замахивалась огромная волосатая лапа с шестью быстро растущими когтями.

Серые отсветы легли на бледные лица милиционеров.

– Смерть в маринаде, – совладав с непослушным горлом, сказал тот, что постарше. – Въезжаешь, напарник? Это крылатые ракеты в маскировочном аэрозольном облаке.

Ракетные когти воткнулись в город где-то в Адмиралтейском районе. Из колотых ран на теле Петербурга брызнуло огнем. Разорванные провода и кабели ненадолго взвились к опасному небу и пролили искристую электрическую кровь города. «Как на очень большой дискотеке», – подумал один из патрульных, тот, что помоложе. Утробное гуканье разрывов было смазано изнуряющим душу воем сирен.

Глава 2. После войны

1

– Мало того, что эта, с позволения сказать, баба-демон отметелила нашего часового голыми руками, так она еще и оторвала ему гениталии, – сказал пациент по прозвищу Сержант, отрывая ото лба два гибких медицинских датчика. Он заскрипел пружинами своей койки, доставая заначенный окурок. – Были гениталии-угнеталии, да чик-чирик, укатились, еле в кустах их нашли. Часовой был из моей роты, фрукт вроде Грамматикова, тоже задумчивый. Из танцоров или художников. Этот парень всегда смотрел на меня так, будто я лично мешаю ему танцевать или рисовать... Бойцы, если все не против, я чуток покурю, две-три затяжки. Когда сестра с обходом придет, все уже выветрится, клянусь геморроем.

Палата психиатрической лечебницы для бедных напоминала тесный кубрик торпедного катера. Здесь было семь коек, по двое у каждой стены плюс одна специальная – для психа, обгоревшего на пожаре, – посередине. На койках дисплейчики, мутные из-за жирных пальцев, высвечивают температурный график.

Плесень посрамляла всю санитарно-гигиеническую оборону, ее самовоспроизводящиеся молекулы колдовским образом проникали через кондиционер, вделанный в окно. Особенно плесень была сильна в углах палаты, испещряя их многочисленными кляксами чернильного цвета. Сам кондиционер, украшенный потеками ионообменного фильтра, со старческой натугой вдыхал и выдыхал воздух, насыщая его заметным химическим привкусом. Впрочем, доминантой все равно оставался запах мочи и пота. Одноразовые мочалки-грязеедки не могли компенсировать природную неряшливость больных и нехватку воды. Воды не хватало в кране. Зато за окном хлестал дождь, главное действующее лицо питерской осени.

Дождь стекал бесконечным скучным потоком по лепесткам наружных стен, защищающим город от сконцентрированных в больнице психопатов. Здесь, на окраине, всегда шел дождь, компенсируя искусственно хорошую погоду в городском Сити. Оборонительные стены больницы – единственное, что производило элегантное и современное впечатление – росли сами, потому что состояли из нанопластика, новомодного программируемого материала...

Товарищи по палате простили бы Сержанту не только

курение, но и любое другое прегрешение. Ведь с него просто-таки сбегали заряды бодрости, которые подхватывали и несли всех вперед, к неизбежной победе над супостатом, которому еще недолго осталось веселиться.

Впрочем, до одного из пациентов эти заряды явно не добегали.

Тощий и измятый преждевременными морщинами человек положил на одеяло кибермольберт и стило. Фамилия этого больного была Грамматиков. Заплатка из синтекожи на его шее поблескивала светодиодом контрольного чипа. Заплаты в паху, на заднице и животе были скрыты одеялом, которое было источено временем и стирками почти до нанотолщины…

Грамматикову не нравилась атмосфера, которую усиленно создавал в палате безумный Сержант. Атмосфера дешевых комиксов «Рассказки бывалого». Мыслитель Грамматиков не любил комиксы.

Милитаристский бред, надувание щек – все это не нравилось ему.

Рассказы Сержанта напоминали пух от грязных одуванчиков, несомый паленым ветром около батареи тяжелых гаубиц.

В этой загрязненной атмосфере вязли руки, держащие стило, глаза затягивало тусклой пеленой, голова как губка впитывала земную гравитацию.

Сейчас раздражение смешивалось с сонливостью, связанное с приемом обезболивающих лекарств, в весьма неприятный коктейль. Грамматиков понял, что вряд ли теперь удержится, надо снять напряжение. Он ехидно поинтересовался у товарища по палате, не наигрался ли еще тот в войну?

Спросил и снова взялся за мольберт. Однако напряжение не стало меньше даже на один вольт. Любое обращение к психу Сержанту было само по себе опасным. Психопата нельзя ставить в тупик. Реакция может быть непредсказуемой. Пациент по прозвищу Сержант явно сошел с ума во время или сразу после проигранной сибирской войны.

Грамматиков попытался отвлечься и стал думать о том, есть ли в этой палате хоть какой-нибудь цвет? Почему даже алые упаковки с йогуртом выглядят серыми? Плесень – просто концентрированная серость. Почему все вокруг – как стираные-перестираные носки? Даже свет в окошке. Андрей прищурил глаз, пытаясь добиться расщепления серого света на цветные составляющие. Но и фотоны в этом сумеречном мире не захотели с ним поиграть.

Тем временем своим пугливым подсознанием он ожидал реакции Сержанта.

Сержант сделал вид, что не заметил вопроса. После небольшой паузы, которую потребовала очередная затяжка, он продолжил в прежнем духе.

Со вчерашнего дня он стал плести про каких-то прозрачных демонов, которые захватили Петербург во время сибирской войны.

Рассказ Сержанта был бредом. Но война была.

Мы просрали войну. Сержант из-за этого сошел с ума. Ему не было места в розово-голубом мире наслаждающихся яппи, который пришел на место старой России. Поэтому он здесь, в дурдоме.

Поэтому здесь был и Андрей Грамматиков. Художник-самоучка, ученый-самоучка, не вписывающийся в мир профессионалов поствоенной пост-России.

Не встречался Грамматиков с Сержантом на военной службе. Но этот псих немало похож на того сержанта, который был во время войны царем и богом для солдатика Грамматикова...

В свое время в институте на военной кафедре Грамматикова обучали работе с роботизированными огневыми точками: поднял миномет из полиуглеродной шахты, протестировал софт, опустил... На реальной войне до роботизированных минометов дело не дошло... Никто не пробирался в Ленинград болотами, горло ломая врагу. Бесконтактному врагу не сломаешь даже компьютер.

Трудно ненавидеть американосов, этих пухлых улыбчивых операторов, сидящих с «попкормом» за пять тысяч километров от тебя и просто играющих в войнушку. Трудно ненавидеть миллиардера, владельца сибирских нефтяных полей, из-за которого все и началось. Он умный, в очках, складно лепит про свободу, ты даже начинаешь переживать за его деньги...

Куда больше отрицательных чувств испытываешь к непосредственному командиру... И к мини-ракетам с искусственным стайным протоинтеллектом. Одна из таких влетела через вентиляционное отверстие в сортир, где пользовался мгновениями отдыха ефрейтор Грамматиков, и плюхнулась в выгребную яму. Как показала томография, боеголовка у нее была шариково-спиральная.

Грамматиков уцелел, но получил контузию и импортные шарики со спиральками из него выковыривали последний раз две недели назад. А без обезболивающих средств до сих пор нельзя...

Тощие романтики-юнцы, мохноухие товарищи патриоты сражались, вернее, сгорали за сотые доли секунды в жестяных коробочках танков, за которыми охотились вездесущие орнитоптеры, а приличные господа загодя смылись за кордон, в

мир бунгало и виски, а крепкие широкоплечие мужички попрятались по норам.

Потом не стало ни танков, ни горючего. Амеры использовали космический флот, предназначенный для терраформирования Марса. Лиловый туман, затянувший небо над Россией, опустился на поверхность одной шестой части суши и оказался боевым нанопластиком. Народ воспринимал его просто как всеядную плесень…

С проигранной войны люди возвращаются импотентами, как недавно сказал Сержант. И в этом он прав. Если баба не хочет трахаться со своими солдатами, то подставляет пампушку чужим, добавил Сержант.

С юга, где резвились моджахеды, шли поезда с беженцами: визжащие дети, женщины в окровавленном тряпье. Страшный юг начинался уже за Тверью. Но и по опустевшим улицам Питера ветер тащил труху, обрывки бумаги, фольги – все, что осталось от магазинов, раскуроченных мародерами…

А потом к власти в Питере пришла генерал-губернаторша от Совета Европы, транссексуалка Лера Найдорф.

На город снизошла рыночная благодать. Центр Питера мгновенно был очищен от грязи, плесени и развалин. Город набрал жирок, залоснился, а затем засиял всеми постиндустриальными нимбами. Такого блестящего высотного алмазного нанотехнологичного Сити не было нигде в мире. Громады Сити возникали словно из ничего благодаря богам хайтека. Лера Найдорф успешно торговала лицензиями на свободу. Приезжай и покупай свободу, какую тебе надо. Приезжай, педофил и некрофил, садист и насильник. Купил – пользуйся и потребляй, не купил – скучай. Впрочем, какой ты насильник, если насилуемый согласен и доволен, что заработает за час столько, сколько грузчик за неделю, да и получит страховку от неконтролируемых рисков. В наступившем мире не было места для традиционных задумчивых лентяев, все выжившие вертелись и вертели, кто чем мог.

А Грамматиков пробыл год в лагере для военнопленных, который охраняли прибалты.

Лагерь начался с дезинфекционной камеры. Пленных обрабатывали разными излучениями, чтобы сгорели боди-коннекторы и прочие киберимплантаты. Но в теле Грамматикова горели в первую очередь шарики со спиральками, «имплантированные» при помощи американской боеголовки. Чуть дуба не дал. Потом была относительно нормальная лагерная жизнь. Днем – прогулки с мешком на голове, без ремня на штанах между двух рядов проволоки под напряжением.

Дисциплинирующие удары резиновыми дубинками по ягодицам и промежности. Ночью – свет, выедающий глаза даже сквозь стиснутые веки. Гуманитарные посылочки от французских дамочек. В посылочке – сладости и презервативы. А потом вот эта психушка – для реабилитации…

– Грамматиков, я не забыл про твой вопрос. Увы, я никогда не играю, я и в детстве был безумно серьезен, – сказал Сержант. – Но другой вопрос был бы сейчас куда уместнее: а помыла ли баба-демон свои ручки, после того, как оторвала солдатские гениталии? Ведь как сказал пророк: «Когда человек моет руки, ему прощаются грехи, совершенные руками». А после того, как плохой солдат лишился своих бубенцов, враги поперли через развалины к нашим позициям. Голые, да простит им Небо это небольшое прегрешение, и невидимые. Что прыгающие, что бродячие мины на них ноль внимания. Наши микроцеппелины со своими сенсорами в упор их не видят… Еще немного, и все демоны были бы внутри укрепрайона. Настала бы Эрмитажу крышка, как, скажем, Купчинскому укрепрайону. Если бы…

Товарищи по палате заерзали, недовольные паузой. Грамматиков, на которого был устремлен пронзительный взгляд Сержанта, спешно зачирикал стилусом по своему мольберту.

Сержанту пришлось продолжать, не дождавшись реакции «смутьяна»:

– Если бы не я. Ведь я железно чувствую, когда демоны что-то затевают. Они всегда чего-нибудь затевают. А демоны железно чувствуют, где у нас слабое звено, где трусливый солдат. Поэтому, когда демоны поперли на Эрмитаж, я один вступил с ними в неравный бой. Совсем один в поле воин, родина в лице капитана Кренделевича неизвестно чем занимается. На минуту позже, и бомбить врага было бы уже поздно. Но вот в какой-то прекрасный момент капитан проснулся, оторвал мурло от сисек рядовой Ивановой, поднял в воздух беспилотный роторник и… Короче, от демонов одна тушенка с яичницей осталась.

Юный пациент Мурашкин, страдающий от суицидальных наклонностей и лежащий у двери в компании роболягушат для самых маленьких, несколько раз спросил, что случилось в Купчино. Не для протокола парнишка старался, а от возникшего чувства преданности замечательному старому бойцу. Просто современная экранизация «Бородино». Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром, французу отдана?

А больной Сержант затянулся, назвал Мурашкина салабоном, после чего принялся жевать и рассказывать набитым ртом про «Купчино».

Мол, он там на следующий день оказался после того, как

демоны там порезвились. Ни одной живой души. У всех тел вырезаны почки и поджелудочная железа. Причем вырезали это из петербуржцев еще до того, как они скончались.

Голос Сержанта еще более сгустился сообразно «крутизне» изложения.

– А запустил врагов в Купчино опять-таки танцор или художник. Дозой дешевого наркоинтерфейса, наверное, прельстился. Этот типчик, кстати, уцелел.

– И что вы с ним? – Голос юного суицидника еще больше зазвенел от приобщения к таким потрясным тайнам войны.

– А ничего, салабон, поводили его по местам резни, чтобы полюбовался на свою работу… На следующий день сам повесился, никто его пальцем не тронул, хером клянусь. Если не веришь, позвони ему в морг, телефончик дать?

Грамматиков застонал. Большинство пациентов сейчас с радостью хавали рассказ Сержанта, только потому что это звучало классно. Особенно учитывая, что все они лишились в больнице запасов орального наркоинтерфейса и нейрокарт.

– Не было никаких боев с прозрачными демонами и валькириями, Сержант. Даже в Купчино. Это все вам привиделось. Натовцы устроили в Питере образцово-показательную оккупацию для телекомпаний всего мира. Чтобы не было зверств и издевательств, как повсюду, в город не пустили ни моджахедов, ни поляков, ни финнов с прибалтами. В город вошли супернаемники – непальские гуркхи, понятия не имеющие о русских, и еще много роботизированной бронетехники. Сопротивления почти не оказывалось, потому что наших военных частей в городе не было. Зачем вы пачкаете больным людям кору головного мозга?

– Я ведь и сам больной. Отбросив крайние случаи, все-таки мы можем признать, что безумие является лишь свежим взглядом на вещи. Поэтому я и рассказываю интересные истории, – безмятежно отозвался Сержант. – Понимаешь, я хочу, чтобы сопротивление оказывалось, чтобы враги были изощренны как дьяволы, чтобы наши были героями. И я хочу того, что было на самом деле. Нечего тебе корчить из себя знатока, Грамматиков, раз ты уже первого марта получил американские шарики в задницу. Ты просто не знаешь, что гражданское ополчение «За Пушкина» вынесло гуркхов вперед ногами, вчистую уделало подоспевших американских рейнджеров, надрало шотландским гвардейцам одно популярное место, благо те носят короткие юбчонки, всыпало по первое число гайдамакам из ближнего зарубежья, а затем билось против прозрачных демонов до последнего… То, что осталось от Эрмитажа, найдорфские

инженеры кое-как скрепили металлоорганическим клеем, заполнив пробоины нанопластиком...

– Ау, гренадеры, уже сестрички копытцами цокают. Готовьте ягодицы, – окликнул палату пациент, стоящий на шухере возле двери.

Сержант торопливо выдохнул дым в решетку кондиционера, утопил хабарик в баночке с заплесневевшим джемом, изготовленным еще до войны на лучшей «нанофабрике по переработке жидких отходов», и стал махать несвежим полотенцем, пытаясь разогнать дым.

В палате возникли три медсестры. Старшая, Анна Ивановна, могучая, как чемпион по греко-римской борьбе, другая – статная дама неопределенного возраста по имени Надежда и по кличке Скорая Сексуальная Помощь, и третья, новенькая, тонкая и черноволосая, которая прикатила тележку с лекарствами и шприцами. У нее же к рукаву был пристегнут гибкий учетный терминал...

Грамматиков почувствовал, как у него пересохло в горле, чуть ли не склеилось там все.

Да, брюнетка была похожа и на прабабушку баронессу, и на ту самую Веру, которая чуть не изрезала его на куски. Наваждение, симптом болезни, а не смотреть на нее не получается.

Анна Ивановна с тоской побежденного богатыря глянула искоса на плесень, затем втянула воздух, погоняла его в своих могучих ноздрях и осталась им недовольна. В отличие от непобедимой плесени за испорченный воздух было кого карать и миловать.

– Вот свиньи, – поставила свой диагноз пациентам старшая медсестра.

– Мы как раз говорили о фэн-шуй, искусстве обретения гармонии, – спешно затараторил Сержант. – Мне кажется, что больного Мурашкина надо выкинуть за дверь, чтобы он не мешал поступлению в палату благотворной энергии ци, на месте того калоприемника неплохо бы поставить фаянсовую вазу, а стену надо бы украсить китайской пейзажной живописью, где все появляется и исчезает в бесконечности Дао...

– А ну-ка цыц, – громовой полубас Анны Ивановны раскатился под сводами палаты. – Кто тут мастер пачкать воздух? Кто нарушал режим, а? На раз-два признавайсь.

– Анечка, – Сержант прокашлялся, – мы все очень любим режим. А вас еще больше, – игриво добавил он, поводив бровью туда-сюда.

– Что ты там несешь? – уже без ненависти спросила женщина.

– Любовь – не вздохи под скамейкой и не покупки при Луне, – неряшливо процитировал Сержант. – Лично я курю, пью и занимаюсь сексом только при помощи своего богатого воображения.

Грамматиков отметил, как быстро сосед лег на волну, приятную самой важной больничной даме.

– Твое счастье, солдафон, что ты невменяемый. – Голос старшей сестры несколько смягчился. – Но если еще раз устроишь перекур, схлопочешь от меня в ухо, и это окажется пострашнее любого психзаболевания. Я не хочу из-за тебя перед начальством краснеть, понял. А сейчас быстро приклей датчики на торец обратно.

– Не извольте сумлеваться, ваше превосходительство мое, – отчеканил Сержант. – Не посрамлю, рад оправдать доверие, буду честно оздоравливать свой микроорганизм...

– Умолкни, пупсик, а то клизму поставлю, сифонную. А вы, девочки, начинайте творить, чего его слушать, олигофрена.

Сестра Надя меняла судно кому надо, проводила экспресс-анализы крови и замеры температуры с помощью сканера глазной сетчатки. Не забывала и пощекотать пациента, если видела, что требуется. Сестра-брюнетка разносила таблетки, делала уколы и ставила капельницы. Руки новой медсестры работали быстро и сноровисто, почти как у робота, но она словно не замечала веселых взглядов, отстреливаемых палатой в ее сторону.

– А почему эти самые прозрачные демоны смерти не боялись? – не желая терять даром время, спросил у больного Сержанта больной Мурашкин со своей койки у двери. Роболягушата смертельно ему надоели, так что он загнал их под подушку, откуда время от времени высовывались пупырчатые лапки.

– С чего им бояться? Они ж уже не люди, а переформаты, – бойко ответил Сержант и попытался переключиться на брюнетку. – Сестра, а можно вам комбинашку подарить? У вас какие размеры?..

– Что значит – переформаты? – не унимался Мурашкин.

– Один дурень может столько вопросов задать, что сто мудрецов с докторской степенью не ответят, – скупо отозвался Сержант. – Переформаты, и все тут.

– Но они настоящие или виртуальные? – попробовал щегольнуть знаниями Мурашкин.

Чрезмерная наивность собеседника не понравилась сержанту.

– Как же, виртуальные. Ноль очков, пастушок. Мясные, такие же, как и мы. Только тело у них более приспособлено для войны.

– Благодаря киберимплантатам?

– Это – вчерашний день. Их тело – обитель злых духов, приходящих из Бездны. Для них все атомы и молекулы, нуклеотиды и белки, из которых мы состоим, – просто детский конструктор. Если вспороть демону брюхо штыком, то он издохнет и потеряет прозрачность, тогда увидишь, что внутри него ползают черви, длинные и тонкие. Это и есть те самые духи… Пациент Грамматиков, что вы кашляете как простуженный бультерьер?

– А эрекция у демонов когда? – задал Мурашкин свой больной вопрос.

– Эрекция для понта – всегда. Лежит труп демона, а у него кое-что колом стоит. И усами шевелит, ха-ха.

Грамматиков почувствовал, что ему полегчало. Сержант наконец разменялся на полный бред, если бы еще черноволосая медсестра свалила и больше не появлялась…

– Я тебе дам эрекция, – отозвалась старшая сестра по долгу службы. – С эрекцией быстро отправишься к главврачу. Он тебе пропишет ведро брома в задницу.

– Тогда, друзья, я умолкаю, – нарочито испуганно произнес Грамматиков. – Никакая правда того не стоит, чтобы за нее страдать задницей. А ты, Мурашкин, дави свои прыщи и не занимайся провокациями.

Брюнетка посмотрела на Грамматикова и внутри него словно проползла змейка. По счастью, долго смотреть новая медсестра не стала и ушла раньше, чем остальные сестры.

– Больной Грамматиков, в десять часов явиться в процедурный кабинет. Ты ж рисовать умеешь. Покажешь, на что способен? – сказала Надежда напоследок и, крутанув боками, исчезла за дверью.

Сержант проводил пытливым взором круглую Надину попу.

– Э, почему не я? Почему этот негодный маляр Грамматиков? Я ведь тоже талантище, умею выпиливать лобзиком.

Больной Грамматиков заскрипел пружинами своей койки, демонстративно натягивая тощее одеяло до самого носа. Впрочем, разговор превратился для него из неприятно проникающего в сознание в докучливый, остающийся где-то на периферии. И вдруг покой был снова нарушен.

– А между прочим, брюнеточка – та самая баба-демон, которая оторвала нашему солдату гениталии, – сказал Сержант. – Не знаю, как этот пацифист Грамматиков, а я обратил внимание на ее ладные ручки. Сдобренная порохом мозолька проглядывает. Как у тех людей, которые не столь давно постреливали в нас из автомата? Интересно, что ей здесь понадобилось?

2

Надо было что-то предпринять. Для начала Грамматиков решил переговорить со старшей медсестрой. Неужто нет способа перевести Сержанта в другую палату, к буйным, к Наполеонам и Гитлерам? Он же заражает всех остальных пациентов этим милитаристским бредом про бои с прозрачными демонами. Это вообще против устоев и законов нашего мирного терпимого свободного общества.

Но старшая медсестра лишь высмеяла Грамматикова. В больнице института Бехтерева, существующей на остатки обязательного медстрахования, лишних палат нет. И наполеоны лежат вместе с простыми депрессантами.

И вообще у Сержанта большой прогресс. Поступил апатичным, ни на что не реагирующим, под себя гадил. Но благодаря применению психотропных наноинтерфейсов и игровым методикам доктора Краснопольского, больной стал снова напоминать человека. Ну, бредит он, бредит, поэтому и лежит пока что в психушке и никак не досаждает нашему мирному терпимому свободному обществу...

Старшая сестра, явно желая поскорее закрыть скользкую тему, резво снялась с места и убежала по делам. Зато в сестринскую пришли Надя с брюнеточкой. Скорая Помощь активно вступила в разговор о том о сем. Новенькая же, полуотвернувшись, копалась в шкафу с документацией. Она вообще никак не реагировала на его присутствие, но он сразу же почувствовал...

Нежная тьма южной ночи, плоды, накапливающие сладость солнца, дурманящая прохлада источника в оазисе, аромат недолговечных цветов, и знак праматерей, Евы и Сары, лоно, рождающее волю и веру...

Несмотря на бодрое тарахтение и призывные улыбки Надежды, Грамматиков стал пятиться к двери.

Наконец он выскочил в коридор и поспешно закрыл дверь. Прислонился к стене, пытаясь понять, что произошло.

Это не могло быть игрой художественного воображения пациента, страдающего от пролежней и неврозов. Присутствие брюнетки было слишком напрягающим. От нее, как от паучихи, исходила паутина тонких флюидов, проникающих под кожу, сладко входящих в кости, в ткани, властно оплетающих его мозг, легкие, желудок. Все так же, как и год назад, когда Вера хотела выудить из него коды доступа.

Сигналы от брюнетки проходили, не воздействуя на его органы чувств! Если отбросить измышления о сверхчувственном

восприятии, остается последнее объяснение. Включились тайные нейроинтерфейсы, год проспавшие в его мозгу, они отобразили эти сигналы в виртуальном окне, превратив их в понятный разуму символ – в свет без тепла и цвета, пронзительный и емкий. Свет не солнца, а Бездны.

3

По счастью, на территории больницы было где погулять. И даже посидеть, посмотреть на «алмазное небо» [2], показывающее рекламу над Сити. Впрочем, рекламных надписей отсюда не видно, только сполохи, похожие на северное сияние, и обрывки фраз: «одно… нежное прикосновение… и вы забудете о геморрое…»

Двор был изрядно запаршивевшим, влажным, облепленным плесенью, но это было лучше, чем палата.

Грамматиков выбрал местечко, закрытое с одной стороны мусорными баками, с другой – разросшейся нанопластиковой колючкой, сел на ступеньки, ведущие к заколоченному входу в пятое отделение. Достал кибермольберт. Закрыл глаза. На секунду ему показалось, что он сидит в подвале, а вокруг бродят смертоносные невидимки. Тьфу, бред Сержанта заразным оказался.

Тут кто-то пихнул его в затылок.

Сзади стояли двое. Пациенты эти были в пестрых маечках, несмотря на холодный мартовский дождик. Один парень – бритый, с большим количеством дермальной фотоники, которая превращала его в живой экран для демонстрации порнофильмов. Другой – с приторной улыбкой извращенца и длинными белыми волосами, которые у него росли почему-то еще на плечах. Может, геночип оказался дефектным, а может, так и было задумано.

Прямо под кожей предплечий у обоих парней будто змейки ползали… Это ж, черт подери, олигофрены из лечебно-трудового профилактория.

– Эй, балеринка, это наше место, – сказал «мохнатый», а его товарищ почему-то проверил содержимое своего носа без помощи платка.

Грамматиков поднялся.

– Да я не претендую. Вы тут отдыхайте, товарищи, а я пойду потихоньку на ужин.

– На ужин далеко ходить не надо, птенчик. Мы тобой и здесь поужинаем. Ты ведь нам задолжал.

В груди образовался и быстро разрастался провал страха, в

мигом опустевшей голове рикошетила лишь одна нехитрая мысль: «Я пропал, я пропал, я пропал».

Из-за мусорных баков появился Сержант, и Грамматиков со стыдом убедился, что рад ему, как щенок.

– Вас представить? – немедленно включился Сержант в «беседу». – В левом углу ринга – начинающий маляр. Я все правильно сказал, Андрюха?.. В правом углу – художники-импрессионисты, которые умеют профессионально рисовать незабудки на чужих лицах.

Несмотря на положительную характеристику, «мохнатый» не согласился.

– Эй, мужик, ты чё, совсем оборзел? Какие мы тебе художники-сионисты? Мы – нормальные пацаны.

– Ну да, нормальные пацаны. Как Ахилл и Патрокл. Да, волосатый качок – точно Ахилл, вернее, Брэд Питт после успешной лоботомии... Грамматиков, у них силопроводы. Это такие синтетические мышцы из миозин-резины в контриммунной упаковке.

– Э, кончай базар и вали по-быстрому отсюда, ты нам не должен, – противно акая, сказал «Ахилл» Сержанту.

– Всему городу было известно, что психиатрическая больница для бедных – плохое место. Что городские власти маринуют тут изрядное количество обычных бандюг. Им разрешили порезвиться во дни воцарения свободы в самом городе, а теперь держат здесь, и тоже не случайно. Чтобы прессовать врагов демократии, вроде тебя, Андрюша, – негромко продолжил Сержант.

– Хорошо, дядя, постой тут, мы найдем и для тебя занятие, – сказал Ахилл Сержанту и, подойдя вплотную к Грамматикову, задышал в ухо: – Или ты надаешь по рогам этому фраеру, или я займусь твоей шоколадной дырочкой, красавчик.

– Чем меньше способностей, тем больше потребностей, все по Карлу Марксу, – прокомментировал Сержант. – Эй, молодежь, у меня есть кое-что для вас. Кто хочет закинуться на халяву? Готов поделиться. И не потому, что я такой щедрый – не будь у нас жадности, мы бы напоминали автомат по продаже попкорна. Это я, скорее, из уважения к Гомеру. «Слушай, богиня, налей Ахиллесу, Пелееву сыну».

– Ну, чего там у тебя? – не без интереса отреагировал Ахилл.

– Доза порнушного наноинтерфейса, прием оральный, всего лишь двадцать минут он добирается до твоих лимбов, а потом улет, стоны без конца, – с рекламным напором, но без надрыва предложил Сержант. Он улыбнулся облакам, как будто там его ждали более важные дела.

Предложение Ахиллу не понравилось.

– А двести двадцать не хочешь? Ошибся адресом, мы тебе не глюколовы и не онанисты. Мы – спортсмены, понял? И от того, что нас здесь маринуют, мы кислее не стали. Так что, труп, подожди, пока мы вденем твоему красавчику в задний разъем. Потом мы и с тобой определимся.

В знак чего-то молчаливый Патрокл снова запустил палец в свою ноздрю.

– Ковыряющий в носу да отыщет. А вообще содомия стара как мир и неплохо переживает все потопы, – дал историческую справку Сержант, рисуя что-то прутиком на земле. – Однако наблюдается прогресс и в этом деле, пидорасы-модернисты вшивают в член целое нанохозяйство – помпочки, процессоры, сервера…

– Я весь в нетерпении. – Ахилл, сопя, подталкивал Грамматикова к дециметровым шипам забора. – Так ты девочка или все же пацан?

– Вот так в подсознании людей выжил древний обряд инициации, – академическим тоном сообщил Сержант. – Сделай какую-нибудь пакость, и ты превратишься из мальчика в мужа. Иначе тебя опустят. Как много красивых старых обычаев сохранилось в уголовной среде. Наша современная либеральная культура позволяет им быть такими, какие они есть. Развратными, грязными, злыми.

Приближающаяся физиономия Ахилла источала гниль из всех щелей. Грамматиков подумал, как бы он мог нарисовать свое отвращение. Зеленовато-желтые потеки на сером фоне…

– Так ты все-таки девочка? Сладкая моя, хочешь родить от меня маленького? Тут, на зоне, есть специалист, который умеет превращать мужские половые клетки в яйцеклеточки…

Грамматиков чувствовал, как снова вязнут его руки и ноги, теряют связь с мыслями, скачущими в голове.

– Грамматиков, ты не девочка, ты еще хуже. – Взгляд у Сержанта был ленивый и как будто безадресный. – Ты настоящая спящая царевна. Проснись, наконец. Надо драться. Надо обижать людей, хоть это совсем не интеллигентно. Ты же говорил, что твоя мамуля была оперативником МВД и мочила бандитов в сортире.

Спокойствие Сержанта неожиданно распространилось на Грамматикова. Даже ощущение такое появилось, будто его качает на своих волнах Бездна, из которой выплывают миры-левиафаны. И эти левиафаны для Бездны не более, чем едва заметные пузырьки.

Волна вынесла Грамматикова на больничный двор, как на берег морской. Грамматиков почувствовал и легкость, и

могущество, как капитан эсминца. Напор чужой воли, который до этого момента сминал его, вдруг исчез, превратившись в грязь под ногами.

Перед ним был всего лишь тонкий мир, похожий на бензиновую пленочку, расплывшуюся по поверхности океана. И грозные враги стали тоже тонкими, худосочными...

В следующее мгновение Грамматиков всадил правый локоть в мягкий от неожиданности живот Патрокла, стоящего позади, а тылом кисти заехал в нос Ахиллу.

После этого Грамматиков обернулся. Ахилл еще постанывал и закрывал лицо руками. Он был ошеломлен, шокирован, оскорблен. Вместо весьма отработанного спектакля, приносящего «невинные» радости, он подвергся жестокому и вероломному нападению. Но Патрокл уже выходил из согнутого состояния и пытался принять боевую стойку. Даже сейчас дебиловатая улыбочка плыла у него по физиономии. Под толстой кожей его пальцев явно проглядывались расширяющиеся металлические кольца.

– Упади, Андрюха, – шепнул Сержант и что-то потянул у себя изо рта.

Грамматиков удивился, но послушался. Над ним что-то свистнуло, и Патрокл, хрипя, расстелился в грязи. Ахилл попытался припечатать Грамматикова ногой, но тот неожиданно для себя впился в нее зубами, получив в ответ протяжный вой. От боли Ахилл даже забыл про приемы уличной драки, которые ему приходилось использовать на начальных этапах своей «трудовой» биографии, вплоть до достижения определенного статуса в уголовной среде.

Ахилл наконец вырвал свою ногу, чтобы влепить ее в живот тощего «педика», раздавить все там в говно, а потом ухватить это хилое горло и большим пальцем выдавить эти выпуклые рыбьи глаза.

Но Грамматиков не дал осуществиться этим мечтам. Он перекинул себя вперед брейковским толчком от земли, а потом, резко крутанувшись вбок, стригущим движением своих ног подсек Ахилла и проставил ему «штамп» на черепе каблуком ботинка. Потом еще раз двинул Ахилла по голове – хорошо было слышно, как лязгнули зубы пацана.

Грамматиков попытался снова врезать противнику, но тут кто-то оттолкнул его.

– Эк тебя колбасит. Остынь, выключи софиты, интервью окончено.

– Я не знаю как... – сразу застеснялся Грамматиков.

– А я знаю. Ты – консервированный берсеркер в собственном

соку.

Грамматиков сплюнул, но на языке остались как будто волосы с ноги. Хотя он понимал, что это всего лишь остатки ткани от вражеских штанов, его чуть не вытошнило. Ахилл и Патрокл тем временем ползли к дальней стене, полностью сосредоточившись на своих проблемах. А Сержант что-то прятал себе в рот, попутно проверяя прикус. Потом пояснил:

– Вставная челюсть с расширенными возможностями. А натуральные зубы, друг мой, высадил мне прикладом один милый демон, мир его праху...

Грамматиков прокашлялся, ситуация оставалась не слишком комфортной. Мучитель Сержант и вдруг в роли напарника.

– Наверное, я пойду. Спасибо.

Грамматиков повернулся, чтобы поскорее оставить поле битвы, но Сержант хлопнул его по плечу:

– Пожалуйста. Тем более что ты сегодня повел себя не как мальчик, но муж, достойный распевок акына Гомера.

Сержант достал из кармана бумажку для самокрутки.

– Может, забьем косячок? Я угощаю.

– Нет, извините, это не в моем вкусе.

– Ну, может, позволишь дать тебе совет? Я ведь теперь на правах твоего нового друга. После того как нас не удалось поломать грубо физически, враги могут использовать новые более хитрые методы. Не принимай на ночь маленькую желтую таблетку, которую принесет медсестренка. И вообще, будь внимательным, как будто уши и глаза у тебя выросли на всех местах.

4

– Эй, нарисуешь меня, Ван Гог ты наш болезный? Или предпочтешь отрезать себе ухо и другие органы в придачу? – спросила Надежда, перехватив Грамматикова в больничном коридоре.

– Конечно, Надя, о чем разговор. Через пару минут. Хотя я, скорее, не Ван Гог, а Малевич.

В дальнем конце коридора появилась брюнетка, и Грамматиков чуть ли не втолкнул Надежду в процедурный кабинет, сам влетел следом и поскорее закрыл дверь.

– Не торопись, котик, – промурлыкала Надежда. – Без моего портрета ты далеко не уедешь.

Медсестра воспользовалась сеансом позирования по полной программе. Занимала позы все более соблазнительные, пока

Грамматиков не взмолился, чтобы она наконец угомонилась. «Угомонилась» Надя, лежа на диванчике с соблазнительно приоткрытыми ляжками. Один к одному Луизон с картины рококошного Франсуа Буше. Кое-что шевельнулось в душе больного, да и пониже, приглашение-то было недвусмысленным.

Может, у него и в самом деле все проблемы от сексуальной неудовлетворенности? Все-таки две ночи, проведенные с женщинами за последнюю пару лет, это явно недостаточно.

– Але, чего задумался? Полный вперед, – поторопила его Скорая Помощь.

– У меня там... после операции заплатка...

– Вот дурачок. Я же медсестра, сделаю все сама.

Она взаправду сделала почти все сама. Едва ее руки оказались в области его гениталий, Грамматиков отреагировал с той же быстротой, что и тюбик, на который надавили ногой. Но опытная Надя-кудесница не угомонилась и, оседлав пациента, заставила его отреагировать еще раз, с большей пользой для себя...

Сбросив портрет «Луизон» через радиопорт мольберта на терминал восхищенной медсестры – радуйся теперь без меня, – Грамматиков вернулся в палату. Улегся в койку и почувствовал что-то вроде злобы.

Вместо таинственной брюнетки ему словно подсунули простую как копейка бабенку, придуманную в небесной канцелярии для услаждения примитивов типа Сержанта. Чего стоят одни только буфера размером с приличную дыню, которые трясутся над тобой словно на пружинках. Однако эта бабенка так нехило отбомбилась, что... хочется повторить, с огорчением признался себе Грамматиков. Так же как Сержанту и любому другому павиану.

5

Маленькую желтую таблетку принимать Грамматиков не стал. Посмотрел, как извиваются ленточки с цепким нанопокрытием, предназначенным для мучительной казни мух, нарушительниц больничной границы, и задремал. Вернее, опустился в пустые глубины мира, где плавает лишь рыба-левиафан... Около полуночи Грамматиков проснулся от скрипа половиц.

По палате шла сестра-брюнетка. Даже не шла, а почти что летела. Вначале ему показалось, что она направляется к нему, но потом взгляд его сфокусировался, привык к бледно-серому свету

изношенных фотонических обоев, и он понял, что ошибся. Медсестра была уже у койки, где с молодецким посвистом храпел Сержант.

В руке медсестры был шприц. Почему укол, почему сейчас? Что там с Сержантом могло стрястись?

Движения брюнетки были легки и точны, как у потомственного вампира, нацелившегося на кровеносный сосуд потомственной жертвы.

Но тут одеяло пациента откинулось и на медсестру посмотрело дуло здоровенного армейского пистолета сорок четвертого калибра.

– Здравствуй, детка. – Сержант послал воздушный поцелуй. – Может быть, займемся любовью за шкафчиком? Ты Камасутру читала? Позу вешалки знаешь?

– Ой, – тихонько пискнула брюнетка. Валькирии и демоницы так не пищат.

– И как ты думаешь, где я прятал своего «стечкина»? Все правильно, мое судно – моя крепость. Я еще не мочусь и не какаюсь под себя, как некоторые свободолюбцы. По этому поводу пророк абсолютно правильно сказал: «Поистине больше всего наказаний в могиле будет от мочи».

Сержант полностью отбросил одеяло и сел на койке. На нем были бутсы, штаны и майка. Он оглянулся и заткнул пистолет за ремень.

– Грамматиков, сдается мне, что ты не спишь, поэтому вставай и во всем слушайся меня... А ты, киска, положи свой шприц вот сюда. И учти, хороший сержант не уступает хорошему демону по скорости реакции.

Девушка положила шприц на столик рядом с койкой, не отрывая взгляда от рукоятки пистолета, заткнутого за пояс Сержанта.

– Теперь разворачивайся. – Сержант встал с койки, подхватил шприц и шлепнул послушно повернувшуюся медсестру пониже спины. А затем сделал ей укол прямо через ткань.

– Надо отметить, господа, что при такой худобе у нее весьма спелая попка. Как персик, я бы сказал. Ну, красотка, давай танцуй вперед, в ритме вальса, раз-два-три.

– Вы не имеете права, – поднялся с койки и заторопился следом Грамматиков.

Произошло. Включился страшный озлобленный маньяк, военный преступник-психопат, который до поры до времени дремал в мозгу Сержанта. Сейчас больной начнет колбасить, а потом убивать и ловить кайф от этого.

– Значит, ты собрался следить за нарушениями прав вот этого

полудемона-получеловека, – буркнул Сержант. – А я тебя, между прочим, за дисциплинированного соратника держу. Так что изволь исполнять приказы. Больничную чип-карту не забудь захватить. И туалетную бумагу.

Около выхода из палаты стоял здоровенный небритый медбрат породы шкаф. «Вот сейчас-то все и закончится для Сержанта», – подумал Грамматиков, и приятное ожидание повеяло как свежий ветерок. Но потом... все произошло быстро и, наверное, для Сержанта даже весело.

Он, используя Грамматикова как опору, ударил медбрата два раза, ногой, в челюсть. А потом еще был третий удар – рукояткой пистолета по затылку.

– Третий удар – контрольный, для надежности. А теперь затащи этого коллаборациониста в туалет, – велел Сержант Грамматикову. – Только не лишай его там невинности.

И хотя пол был гладок и как будто годился для волочения большого тела, эта процедура заставила Грамматикова облиться потом.

А затем он поплелся за Сержантом и медсестрой по коридору и ощущение беспомощности заставляло его вибрировать. Орать «рятуйте, люди добры» – не по-мужски как-то, да и Сержант может психануть и открыть пальбу...

6

– Все очень просто, – сказал Сержант, подталкивая Грамматикова и девушку к лифту. – Вот наша трофейная медсестренка с пальчиками, подходящими для дактилосканеров на дверях, вот ее смарт-карта, вот ты, раненый боец, пробитый вражескими шариками. То есть, учитывая изменившуюся международную обстановку, шарики уже теперь дружественные, несущие свободу и демократию. Но в любом случае тебя нужно препроводить на хирургию в соседнем корпусе. Я – помогающая сила. Крепкий, но не буйный. По крайней мере отсюда мы должны выйти... А ты, киска, давай прикладывай пальчики к сканирующей панели, и делай это безо всяких фокусов.

Полуобвисшая девушка исполнила приказ в точности, и дверь впустила их в лифт.

В кабине не было панели с кнопками этажей, только сенсор карточного считывателя.

– Это мне не шибко нравится, – пробормотал Сержант, проводя чип-картой медсестры перед сенсором. – Но, думаю, мы договоримся.

В этот момент световая вспышка заставила его моргнуть и ругнуться.

– Это всего лишь попытка опознания. Отпечаток вашей радужки в базе отсутствует, возможно, потому что вы новенький. – Мелодичный бесполый голос исходил непонятно откуда, вернее, от акустической решетки, вделанной в стенки лифта. – А что вы так удивились, больной? Я кибероболочка всего этого режимного лечебного заведения. Итак, почему вы не спите?

– Медсестра ведет пациента Грамматикова в хирургическое отделение, – доложил Сержант. – Я просто сопровождающий, поддерживаю парня, чтобы не упал. Он совсем плох.

– Да, эта девушка – штатная медсестра, идентификационный номер Омега-Ноль-Два, опознание совершено по интракорпоральной радиометке.

Лучик света ударил и в глаз Грамматикова, аж тот подпрыгнул.

– Добрый день, Андрей Андреевич. Оптический анализ крови, протекающей через сосуды сетчатки глаза, показал, что у вас несколько повышенная температура. Обнаружены и маркеры, свидетельствующие о приеме болеутоляющих средств. Как вы себя чувствуете?

Сержант пребольно пихнул Грамматикова и тот вяло подтвердил:

– Мне нужен хирург.

Кибероболочка, как будто поразмыслив еще немного, двинула лифт вверх и остановила на третьем этаже.

– Вы должны вначале поставить в известность главного врача. Он до сих пор на работе.

– Ладно, Грамматиков, выходим, главный так главный, – прошипел Сержант. – Бери красотку под руку и двигай с ней впереди меня в виде «сладкой парочки»...

Сестра теперь висла на руке Грамматикова, то и дело норовя упасть. При столь тесном контакте, весила она уже не как субтильное создание, а как приличный мешок картошки. Зато никаких сигналов не источала, отчего Грамматиков ощущал постыдную радость.

Мимо по коридору продефилировал какой-то врач, но, похоже, не обратил внимания на «сладкую парочку».

– Грамматиков, ты видишь, сонные девушки не такая уж редкость в нашем медштабе. А теперь стоп. Мы оказались в точке бифуркации, – сказал Сержант у двери с надписью «Главный врач. Краснопольский А. М.».

Дверь открылась, и сержант втолкнул сестру и Грамматикова в кабинет. Затем шагнул сам и закрыл дверь.

Доктор Краснопольский поднялся из-за стола. Хорошо упитанный мужчина немалого роста.

– Милочка, что с тобой? – спросил он с забавным западнославянским акцентом.

– Не что, а кто. Статуя командора уступила мне место в очереди. – Сержант выдвинулся из-за девушки и помахал стволом.

7

– Я знаю, пациент, что этот пистолет не настоящий, вы вырезали его из дерева на занятиях трудотерапией и покрыли микросхемной краской, имитирующей текстуру металла.

– Конечно, док, – охотно согласился Сержант. – В нашем заведении принято дурачить друг друга.

Через минуту после начала «приема» для доктора Краснопольского случилось непредвиденное. Его голова была зажата между полом и ногой Сержанта на манер сандвича.

Сестра обмякла на стуле, а Грамматиков почувствовал, что у него нет сил не то что на драку, но даже и на крик. Наверное потому, что ему стало смешно. Ввиду немалых габаритов доктора казалось, что на полу лежит яйцо бронтозавра.

– Я достаточно крепок, как вы, наверное, уже заметили, поэтому могу надавить посильнее и причинить вам довольно неприятные ощущения, – сказал буйный псих Сержант. – Или, может, вы не чувствуете боль?.. Кстати, Грамматиков, не вздумай рыпнуться, иначе я сверну доктору шею.

– Что вы хотите? – проскрипел Краснопольский, явно страдающий от неудобства своего положения.

– А ничего особенного. Просто вы позвоните сейчас на пост охраны внизу, распорядитесь, чтобы человека с моим именем выпустили наружу. Вы тут хозяин-барин, вас послушают. Это же обычный офисный этаж без особой охраны, а не отделение, набитое буйными антисоциальными психами.

– Но у меня телефон в другом кабинете.

– Звоните с мобильного, который у вас в кармане, потом пришлете мне счет.

– Хорошо, только отпустите мою голову.

Краснопольский уселся за стол, приглаживая волосы. Достал из кармана мобильник.

– Даже не пробуйте включить видеокамеру у мобилы, – предупредил Сержант, заодно шаря в карманах доктора и поправляя ему воротник. – И чтоб я видел ваши руки. Сейчас у

всех нормальных людей есть боди-коннекторы, не правда ли.

Позаимствованную у доктора жевательную резинку Сержант положил к себе в карман, а кредитную чип-карту перебросил Грамматикову, мол, теперь и ты в доле.

– Хорошо, хорошо. – Доктор попытался избавить свой ворот от руки Сержанта. – Больной… Дружище, зря вы так. Вы же на пути к выздоровлению. Мы еще не закончили корректировку вашей психики. Мы вытащили из вялого апатичного состояния, но чтобы снова стать членом нашего гармоничного свободного общества – надо еще поработать. Вы слишком агрессивны.

– Агрессивность – это не болезнь, – сказал Сержант, опасно застыв у доктора за спиной, отчего тот инстинктивно пригнул голову и положил одну руку на затылок.

– Да, да, конечно, но это симптом болезни. Война как будто не закончилась для вас…

– Чего ты гонишь, Краснопольский, это просто воспоминания. Короче, звони.

– Выслушайте меня, ради бога. Личина героя становится сильнее вас, она захватывает ваше «Я». Существование этой личины, во многом непохожей на вашу подлинную личность, – результат действия компенсаторного механизма. Вместо тех реальных врагов, которые побили нашу армию, вы выдумываете каких-то сказочных демонов…

– Это у тебя сказки дедушки Фрейда. – Сержант дал доктору легкого подзатыльника, а тот хоть и скривился, однако продолжал разглагольствовать:

– Скорее дедушки Юнга. Так вот, компенсация – функциональное уравновешивание чувства неполноценности при помощи компенсирующей психологической системы, которую можно сравнить с компенсирующим развитием одних органов при неполноценности других.

– Нехорошо, доктор, обзываешься, – сказал Сержант и с чувством повторил подзатыльник. – У меня пока все органы на месте.

– Ваша психика создала эту личину в силу определенных психотравматических причин. И если ваша личность ищет способы скорейшего излечения и перехода к нормальной жизни, то личина продолжает воевать, она словно не знает, что война закончилась бесславным поражением с сухим счетом…

– Как это с сухим? – Желваки на скулах Сержанта заиграли твердостью. – Ничего еще не закончилось, док. Поэтому конкретные пацаны хотели опустить Грамматикова, а твоя медсестра-демоница собралась меня грохнуть сегодня…

– Вот еще один симптом, больной, – радостно воскликнул

доктор Краснопольский. – Эта девушка имеет отличный послужной список. У нее прекрасные умелые руки...

И тут Грамматиков заметил, что медсестра делает ему какие-то знаки. Даже не руками, а глазами. Он прекрасно чувствовал ее глаза, и что-то в его теле уже отзывалось на них. Медсестра как будто предупреждала, что сейчас что-то произойдет.

– Этими прекрасными умелыми руками она еще недавно дырявила головы наших партизан. Можешь мне поверить, Краснопольский. Глянь-ка на ее «трудовые» мозоли. Таскание горшков таких мозолей не заработаешь. А вот стрельбой из автомата...

И тут свет погас, одновременно раздался крик Сержанта: «Суки, порву». Грамматиков слышал грохот мебели, звуки ударов и падения тел.

Сзади открылась дверь, но тут же массивная тумбочка разнесла оконное стекло. С протяжным воплем кто-то вывалился из окна.

Грамматиков оглянулся назад – в дверном проеме стояли двое санитаров и явно не могли еще приспособиться ко мраку. Какое-то тело лежало около подоконника – судя по габаритам, доктор Краснопольский.

Грамматиков сделал шаг вперед, привстав на тело доктора и опираясь на подоконник, выглянул наружу.

Под окном, метрах в десяти внизу, была несколько погнутая жестяная крыша гаража.

– Эй, психованная вонючка, – окрикнул кто-то из санитаров с заметным прибалтийским акцентом. – Ну-ка, отойди оттуда по-быстрому.

И вдруг в мозгу Грамматикова блеснула картина. Он уже один раз выпрыгивал... В настоящую бездну, не сравнить с жалким десятком метров как здесь...

И, слегка согнув ноги, Грамматиков толкнулся. Легко перемахнул через подоконник, уходя от клейкой мономолекулярной сети, отстреленной санитарами, и с воплем, соединяющим ужас и восторг, ухнул вниз.

Глава 3. Вместо войны

1

Несколько часов он колесил по городу в чреве машины по вывозу мусора. Он забрался туда неподалеку от психушки и провел все путешествие практически без сознания из-за перегрузки обонятельных и осязательных рецепторов. Однако чрево наградило Грамматикова курткой и ботинками какого-то рокера, видно, отправившегося на встречу с богом тяжелого металла. Куртка была прошита углеродным волокном и украшена аппликациями на вечные музыкальные темы. Аппликации были по совместительству наноактуаторами жесткости и могли превратить куртку в настоящий доспех. Ботинки снабжены мэйларовыми носами и жидкокристаллическими ударопоглотителями в подметках...

Несмотря на крутой вид, Грамматиков забился в знакомый ему с детства подвал, во дворе родного дома.

Спустя два часа из своего укрытия Грамматиков увидел, как старая женщина выносит мусор. Это была его мать. Несмотря на всем известные достижения технологий, продвинутый молекулярный конвертер для мусора и более простой мусоропровод в доме стабильно не работали. Может, потому что район плохой, слишком уж далекий от алмазных башен Сити.

Грамматиков посмотрел на окна своей квартиры. Третий этаж, слева от лестницы. Год назад он свалился с крыши дома и остался жив. На том чудеса и закончились. Начинка из шариков и спиралей в живом теле – это так несправедливо и так больно. Правда, боль укрепляет волю...

Он должен не просто вылезти из уютной щели, но еще подняться по лестнице и позвонить в дверь с табличкой «Грамматиков»...

Грамматиков выбрался наружу через узкое подвальное окошко, столь знакомое местным котам, и пошел по двору. Напряжение было такое, словно ему на макушку должна была вот-вот свалиться бомба.

Железная дверь подъезда, хоть и с замком, сканирующим отпечатки пальцев, была незатейливо распахнута. Сопливые борцы за свободу и их подружки хотели встречаться безо всяких хлопот. Из черного проема подъезда, как и следовало ожидать в подобных случаях, несло мочой. Все как обычно, не смотря на беспрерывный технический прогресс, а также гармонизацию всех

сфер жизни благодаря системе лицензирования свобод.

Грамматиков направил себя вверх по лестнице. По немытой десятилетиями, истоптанной крысами, излеженной алкоголиками, иссиженной пацанами лестнице, которая сейчас ему показалась чужой и враждебной.

В данный момент, конечно, пригодилась бы доза наркоинтерфейса, снимающая страх и бздение, но горсть мелочи – все, что удалось получить по украденной чип-карте, которая тут же была заблокирована, – это все его запасы…

Ноги казались ему сделанными из толстых стальных прутьев вроде тех, которыми когда-то армировали бетон. Словно сдавленное в жестяной коробке натужно билось сердце. А еще Грамматикову показалось, что кто-то вместе с ним вошел в дверь и поднимается следом по лестнице. Но в его положении не стоило обращать внимание на подобные мелочи.

Вот и дверь квартиры, под краской проглядывается надпись, которую он процарапал своим первым перочинным ножиком. «Андрюша уже не маленький». В тот день семилетний Грамматиков за счет нехитрых приемов увидел трусики у своей классной руководительницы…

Выпуклый глазок видеокамеры раскололся, наверное, под напором «сил свободы» в дни падения старого Питера.

Табличку с именем, похоже, кто-то уже пытался свинтить.

Грамматиков поднес руку к звонку.

Черная с выщербинками (как они могли образоваться?) кнопка тянула его пальцы к себе, как пылесос.

Но Грамматиков не смог надавить на нее, хотя чертовски давно не был дома. Если его ждет засада, то именно здесь.

Грамматиков снова спустился на первый этаж и выглянул через дверь, полупрозрачную из-за плесени.

Как снова выйти на этот замкнутый пятачок двора, где он будет представлять собой такую удобную мишень для стрелков, находящихся на верхних этажах…

Черт, какие стрелки, какой пулемет? Стоп, отставить этот заразный солдафонский бред, источником которого был невменяемый Сержант.

Я – мирный, трусливый, спокойный, вернее, очень психованный, но от этого еще более мирный интеллигент, всего-навсего удравший из психушки. Да, побывавший на войне, но никак не отличившийся, обычное пушечное мясо.

На него сегодня не охотятся снайперы и ракетчики, за ним максимум явится наряд из санитарного отдела полиции.

Упакуют и увезут обратно. И пусть там его залечат так, чтобы он забыл про техножизнь. Да и зачем ему этот бред? Если она

когда-то и начнет развиваться – от техноинфузорий к технодеревьям и технодинозаврам, то он к этому не будет иметь никакого отношения.

Грамматиков дошел до мусорного бака и начал копаться в мусоре, который выбросила его мать. На глаза попался обрывок вчерашней газеты. Мама все никак не может запомнить, что в послевоенном постиндустриальном мире газеты не нужно бросать в мусорный бак, что они съедобные и обладают химическим составом и вкусом, соответствующим макаронам. Учитывая, что прежних дешевых продуктов больше нет (новые власти заставляют население вертеться, зарабатывать и приносить прибыль), то газетным гарниром пренебрегать не стоит.

В съедобной газете – анимация, радующая сердце любого добропорядочного горожанина.

Генерал-губернатор Свободной территории Ингерманландия, она же мэр Открытого города Санкт-Петербург – госпожа Лера Найдорф. Улыбочка у госпожи губернаторши, как у хорошего наноструктурного робота. А может, она и в самом деле не вполне человек?

Начальственная дама открывает в Сити новый потрясный объект – нанопластиковый ДОМ СВОБОДЫ, который сам растет согласно заложенной в него программе, сам потребляет и выделяет. Уже сейчас в нем, считая по самой высокой башне, километр, а будет еще больше. В доме расположился музей мучеников за свободу имени Джохара Дудаева, мемориальная фондовая биржа с памятником репрессированным отцам-основателям крупного российского бизнеса, Церковь Терпимости, производительностью сто однополых браков в сутки, образцовый Чайна-таун на пятьдесят тысяч китайцев, и мечеть, крупнейшая на территории экс-России. Сладко кричать муэдзину, владельцу искусственной гортани, с километровой высоты…

Грамматиков с мудрым видом сел возле помоев, как археолог около костяка древнего человека.

Картофельные очистки, настоящие, сегодняшние. Маманя так и не привыкла к продуктам из наносборщиков, которые лежат по бросовым ценам почти в каждой лавке, насыщая радостью сердца бедных, но любящих пожрать граждан.

Еще газета, только двадцатилетней давности, тонкая и дряблая как кожа мумии. Похоже, что ведомственная многотиражка. На пожелтевшей фотографии его маме вручают орден за ликвидацию киднеппера и работорговца, Аслана такого-то. Уж не того ли бандита, который родил Марину Аслановну. Впрочем, какая сегодня разница…

А вот, похоже, мама совершила давно намечавшуюся уборку в

его комнате. Множество упаковок от использованных лекарств, в основном успокоительных и слабительных. Сломанный карманный компьютер, которым, похоже, заколачивали гвозди, некогда классный дисплейчик с голографическим расширением выглядит так, будто им заколачивали гвозди, из дыры сыплется труха, все что осталось от нанотрубок процессора. На обрывках сенсобумаги люминисцируют остатки текста. Надо ж, это черновики его опуса о грядущей техножизни: «Нам не нужен искусственный интеллект, бесконечно далекий от нас и желающий избавиться от нас, как от паразитической биомассы. Нам нужна искусственная жизнь, функционирующая по схожим с нами принципам, с которой мы будем комплиментарны как хороший муж с верной женой...»

А вот это что?.. Визитная чип-карта на имя Бориса Дворкина.

Грамматиков провел по ее рельефу пальцем и неожиданно сработал боди-коннектор, который вроде был уничтожен прибалтами перед отправкой в концлагерь!

Перед носом Грамматикова в виртуальном окне зажглась неоновая вывеска. Адрес. Значит, этот самый Борис реально существует...

Грамматиков прошел сквозь подворотню на улицу. На улице Гороховой текла обычная послевоенная петербургская жизнь.

По улице гуляют юноши и девушки, словно вышедшие из манги. Их одежда стилизована под школьную форму времен империи, лица скрыты или, вернее, смазаны тончайшими нанопластиковыми масками. Мимика масок программируется, сегодня в моде выражение «сама невинность». Около рта мушка микрофона. В круглых глазах мелькают искорки и огоньки, это плавают на слезной подушке мономолекулярные проекторы. Они втюхивают в юные мозги чудеса, сотворенные дрим-компьютером.

Юноши и девушки гуляют, но не друг с другом, потому что это невыгодно, а вдвоем с клиентом, пузатым немцем или толстопятым американосом.

Свободный город Петербург – мировая столица терпимости, маяк голубого мира... Вот канальи, педики обдолбанные, набить бы им морду, побрить череп и вперед, марш-бросок через болото с полной выкладкой и песнями...

Грамматиков сплюнул, раньше у него таких мыслей не было, Сержант все-таки повлиял. Кроме того, понять, где юноши, а где девушки в пору большой моды на геночипы – это не совсем тривиальная задача. Бороды, груди, ягодицы нужной формы и цвета – это лишь вопрос своевременной оплаты, хотя можно получить и в кредит. А гонять девушку через болото, даже если у нее есть борода, способен только басурман...

Плавно катят по разлинованным дорожкам лакированные сандвичи однодверных автомобилей без грамма грубой стали и без вредных выхлопов. На таких не проедешь по ухабам. В такой не сядешь с семейством, разве что с другом или подругой.

По специальным боковым полосам скользят пестрые клоунские машины на наношариковой подушке – автоматические доставщики мороженого и пиццы, – прямо на глазах они пытаются вытолкнуть друг друга на проезжую часть, под автомобиль. Опять символика. Совет Европы спасает остатки российского населения от крупных разрушительных столкновений, мягкими, но сильными руками разводя скандалистов в стороны. Однако мелкие пакости на уровне раздавленного клоуна с коробкой пиццы – это дозволительно, никто ведь не собирается менять в корне человеческую природу, склонную к конкуренции. К вредности, к жадности...

Витрины магазинов заполнены темно-зеленым гелем, где плавают металлоорганические серебристые русалочки. На нанопластиковом дереве сидит нанопластиковая птичка и гадит дешевой карамелью.

Грамматиков отправил в рот один из таких подарочков, упавших ему на плечо. Жрать, как ни пляши, все равно охота. Потом поднял с тротуара еще пару таких карамелек. Во рту они запели песенку о пользе низкокалорийных продуктов...

Тротуар покрыт фотоническим пластиком, пестрящим от рекламы, рассказывающим и показывающим, куда идти, чтобы словить кайф.

Рекламные указатели показывают направления, по которым обязана протекать сочная слизь, называемая массовым потребителем. Слизь снабжена нервами, поэтому она боится холода и тяжелых мыслей. Слизь протекает через слизь, студень трется о студень, рецепторы превращают зуд в удовольствие...

Половина голографических реклам смачно соблазняет на потрясный интим и долгосрочное оргиастическое безумие.

Длинные руки полногрудых голо-русалок пытаются утянуть тебя в пучину страсти, «если у тебя, конечно, имеется лицензия на зооподобный секс».

Волосатый самец протягивает девушкам, мечтающим о принце, баночку со спермой голландского короля. Сертификат генетической идентичности прилагается.

Некто мускулистый и без штанов сообщает, что «заделать ребеночка от двух пап – всегда пожалуйста, перекуем одного сперматозоида на яйцеклетку и появится третий в теплой голубой компании». Ага, понятно, откуда у мохнатого Ахилла появились такие мысли...

Вот и бюро эвтаназионного туризма, «не забудьте провести последние дни в раю, лишить девственности семьдесят гурий вам поможет фирма Эдем».

Адвокатские конторы предлагают «отсудить ту долю удовольствий, которые вам положены по праву».

А стоит только приблизиться к медиастене ближе чем на полметра, она начинает шептать: «Я дам тебе то, о чем ты мечтаешь».

Впрочем, она так и не сказала ему: «Здравствуйте, господин Грамматиков, пожалуйста, руки вверх, сейчас за вами заедет полиция». Значит, программа не смогла идентифицировать его своими сенсорами, опознать его внешность и запах. Не зря он порезал бритвой вживленную ему в концлагере радиометку…

Прокатиться бы тут разок на танке, и от всей этой дребедени один компост останется.

Но по облакам на танке не прокатишься. Пролетел самолет, распылил аэрозоль, состоящий из сферических дисплеев размером в полмикрона. И вот с искусственных облаков сияет реклама и выпуски последних новостей.

«Хочешь на небо? Покупай надувную подругу фирмы „Нана“, таких шикарных слизистых покровов ты не найдешь нигде. Да разве ее можно сравнить с убогой резиновой Зиной из тумбочки возле твоей кровати».

Умельцы из рекламной службы фирмы «Нана» даже ухитрились слепить из облаков грушевидную женскую фигуру…

Грамматиков свернул с Гороховой на Загородный проспект.

Рядом распахнулась дверь автобуса, похожего на огромный мыльный пузырь. Но на борту автобуса мерцал знакомый с детства номер маршрута.

Грамматиков не удержался, вошел.

Грустно перекатилась в кармане горстка пластиковой мелочи. Лучше сэкономить на билете.

Грамматиков смотрел сквозь прозрачные борта автобуса на улицы, по которым плыли маски, на мир, затянутый легкой серебристой пленочкой дождя, и его не отпускало ощущение нереальности…

– Вы не заплатили за проезд, – сказал мужик с сиденья напротив. Да какой там мужик. Бесполая физиономия, волосы, увязанные в светящиеся дреды. Его глаза, которые только что ползали как сонные мухи, внезапно сфокусировались, стали пронзительными. – Вы не вложили карточку в прорезь кассового автомата. С такими, как вы, мы никогда не достигнем гармонии.

Грамматиков хотел было пребольно наступить ему на ногу, но тут открылось виртуальное окно.

Мужик украсился многогранным нимбом, каждая из граней декларировала его «софт» и «железо».

Это и не мужик вовсе, а кукла с наноструктурной начинкой. Робот, скрытно контролирующий оплату проезда. В нем ничего, кроме металлоорганики, нанопластика, оптоволоконных шин, кристаллических микросхем, нанотрубчатых сетей, кремниевых волокон.

Наверное, этот наноструктурный может и плюнуть в безбилетника нервно-паралитическим ядом, тонкой струйкой под очень большим давлением.

Грамматиков рванул на выход, пришлось даже отшвырнуть какого-то остолопа, который отдался киберонанизму около самых дверей. Лицо киберонаниста напоминало обратную сторону зеркала, потому что «с той стороны зеркала», в глубине черепа, сияла Люциферова звезда наркоинтерфейса.

Под грохот падающего киберонаниста Грамматиков вылетел из адского автобуса и помчался так, как будто за ним гналась вся техносфера планеты Земля. Пока наконец не осознал, что так он рискует моментально засветиться. По сегодняшней улице можно бежать, лишь если на тебе спортивное трико, которое обтягивает атлетические члены, выращенные с помощью геночипа.

Грамматиков стал уничтожать в себе всякое волнение, напряженно дыша через левую и правую ноздрю, а также с помощью диафрагмы. Все как папа завещал. Удивительно, почему он предпочитал все-таки «Столичную» йоговским упражнениям. Наверное, папа просто поверил в то, что ему нечем дышать в этом тесном мире, сложенном из крепких четырехугольных дилеров и киллеров. На что рассчитывать ему, хлипкому, когда мужики, которые могли бы ходить в атаку через обледеневшее поле на вражеский дот, сознательно тонут в собственной блевоте, нахлебавшись рентабельного суррогатного спирта. Вместо человека в мире образовывается дырка. Но и «дырочный» ток, как показала «новая физика», приносит прибыль. А вот мать всегда умела поймать свежее дуновение ветерка даже в самом грязном скучном тесном пространстве…

Отец и мать сидят во мне, как в матрешке. Внезапно заработавший боди-коннектор – это тот самый ветерок из-за стены.

Грамматиков пошел нормальным шагом, радуясь обретенному спокойствию. И тут услышал, как из подворотни доносятся крики. Даже не крики, а сипение, вырывающееся из сдавленного горла. Кого-то вроде душат или насилуют. А ты иди себе мимо, подумаешь, мелочи какие, после того, как изнасиловали целую страну…

Но Грамматиков не совладал с милицейскими генами, которые он унаследовал от мамы, и вступил в проход, образованный нарочито обшарпанными стенами.

В конце прохода был здоровенный дядя Том с голографической эмблемой гарвардского института международного развития на футболке. Он что-то делал с белобрысой девкой, прижав ее к мусорному баку. Что-то далеко неакадемическое. Его крепкая задница работала как нефтекачка. А к его атлетической бронзовой шее присосался нейроакселератор матово-черной пиявочкой.

Грамматиков в нерешительности потрогал гарвардца за плечо, уже понимая, что подворотня носит постановочный вид. Турист законно развлекается, купив лицензию на порцию добровольно-согласованного насилия. Вкусно и дешево, как пишут в путеводителях по поствоенной пост-России.

Секс-турист, наконец, обернулся. Лицо у героя экстремального отдыха сочилось трудовым потом. Нейроакселератор усиливает ощущения, но из-за сенсорного привыкания требует все более интенсивной эксплуатации «объекта».

Закатившиеся зрачки девки обнажали неприглядную белизну глазных яблок, слившуюся с гнилой бледностью лица. Ее слюна и сопли обильно вымочили гарвардскую футболку в разных местах.

Грамматиков ушел бы, наверное. Ведь девку в любом случае откачают... Но когда турист поторопил его: «Вали», Грамматиков подхватил с земли пивную бутылку и стал заталкивать импортному бугаю в оскаленную пасть. Бутылка уходила все глубже и глубже, теперь уж склизкие руки туриста беспомощно скользили по куртке Грамматикова. И случайный прохожий мог бы подумать, что это Грамматиков – секстурист, купивший лицензию на полчаса садизма. И лишь когда гарвардец засипел именно так, как сипела до этого девка, Грамматиков повернулся и пошел так, как ходят шерифы, исполнившие справедливый приговор.

Скоро я буду жалеть об этом. Скоро, но не сейчас. Именно страх перед «скоро» никогда не давал мне почувствовать всю красоту «сейчас».

Вот и Пять Углов, теперь свернуть на улицу Рубинштейна.

Таинственные граффити, сделанные на стенах «умной» микросхемной краской, то светились как грибы в джунглях, то снова гасли. Пушкин, поражающий змея с головой дяди Сэма. Ниже надпись: «Пушкин и ЭТО должен делать за тебя?». Похоже, недобитые националисты постарались. Улица Рубинштейна всегда была фрондерской.

Подъезд, где проживал Борис Дворкин, выглядел весьма укрепленным. С бронированной дверью. Наверное, осталась от времен господства мародеров на улицах Петербурга, освобожденного от всяческого гнета. Вместо обычного кнопочного замка сенсорные панельки с указанием фамилий. Фамилии Дворкин там не было. Но и визитная чип-карта едва ли врет.

Грамматиков сразу нажал на все панельки и сказал в пупырчатый кругляш микрофона:

– Боря, это вы?

– Вы ошиблись... ошиблись... ошиблись... таких здесь нет, – отозвался ему хор жильцов.

Но потом динамик высказался более осмысленно.

– Вам какого Борю? – уточнил приятный женский голос.

– Такого. С вами живет только Боря Дворкин, надеюсь.

Чуткий динамик донес эхо разговора: «Тебя спрашивает длинноносый такой, тощий, сказать, что нет тебя или как?»

– Мужчина, вы меня слышите? Борис переехал отсюда. До свидания, – доложил динамик и отключился.

Грамматиков снова нажал на панель вызова.

– Эй, если меня не впускают в дверь, я вхожу в окно. Причем в буквальном смысле.

Он глянул наверх. Восьмая квартира – третий этаж. Можно попробовать.

Грамматиков забрался на искусственный сильно пахнущий одеколоном тополек, с него перескочил на подоконник, потом на водосточную трубу, с помощью обезьяньих движений добрался до второго этажа.

Грамматиков ощущал странную легкость, которая у него раньше бывала только во снах. И старался не думать, что, уж конечно, на третьем этаже ему станет страшно.

И тут дверь внизу открылась... Предлагают войти...

На пороге квартиры номер восемь стоял человек, который несомненно был Борисом Дворкиным.

Грамматиков сглотнул ком, мгновенно набухший в горле – Боря был чем-то похож на Сержанта из больницы.

– Ты, то есть вы... Извините...

Да нет, не Сержант, черты лица другие, просто что-то в глазах такое же... нездоровое.

– И тени их качались на пороге... Давай, Андрюша, не будем общаться на коврике для вытирания ног, заходи.

2

Стильный кабинет. Одни прозрачные нанодисплеи на окнах чего стоят. Если погода плохая как сегодня, то они показывают яркие южноиталийские берега.

– Чем обязан, господин Грамматиков? – подчеркнуто ритуально спросил Борис Дворкин.

Придуривается, что ли?

– Да всем обязан. Борис, вам не кажется, что вы чересчур похозяйничали у меня дома?

– Слушай, барон, это ж было год назад. Я уже ничего и не помню. Ну, наверное, мы у тебя немножко пошутили...

– А Вера тоже шутила, когда хотела прикончить меня мономолекулярным холодным оружием? Из-за нее я, между прочим, свалился с крыши.

Расслабленная вальяжность господина Дворкина несколько улетучилась.

– Да что ты? Свалился и, как я вижу, уцелел? Везунчик, вероятность такого исхода очень мала. А Вере я давно не доверяю, честно. Вообще мы с ней разошлись, причем я побежал. Вера, как бы это сказать, теперь при новом начальстве...

– Ладно, Вера скурвилась. А прозрачный сосед, полный говна и мочи, а соседка без костей, похожая на обожравшуюся змею, а джинсы – все, что осталось от дамы по имени Лена? Все это случилось именно после вашего визита. Я уж не говорю о техноорганизме, расползшемся по квартире...

– Что-то больно густо ты мажешь... На диван, что ль, садись. Чаю попьем.

В кабинет вошла белокурая женщина и вкатила сервировочный столик вместе с принадлежностями для питья чая согласно японской церемонии «то-ю-но». Бамбуковые ложечки, совочки, щеточки, сосуд с кипятком, чашечки с пейзажами на боках.

– Можно мне с вами почаевничать? – спросила она. – Тем более что «то-ю-но» умею проводить только я. Как опытная гейша.

Та самая Лена, которая приходила с Борисом Дворкиным в гости, только уже не в образе патлатой бедовой маркитантки, а приличная такая матрона с аккуратной прической. Значит, жива!

– Эй, чего вылупился на мою женщину, Андрей Андреевич? Блондинок, что ли, не видел? Или она в твоем виртуальном окне похожа на Людмилу Зыкину эпохи застоя?.. Тогда закрой окно и пей чай, вот сушки. Старомодные, не стонут, когда их грызешь.

– Я – ничего. Я всегда так смотрю, – смутился Грамматиков.

– Я еще сейчас пирог разогрею, – пообещала Лена без всякого надрывного хихиканья, которого было так много в прошлый раз. И выскочила.

Незваный гость прихлебнул из чашечки, наверное, слишком громко, потому очень уж был поглощен своими мыслями. Чай – настоящий, с жасмином, все остальное – как во сне.

– Итак, Грамматиков, Лену ты только что видел. По виду это Лена, согласен? На ощупь, поверь мне, тоже Лена. Если ее хорошенько ущипнуть, то она отреагирует как настоящая женщина, а не как пластмассовая давалка – то есть нормально врежет тебе по морде. С соседкой Мариной и соседом Стасиком тебе, надеюсь, удалось повидаться хоть раз за последний год?

– Да, навещали они меня в психушке.

– И они, должно быть, в порядке, непрозрачные, при костях. Может, у тебя просто мозги перегрелись от стимботов?

– Но после того как вы ко мне пришли, на меня началась охота.

– Грамматиков, мы точно ни при чем. У меня даже охотничьего билета нет. Я и на мух не имею права охотиться.

Дворкин откровенно забавлялся. С одной стороны, это бесило Грамматикова, но с другой стороны, он понимал, что так вот, за чаем, никакие страшные тайны не открываются.

– Я слушаю вас очень внимательно, Борис, и ничего не понимаю. Вы ничего не говорите толком...

– Погаси свет, немедленно, – быстро, краем рта, проговорил вдруг Дворкин. – Выключатель рядом с тобой.

– Я не хочу с вами сидеть в темноте, – в приступе тоски простонал Грамматиков. – Мне не нравится интим такого рода.

– Погаси свет, везде, быстро. На кухне кто-то еще есть, помимо моей бабы.

– Ладно, я выключу свет, но попробуйте только...

Грамматиков ткнул кнопку и свет угас с приятной театральной медлительностью. Гость увидел по легкому перепаду тьмы, что открывается дверь в коридор, и подумал, что это выходит хозяин.

Рядом возникла какая-то масса, источающая напряжение, Грамматиков ткнул наугад острым концом бамбуковой ложечки. Что-то булькнуло и упало – тяжелое, как мешок с картошкой.

А потом Грамматиков включил свет и поперхнулся собственной рвотой.

Около его ног лежал и слегка еще дергался человек. Нестандартный человек. Нормальное как будто лицо (хотя, может, и не лицо, а умело подогнанная биополимерная маска), но под расстегнутой курткой видна прозрачная плоть, за которой стоит мертвое дымчатое сердце.

Из уха нестандартного человека текла голубая васкулоидная [3] кровь, смешанная с пузырями. А еще из его уха торчала

бамбуковая ложечка для чайной церемонии. Неподалеку от тела лежал пистолет, похожий на толстую пиявку.

Значит, демоны, о которых неутомимо плел Сержант, существуют. И червивый Стасик, змеедева Марина Петровна, монстры на чердаке – тоже не плоды переутомленного стимботами мозга.

В комнате появился Боря Дворкин.

– Черт, свет не надо было включать. Но теперь пусть погорит. И пистолетик-то подбери, негоже такому стволу валяться без дела.

Грамматиков выплюнул гадость, скопившуюся в горле, поднял оружие и показал пальцем на лежащего человека.

– Что с ним?

– Ничего особенного. Завещания в твою пользу он не оставил. Я на кухне еще одного грохнул. Труп за холодильник упал, оттуда всегда мусор тяжело доставать.

– Я спрашиваю, почему он не похож на обычного человека?

– Вопросы потом, после лекции, а сейчас сваливать пора.

– Как это сваливать? А Лена, жена ваша?

– Она же моя жена, а не твоя, так что уж позволь, один я побеспокоюсь. К тому же «скорую» я ей уже вызвал. А мы выходим через чердак, потому что в подъезде нас наверняка ждут.

3

Когда Грамматиков выглянул из чердачного окна, стало опять дурно. Седьмой этаж – не третий. Дворкин показал пальцем на антенну сотовой связи, украшающую крышу дома напротив, и сказал, что туда протянута мономолекулярная нить, невероятно прочная, предельно скользкая и одновременно чудесно липкая.

Нити не было видно. Ничуть, ни капельки. Даже в виртуальном окне она выглядела абсолютно призрачной, несмотря на хорошие показатели удельной прочности.

А пропасть, жадная и большеротая, была видна во всей красе.

– Придется поверить, барон, что спасительная ниточка у нас есть и пройти по ней проще, чем верблюду проскочить через угольное ушко. Только напрямую за нее цепляться не стоит, мигом останешься без ладошек. Воспользуйся ремнем, если пряжка металлическая.

Дворкин с ласковой улыбкой указывал Грамматикову направление – вперед, в Бездну. В прошлый раз, когда он уже слетел с крыши, его защитил радужный нимб... Или, может, сама техножизнь...

По счастью, сейчас все произошло достаточно быстро. Руки, хватающиеся за ремень, и ремень, охвативший невидимую нить, перенесли Грамматикова на крышу соседнего дома со скоростью героя комиксов. Впрочем, сказалась нехватка опыта и Грамматиков впилился лбом в стальной кронштейн, на который крепились антенны.

Свежеиспеченный человек-паук попытался понять, нет ли у него вмятины во лбу, покачиваясь и приседая. Присел он очень своевременно, потому что над его ушибленной головой пропели кассетные пули. Миновав потенциальную цель, они самоликвидировались, обернувшись двумя яркими пушистыми облачками.

– Цельсь и стреляй, блин. Держи обеими руками, потому что у этой пушки отдача сильная. – Дворкин агрессивно закусил густой рыжий ус. Грамматиков выстрелил два раза из пистолета по окнам дома напротив. Если точнее, по теням, которые затемняли стекла.

– Попал, попал, угондошил обоих, – закричал Дворкин по-мальчишески звонко. И наступила тишина.

Всего на несколько секунд. А потом странное низкое урчание заставило воздух над крышей завибрировать.

Дворкин показал пальцем на другой край крыши… там поднималось что-то мощное и незримое, похожее на злого джинна.

– Полицейский роторник с фотоническим стелс-покрытием, новинка сезона. Нам не надо стоять и ждать его с глупым видом. Вперед, то есть вниз.

Они съехали вниз с помощью мономолекулярной нити, испугав до смерти пару старушек, которые так и не смогли дать естественнонаучных объяснений полетам живых тел перед их окнами.

А потом был бег по пересеченным питерским дворикам, которым век сносу не будет, лишь ноги порой буксовали на плесени.

– Стоим, отдыхаем, – неожиданно распорядился Дворкин. Похоже, сам этот лось и не запыхался вовсе. Его резкий профиль делил сумрачный горизонт пополам – до и после.

– Мы ушли или не ушли? – едва выдавил Грамматиков сквозь слизь и слюни, назло набившиеся в горле.

– Ты отстал от жизни, колобок. Сегодня уйти невозможно. В каждой стене есть подслушивающая акустика, поднюхивающая сенсорика, подсматривающая фотоника. Вместо мух робоинсекты летают. Уйти невозможно, можно лишь обмануть.

Дворкин умудренным глазом следопыта посмотрел вокруг,

втянул воздух подвижными ноздрями. И вошел в стену.

Блин! Дворкин – это обычный мимик, персонаж виртуального окна. Опять меня надрали, развели как распоследнего лоха! Вернее, мимик весьма необычный, супермимик, неотличимый от натуры. Никаких стыков между графическими элементами, никаких упрощенных поверхностей, бездна деталей. Да, мой мозг безнадежно заражен шпионскими нейроинтерфейсами! «Попил чайку» и поскакали по нервным волокнам черные нановсадники, чтобы захватить лучшие места в моей башке.

Грамматиков даже присел из-за влившейся в колени слабости.

Реальный Борис Дворкин неизвестно где и неизвестно кто, я убил человека. Или нескольких людей, если выстрелы по окнам Бориной квартиры были действительно удачными.

Тут Грамматикову показалось, что на глаза навернулись слезы, стена дома перед ним как будто поплыла, вместе с обшарпанной штукатуркой и антикварной надписью «Шнура в президенты».

Грамматиков потрогал веки – нет, сухие…

Это стена дома оказалась фальшивой. Просто аэрозольный экран из наноразмерных дисплеев.

За разлетевшимся экраном стоял автомобиль «БМВ» [4] – компактный, сильный и красивый, как рыбка бычок. Одна из дверей салона плавно отплыла в сторону, она напоминала уютную раковину, столь ценимую еще нашими предками-моллюсками.

– Давай в темпе, фигуры в статичных позах на фоне плоского ненатурального пейзажа оставим таким мастерам средневековья, как Джиотто.

Борин голос выходил из автомобиля. Ну, сейчас я ему дам в наглый выпуклый глаз. Пусть даже получу за это по морде.

– Дворкин, кто вам позволил пачкать мои мозги всякой нанодрисней?

– Да остынь ты, праведник. Через полчаса от дисперсного интерфейса и следа в твоем теле не останется. По крайней мере за свой интерфейс я ручаюсь – это ж обычный «Визи-Гот». Разок помочишься, и ты чист, как младенец.

Грамматиков сел в машину. Внутри не было никакого Бориса Дворкина. Совершенно пустой салон.

Из приборной панели выдвинулся руль, покрытый мягкой псевдобобровой шерстью. Казалось даже, что на рулевом колесе растянулся мохнатый зверек.

Световая вспышка на мгновение ослепила Грамматикова. Его просканировали, определив местоположение и размеры тела.

– Пристраивайся-ка на место водителя. В темпе! – Голос донесся из акустической системы, вмонтированной в обшивку сидений.

Все ясно, бортовой компьютер.

– Эй, чего орешь, железяка? – зло отозвался Грамматиков, но на водительское место сел.

Сервомеханизмы кресла вкрадчиво прожужжали, подстраивая высоту и наклон сиденья под невзрачную фигуру Андрея Андреевича. На ветровом стекле появилась транспарентная карта города.

– У меня чемпионский титул по кричанию в ухо... И вообще я не «эй», а Борис. Во избежание путаницы можешь называть меня Борис-Два. Не бойся, что ты стал водителем, это так, для видимости. Все равно поведу машину я сам... А теперь я тебе, Грамматиков, действительно кое-что объясню, потому что в квартире надо было опасаться подслуха. Ведь сейчас жучки не более заметны, чем отдельно взятые вирусы гриппа.

Машина под мягкое гудение ванкелевского двигателя тронулась с места.

Ну и что такого, подумал Грамматиков, если Борис Дворкин как следует повозился с программно-аппаратным Борей-Два, то вполне мог протащить его достаточно далеко по шкале искусственного интеллекта. И сейчас у Бори-Два собственная разумность и чувство юмора на уровне доцента провинциального института.

4

– Мы хотели изменить мир в лучшую сторону, чтобы люди стали разумной силой, а материя – мыслящей.

Это утверждение выглядело как визитная карточка организации маньяков. Впрочем, до войны и шариков в ягодицах Грамматиков мечтал о том же самом.

– Кто «мы»? – напористо поинтересовался Грамматиков.

– Группа энтузиастов, вятичи, кривичи, радимичи, известный тебе Вовка Кренделевич. Ему – светлая память, погиб геройски на войне. Мы хотели, чтобы нанотех сделал жизнь каждого осмысленнее. Поэтому ты, как «каждый», стал чуть ли не главным действующим лицом.

Ответ был по-сектантски хитрым. Никаких конкретных имен, за исключением мертвого Вовы.

– А вы моего согласия спросили? За счет моего здоровья вы провели тайный эксперимент. Что, разве не правда?

Вопрос не смутил собеседника.

– Отчасти правда. Нам был нужен этот тайный эксперимент позарез, как дыхание рот в рот небезызвестной мертвой царевне. Увы, государственные лаборатории связаны массой бюрократических ограничений, а частные продали бы нас с потрохами… Но тебе ведь было интересно, ты мечтал о том же, и, значит, твое согласие мы все-таки получили.

– Ну и? Теперь ты, конечно, скажешь, что эксперимент с техножизнью вышел у вас из-под контроля.

– Да, вышел. – Голос Бориса-Два удачно помрачнел с помощью эмоционального интерфейса. – Вышел, Андрюша, потому что началась война.

– Из-за этого эксперимента?

– Да, типун тебе в штаны. Война случилась по вполне естественным причинам. Что-то отнять, что-то сломать, кого-то опустить. Может даже, все отнять и всех опустить. Пока агрессоры нас имели по полной программе, техножизнь была предоставлена самой себе, и будь уверен, она зря времени не теряла.

Борт-компьютер был скорее всего запрограммирован Борисом Дворкиным, его стиль. Но нельзя исключать, что некий программист просто имитировал стиль Бори. Чтобы не лохануться, надо быть осторожным, побольше слушать и поменьше говорить.

– А ты уверен, что она существует? – спросил Грамматиков.

– Если бы я не был уверен, то спокойно сидел бы дома и пил бы японский чай с русскими довоенными сушками. Она существует, да еще в двух формах. Есть две техножизни. Одна – светлая и одна умная, которую породили мы. А другая – примитивная, темная и коварная, созданная командой Леры Найдорф. Про светлую мне, собственно, нечего тебе рассказывать, кроме того, что ее надо найти, а вот темная неплохо показала себя в тех прозрачных демонах, с которыми ты недавно повстречался. Это своего рода диффузный паразитический организм. Он вызывает серьезные изменения в человеческом теле, аж на уровне белковых комплексов, отчего происходят дипольные сдвиги и много еще чего. Белки начинают играть как бы в одной команде. Меняются коэффициенты отражения и преломления света у тканей тела. Распределяясь в управляющих зонах мозга, темная техножизнь форматирует его под загрузку сложных психопрограмм. Более того, она встраивается в генетический аппарат и усиливает регенеративные способности…

Грамматиков заметил, что Борис-Два увлекся как школяр, описывающий одноклассникам то, что он подсмотрел намедни в раздевалке для девушек.

– Стоп, машина, сейчас не надо сказаний, ведь меня могут в любой момент остановить и попросить на выход с вещами. Конкретно, где искать светлую техножизнь?

– Если б я знал. Вопрос еще и в том, кто быстрее до нее доберется. Одна наша общая знакомая или мы. И если честно, будь здесь тотализатор, я бы поставил на Веру.

Помимо своей воли Грамматиков стал вспоминать темные солнца Вериных глаз, обволакивающую мягкость ее движений, струящиеся линии ее тела, и голубые змейки, выскочившие из под ее ногтей…

– Да, барон, она не просто блядь в третьем поколении, но еще и монстр. С Найдорф может сотрудничать только монстр, такова аксиома. И я подозреваю, что Верка кинула нас и перекинулась в банду Леры Найдорф еще до войны. В команде Найдорф очень серьезные наноинженеры. Они превратили Веру в богиню смерти Кали, обвешенную кишками патриотически настроенных мужиков…

– Но почему этой суперкоманде суперинженеров не создать светлую техножизнь самостоятельно?

– Пытаются создать. Но светлая у них не получается, потому что они – гады, коллаборационисты и наемники. И даже у нас ничего не выйдет, потому что Вова Кренделевич – мертвый герой. Как он там кудесил с нанокристаллами, история не сохранила, начальные условия эксперимента восстановить просто невозможно.

Где-то под ложечкой у Грамматикова образовалась тоскливая пустота. Он порыскал в бардачке и нашел пакетик с суповым гелем. Потер ее в руках, запустив химическую реакцию, которая превратила холодный гель в теплую суспензию. Через несколько секунд опрокинул себе в рот нечто напоминающее по вкусу вареную штукатурку. От высокотехнологичного супа пустота несколько сгустилась, но тоски меньше не стало.

Назад дороги нет, а впереди – черная дыра. Борис Дворкин – в лучшем случае скользкий делец, который мутит воду, надеясь хоть чем-нибудь поживиться.

– Послушай, а почему бы мне сейчас не выйти из этой машины? Ты мне и так уже создал кучу неприятностей. Кто бы ты там ни был, Боря-Один или Боря-Два, я не собираюсь искать для тебя светлую техножизнь, подставляя задницу своре найдорфских демонов. Останови-ка.

– Здесь нельзя. – Боря-Два и в самом деле уже свернул на Невский, залитый как будто жидким огнем. Наполненные плазмой праздничные пузыри летели по программируемым траекториям, образуя свадебные шлейфы за каждой машиной. –

Да и вообще, барон, мы можем сегодня неплохо повеселиться. Глянь, кстати, направо. Экая конфетка катит.

В пестром автомобильчике на соседней полосе и в самом деле ехала девчонка что надо.

– Если бы ты даже мог выполнять роль фаллоимитатора, я бы как-нибудь обошелся без тебя.

– В самом деле? А тачка-то моя. И я всегда могу дать пару ценных советов молодому неопытному другу. Вот как ты думаешь, Грамматиков, что нужно для любви?

Нет, эта железяка сильно действует на нервы, вся – в своего творца господина Дворкина.

– Что нужно некоторым для любви? Мономолекулярный презерватив с музыкой и усиками.

– Мне жалко тех девушек, которые с тобой были знакомы. Или таких почти не было? Для любви, Андрей, нужны цветы.

– Цветы? – Грамматиков переспросил, чувствуя, что в его голове слова Бори-Два находят какой-то смутный отклик.

– У тебя ведь была контузия, Андрей?

Грамматиков почувствовал острое желание вырвать Борю-Два из отсека, где он скрывается, чтобы задрыгал проводками, подлец... Ну сколько можно терпеть?

– Была. И что?

– Ничего. Вон у тебя глаз из-за тика дергается, да и во мне тоже что-то все время тикает. Однако с памятью у меня порядок, а вот у тебя как? Ты и в самом деле забыл коды, запускающие половое размножение технорогов?

– Я много чего забыл, но на моем компе... – Грамматиков запнулся. Нашел с кем откровенничать.

– Твою квартиру разграбили мародеры. Там не осталось никаких ценных вещей. Скажи спасибо, что твою маму не пристукнули и не изнасиловали Марину Аслановну. Впрочем, насилие в умеренных количествах пошло бы Марине Аслановне только на пользу.

Блин, он так мало думал о маме в этот последний год.

– Я же получал от мамы письма, но она ни словом...

– Маманя у тебя боевой офицер, так что не волнуйся за нее. А у нас с тобой свои долги перед страной и миром. Скажу прямо, объективной информации мне не хватает, но интуиция никогда не изменяла мне. Чем раньше светлая техножизнь выйдет из подполья, тем лучше для нее. Темная техножизнь не успеет удавить ее по-тихому в этом самом подполье. Но выход на поверхность означает ускоренное размножение и отбор наиболее устойчивых форм. Надеюсь, солдат, ты в курсе, какой способ размножения самый лучший?

– С точки зрения рекомбинации наследственной информации, то половой...

Боря-Два как будто прищелкнул языком.

– Вот именно. Если техножизнь вылезает на поверхность и украшает себя цветочками гонофоров, то ей без тебя никак, потому что коды, запускающие половой процесс, закопаны именно в твоей голове. И если ты честно вспомнишь все, что нужно, то увидишь древо техножизни, проросшее до самых небес, до Луны, Венеры и Марса, древо, которое оплетет своими ветвями Солнце... Раз, и губернаторша Найдорф и ее команда бодрых извращенцев – просто удобрение, кучка говна, оставшаяся далеко внизу. Поспеваешь за мной?

Машина въехала на Малый проспект Васильевского острова, за ним начиналось Сити, с кактусоподобными небоскребами из полиуглерода и высотными автобанами, сшитыми из нанотрубок. Их натянули там, где раньше летали лишь птицы, покрикивая на крохотных букашек-людей внизу. С верхотуры одной из башен Сити гордо взирает на свои достижения старуха Найдорф.

Неожиданно в голове Грамматикова все устаканилось и предстало в совсем мрачном свете.

Борт-компьютер говорит от имени антиправительственной группировки, готовящей мятеж.

– Боря-Два, скажи прямо, что ты втягиваешь меня в заговор. Я не люблю Леру Найдорф и ее команду извращенцев, – честно признался Грамматиков. – Я не одобряю того, что они сделали с моей страной, но я не буду участвовать в заговоре. Тем более в роли пешки, которую быстро сбросят с доски...

– Дурак ты. Ты ж для нас почти святыня. И никакого заговора нет. Есть просто свое видение будущего. Андрюха, успокойся, мы не будем свергать Найдорф и даже американосам мстить не будем. Зачем свергать червяков и мстить букашкам? У нас будет своя, космическая Россия!

– Угу. Там с помощью нанотехнологий мы вырастим березки, построим церквушки и воскресим из мертвых царя Гороха.

Машина переехала через речку Смоленку, упакованную в прозрачную граненую трубу, затормозила около робота-сфинкса, взимающего плату за проезд в Сити. Грамматиков краем глаза посмотрел на дверь. Дернуть ручку и бежать? Кругом ни подъездов, ни подворотен. Только громады нанопластиковых небоскребов, переплетения магистралей, да еще хрустальный портал Арки Демократии, находящийся на месте разбомбленной церкви Смоленской Божьей матери.

– И не вздумай, Грамматиков. Очень может быть, что ты им больше нужен, чем я. Поэтому дверца, извини, заблокирована.

У них на хвосте висела «Ди-Вольга». Автомашина, похожая на баклажан темно-фиолетовым отливом и формой.

Хотя «БМВ» умело вписался в левую полосу верхнего яруса, промчался по кривым металлостеклянным эстакадам Дома Мебиуса, пролетел среди стоячих волн и других чудес сверхтекучести Дома Гелия, «Ди-Вольга» не отставала.

– Убедился, напарник? Эй, друг Грамматиков, чего-то у тебя вид больно иконописный, ты что прибалдел?

Если точнее, Грамматиков не «прибалдел», а настрадался от страха, особенно когда машина Дворкина мчалась вдоль невысокого ограждения по наклонной полосе над пропастью глубиной триста метров. Высота не была стихией Грамматикова.

– Мне не нравятся скайвеи, – по возможности мужественным голосом признался Грамматиков.

– О'кей, иду на посадку.

«БМВ» как раз вырвался на спиральный съезд с автобана и устремился к поверхности земли. Ощущения у Грамматикова были, как у космонавта в спускаемом космическом аппарате.

– Э, куда ты едешь? Там же «кирпич», а за ним стройка! – запротестовал Грамматиков.

Несмотря на запретительные знаки и крики протеста, «БМВ» затрясся на неровностях огромной строительной площадки, напоминающей о начальных стадиях строительства Вавилонской башни.

– Высовывайся и стреляй.

– Нет. – Грамматиков вцепился в кресло обеими руками.

– Применяй оружие, слизняк. Или они нас раскатают тут. Господи, да твоя мамаша, капитан Елизавета Грамматикова, лично убила работорговца Аслана.

Грамматиков подумал, что его слабовольный папа, наверное, спился из-за такой женушки. Хотел еще раз крикнуть «нет», но почувствовал в себе холодный сосредоточенный центр – этакого внутреннего командира его мышц и нервов, столь похожего на маму... Грамматиков высунулся в окно, чуть не поперхнулся от ветра и выстрелил пару раз по колесам и ветровому стеклу преследователей.

«Ди-Вольга» заметно вздрогнула и отстала, потом потерялась за каким-то краном.

– Ну что? – с торжествующим возгласом обратился Боря-Два к Грамматикову. – Оторвались мы от них, ха-ха! И все потому, что я никогда не соблюдаю правил дорожного движения...

«Ди-Вольга» преследователей внезапно вынырнула из-за

пузатого контейнера со строительным мусором и под углом в тридцать градусов впилилась в борт «БМВ». Грамматикова швырнуло на дверку, где-то в спине хрустнуло.

Боря-Два бросил руль в противоположную сторону и съехал прямо на фундамент будущего здания, в котором там и сям мелькали провалы подземных помещений. «БМВ» запетлял среди зарослей саморастущей металлорганической арматуры.

– Тормози, сворачивай, бога ради, – зарычал Грамматиков, заметив, что Боря-Два несется прямо на столб.

– Позволь мне одному молить моего машинного бога о нетленности трансмиссии.

Боря-Два свернул в самый последний неуловимый момент, когда казалось, было уже поздно. А громоздкая «Ди-Вольга», водитель которой, видимо, не имел достаточного обзора, «поцеловалась» со столбом. Ее крепкий полиуглеродный корпус не расплющился от столкновения с диамантоидным материалом, а отлетел – ровно в один из подвальных провалов.

Оттуда спустя несколько секунд поднялся рокочущий огненный гриб.

– Да остановись ты наконец, открой дверь. Мы обязаны оказать помощь.

– А также выставить аварийные дорожные знаки. Но жареному мясу уже никак не поможешь, поверь мне, у них там все боеприпасы сдетонировали... Впрочем, мы остановимся, но совсем по другой причине.

Боря-Два дал задний ход и резко затормозил у горящего подвала.

– Грамматиков, чего сидишь, как пионер в публичном доме? Быстро выбирайся из машины.

– У тебя там что, какая-то микросхема перегорела? Ты же сам сказал, что...

– А теперь говорю, что нас засекла полиция. Я перехватил желтую информационную трассу. Господи, как я ненавижу дисхронию человека и компьютера. Шевелись, слизень! Надо спихнуть наш автомобиль в тот же самый подвал. Поставь автоматику на нейтраль. Давай же! Меня не забудь вытащить, я там, за синей панелью.

Грамматиков в одно движение сорвал панель и вытащил борт-компьютер, украшенный мерцающей шевелюрой оптического волокна.

– Теперь толкай машину, дуб ты этакий.

И «БМВ» отправился в дымящуюся дыру.

– Теперь уничтожь меня, – сказал Боря-Два невнятным, лишенным эмоционального усиления голосом.

– Что-что? Зачем же ты потребовал, чтобы я тебя вытащил из приборной доски?

– Для надежности, Грамматиков. А сейчас разбей меня, раздави.

– Для какой такой надежности?

– Быстрее, я говорю... До свидания, друг мой, до свидания... Во мне хранится кое-какая информашка, которой бы я не хотел делиться с супостатом.

– Ну, если ты так просишь.

Грамматиков положил Борю-Два на фундамент и поднял кирпич...

6

Через несколько минут прожектора полицейского вертолета прижали Грамматикова к забору с крутящимися колючками, который ограждал стройку.

Грамматиков попытался порвать футболку на своей груди.

«На мне минимум пять трупов за один только день! Без лицензии на убийство. Вертухаи посадят меня на электрический горшок и с удовольствием поджарят яичницу с колбаской...»

Его рука нащупала пистолет...

«Стоп, нельзя брыкаться. Они убьют меня гарантированно раньше, чем я успею прицелиться. И вообще стрелять по алмазной броне – глупо».

Пистолет упал на нанопластиковый фундамент, элегантным движением ноги Грамматиков зашвырнул его под какой-то контейнер.

Когда вертушка полностью втерла его в забор лучами прожекторами и проколола спицами лазерных целеуказателей, послышался голос «с неба». Клоунский, тараторящий, пропущенный через какой-то медийный интерфейс:

– Надули! Розыгрыш! Вас снимают.

Грамматиков посмотрел на голосящий вертолет осоловевшим взглядом.

– Вы являетесь участником реалити-шоу! И это хорошая новость.

Прожектора чуть ослабили мощь света, вертолет наконец приобрел четкие очертания большой осы и из него на стройплощадку спрыгнула дама, интересная во многих отношениях. Особенно привлекал внимание ее рубиновый рот, хотя она была не в маске. Да и позолоченный бюст был фактически открыт, если не считать карминовых звездочек на

самых пикантных местах. Заодно с ней десантировались и трое юрких азиатов с переносной техникой.

– В эфире Талия. Вы смотрите «Последнее прости», – обратилась она к невидимым телезрителям, а потом страстно поцеловала своим рубиновым ртом сильно растерявшегося Грамматикова. При этом одна ее ножка шаловливо согнулась в коленке и закачала острой серебристой шпорой. Если такой в упор по яйцам...

Талия схватила Грамматикова за руки и потащила к вертолету, припевая: «В студию, в студию».

– У тебя всегда такой вид кисленький или просто устал, малыш? – Бойкая женщина почти насильно затолкала в рот Грамматикова какую-то штуку, похожую на бычий глаз. «Глаз» немедленно лопнул, кислородные пузырьки шибанули в нос, волна адреналина ухнула в кровеносные сосуды. Краски стали ярче и очертания предметов резче.

Вертолет взмыл над строительной площадкой и заскользил вдоль световых трасс, проделанных разметочными лазерами в сумрачном мокром воздухе, курсом на сияющие громады Сити.

«Пусть тарахтит, авось что прояснится», – подумал Грамматиков.

По счастью, дама действительно оказалась специалисткой по щебетанию. Из этого щебетания, после сравнения с цепочкой реальных событий, можно было сделать следующую выжимку.

Грамматиков стал объектом чистого игрового эксперимента. Камеры вездесущего реалити-шоу засекли происшествие на стройплощадке... Но, как сообщила полиция, погибшие личности никоим образом не числятся в списках граждан. Соответственно у этих личностей не могло быть лицензии на защиту со стороны правоохранительных органов демократического города-государства...

Руководитель «Последнего прости» немедленно выслал вертолет...

Сейчас над Сити в сплошной дотоле облачности образовалось огромное окно. Столбы солнечного света ударили в небоскребы, которые, казалось, выныривают из водяной бездны и подпирают небосвод своими извилистыми исполинскими телами. Чуть прищуришь глаза, и это даже не громадные здания, а смерчи времен Апокалипсиса.

Такая ярко-голубая вода, как в акватории Сити, могла быть лишь в лагуне тропического острова.

Поверхностно-активные вещества украшали «лагуну» картинно-медленной зыбью, как на полотнах маринистов.

Вертолет сперва пролетел над «слоем» старых барж,

пароходов, фрегатов и бригов, вставших на вечную якорную стоянку по краям Сити неподалеку от плавучих мусороперерабатывающих заводов, похожих на огромные мыльные пузыри.

Там и сям на палубах мертвых корабликов стояли ветряки и солнечные батареи в размах полного парусного оснащения.

Между мачтами были натянуты веревки, на которых сушилось белье. По палубам сновали косяки детей и расхаживали строгие мужчины с татуировками на лицах.

Неприличной публике не было места в самом Сити, но они беспрепятственно расселялись по свободной водной глади, получив от Комитета Гармонизации дешевую лицензию на маргинальную жизнь. Назывался этот «слой» жизни – Петронезия. За короткое время он был под завязку заселен выходцами с юга, согласно глобальному проекту гармонизации. Лишние люди теперь сплавлялись не в умытую и причесанную Европу, а в российскую промзону...

На бортах-дисплеях вертолета засветилась реклама, излучаемая Петронезией.

> ***Тысячи желтых маленьких хакеров лупят по клавишам, изготавливая психонанософт – от мягкого наркоинтерфейса «эйнджело» до жесткого «порнодаймоника». Они работают за миску риса для вашего удовольствия.***

– Я поняла, что ты отсталый парень с окраин, – сказала Талия, – но неужто ты даже «эйнджело» не пробовал? Блин, мальчик, я когда-то полностью отказалась от прямых подключений игровой нейрокарты к мозгам и не пожалела. Теперь только оральный вариант – проглотил дозу наркоинтерфейса и немного подожди, пока «малыши» доплывут до нервных центров и подкрутят там шарики-ролики. Эйнджело – такой улет! Весь мир становится сексуальным, проницаемым, скользким, вы просачиваетесь сквозь стены, вы перетекаете из тела в тело...

Грамматикову явно было не по себе от роли темного мальчика с окраины.

– А рекламу нельзя отключить?

– У них, милый, лицензия на рекламную обработку всех пролетающих аппаратов, вплоть до стратосферных. Какой же ты темный. И выражение лица у тебя детское... Может, мальчик, тебя интересует версия даймоника для чайников? – вкрадчиво поинтересовалась модераторша. – Как насчет встречи с богиней Иштар, принявшей облик классной руководительницы, а?..

Рука Талии довольно грубо опустилась на его штаны в районе промежности. Жест, скорее подобающий старой ВИЧ-инфицированной шлюхе, чем работнику культурного фронта. Однако рефлекторные дуги Грамматикова отреагировали однозначно – характерным вздутием в районе промежности, – и он поскорее отодвинулся, активно двигая ягодицами. Талия, как будто обидевшись, замолчала.

Пролетев над Петронезией, вертолет запорхал над плавучим островом, смахивающим на знак «инь-ян».

С западной стороны от главной изогнутой улицы был жилой квартал, с восточной – конторский. Вдоль самой улицы густо теснились магазинчики и разные увеселительные заведения.

Ненадолго вертолет завис над толпой, текущей, как густая жидкость, сквозь сосуды и капилляры плавучего острова.

Дома западной стороны острова выглядели словно огромные хрустальные люстры, кубки и вазы. Стены из диамантоидных материалов меняли прозрачность и искристость в зависимости от желания хозяев.

Офисы восточной стороны напоминали елочные игрушки из серебристой и золотистой фольги.

Некоторые переулочки, выходящие к центральной улице, были исполнены в стиле колониальной торговли.

> ***Здесь вас встретит запах хорошего кофе, курящиеся благовония и фарфоровые драконы, бумажные фонарики и шелковые ширмы. И девушки, словно выточенные из сандалового дерева. Лицензированный психософт подарит вам сексуальный опыт всей Африки, матки человечества.***

Северная часть острова была украшена портиками и колоннадами. Среди нанопластика, имитирующего мрамор и цветы, порхали огромные робобабочки.

> ***Международный центр эвтаназии «Врата рая» обслуживает до ста тысяч клиентов каждый год. Еще никто из наших гостей не покинул этот мир недовольным.***

К западу от острова располагались порт и плавучий аэропорт, к северо-востоку в утренней дымке проглядывали громады плавучих заводов, особенно выделялись своими циклопическими размерами доки, верфи и нефтеперегонные комбинаты, на их фоне сияли «магические» кристаллы лабораторий и институтов. Легкими переливами яркости просматривались и многоярусные

плантации тюльпанов, похожие на алхимические колбы. За ними световой пеной кипела дамба и лучились километровые призмы вселенского собора, выстроенного бахаистами в Кронштадте…

Когда вертолет пролетал над дамбой, она была похожа на волну, несущую бесчисленные охапки хрустальных одуванчиков.

Под действием моря и ветра многолопастные «цветы», почти не имеющие трения вращения, закручивались в звездочки, направляя энергию моря на выработку электричества.

– Какая красота, – сказала Талия. – А еще кто-то говорит, что матушка Россия после войны потеряла потенциал. Вот он – потенциал, все напряженно, все упруго и энергично, как после приема виагры.

– Я тоже люблю мультики. Между Микки-Маусом и мышью – большая разница, что бы ни говорил Голливуд.

«Молчи дурак», – нарисовалось в ее дотоле пустых аквамариновых глазах. Даже показалось, что на самом деле у них совсем другой цвет и выражение.

Вертолет, заложив вираж, направился к самому высокому зданию питерского Сити, горделивому творению гильдии наноинженеров, средоточию всех мыслимых медиа, источнику всего того, что входит в глаза, уши и нейроконнекторы любого жителя Петербурга, Ингерманландии и еще доброй половины Евразии. К дому, который носил неофициальное название Дом Медичи.

– Если смотреть со стороны моря, то он похож на мачты затонувшей шхуны, правда? – нарочито гордо сказала модераторша…

Два корпуса, напоминающие надувшиеся полотнища косых парусов, и в самом деле меняли свою кривизну как будто под воздействием ветра. Фотонические нанопокрытия на фасадах образовывали огромные километровые экраны, на которых крутилась видимая даже из космоса реклама.

Обитатели космоса сейчас могли узнать, что нет ничего нежнее и чувственнее туалетной бумаги «Ладошки фрейлины».

Вертолет влетел в просвет между «парусами».

Они скрывали, как створки раковины, еще один корпус, слепленный из дворцовых фасадов и корабельных форштевней.

Талия неожиданно оттаяла и приблизилась к Грамматикову на расстояние вытянутой груди.

– Тебе повезло, милый мой, ты оказался в нужном месте и в нужное время. Сегодня, когда глупые мальчики с окраин, откровенно говоря, живут кисло, органы в себе выращивают на продажу или работают попкой, у тебя есть возможность отличиться, бабки срубить и кайф словить! – Ее голос

профессионально забурлил от восхищения. – Ведь сегодня в Доме Медичи – Международный День Сказки. И наше шоу «Последнее прости» участвует по полной программе.

7

Над бездной стоял Калинов мост. Дряхлый, изъеденный искусственным временем и раздолбанный тяжелыми тварями вроде двенадцатиглавых змеев.

Дальний конец моста таял в густом молочном аэрозоле.

Надо было идти вперед. Грамматикова, обряженного в экзоскелет Змея Горыныча, сейчас преследовала целая бригада Иван-Царевичей, уверенных, что он обольстил полк Василис Прекрасных. Змей Горыныч, судя по генеральским погонам, символизировал прежний великодержавный режим. Иван-Царевичи выглядели подчеркнуто космополитично в своих ковбойских шляпах и джинсах.

Наказание для старорежимных Змеев Горынычей в Международный День Сказки было жестоким. Сжечь, прах зарядить в Царь-Пушку и выстрелить...

Горынычу-Грамматикову казалось, что он уже слышит врагов, как будто уже позвякивают пьезоколокольчики, развешенные в том нанопластиковом лесу, который вырос из его колдовского гребня.

Он сделал несколько шагов по мосту и чуть не упал. Гнилые доски рассыпались прямо под ногами. В прорехи были видны морды летучих демонов, обитателей бездны, питающихся тем, что падает с моста.

Мономолекулярный дисплей, плавающий как обычная линза по его левому глазу, окружил демонов виртуальными нимбами и снабдил надписями: «Нечисть класса „А“. Интерфейс недружественный».

Грамматиков сделал еще несколько шагов и опять чуть не сорвался. Наконец он сообразил, что прорехи образуются не абы как, а согласно алгоритму. Такие алгоритмы обычно дают в числовых тестах при приеме на «умную работу».

Когда мост стал уже не таким страшным, из тумана показался богатырский конь с Иван-царевичем. Конь знал алгоритм выпадения гнилых досок заранее. Его туша поскакала на Змея Горыныча по ломаной линии, огибающей все скрытые опасности. Иван-царевич бодро махал своей палицей. Весом в центнер минимум. Если бы не экзоскелет, этот тип ее бы даже не приподнял.

Черные ноздри коня храпят, дым с искрами пускают. Лошадиных сил в нем немерено. Как-то не верится, что экзоскелет выдержит многотонный удар копыт. Растопчет эта скотина Горыныча, как пить дать, а устроители празднества запишут в графе «причины смерти» что-нибудь вроде «пережрал дармовых чипсов»...

Горыныч-Грамматиков подныривает под коня, рискованно крутится на заднице, помогая себе хвостом, затем резко распрямляется. Хрустит от перенапряжения экзоскелет, но скотина-биомашина теряет точки опоры. Конь-огонь свирепо лягается, однако Горыныч уже взял его самбистским приемом «мельница» и через еще один оборот бросает в пропасть...

Иван-царевич успел ловко выскочить из седла, балансирует на балках, прыгает на Горыныча и наносит удар палицей.

Горыныч-Грамматиков почти увернулся, но все же его сшибло, бросило на балюстраду моста, которая тут же развалилась.

Горыныч едва успел ухватиться за самый край моста, повис, безнадежно болтаясь над пропастью. Вот-вот сорвется.

И сорвался бы, если бы Иван-царевич не попытался раздавить скрюченные зеленые пальцы Горыныча, цепляющиеся за балку.

Грамматиков ухватился за сапог Царевича, забросил себя обратно на мост.

Иван-царевич вцепился ему в шею. Горыныч-Грамматиков кувыркнулся через его руку, размыкая захват, освободился и тут же заработал богатырским кулаком по шее.

Несмотря на экзоскелет – почти нокаут, пейзаж потерял четкость, поплыл...

Горыныч ударил врага, почти не глядя, локтем, получил хук слева. На этот раз успел пригнуться, но поскользнулся, упал, чуть не съехал в прореху. Попытался сделать подсечку Иван-царевичу, а тот подпрыгнул как резиновый чертенок и еще нанес удар остроносым ковбойским сапогом. Целил в голову... Горыныч-Грамматиков перехватил его ногу и толкнул в сторону ограждения моста...

– Грамматиков, падла, друга убил, – больше уже ничего Иван-царевич не успел сказать. Его тело, перелетев через перила, растаяло в фиолетовой бездне, оставив лишь дымный след.

А ведь Царевич – это нормальный человек, участник шоу... Брр, и я мог быть на его месте...

Но Талия говорила, что экзоскелет дает стопроцентную гарантию безопасности.

Грамматиков обернулся. С утеса-великана его манила крючковатым пальцем какая-то нелюдь. Виртуальный нимб дал

ей характеристику: «Посланец богов. Интерфейс дружественный. Отказаться невозможно».

8

Сказочная пещера, населенная каменистыми троллями, завершилась дверью. И Грамматиков вынужден был войти.

Вроде обычная питерская квартира с довольно старомодной обстановкой…

На большом обеденном столе лежал… Сержант. Настоящий. Мокрый. В шевелюре запеклась кровь вперемешку с грязью. Левый глаз полуприкрыт гематомой. На глаз еще течет из разбитой брови. Ноги Сержанта трясутся мелкой дрожью, выбивая страшноватую чечетку. Игровой экзоскелет рассечен и напоминает панцирь раздавленного жука.

Сержант лежал прямо на тарелках, в соусе, в пюре, в соленостях, в луже пролитого вина. Но в первую очередь он лежал в огромном торте.

Помимо него здесь было еще несколько людей. Очень пожилая дама, в одеяниях Старой Ведьмы, в широкополой шляпе. Модераторша Талия, сейчас в облике Молодой Ведьмы, с сияющими проекторами в глазах. Человек с абсолютно незапоминающимся лицом, типичный Инквизитор. Он как будто все время находился в тени.

Все присутствующие явно были участниками праздника сказки. Но Грамматиков сразу почувствовал, что это праздник явно не для всех. Чтобы прервать молчание, застывшее над сюрреалистической сценой, он сказал:

– Почему бы не вызвать ему «скорую помощь»?

– Никто из присутствующих не нарушает его право на жизнь. Ни одно из подсоединенных к нему устройств не мешает его основным жизненным функциям, – сказала Старая Ведьма. – Однако у него нет оплаченного права на немедленную медицинскую помощь и восстановление жизнедеятельности в полном объеме.

– Зато у нас есть оплаченное право на то, чтобы жизнь не была скучной, – хихикнула Талия.

Несмотря на шутовской вид, настрой собравшихся был ясен, они были жестки и непреклонны. Им, наверное, было весело от возможности показать силу и власть. Если это и была сказка, то отнюдь не для детей.

– Послушайте, я ненавижу фантасмагории в любом виде, – преодолевая дрожь в голосе, заявил Грамматиков.

– Никакой фантасмагории и капустника, просто у нас такое делопроизводство. Хотите называйте это игрой, хотите – допросом, – словно спохватившись, стал объяснять Инквизитор. – Открытый город не состоит из статичных сцен, тут – суд, там – тюрьма, здесь – эшафот, за углом еще какой-нибудь орган. Попробуйте это понять. Год назад мы сокрушили государство вовсе не для того, чтобы поставить ему на место точно такое же, с унылым набором неизменных институтов. Наше общество – это живой мыслящий динамичный организм. Продюсер шоу – по совместительству следователь гражданского Комитета Гармонизации. Режиссер – прокурор. Телестудия одновременно является судебным присутствием. Прямо сейчас идет сетевая трансляция и те, кто имеет лицензию на эту информацию, получают ее. А те, кто купил лицензию на вынесение приговора, принимают решение.

Только сейчас Грамматиков заметил, что и соус, и пюре, и крем шевелятся, торт постепенно обволакивает тело Сержанта, а прямо в его окровавленный затылок входят претонкие проводки, похожие на сахарную вату.

– Как больно, – прохрипел Сержант.

– Хватит врать, мы контролируем ваши синапсы.

Перед Инквизитором на голографическом экране появилась нервная система Сержанта.

От каждого прикосновения пальцев Инквизитора к экрану возникали дополнительные окошки с диагностикой того или иного нервного центра.

Почти вся нервная периферия Сержанта светилась мертвенным голубым светом блокировок. И лишь несколько пар черепномозговых нервов – обонятельных, глазодвигательных, языкоглоточных – казались лилипутскими автомагистралями, по которым проносятся желтые огоньки крохотных машин.

– Так и есть. Подозреваемый ничего не чувствует. Тот танец, который он выделывает ногами, не имеет отношения к его мозгу.

Инквизитор потянул из торта склизкую трубочку со штекером типа «пасть миноги» и воткнул его в разъем за ухом Сержанта.

– Не больно, – согласился Сержант, – я как будто в каталептическом состоянии. Мне и обоссаться не стыдно. Ну, пытайте меня дальше. Побольше воображения, господа садисты.

– Молодец, – похвалила Талия, ее проекторы полыхнули настоящим адским огнем. – Мы как раз поменяли на нашем пыточном сервере кэш третьего уровня. Поле битвы – ваше мужественное тело.

– Только, пожалуйста, Талиечка, чуть убавьте яркость ваших очей, – добавил Сержант. – Ой-ей-ей, как мне щекотно. Мое

бедное мужественное тело – как страна перед распадом. Печень поползла со своего места, и глаз померк, не желая видеть печальный конец других органов.

Словно в такт его словам левый глаз задергался под гематомой.

– Что это значит? – спросил неизвестно кого Грамматиков, его голова была словно наполнена ватой, а под ложечкой пульсировала тошнота.

Ответил Инквизитор:

– А то, что ваш знакомый сейчас подвергается интрабиологическому дознанию по подозрению в террористической деятельности. Как вы знаете, информация может быть записана в любую из тканей тела, на клеточном уровне, на уровне ДНК, на уровне внутриклеточных телец.

Грамматиков оглянулся и заметил пистолет в руках у Старой Ведьмы, которая сейчас зашла ему за спину. Широкий ствол смотрел в его сторону.

– Гражданин Дворкин, Борис, бывший сотрудник российского отделения НАСА, – прочитал Инквизитор с видимого только ему виртуального экрана. – Есть сведения, заслуживающие доверия, что он служил в спецназе МВД под другим именем во время сибирской войны, имел звание старший сержант, был соучастником военных преступлений. В конце войны в составе националистического бандформирования «За Пушкина» участвовал в диверсионных нападениях на миротворцев с применением так называемых лазерных шприцов. Известен под кличкой Сержант.

Значит, Сержант – это все-таки Дворкин. Наверное, в лицевую мускулатуру двуликого Бори имплантирована миозин-резина, занимающаяся трансформациями физиономии.

Борис шумно выхаркнул сгусток крови и сказал:

– Прости, Андрюха, не мог тебе сразу правду втюхать, ты ж у нас еще нестойкий в борьбе. Лазерный шприц – отличная штука для спецопераций, давлением луча проталкиваются по каналу фуллереновые нанопилюльки, начиненные токсинами. Но этот гад пусть лучше расскажет, как американские роботперы наши села и города жгли, как финские зондеркоманды выбивали русский дух из Карелии, как миротворческие демоны резали по ночам противников нового режима. А какую они тут свободу установили… Продаются и покупаются насилие, похоть, грабеж, вампиризм, педофилия. Если купил лицензию на казнь, можно даже электрический стул дома держать…

– А не хотите ли вы, чтобы я вам подкрутил звук, – пригрозил Инквизитор и несколько стеснительно улыбнулся, показывая, что

сам он не сторонник крутых мер.

Голос Дворкина сразу сел. На первый план вышло то, что происходило с его телом. Приобретала прозрачность теменная кость, под черепной крышкой засеребрилась паутина мозговых извилин. Та часть спинного мозга, которая просматривалась сквозь пробоины экзоскелета, казалась гигантской спящей многоножкой...

Глаза Бориса совсем затянулись кровавой коростой, но губы и гортань еще шевелились, исторгая густой шепот:

– Вы видите, как под грубым воздействием темной техножизни умирает личность Бориса Дворкина. Они расчленяют меня так же, как расчленяли Россию.

– Мы не расчленяли Россию, – довольно вежливым голосом напомнил Инквизитор. – Мы взяли то, что осталось от этой страны, и сделали цивилизованной частью старой-доброй Европы. И вовремя взяли. Вы бы знали, что творится к югу от Твери и к востоку от Ярославля, на территориях, формально находящихся под управлением ООН, но реально контролируемых джамаатами. Работорговля, средневековье. Чуть мы опоздай, и Джамаат аль-Исламия хапнул бы и нашу Ингерманландию.

– Что вы конкретно ищете? – спросил Грамматиков Инквизитора.

– Коды. С точки зрения ветсофта [5] господин Дворкин всего лишь упаковка для определенных объектных кодов и сервисных процессов.

В такт словам Инквизитора голографический экран красочно демонстрировал, как циркулирует информация в Дворкине, ментобайт за ментобайтом, входя и выходя через точки доступа в височных долях, подвергаясь распределению в лимбическом отделе мозга под управлением гиппокампа и записываясь в отформатированные регионы по всему кортексу...

– Можно предположить, Андрей Андреевич, что есть еще один биоконтейнер, в котором находится другая часть кодов и процессов.

Инквизитор посмотрел на Грамматикова, однако не в глаза, а скользящим обтекающим взглядом.

Грамматиков почувствовал тяжесть под кадыком, по спине жаркой змейкой поползла испарина. Сейчас они будут его потрошить так же, как и Дворкина.

– Не бойся, солдатик, – подбодрила Талия. – В отличие от Дворкина ты, Грамматиков, всего лишь жертва. Мы в курсе, что после демобилизации ты не участвовали в каких-либо противоправных действиях.

– И если в Дворкине мы найдем все необходимые интерфейсы

и адаптеры, то ваша начинка будет прочитана легко, практически без внутритканевого сканирования, – сказала Старая Ведьма стальным бесполым голосом.

– Что же это за коды такие? Что получится, если их соединить? – спросил Грамматиков, борясь с сухостью в горле.

– Вопрос на сто долларов. Получится нечто чудовищное, – ответил Инквизитор. – Возможно, господин Дворкин с вами уже делился соображениями на этот счет. Да, это действительно новый тип нановегетативных систем, полностью открытых, способных победить любую энтропию. Но он наверняка сказал не все. Это не Древо Жизни, а Древо Гарантированной Смерти. Технополипы, техногидры, техномедузы – саморазмножающиеся, самоорганизующиеся, самовосстанавливающиеся, быстро расползающиеся по всему миру. Их не удержать, не остановить. Потому что это не нанопластик и не нанороботы, которых можно перепрограммировать или дезинтегрировать. Это – техноорганизмы, изменчивые и приспосабливающиеяся ко всему. Для победы над энтропией они способны утилизовать всю живую органику.

– Да, да, – пробормотал Грамматиков. У него сильно зачесалась макушка. Как будто инквизиция уже запустила свои щупальца ему в голову.

Волна прозрачности расходилась по Дворкину, открывая внутренности, превращая его тело в набор мясопродуктов, и это отдавалось потом на теле Грамматикова.

– Так вы согласны на сотрудничество? Я официально предлагаю вам сотрудничество от имени гражданского Комитета Гармонизации.

Грамматикову почему-то показалось, что Инквизитор, скорее, является передаточным звеном для Старой Ведьмы. Уж не сама ли это губернаторша?

Старая Ведьма качнула головой, и Грамматиков вспомнил анимацию из газеты. Это Найдорф. Точно она.

– Мы не формалисты, как вы могли убедиться, господин Грамматиков, – сказала Найдорф. – Для нас важны желание и воля, а не декорации.

– Не соглашайся, Грамматиков, как только у них появится интерфейс и адаптеры, они раскурочат тебя, так же как и меня, – проскрежетал Дворкин. Серебристая паутинка, оплетающая его мозг, заметно потускнела.

– Я и в самом деле вынужден полностью убрать звук, – сказал Инквизитор.

– Не смейте, вы нарушаете статью библии, что грозит обвинительным приговором на Страшном суде, – зачастил

Дворкин. – Вы разрушаете штучную работу господа Бога, чужую интеллектуальную собственность. Мой разум дан мне свыше, а не сбоку и не снизу. Я вовсе не клиент-серверная система, как клерки из ваших офисов.

Дворкин смолк, хотя в его горле продолжалось какое-то движение, а каблуки еще активнее забили по столу, словно компенсируя стеснения свободы слова.

Грамматикову вдруг захотелось, чтобы этот танцующий полутруп немедленно убрали отсюда. Надо было как можно быстрее обсудить условия сотрудничества с гражданским Комитетом Гармонизации. В этом был смысл. Без Дворкина не возникло бы никакой техножизни, никакой угрозы для всей живой органики, это он все организовал...

– Вы не могли бы сейчас остановиться, я не хочу это наблюдать, – сказал Грамматиков.

Ответ был неожиданным. И не от Инквизитора.

Под полупрозрачными кожными покровами Дворкина неуловимо быстро сократились багровые узлы мышц и алые тросы сухожилий, резко изогнулась радужная «многоножка» спинного мозга.

Каблуки Дворкина с грохотом ударили по столу, но на этот раз это не было танцем агонизирующей нейромоторики.

Тело Дворкина с чмокающе пневматическим звуком вырвалось из торта, мгновенно разорвав сахарную вату проводков.

Инквизитор увернулся от первого несколько неловкого тычка Дворкина. Однако губернаторша Найдорф пропустила удар ногой на среднем уровне, и пистолет выпал из ее руки. Подсечка опрокинула на пол и Инквизитора.

Разные цвета сейчас боролись в теле Бориса, словно сошлись в нем разные начала и первоэлементы. Черные и белые полосы сплетались на его лице и груди, как будто в нем совоплотились одновременно сто папуасских людоедов в боевой раскраске.

Между рук Дворкина завертелась голубая змейка, и за секунду до того, как Инквизитор подхватил пистолет, она прошла сквозь его тело, развалив пополам.

Половина Инквизитора еще поползла куда-то. Среди нормальных внутренностей были видны какие-то дополнительные структуры, которых не должно быть у человека – зеленоватые нити с подрагивающими пузырьками.

– Шалишь. – Боря забросил половинку Инквизитора в угол и следующим движением голубой змейки срезал с Найдорф голову.

Голова генерал-губернаторши покатилась по полу, но тело осталось стоять, а в красном кратере шеи показалось что-то

напоминающее надувной шарик. Шарик не успел дорасти до размеров головы, потому что Дворкин заставил его лопнуть одним молодецким щелчком.

– Грамматиков, городом Питером руководят переформаты, начиненные темной техножизнью, словно трупак червяками. В бабушку-дедушку Леру Найдорф еще восьмого марта прошлого года мы всадили в качестве подарка на женский день десяток разрывных пуль, а ей хоть хрен. Вот я и говорю, что все транссексуалы повязаны с чертом... Ну а что та одинокая девушка в уголке? Надеюсь, она не откажется со мной потанцевать.

Дворкин решительно двинулся к Талии, которая вжалась в узкое пространство между шкафом и стеной.

– Остановись, Борис. – Грамматиков заслонил модераторшу. – Если даже в ней гнездится темная техножизнь, она остается человеком, у нее есть право на жизнь. И вообще все бесполезно. Сейчас здесь будет полиция.

– Отдохни, защитничек, – неожиданно твердой рукой Талия отодвинула Грамматикова в сторону. – Я лучше полиции.

И Талия распорядилась Дворкиным, словно тот был мягкой детской игрушкой.

От удара девушки экс-Сержант перелетел через стол и врезался в стенку. Сполз кучей на пол. Прохрипел уважительно:

– Это серьезно. Блин, да это ж...

Талия подошла к обомлевшему Грамматикову и из ее глаз, ярких как небо пустыни, выглянул экспериментатор.

– Ты меня интересуешь, куда больше, чем Дворкин. Узнаешь меня, мальчик?

Ее глаза и пальцы, ее рот приблизились к его шее, его груди, его животу. Ее лицо менялось на глазах, та же способность к мимикрии, что и у Дворкина. То ли Вера Лозинская, то ли медсестра-брюнетка, то ли гарпия, рвущая человеческую плоть... А потом она скинула платье и ее полупрозрачное тело заструилось перед оцепеневшим Грамматиковым. Цветы яйцеводов и стебель позвоночника, дольки желез и бутон матки в нимбе из дымчатой плоти. Картина была объективно ужасной, это Грамматиков сознавал, но он был готов любить и ее органы. А потом словно открылось виртуальное окно и лицо Талии стало пропускать свет, который не имел никакого отношения к электрическому освещению, поскольку поднимался из Бездны. Его даже и светом трудно было назвать, ни яркости, ни цвета. Только энергия и власть.

Паутина из этого ненормального света сладко оплела мозг, легкие, кости Грамматикова.

Все тело Грамматикова стало тонким и легким как

барабанная перепонка, он слышал шелест листвы, шорохи лесного зверья, щебет птиц, жужжание пчел, поступь лани, копошение личинок, падение капель дождя.

Он слышал запахи далеких соцветий и пряные ароматы коры. И тихий шепот нанопластика. И, казалось, музыку больших и малых сфер он тоже слышал: атомов, соединяющихся в молекулы, и молекул, сцепляющихся в вещество, и вещества, рождающего сознание. Грамматиков чувствовал разум в крохотных ручейках энергии, просачивающихся сквозь границу, которая защищает плоский мир людей от Бездны…

Голова Грамматикова раскрылась как раковина мидии, его слух и видение поднимались как пар из кастрюли. Вещи теряли твердость, текли ручейками словно на картинах Ван Гога, рассыпались мазками, как у Клода Моне. Еще немного и весь мир можно будет сплести по-новому…

Ладони Веры были у Грамматикова на груди, но никакой боди-коннектор не пропустил бы такую волну пронзительных ощущений. Вера знала скрытые нейроинтерфейсы, рассредоточенные в его теле. Однако Грамматиков не ощущал себя жертвой инфекции. Пусть так, если это ключ к иной объемной жизни.

– Андрей, нам не нужны ни Дворкин, ни Найдорф.

Ее пальцы оказались у него на шее. Ее ногти легко, как в масло, вошли в его кожу, и не было больно, ее ногти прорастали сквозь его тело, нежно и неудержимо рассекая плоть и блокируя нервы. Другая рука скользнула вдоль средней линии его живота к паху. А вместе с тем брызнули и потоки сладкой энергии. Вот-вот превратятся они в водоворот, который в момент унесет душу Грамматикова…

Вера неожиданно отшатнулась. Вернее, вильнула вбок и назад. Звук выстрела громыхнул под потолком. Вера, как будто не глядя, ударила Дворкина ногой, отбросив на шкаф. Тот бессильно хрупнул и сложился пирамидкой на рухнувшим телом. Пистолет улетел в угол. Грамматиков теперь почувствовал боль и кровь, ползущую теплой змейкой по шее…

– Господи, Грамматиков, сматывайся, пока не поздно, – прохрипел Дворкин. – Ей в самом деле нужен ты, а не я, в тебе – секрет техножизни. Она разделает тебя, как хороший повар цыпленка – всего за несколько секунд.

Дворкин сорвал что-то со своего уха и швырнул в сторону Грамматикова. Вера, по-звериному рванувшись, попыталась перехватить летящее кольцо, но Дворкин стреножил ее. И тут же был вбит в пол, как гвоздь.

– Не дай ей трахнуть себя, – просипел Дворкин. – Дуй на

транспортный терминал, и лети отсюда голубем сизокрылым. Запомни, автопилот роторника должен быть в режиме «С».

– Я же твой идеал, Андрей, – говорила Вера, а заодно топтала, как птица-секретарь, катающегося по полу Бориса, который выплевывал слова вместе со сгустками крови:

– Лети, Дюша, как будто у тебя в одном месте ракета. Тебя ждут рубка флагманского корабля и вся эскадра.

Грамматиков поймал кольцо, видимо, поспособствовали уроки пинг-понга, полученные в детстве.

– Андрюха, сделай все так, чтобы мама гордилась тобой…

Информация из устройства памяти считалась через боди-коннектор.

Прорезавшая воздух виртуальная нить Ариадны повела Грамматикова прямо в стену.

В стену? Если бы еще в окно. Почему в стену-то?

Глава 4. Мир

1

«Да пошел ты со своей стеной, Боря. Так я и поверил».

Дворкин уже не двигался. Вера, пнув его последний раз, обернулась к Грамматикову. Едкий свет лампы лишь слегка прорисовывал ее, едва заметными ручейками стекая по нервным волокнам и кровеносным сосудам.

Андрей вдруг понял, что не ударит ее. Во-первых, он никогда не бил женщин. И что более важно, если он ударит, то она сделает это куда больнее.

Грамматиков рывком перевернул стол и полужидкая дрянь плеснула с него на пол.

Грамматиков прыгнул так, как прыгают в бассейн. Упал, заскользил, по дороге повернулся вокруг оси.

Потом толкнулся и оказался в оконном проеме. Щеколда легко поддалась и ставни разошлись в стороны.

Ниже окна была только гладкая стена, опускающаяся отвесно вниз в «лагуну». С рекламных облаков светилась надпись: «Не оглядывайся. Сделай шаг навстречу мечте. Крем для бритья лобка „Небесное наслаждение“.

Грамматиков всхлипнул, не совладав с дыханием, и прыгнул назад, с подоконника в комнату.

Он увидел, как практически убитый уже Боря обхватил Веру, а она бьется как муха в паутине, машет вымазанными в чужой крови руками. Приклеил он ее, что ли? Кровавые руки Веры выглядели какими-то пресмыкающимися благодаря невидимости остального ее тела. Из рассеченного живота Дворкина валятся кишки, а изо рта выдвигается что-то. Более длинное, чем язык, с мигающими индикаторами...

Уже не отступая от виртуальной нити, Грамматиков влетел прямо в стену под грохот взрыва, который едва успел хлестнуть его горячим потоком.

Грамматиков не разбил себе голову. Стена оказалась слоем жужащих фоглетов [6], прокатившихся по его телу, как морская волна, однако не оставивших ни одной капли.

Грамматиков вовремя взмахнул руками. Под ногами практически ничего не было, кроме узкой балки. Через пять метров она пересекалась с другой балкой, причем не совсем перпендикулярно. Изнанка Дома Медичи показалась бы интересной любителю абстрактной живописи.

Самопроизводящийся нанопластик не играл в прямоугольники. Здесь были разные углы и даже криволинейные элементы. Очевидно, хаос превращался в расчетную прочность уже в масштабах большого набора элементов.

Помимо каркаса из балок во внутренностях небоскреба просматривалось хитросплетение труб. В мрачном мерцании светодиодов было видно, что они скользкие, полупрозрачные, пульсирующие, сплетающиеся и разветвляющиеся. Из-за текущих по ним несмешиваемых жидкостей они казались червивыми, как кишки, пораженные гельминтами. Задерживаться здесь не хотелось, но...

Гладкая плоскость позади замешкавшегося Грамматикова пошла рябью, а потом вспучилась, облекая чьи-то лица. Выглядело это как очередная декорация для «восставших из ада»...

Надо сделать несколько шагов до следующей балки. Господи, он чуть не сорвался. Так скользко и липко, а внизу шевелит пиявочными челюстями пустота.

Андрей поскользнулся на вездесущей плесени, которой американцы уничтожили пол-России. Снаружи, на стенах, ее не было видно, но внутри здания ей было чем подкормиться.

Грамматиков едва удержался в обезьяньей позе, опираясь всеми четырьмя конечностями на балку и не давая сердцу выскочить, как яичко изо рта фокусника.

В смутном воздухе надулся виртуальный пузырь с сообщением:

> ***Разрешен доступ только для специалистов. Предъявите лицензию, легализованную гильдией наноинженеров.***

Грамматиков вспомнил стальные глаза матери, которыми она ловила на мушку работорговцев, холодные прицелы ее зрачков, которыми она выслеживала киднепперов... и горячий трепет, сотрясавший его мышцы, словно кипящий бульон, вдруг вытек из тела. А липкая гадость, держащая его за ноги, наконец позволила ему продвинуться вперед.

> ***Если вы не являетесь специалистом или объектом, сконструированным для работы для монтажных работ, вы должны немедленно связаться со службой спасения.***

Несколькими ярусами выше кто-то ходил, щелкая самохватом. А по балке к Грамматикову ползли червеобразные

объекты размером с хорошую палку колбасы. Спереди эти здоровенные робочерви были «упакованы» в полусферический панцирь, напоминающий шлем. Рядом с ними горели виртуальные надписи, снабженные указующими стрелочками.

> ***Сервисные объекты «U2», утилизаторы. Предназначены для дезинтеграции посторонних включений. Если вы не являетесь посторонним включением, постарайтесь связаться со службой спасения.***

Одна их этих штук мигом приклеилась к его ботинку, и сразу послышался треск крепкого мейларового материала. Червяк в шлеме не имел ни клыков, ни пасти, он сдирал мейлар своим липким телом.

Это было серьезно. Ужас вцепился в подвздошную область Грамматикова. Сейчас сервисный объект будет сдирать с него кожу лоскутами и срывать ломтями мясо. У этих червемашин выделения пострашнее, чем наноклей, который применяли военные, чтобы уконтрапупить вражеские танки.

Но внутренний капитан, который сейчас казался похожим на маму, взял под управление нервы Грамматикова.

Он наклонился, ухватил робочервя за выступ шлема и рывком оторвал от себя. Вместе со слоем мейлара и половиной шнурка.

Грамматиков машинально отшвырнул робочервя в сторону шустрой тени, которая мелькнула рядом на перпендикулярной балке.

В призрачном свете диодов он увидел человека в униформе «секьюрити». Лица у охранника не было видно, потому что к лицу присосался робочервь.

Еще мгновение, и сотрудник «секьюрити» сорвался вниз.

В руке у Грамматикова осталось оружие. Он успел вырвать автомат из рук падающего охранника за мгновение до того, как тот смайнал с балки.

Несколько секунд Грамматиков размышлял, что будет делать с этим оружием. Таких автоматов в армии не было. Очень короткий и широкий ствол, никакого приклада. Наверное, это оружие ближе всего к беспатронным винтовкам «урал», только калибр побольше и начальная скорость пули поменьше.

Совсем близко зашумели чьи-то ноги. Грамматиков рывком укрылся за трубой и выстрелил по двум теням, которые быстро передвигались двумя уровнями выше. Одна из фигур исчезла. Укороченная винтовка, почти не дающая отдачи, была во внутренностях небоскреба оптимальным оружием.

И не только для Грамматикова.

Очередь прошила трубу неподалеку от его головы. Труба задрыгалась как раненная гюрза, но дыры в ее нанопластиковых стенках почти сразу стали зарастать тонкими волокнами.

Волоконца извивались, подыскивая оптимальный путь своими сенсорами... Такая штопка могла травмировать любую психику.

В виртуальном окне, распахнувшемся перед самым носом Грамматикова, зажглось строгое официальное предупреждение.

> ***Внимание. Структура нанопластика запатентована, копирование без разрешения владельца – запрещено.***

Грамматиков дал несколько очередей в сторону не слишком понятных шумов, потом, ухватившись за трубу, съехал еще на несколько уровней вниз.

Где эта чертова ариаднина нить?

На этом уровне балочные соединения чаще имели форму арок и архивольт, появились кое-где подобия перекрытий и стенок.

Внутри стенок что-то двигалось, судя по раздельным потокам цвета – магнитные несмешиваемые жидкости с управляемой текучестью. Нанопластиковая конструкция продолжала достраивать и обслуживать себя, выводя наружу грязь и шлаки.

Грамматиков поднес руку к стенке и несколько потоков устремилось к ней навстречу. Он надавил на стенку и почувствовал легкие ответные пульсации. В виртуальном окне побежали алые как кровь строчки:

> ***Сверхчистые материалы, обладающие высокотемпературной сверхпроводимостью. Остерегайтесь нарушить изоляцию.***

Оптоволоконные нити пронизывали стенки. Сплетения нитей распускались соцветиями разъемов и сенсоров.

> ***Для доступа в информационную систему нанопластика вы должны обладать кодами доступа, авторизированными в гильдии наноинженеров.***

Грамматиков поднес руку, татуированную боди-коннектором, к разъему, и полумрак расцветился виртуальным фейерверком огненных запретных символов.

> ***Весь софт защищен законом об авторском праве.

Для получения доступа к пользовательскому интерфейсу вы должны немедленно обратиться к держателю авторских прав.***

А сверху уже свисают робочерви, хотят упасть прямо на макушку, по бокам движутся человекообразные тени. Вот-вот начнут стрелять.

Преследователи были рядом, но они были невидимы при таком освещении.

И вдруг словно из сумрака сгустился черный монолит. Одним поворотом своего гранитного тела он раскидал и затушил огни лицензионных претензий. На монолите шкодливой рукой хакера было высечено:

Кряк-бюро. Коснись меня для генерации доступа в систему.

Нить Ариадны обвила монолит, и он превратился в обычное виртуальное окно.

В этом окне хаотическая геометрия небоскреба превратилась во фрактальный рисунок. Обозначились линии, по которым происходило разрастание нанопластика. Высветилась структура управления и обратных связей, что превращала здание в интеллектуальную машину. Транспортный терминал выделялся на этой схеме разомкнутыми в окружающее пространство информационными контурами.

Вместе с потоками сигналов Грамматиков побежал по бесконечно петляющему нанопластиковому каркасу Дома Медичи.

Ширина балок порой не больше пяти сантиметров плюс каждые несколько метров узловидные сочленения, но нельзя останавливаться ни на секунду. Едва уйдет автоматизм движений, мозжечковая ловкость, и ты – труп. А пока бежишь, телом как будто командует сверхвнимательный и стопроцентно хладнокровный капитан и мрачные внутренности здания кажутся лишь легкой паутинкой на поверхности светоносной пустоты...

Пуля прожгла балку над головой, на спину со злобным шипением брызнул расплавленный нанопластик. Одна капля попала на голую шею. Грамматиков тут же и сорвался.

Его спасла труба, которую он оседлал на манер коня, едва не раздавив при этом популярные органы, размещенные природой между ног. Спасла и одновременно погубила. Но Грамматиков это понял не сразу.

Сперва он порадовался за свое спасенное «хозяйство», может, еще пригодится. Потом осмотрелся.

Труба уходила через пару десятков метров в емкость коллектора, который располагался ровно под терминалом. До цели рукой, в общем, подать.

Грамматиков сразу попробовал доползти до терминала. И тут он понял, что «приплыл».

По трубе мирно плыли себе то ли отходы, то ли конструкционные материалы, но ее наружные стенки были такие глянцево-маслянистые, что как ни кряхти, а никуда не уползешь.

Ближайшая балка – слева, на расстоянии чемпионского прыжка. Грамматиков не был чемпионом, тем более в прыжках из положения сидя. Ему оставалось цепляться за трубу, ожидая, пока его сожрет изнутри голодная смерть...

Ариаднина нить юркнула в трубу. Ну, нет. Если сдохнуть, так уж лучше снаружи...

Грамматиков неожиданно стал вспоминать, как давно он не ел. Кажется, с ночи. Желудок тут же отозвался протестным бурчанием...

Грамматиков натянул на голову капюшон, придал наноактуаторам куртки максимальную жесткость, рассек металлоорганическую трубу штыком, выдвинувшимся с дульной части оружия, и вложил персты в «рваную рану». «Рваная рана» немедленно обернулась жадной глоткой и втянула Грамматикова. С головой и ногами.

Этот кишкопровод сдавил его и потащил вперед продольными пульсациями.

Грамматиков, конечно, вспомнил о страшной участи кроликов, проглоченных удавом, но куртка более или менее держалась.

Страшнее было то, что вместе с ними прокачивались побочные продукты нанопластического автопроизводства. Они совершенно недвусмысленно пытались под высоким давлением влиться ему в дыхательные пути.

> ***Разрешен доступ только для лиц в пенетроскафандрах. Предъявите ваше квалификационное свидетельство, заверенное торгово-промышленной палатой.***

Грамматиков судорожно пытался защитить руками носоглотку от настойчивых масс, которых только в порядке большой лести можно было назвать рвотными.

> ***Если вы не являетесь объектом, специально сконструированном для работы в каналах, вы должны немедленно совершить процедуру безопасного

саморазрушения.***

Жижа, преодолев отчаянное сопротивление Грамматикова, втиснулась ему в нос вместе с букетом злых запахов.

Грамматикова вывернуло бы наизнанку, но он наполовину отключился. В этой полуотключке его покачивала Бездна на волнах невидимого света. Открылось виртуальное окно прямо в его теле. Мысли Грамматикова, пройдя через тайные программные интерфейсы и превратившись в распределенные потоки сигналов, остались его мыслями.

Они текли по углеродным и кремниевым нитям, из которых были сотканы стенки трубы, смыкали и размыкали ионные замочки, которыми соединялись нити, влетали в дендримерные молекулы, из которых вырастали новые нити, напрягали супрамолекулярные мышцы трубы.

Они различали желтые шарики атомов кремния, голубые шары мышьяка, фиолетовые крупинки дисперсного золота, пульсирующую электронную гущу квантовых ям.

Труба изогнулась, не понимая, что от нее хочет новый хозяин, напряглась, вздрогнула и лопнула. Один ее конец хлестал направо и налево пестрой жидкостью, как отвязный художник-абстракционист. Второй конец понес Грамматикова к решетке вентиляционного отверстия. Хозяин трубы, напоминающий сейчас змеечеловека, нажал на спусковой крючок автомата и, прежде чем его тело врезалось в решетку со всеми вытекающими кровавыми последствиями, разодрал ее бронебойными пулями.

Грамматиков вместе с ветерком из жидкометаллических капель влетел в открывшийся вентиляционный канал.

Шлепнулся, проехался на животе, замер и приподнял голову.

Поток жарких выхлопных газов заполнил его дыхательные пути, заставив их затрястись в кашле.

Значит, это и в самом деле транспортный терминал.

Грамматиков поднялся и двинулся вперед. Но ушел он недалеко.

2

Грамматиков уперся в огромный вентилятор, который гнал горячий и вонючий воздух, вращая лопастями со скоростью тридцать оборотов в минуту.

Идея пришла быстро, хотя и очень рисковая идея.

Грамматиков снял куртку, затем на пару секунд прижался к стене тоннеля и закрыл глаза.

Где-то под сердцем снова раскрылось виртуальное окно, через которое заглянула Бездна. Она влилась в Грамматикова потоками холодного бесцветного света и поглотила возбуждение, страх, сомнения. В наступившем покое включился в дело маленький сосредоточенный капитан тела.

Теперь каждая лопасть вентилятора покорилась взгляду Грамматикова и превратилась в твердую волну.

Рука направила ороговевшую куртку, в просвет между лопастью и рамой. Мотор тужился, куртка отчаянно вибрировала, Грамматиков перебросил автомат, затем прыгнул сам.

В прыжке он все-таки зацепил куртку, и освободившаяся лопасть, едва не обрубив ему ногу, швырнула его вперед.

Подметки, наполненные жидкокристаллическим поглотителем энергии, частично «смазали» мощный пинок, однако и того, что осталось, хватило, чтобы Грамматикову пролететь три метра и влепиться в стену...

Дурнота была похожа на водоворот. Грамматиков постоял в энергетически выгодной молитвенной позе, опираясь на колени и локти, затем выпрямился. Раз испарина не мажет спину, то, наверное, ничего не сломано.

Он подобрал спасительную куртку и, стараясь не ступать на разболевшуюся пятку, сделал несколько неловких шагов.

Сейчас он находился за приличных размеров машиной, укрытой кожухом – наверное, этот мотор вращает лопасти вентилятора.

Времени совсем мало. О сбое в работе вентилятора, наверное, уже извещена кибернетическая оболочка здания, и скоро здесь появится механик: то ли робот, то ли человек.

Цокнули чьи-то каблуки, за кожух заглянуло лицо, украшенное фуражкой.

Грамматиков почувствовал мгновенный, но шоковый испуг. Он уже не сможет стронуться с места, ни один приказ его мозга не дойдет до мышц. Он и так сегодня натворил больше дел, чем за десять предыдущих жизней...

Но прежде чем охранник отреагировал, Грамматиков ударил его жесткой как ведро курткой, а потом еще добавил автоматом, по-простецки, словно дубиной... Охранник, кажется, успел шепнуть «пся крев», но все же улегся без сознания и дал затащить свое тело в укромный уголок, за кожух...

За ближайшим реактивным флайером в ряд стояло несколько роторников. У второй машины поднят кокпит, но она как будто готова к вылету.

Грамматиков пробрался за шасси первой машины, потом рванулся к роторнику, взлетел по трапику и оказался в кабине.

– А, пан Пшиздьжецкий, – не оборачиваясь, сказал пилот. – Обычно вы приходите через пять минут после отлета.

Грамматиков приложил ствол автомата к затылку летчика.

– Это не игрушка, а я далеко не пан оккупант со столь благозвучной фамилией. Один почти бесшумный выстрел и твои мозги улетели за борт. Так что, взлетаем.

– Ты че, парень? – Пилот резко перешел на простой незатейливый язык. – Прокатиться решил на халяву? У меня нет разрешения на взлет, заправка не окончена, техосмотр не завершен, вон глянь, робомех по корпусу ползает.

– Не тарахти. – Грамматиков пихнул летчика в бритый затылок. – На экране борт-компьютера висит надпись о готовности к взлету. Стартуй, или я не дам за сохранность твоих мозгов и ломаной копейки.

«Заяц» сел в кресло второго пилота, взял шлем, закрепленный в изголовье, надел – размер подошел – тут же на него опустились мягкие колодки держателей. Передний дисплей, напыленный на забрало шлема, показывал терминал из точки наблюдения где-то в углу помещения.

Ворота терминала уже закрывались, обрезая с двух сторон плотные из-за пыли лучи солнца! А между двумя рядами машин словно проходило какое-то искажение воздуха... Демоны!

– Эй, чего ты ждешь, летун?

– Диагностика не закончена...

Грамматиков рванул ручку, которая находилась неподалеку от правого бока пилота. И тут же взревел двигатель.

– Ты что творишь, чмур?! – взревел летчик.

– Я лечу.

– Таким, как ты, только с койки на горшок летать можно...

По инерционным нагрузкам Грамматиков понял, что роторник оторвался от пола, и подшлемный дисплей показал, как машина отчаянно рванулась вперед в смыкающуюся щель выхода.

Пилот показал себя мастером, ведь между бортом роторника и наезжающей дверью терминала оставалось едва ли несколько дециметров.

Расставаясь с терминалом, машина мелко вздрогнула. На переднем дисплее была видна серия бодрых искорок, пробежавшихся по обшивке роторника – значит, задело очередью.

А потом этот дисплей погас, потеряв связь с системой наблюдения терминала. Но зато верхний дисплей, встроенный в налобник шлема, сейчас показывал местность в вертикальной проекции, изображение явно передавалось с орбитальной следящей системы. На нижнем подшлемном экране возникла интегральная радиолокационная картина в ортогональной

проекции вместе с подстилающей поверхностью. Данные от нее явно поступали от радаров системы воздушного базирования.

– Ау, психопат, куда теперь? – остыв после «стартовой лихорадки», обратился летчик. – Если хочешь, прокачу тебя по высшей программе, будешь в тюрьме сидеть – вспоминать.

Не дожидаясь ответа, летчик выключил двигатель и роторник словно провалился в преисподнюю. Затем резко, как космическая ракета, набрал высоту. Еще несколько раз изменил курс чуть ли не на девяносто градусов. Дурнота плескалась по всему телу Грамматикова, перегрузка сжимала мозг, выдавливала глаза и язык, растягивала и срывала с места внутренности. Из-за того, что передний дисплей превратился в черное пятно, все это сильно напоминало предсмертные кошмары.

Несколько раз ему хотелось крикнуть: «Хватит». Нет, крикнуть бы не получилось. Получилось бы только завыть от непрекращающейся муки. Но внутри его обозначился холодный наблюдатель, капитан тела, мимо которого проходили провода боли... Броски машины неожиданно прекратились.

– Эй, заяц, ты там не заснул, случаем? – осведомился летчик.

– Спасибо, что покатали, – ответил Грамматиков, поборов тошноту. – Мне нравятся воздушные горки. А теперь без шалостей, иначе я совершенно закономерно пристрелю тебя. Потом переключу автопилота в режим «С» и дальше полечу сам, легко и непринужденно.

– А ты забавный, зайчик мой. Жалко, что тебя расстреляют за угон воздушного судна.

– Подключи канал телеприсутствия.

Передний дисплей стал показывать окружающее пространство, как если бы борта роторника были абсолютно прозрачными. Грамматиков видел и небоскребы Сити, и хрустальную дамбу, и скайвеи, несущиеся через синий воздух вместе со светляками машин.

– Сейчас на северо-восток, – распорядился Грамматиков. Он подумал, что там, должно быть, сохранились леса.

– Там теперь тоже Финляндия. Билет тебе не нужен, поскольку ты заяц, но европейскую визу надо иметь. Очередь за визой отстоял?

– А это что, на экране локатора?

– А это уже флайеры финских пограничников. Я ж тебе говорил, что у нас нет разрешения на взлет. Они просят срочно вернуться на посадочную площадку.

– Какое оружие на борту?

– Только сопли. Но их у нас много.

– Не ври. У тебя на борту значок секьюрити. Ты же

занимаешься патрулированием воздушного пространства Сити, чтобы какие-нибудь недобитые «запушкинцы» не запустили сюда самодельную роботицу или микроцеппелины.

– А ты, часом, не из них, не из этих долбанутых ополченцев? – ехидно спросил пилот.

– Потом узнаешь. А сейчас попробуй уйти от «фиников». Или ты из тех скороспелых поствоенных летунов, которым иголкой вводят в мозг обучающий наноинтерфейс?

– Обижаешь, я в сибирскую войну воевал. Три звездочки на фюзеляже. Я единственный, кому удалось завалить американский стратосферный бомбер до рубежа пуска ракет, в Атлантике. Только на кой ляд мне нужны неприятности? Меня и так новые власти полгода таскали по тюрьмам, все хотели какое-то военное преступление приклеить.

– А получить пулю в башку, это ты не считаешь неприятностью?

– А ты ж не выстрелишь. Побоишься, что я тебе сниться буду, а и изо рта у меня будут вылезать червяки и махать тебе хвостиком.

Летчик посмотрел оловянным издевательским взглядом. А если и в самом деле станет сниться? Червяки, чего доброго, будут еще из ушей выглядывать.

Грамматиков коснулся руки пилота, показывая, что хватит уже бортовым самописцам записывать их голоса.

Его слова пошли через боди-коннектор на интраокулярный дисплей летчика.

«Мне терять нечего, летун, я тоже с той войны. Ты же всегда сможешь сказать, что я угрожал тебе оружием».

«Да кого это нынче волнует, угрожал не угрожал. Истинный евроцентричный ингерманландец не подпустит к себе недобитого националиста ближе, чем на расстояние выстрела... Ну-ка, а номер у тебя какой?»

«Какой еще номер?»

«Номер твоей части в войну».

Грамматиков с большим скрипом вспомнил несколько цифр.

«А ты знаешь, солдат, как меня достал этот пан Пшиздьжецкий? Я целых три месяца учил, как произносится его фамилия. Представляешь, что она означает в переводе...»

Машина упала вниз, понеслась в коридоре, образованном городскими «зарослями». Но не смогла уйти от боевых флайеров, получающих информацию со всех бесчисленных сенсоров, вмонтированных в стены небоскребов.

Флайеры взмыли, заходя на позицию, удобную для атаки.

Роторник рванул в сторону, на перпендикулярную улицу,

которая напоминала каньон благодаря стенам небоскребов, подпирающих облака. Пущенная вдогонку финская ракета разнесла этаж углового здания.

Грамматиков видел, как из раненого небоскреба летят офисные потроха: полки, столы, бумаги.

Уже через несколько секунд один из флайеров, заложив крутой вираж, зашел роторнику в лоб, и под крылом у него что-то сверкнуло.

Роторник встряхнуло, кости Грамматикова как будто отделились друг от друга на какое-то время, в нос шибануло острым запахом паленого пластика.

– Я так не играю, дайте мне нормальную боевую машину и я оторву им ленивые финские яйца! – гаркнул летчик, чуть не пробив чувствительные барабанные перепонки Грамматикова.

– В третьем отсеке возгорание, пожар локализован. – Это был мелодичный и немножко даже жеманный голос борт-компьютера. – Управляемость сохранена переключением на резервные схемы.

– Передай мне работу борт-стрелка, – попросил Грамматиков. – Ну чего ты ждешь, переключи управление оружием на меня. Не пристрелю же я тебя из авиационного пулемета.

– Но это тебе не в пехоте воевать, заяц. Тут три измерения.

На подшлемном экране появилась разметка прицела и контуры целеуказателей. Грамматикова подключили к бортовому оружию...

Роторник метался как испуганная муха, плескались как будто ставшие жидкими внутренности Грамматикова, бились друг о друга и рикошетили мысли.

Но где-то внутри проявился холодный наблюдатель, капитан тела, который следил за курсовыми показателями и векторами скоростей роторника, за мельканием целей, за факелами вражеских залпов. А потом «капитан» совместил прицел и контур целеуказателя. Всего на одно мгновение. Один из флайеров обернулся алым облачком горящих обломков, пронесшихся по «каньону», а второй остался где-то за Домом Свободы.

– Поздравляю, заяц. Я им немножко отомстил за петрозаводский концлагерь, а у тебя нарисовалась первая звездочка на фюзеляже. Только в сорока камэ к северу от города начнет работать североевропейская ПВО. После того что произошло с финским флайером, они завалят нас автоматически... Да, ладно, не думай о плохом.

– А о чем думать? – беспомощно отозвался Грамматиков.

– О том, что сегодня восьмое марта и мэрия скоро порадует

нас запуском праздничных плазмоидов.

3

И в этот момент другой финский флайер, вывернувшийся из узилища между двумя исполинскими небоскребами, влепил ракету в роторник. Кокпит отвалился, оба члена экипажа были выброшены спасательной системой из вспыхнувшей машины.

Когда Грамматиков пришел в себя от перегрузки, он вспомнил, что пилот был уже мертв, когда его катапультировало. А потом понял, что не планирует к земле, как это должно быть по идее, а висит, уцепившись стропами кресло-парашюта за «архитектурное излишество» небоскреба в виде барочного архивольта.

«Только не смотри вниз», – уговаривал он себя. «Ну, посмотри на меня, разве я не хороша для тебя?» – уговаривала его разверстая под ним пропасть. Прокачав изрядное количество воздуха через свои легкие, пропотев и успокоившись, Грамматиков подтянулся на стропах к завитушкам архивольта, уцепился и, наконец, оседлал одну из них.

Словно в ознаменование этого успеха Сити украсился багровым плюмажем. Над Домом Свободы и Домом Гелия, над Домом Мебиуса и Аркой Демократии вовсю засияло. Значит, министерство развлечений уже развернулось на полную катушку.

Но плюмаж не таял и не уносился вечерним бризом. Вообще, сидя над пропастью, трудно еще чему-то удивляться, но Грамматиков почувствовал отвисание челюсти и даже ненадолго забыл о том, где он сидит.

Это вовсе не праздничные плазмоиды, запущенные начальством для увеселения народа.

На верхушках, на шпилях и крышах самых высоких городских башен распустились как будто цветы. Если точнее, бутоны гонофоров. Они были похожи на половые органы технорга, который год назад заполнял собой ванную Грамматикова. Только были многократно больше.

Значит, началось цветение светлой техножизни.

Последний год техножизнь гнездилась в нанопластиковых небоскребах, она там развивалась и размножалась. Постройки Сити были неистощимым источником питания и безопасным убежищем для техножизни. Они удачно скрывали ее, потому что нанопластик был самопроизводящимся строительным материалом и не нуждался в человеческих руках и глазах...

Лепестки гонофоров были размером с хоккейную площадку.

По три лепестка на бутон. Два наклонены к далекой земле, напоминают челюсти насекомых, третий как бы прикрывающий, более гибкий, движущийся словно опахало. По лепесткам прокатывалась быстрая рябь, отчего они казались кусочками морской поверхности.

Наверное, бутонов были сотни, однако облака «алмазного неба», сияющие яркими рекламными красками, не позволяли увидеть все сразу…

Неподалеку – метров двадцать – лопнуло сверхпрочное металлическое стекло. И из пробоины появилось существо, похожее на громадную саранчу. Почти прозрачное. Однако чувствительный Грамматиков мог рассмотреть его очертания на фоне мрачнеющего небосвода, так что показалось оно процарапанным на стекле.

Как будто человек, только очень тощий, словно специально обезжиренный. На голове отростки. Шея прикрыта панцирем. На месте живота просто провал, кожа чуть ли не прилипает к спинному хребту. Ноги длинные, со странными суставами. Похоже, прыгать он мастер. Сомнительно, чтобы у этого типа был нормальный кишечник. Питается чем-то легкоусваиваемым вроде крови. Если вообще питается.

И еще на нем был галстук, обычный галстук аккуратного клерка. На галстуке – блестка корпоративного значка. Это один из сонма молодых совладельцев поствоенного мира. Типичный обитатель небоскребного муравейника, грызущий остатки прежней разболтанной жизни и превращающий их в сверкающую ткань прекрасного нового мира.

У существа быстро развернулись крылья. Тоньше любой пленки. Бр-р, Грамматикову с детства почему-то не нравились летучие насекомые.

В виртуальном окне появилась информация, что эта тварь, еще недавно бывшая человеком, теперь переформатирована диффузными техническими системами.

Существо обернулось к Грамматикову. Смотрит как будто. От этого взгляда зуд по коже. В голове Грамматикова услужливо всплыли сведения из какой-то книжки по пиару.

– А мы с вами не учились в одной математической школе?

Вопрос остался без ответа. Расправив крылья, существо прыгнуло в пропасть. Как будто прыгнуло в пропасть. Рывком сменив курс, оно налетело на Грамматикова.

Грамматиков не успел даже подумать об оружии. Он автоматически ударил эту небоскребную нечисть ногой в твердый живот, ее руки рванули его за куртку, но все же соскользнули.

Существо, пролетев по какой-то ломаной траектории, снова бросилось на Грамматикова. Но на сей раз он выстрелил. Пуля выбила из «саранчи» красный фонтан, она с воплем кувыркнулась назад, склеила крылья и упала вниз...

Надо выбираться, потому что поднимается ветер и руки устали.

Завитушка, на которой сидел Грамматиков, была окончанием архивольта, который на другой стороне входил в балюстраду смотровой площадки. А выше балюстрады на шпиле небоскреба алел бутон, и он источал запах любви...

Грамматиков оглянулся по сторонам, потому что ему стало стыдно. Бутон гонофора тянул его к себе, как тянет и формой, и запахом бутон женской груди, он затягивал Грамматикова сладкой глубиной, словно шмеля-опылителя...

Сперва надо вскарабкаться на площадку. Отсоединить кресло-парашют и подтягиваться вверх, охватывая выступ со обеих сторон всеми конечностями. Похоже на детские забавы...

Цепочку размышлений прервал пропущенный удар, который едва не сбросил Грамматикова с километровой высоты вниз.

Кровь из разбитого носа заполнила носоглотку. Грамматиков с трудом проглотил кровавые сопли, усилием воли стиснул сердце, желающее по-птичьи выскочить из груди, и посмотрел вверх.

На краю балюстрады сидела горгулья. Такое же «процарапанное на стекле» существо, однако женского пола. Она ему прилично поддала, но, похоже, на этом успокоилась. Горгулья смотрела на Дом Свободы таким взглядом, каким ожидают суженого... Еще немного и запоет, «там кто-то с горочки спустился»...

Она не зря ждала суженого. Окна Дома Свободы начали лопаться одно за другим и небоскреб стало окутывать какое-то пространственное искажение.

Чувствительный во всех диапазонах прицел автомата показал это искажение как серое облако, которое все более расширялось, превращаясь в грозовую тучу. От настоящей грозовой тучи ее отличало мелкое трепетание, будто состояла она из мелких подвижных частичек.

Грамматиков не выдержал, дал по ней очередь из автомата.

И тут же почувствовал на своей шее настоящие клещи. Не вывернуться никак. Голова мгновенно набухла и налилась тяжестью словно чугунный котел. Горгулья приложилась!

У него была одна секунда, чтобы столкнуть ее с выступа. Но он опоздал. Острия шипов на ее правом предплечье чиркнули его по щеке и он почувствовал как расползлась кожа.

Через несколько секунд Грамматиков свалился вниз.

Наверное, он не успел испугаться. Прежде чем ужас удушил бы его, Грамматиков понял, что его несут собственные крылья, напоминающие не традиционные летательные органы из костей, мяса и перьев, а радужный нимб. В качестве разъяснения Грамматиков увидел в виртуальном окне волны подвластных молекул. Они смотрелись плодами репейника и были сцеплены друг с другом вандерваальсовыми силами.

В последний момент Грамматикова подхватила техножизнь, так же как и год назад.

Все это время она была обитателем его тела! Она тихо осваивала его плоть и душу, последовательно насыщая сталью его мышцы и волю. Она вытащила его из ада, когда его шкуру и мясо изодрали американские шарики, она «подкрашивала» для него невидимых монстров.

Сейчас техножизнь говорила с Грамматиковым из всех частей и тканей его тела. Тайные нейроинтерфейсы отображали в виртуальном окне алмазные нити холодного света, которые, просочившись через границу Бездны, ввинчивались в клетки его тела, вплетались в цепочки нуклеотидов и клубочки протеинов.

Грамматиков видел всего себя диковинным существом, разложенным на несколько изогнутых поверхностей, по одной из них текла его кровь, по другой скакали нервные импульсы, на третьей разливались градиенты гормонов и медиаторов.

Виртуальное окно показывало и более насущные вещи в виде графиков и диаграмм. Его летучее тело быстро пережигало хилые жировые отложения. Грамматиков подумал, что проживет еще не более двадцати минут, но двадцать минут сейчас показались длиннее, чем вся предыдущая жизнь, потому что секунда стала Секундой.

Из-за шпиля вынырнул флайер финских пограничников и два факела обозначили пущенные в Грамматикова ракеты.

Теперь вниз, камнем, и около небоскребного эркера изо всех толкнуться крыльями.

Обе ракеты шлепнулись в нанопластиковую глубину небоскреба и взорвались где-то в глубине каркаса, выдав на поверхность паровые гейзеры.

А туча быстро обволокла Дом Свободы и забросила щупальца в каньоны Сити. Щупальца были проворны и словно кипели...

Несколько секунд липкий страх прокладывал дорогу по телу Грамматикова. Он смотрел на эту тучу, как смотрит пехотинец с винтовкой на неотвратимую смерть в виде штурмового самолета. Он как будто уже слышал ее утробный рокот.

Виртуальное окно окружило Грамматикова. И это было еще

то кино.

Нити бесцветного глубокого света вырывались из его тела, из темени, груди, живота. Нити процарапывали окружающее пространство словно бесчисленная стая рассвирепевших кошек. А из царапин, образующих замысловатый фрактальный рисунок, выглядывала Бездна узкими буддийскими глазами.

Частички «процарапанной» тучи стали видимыми, как цели в коллиматорном прицеле.

Скорее это рой, а не туча!

Твари выныривали из роя, выделывали зигзагообразный танец, словно инерция была создана не для них, и снова проваливалась обратно в рой, будто в первозданный хаос.

Порождения Дома Свободы мало отличались от того типа, с которым Грамматиков «познакомился» десять минут назад. Люди, переформатированные темной техножизнью в саранчу...

По Грамматикову потекла волна слабости. Он увидел то, что нормальному человеку видеть противопоказано – Тьму над Бездной. Он позавидовал солдатам, которые бросались с «коктейлями Молотова» на танки. Что там танки – неуклюжие, еле ползущие коробочки.

Неожиданно Грамматикова подтолкнул свежий ветерок.

На улицах, ведущих к Сити со стороны Васильевского острова, особенно на Железноводской, Грамматиков увидел нечто похожее на кружение пыли перед грозой...

Эти существа летели с заплесневевших окраин города, из обшарпанных домов, которым суждено было развалиться, не вписавшись в новую блестящую жизнь, из загаженных санузлов, из ржавых ванн, из прогрызенных клопами постелей.

Несколько особей просвистело мимо Грамматикова. Домохозяйка, алкаш, рабочий. Люди-дырки, лишь загрязняющие элегантную техносферу поствоенного мира. Но сейчас их изначально нелепые фигуры для стояния у раздолбанного станка или замурзанной плиты были преобразованы в живые летательные аппараты.

Техножизнь переформатировала их грузные рыхлые тела в жесткие и легкие, а круглые лица сделала острыми, как у нетопырей.

Отсутствие одежды восполнялось прозрачностью кожных покровов, соединительной ткани и мышц. Впрочем, на некоторых из них остались детали одежды, особенно трикотажа – кальсоны или колготки.

Несмотря на недобрый вид, эти кошмарного вида горожане даже не пробовали атаковать Грамматикова. Один из них, с виду бывший работяга, на пару секунд завис возле Грамматикова. В

глазах его еще светилось что-то знакомое типа «Закурить не найдется?», но из сузившейся глотки донеслось только шипение.

Похоже, у этих существ были более серьезные задачи.

Население городских окраин, превратившись в нетопырей, летело на последний и решительный бой против обитателей Сити, обернувшихся саранчовой тучей.

Виртуальные нимбы сообщали, что запасы энергии в телах нетопырей далеко не соответствуют энергопотреблению во время полета.

Им летать еще не более двадцати минут. Но за это время, наверное, решится судьба города и мира.

Стая саранчи выстроилась многолучевой Люциферовой звездой.

Нетопыри летели веером, явно намечая охват саранчи.

А вдруг это та эскадра, которая должна ждать его по завещанию великого нанотехнолога Бори Дворкина?

Нити властного света, исходящие из Грамматикова, обвили нетопырей, и он почувствовал их.

Из обычного облачка сознания, которое и было Грамматиковым, выделился активный центр – как белый карлик выделяется из горячей газовой туманности после взрыва сверхновой.

Это был капитан его тела и адмирал всей стаи нетопырей.

Капитан впитывал мысли стаи и превращал их в свои мысли.

Благо эти мысли были достаточно просты. «Мы их порвем!»

Но порвать вряд ли получится. Коллективный разум нетопырей обделен полководческими талантами. Глубины строя для охвата вражеского роя явно недостаточно, ведь фланги и так уж чрезмерно растянуты. Нетопыри будут входить в боевое соприкосновение порциями и также порциями будут уничтожаться. А надо ударить по центру саранчи, рассечь вражеские порядки. Причем быстро, как это сделал Нельсон при Трафальгаре. И с максимальной концентрацией сил, как это делали Гудериан и Манштейн.

Адмирал Грамматиков попытался перестроить свои боевые порядки одним усилием воли, и это у него не получилось.

Какое-то мгновение ему понадобилось, чтобы разорвать вяжущие путы страха. А потом Грамматиков лично устремился прямо в центр гудящей стрекочущей жужжащей вражеской стаи. И лишь тогда, с почти сексуальным удовлетворением, ощутил, что он теперь с нетопырями – одно тело.

Но ветер бил лично его наотмашь по лицу, пинал в спину или лупил в бок.

Надо было бороться с ветром-сумоистом и еще стрелять.

Патроны кончились через несколько секунд, и Грамматиков отбросил ненужный автомат, который мешал ему закладывать виражи. В этот момент на него налетела визжащая тварь, и хотя он увернулся от вражеских острых пяток, целивших ему в грудь, шипы располосовали лоб и левый глаз. Сноп кровавых искр вырвался из изуродованного лица, но боль была срезана резкими потоками ветра.

Саранча, несколько раз кувыркнувшись, повторила атаку, Грамматиков свалился в штопор, завертевшись сразу вокруг нескольких осей. Под действием инерционных нагрузок бурно плескались остатки полупереваренной пищи в кишечнике. Сквозь прострацию проступало острое чувство – он проиграл. Сейчас его размажет по стене какого-нибудь небоскреба или искромсает в окрошку первый встречный монстр.

Но капитан его тела стабилизировал полет. Нити глубокого света превратили пространство в набор каналов и узлов, снабженных координатами. Мысли Грамматикова, пройдя через программные интерфейсы, теперь легко управляли трансляциями его тела из одной точки пространства в другую. И столь же легко распределяли стаю нетопырей, эшелонируя ее по высоте и глубине, перестраивая ее, как набор криволинейных поверхностей.

Теперь нетопыри были частью его тела, его нервной системы, его крыльями, руками и ногами...

Саранча и нетопыри всего за несколько минут боя стали профессионалами в воздушном кунфу, мгновенно перенимая друг у друга навыки и приемы. Они пикировали и ломали друг другу крылья. Они вертелись, как пули, вылетевшие из нарезного ствола, и закладывали крутые виражи, чтобы ударить в живот или в спину.

Последние запасы жира перегорали у Грамматикова где-то в районе поясницы, когда лопнула кожа на его ладонях и они превратились в змеиные гнезда. Мономолекулярные голубые змейки поползли из гнезд, вращая хищными головками.

Потом они разом рванулись «на волю». Между рук и ног Грамматикова заизвивались пучки «змеек», невидимых обычному глазу, но быстрых и острых как дамасские клинки.

Сейчас набрать ускорение и взмыть вверх, а затем перейти в пике...

«Змеи» сами бросились из его рук в атаку. В разные стороны полетели руки, головы, потроха врагов...

И тут же ему пришлось заложить резкий вираж, увиливая от пучка гибких «клинков», попробовавших впиться ему в живот...

Теперь уже все нетопыри и вся саранча оснастились

«клинками», которые сносили головы, отсекали конечности и разваливали тела, выбивая фонтаны крови.

Вскоре весь вечерний воздух был затянут багровым туманом.

Грамматикову показалось, что еще немного и густой, набитый жесткой плотью центр вражеской стаи перемелет атакующих нетопырей.

Но тут загорелись звезды в его конечностях – руках, ногах, там, где только что были змеиные гнезда. Одна из таких звезд на его пальце полностью превратилась в лазерное излучение, которое искромсало с полдюжины врагов. На месте первой фаланги ничего не осталось, вторая была прикрыта коркой из копоти.

Багрово-серая гуща битвы украсилась лучами и вспышками.

Эти вспышки уничтожали телесную органику, но тела были менее важны, чем результат боя.

Боль поглощалась яростью. Разум, закрепившийся в дальних закоулках мозга сообщал, что так драться могут только тупоголовые самцы за обладание единственной самкой...

Концентрированный удар по центру саранчи оказался удачным. «Звезда» была разорвана и теперь ее сгустки погибали в захватах нетопыриного «веера».

И хотя весь жир в теле Грамматикова практически сгорел и истончившаяся высохшая кожа натянулась на кости, приготовившись лопнуть в любую секунду, он стремительно набрал высоту, и его уцелевший глаз ухватил новые цели.

А потом и вся стая нетопырей, не обращая внимания на оставшуюся недобитую саранчу, ринулась к рыльцам громадных цветов, которые... все сильнее источали запах любви и звали в свою сладкую глубину, связанную с изначальной Бездной.

Грамматикову стало невыносимо стыдно, как в тот момент, когда он увидел трусики классной руководительницы. «Андрюша уже не маленький». И это был последний стыд, который он испытал.

Вся стая нетопырей, толкаясь как покупатели на распродаже в супермаркете, ринулась к первому, второму, третьему цветку. Кто-то успел спикировать в ближайшее рыльце, другие понеслись дальше...

Важен не только код активации пола, но и место активации, которое тоже включено в образный код.

Вся последовательность кодов сейчас выплывала из потемков памяти Грамматикова, куда они были вдавлены взрывной волной от американской шариковой бомбы. Мазок за мазком дорисовывалась картина...

Перед Грамматиковым на верхушке Дома Медичи была

чашечка женского гонофора, подтягиваемая вверх пузырем пневматофора. Чем-то она напоминала детскую кроватку с воздушным шариком. Она благоухала тем ароматом, который источает материнская грудь для новорожденного.

Вспыхнул и стал движущей силой оставшийся жир в теле Грамматикова.

Утончившееся тело вылетело из куртки и ботинок.

Мертвой листвой слетела кожа. Голова Грамматикова запылала, правый глаза лопнул, выплеснув свет.

Но глаза ему уже и не требовались. Запах технорга захватил его как мощный насос. Грамматиков влетел в темный канал гонофора, и через несколько мгновений его жизнь слилась со светлой техножизнью. Его природа перемешалась с искусством техножизни. Ансамбль органических молекул, который нес многомерную функцию его сознания, растворился в теплых внутренностях громадного цветка.

Андрей Андреевич Грамматиков стал первым человеком, которому предстояло родиться снова.

осень—зима 2004—2005

ЧЕЛОВЕК ТЕХНОЗОЙСКОЙ ЭРЫ

Киберпанковый роман, продолжающий повесть «Отечественная война 2012 года»

Пролог

На скамейке возле стены дома лежало тело. Тело было худым и спящим, для сохранения тепла оно свернулось в позе эмбриона, стремясь занять минимальный объем. Единственное, что оно выражало, – это неудовлетворение своим положением в пространстве и времени. А граффити на стене, словно по контрасту, изображало радостного и крепкого человека-борца с колесами вместо ног, молнией на месте позвоночника и автоматами Калашникова взамен рук. Около двух часов ночи граффити, несмотря на похолодание, потекло. Жидкость, стекая до земли, испарялась и превращалась в облачко тумана. Туман чувствовал тело.

Температура тела – тридцать пять градусов. Патологические изменения организма превышают возрастную норму, пищевод воспален, предстательная железа увеличена, пятый межпозвоночный диск смещен. Мозговые ритмы свидетельствуют о фазе глубокого сна.

И хотя температура лежащего тела действительно не превышала тридцати пяти градусов, его заметили инфракрасные детекторы патрульного дрона, пролетающего на высоте десяти километров вдоль шестидесятой параллели.

Дрон передал координаты «малоразмерной стационарной цели» полицейскому вертолету. Но туман, окутавший «малоразмерную цель», не позволил инфракрасным сенсорам вертолета определить даже ее контуры.

Пилот решил снизиться и на высоте тридцать метров включил два прожектора, но свет рассеивался в тумане, окружающем тело. Для любителя эзотерических книг оно бы сейчас напоминало серебристое эфирное существо.

Далекий от чтения книжек борт-стрелок открыл дверь, отвел в сторону турель пулемета и закашлялся. «Поднимай машину, вонь какая-то», – сказал он пилоту. За несколько секунд вертолет взмыл на высоту сто метров. Палец пилота направился к кнопке бомбометания. Через мгновение на землю должен был упасть контейнер с роботблохами, которые произвели бы зондирование тела. Но за мгновение до этого внутри вертолета произошла вспышка, парализовавшая ретину глаз у пилота, и неуправляемая машина пошла курсом на северо-запад, чтобы врезаться в изогнутую, как парус, стену небоскреба.

Шум столкновения, которое уничтожило бесшумный вертолет и разрушило несколько офисных помещений, не был слышен на земле. Человек на скамейке продолжал спать, хотя лицо его

приобрело довольное выражение, а губы потянулись вперед, словно собираясь кого-то поцеловать.

Глава 1. Негр литературный

1

Проснулся на скамейке. «Егда лежиши на мягких постелях под собольими одеялы, меня вспомни, под одним платком лежащего, и от стужи оцепеневшего». Если точнее, платка у меня тоже не было, даже носового, и сопли привольно текли на скамейку, как река Волга в Каспийское море.

Едва оторвал окостеневшее тело от холодных досок, оснащенных клейкими ловушками из жвачки. Захрустели просоленные позвонки, словно под моей хилой плотью скрывался ржавый стальной каркас.

Это в Василеостровском Сити скамеечки – теплые, нежные, массаж делают, потому что сделаны из таиландского нанопластика. А здесь я полночи перетряхивал свои замороженные кости с боку на бок. Плащик-то на рыбьем меху, из щетинистых червей, которых откармливают мясом неудачников на желтоморских плантациях. На вторую половину ночи я уже отключился и даже прожектора полицейских дронов вместе с едким светом рекламных облаков не могли вывести меня из анабиоза.

У меня бывают сны – достойные верхней ступени пьедестала в чемпионате сновидений. Таких снов ни в каком соннике не найдешь. Хотя, прямо скажем, есть в них что-то инфантильное. Например, намедни приснилось, что я умею плевать на километр и… Лерочке Найдорф прямо в рот, бац, во время ее очередного блестящего выступления. Но сегодняшний сон на скамейке оказался откровенно кислым, потому что в нем все было как наяву, только хуже. Лед вползал мне в ботинки, за воротник, доски высасывали последнее тепло, как банда вампиров.

И вдруг я почувствовал руку около своего окостеневшего лица. Мамой клянусь, не жилистую лапу бандита, которая готова вырвать тебе кадык и выдавить моргала, а женскую ручку в ореоле ласкового тепла.

Я потянулся к этой руке губами, лицом, конечностями и бесконечностями и… меня разбудил своим трындением рекламный пузырь, который повис, зараза, возле самого моего уха:

– Каждый житель возрожденной Золотой Орды тратит в среднем два часа в сутки на удовлетворение половых потребностей, четыре часа на поедание сладостей, курение

кальяна, питие кофе, два часа на гигиенические процедуры и бани, десять часов на здоровый сон, два часа на песни и танцы, оставшееся время уходит на участие в верблюжьих и конских скачках. А как с этим у тебя?

Интересно, кем они удовлетворяются целых два часа? Может, друг другом, в порядке очереди? И кто все-таки верблюд? Нам тоже много обещали пять лет назад, когда «открытый ганзейский город Петербург» только появлялся на политических картах, а у меня было много больше зубов и на моей голове стояли густыми рядами дивизии волос.

– Небось тратишь весь день на скандалы со своей бабой, а на ночь она уходит к соседу-сантехнику. Пока не поздно, вступай в Орду онлайн, набрав адрес www.kulikovo-pole-rollback.horde, – добавил пузырь и, не вступая в дальнейшую полемику, лопнул. Хотя насчет соседей-сантехников он рубит фишку.

На часах утро понедельника. Понедельник вообще тяжелый день. Воскресенье немногим лучше, потому что весь день грузишься тем, что завтра будет еще хуже. Но мои понедельники – неизменно на первых строчках в хит-параде тяжелых дней. А этот понедельник – чемпион даже среди моих понедельников. Пришлось тащиться на Лиговку ночью и проводить досуг на скамейке в обшарпанном скверике. А поехал бы я утром, то меня завернули бы обратно. Надо иметь чип-пропуск, действительный в рабочие часы. Банда «Апфель» строго, как лесной санитар-волк, следит за своим лесом, и пришлых паразитов выкусывает еще на опушке.

С полчаса как солнышко стало пригревать, что особо ценно питерской осенью, которая никак не хочет меняться в лучшую сторону, хотя Африка уже завонялась от жары. Согревшийся воздух пока не насытился пылью и высокомолекулярной заразой, которую охотно выделяют наноплантовые кактусы-небоскребы. Мне уже почти хорошо, но одна нога еще костяная, как у гражданки Яги.

Лиговка. Если немного прищурить глаза, то все так же, как пять лет назад – до проигранной сибирской войны, до оккупации. Только не надо смотреть на северо-запад, где с «алмазного неба», состоящего из нанодисплейных аэрозолей, проливает свой свет небесная реклама. Вон и сейчас с «неба» как будто спускается «Подруга Надувная со скидкой для постоянных клиентов», ее огромные ягодицы готовы раздавить центр города. «Каждый клиент, купивший не менее двух Надувных Подруг, получает в подарок мощный насос!»

А на северо-востоке зажигает вкусное небесное объявление: «Borschtsch. Наилучшая еда для кукол и других биомехов [7]. Поев

borschtsch'a, ваши нежные куколки от радости зацелуют вас насмерть». Но этот рекламный кошмар все же лучше, чем социальная реклама, которая сияет в северной части неба: «Покаяние стоит денег. Перечисли средства на памятник польским воинам-освободителям, павшим в Московии в 1612 году, – и спи спокойно».

Сияние реклам несколько размазывается в сизой дымке – это аэрозольный барьер из мириадов маленьких, но усатых наностражников. При необходимости усики позволяют им сцепляться в прочнейшую сетку. Барьер защищает сердце открытого ганзейского города от целого роя крылатых биомехов, которых выпускают мифические, однако страшно злобные красные партизаны со своих чердаков. На эту тему имеется целая серия комиксов. В итоге Рой будет побежден Леди Адианой, это такая дама-стрекоза со звездно-полосатыми крыльями, и Упырьменом, внебрачным сыном Бэтмена от Королевы Пиявок.

А по телику вот что на прошлой неделе показывали. Наши-де проигравшие генералы имели в ту войну миллиарды крохотных биомехов, размером в сантиметр. Эта металлоорганическая саранча способна была репродуцироваться, откладывая яички, жрать все подряд и переносить в клюве целое стадо зловредных синтетических вирусов. Однако, в полном согласии с голливудскими канонами, генералы-минералы во главе с генералиссимусом Львом Виссарионовичем Джуковым были поголовно тупыми и пьяными, поэтому американское элитное подразделение (десяток джорджей-клуни) побило их справедливыми кулаками и отняло чемодан с биомехами…

В общем, вдаль лучше не смотреть во избежание соблазнов; мне пока не светит ни надувная подруга, ни насос, чтобы по-быстрому надуть ее, ни нежная куколка с мощными поцелуйчиками взасос. Не стоит смотреть и на «кабинку счастья», прилепившуюся к насквозь полимеризированному топольку. Соблазн дешев, но велик. Внутри кабинки нанопластиковые гениталии производства Папуа – Новая Гвинея для занятий онанизмом на скорую руку, снаружи она украшена красочной социальной рекламой районного значения. Сочное яблоко в руках у сисястой трехмерной Евы. Она, облизывая силиконовые губы, символизирует пока еще отсталое население Лиговки, которое жаждет получить сертификат полноценности по программе «American Not Russian Certified Professional» и доступ ко всем прелестям западной цивилизации.

Лучше ограничить свой взгляд стенами домов, обшарпанными, но приятными, как лицо родной бабушки.

«О русская земля! Уже ты за холмом». Если точнее, за

Обводным каналом, на Лиговке. Классические бабушки-старушки, быстро вымирающий вид, здесь еще заметны. Попадается и другой исчезающий вид, достойный Красной книги. Несмотря на рань, двое пацанов в замурзанных курточках осваивают нижние ветки деревьев и по-тарзаньи прыгают с качелей в жирную грязь. Даже воробьи в лужицах возятся, сдавая зачет по плаванию в бассейне, где воды по воробьиные яйца. Это настоящие воробьи, а не рекламные орнитоптеры с воробьиной внешностью, которые какают карамельками фирмы «Кэндисофт».

В «парке Юрского периода», на Лиговке, реликтовые старушки в мохеровых шапочках еще попадаются, вместе с другими эндемичными видами. А на Васильевском острове, в Центре и на Петроградской стороне от них остались одни окаменелости. Смена геологических эпох произошла в полном соответствии с тезисом нашей генерал-губернаторши Леры Найдорф о том, что «совки должны вымереть, как трилобиты».

До войны, если честно, плевать мне было на обшарпанную Лиговку. Старорежимные бабки в пальто фабрики «Большевичка» вызывали у меня зубную боль, а пацанов, марающих парадные, я был готов утопить в первой попавшейся луже. Но сегодня щемит сердце.

Этот уютный знакомый мирок скользит вместе со мной в пункт приема вторсырья.

Старухи по большей части стали клиентками центра эвтаназии «Элизиум», где функционирует настоящий конвейер по отправке в лучший мир. Там же были утилизованы бомжи, алканавты и прочие недограждане, которые не имели счета в банке и игнорировали шопинг в супермаркете. Согласным на добровольный уход было положено две недели на удовлетворение самых нескромных желаний – коньяк, отменная закуска, скорая сексуальная помощь. Несогласным пришлось помучиться. На них шла охота – точь-в-точь, как на тропических атоллах, когда на пляже вылупляются беззащитные черепашки и их давай жрать разнообразные хищники, сбежавшиеся и слетевшиеся со всего океана. И в наш город счастливой охоты приезжали охотники со всего света; как профессионалы-трансплантологи, оснащенные всепогодными дронами [8], так и мускулистые любители с ножами-сербосеками.

Но мы живем в гуманном обществе, кто бы сомневался, и какой-то процент недограждан пока еще сохранил свою никому не нужную недожизнь. Некоторые нашли место на киностудии, сниматься в массовке в фильмах про темное прошлое. Те, что помоложе-посимпатичнее-поглупее, имели шанс вступить в ряды многомиллионногой армии промоутеров и отправиться в

первобытные леса – проповедовать туземцам Амазонки и Борнео пользу безалкогольного пива и зубной пасты для искусственных челюстей. Кого-то пригрел «Фонд Опен-Сороса» – им только перерезали семенные канатики, чтобы не размножали иждивенчество, и попросили выдавать в год по три научные работы мирового уровня для публикации в журнале «Science» под красивым американским псевдонимом. Ну а некоторые стали зарабатывать своим телом… Я не про геев, а про нас, мужиков с бутылочками-вампирками на боку.

У меня – слева, в районе поджелудочной железы, разъемчик стоит. Оттуда выходит тоненький пульсирующий шланг, который впадает в бутылочку, приклеенную скотчем к ремню. К вампирочке сходятся микрошланги, которые вытягивают из моего организма все мало-мальски ценное, от гормонов до стволовых клеток. Все, что пригодится фирме «ИГ Лебенсиндустри».

Я, можно сказать, почетный донор, почти герой. Меня орденом Pour le Merite пора награждать. И если бы мне вместо ордена дали в пузатом конверте крупную сумму денег, я бы просто обиделся. Вот фирма меня и не обижает, вручая мне тонкий пластиковый грошик за каждую сданную порцию жизненной силы. Их менеджер «по связям с донорами» сказал мне, что у фирмы дебет с кредитом не сходится, потому что она платит «дань покаяния», как и все питерские конторы. Дань идет на компенсации «жертвам царистско-сталинистской тирании» – потомкам крымских ханов и членам возрожденной ногайской орды, духовным наследникам петлюровских гайдамаков и клонам латышских стрелков, внукам сбитых во Вьетнаме американских пилотов и правнукам великих антибольшевистских воинов из восточноевропейских Ваффен СС.

Сказали бы моей бабуле, Софье Фердинандовне фон Урман, что ее внук будет на себе носить вампирский бидончик вместо ордена, она устроила бы на коммунальной кухне землетрясение. Баллов на десять, не меньше, с бросанием котлет и бурлением супа. Однако я к этому делу практически привык. Можно сказать, что я отдыхаю, когда вампирка работает. Так что, выходит, отдыхаю все время. Раньше мне казалось, что давать себя вампирить – это так же ужасно, как и заниматься гомосексуализмом. Но в поселках вокруг Питера народу приходится органы на продажу выращивать в самом себе. Эти продажные органы растут прямо в упаковке, то есть в пленке, защищающей от иммунитета, алкоголя и прочего, чем может негативно повлиять народ. В смысле нагрузки на организм получается полный беспредел. В смысле морали – вместо человека имеем «живую тушу». Новый член тела может и на боку,

например, вырасти, и далеко внутри. Нос на боку – еще ничего, даже смешно, я это видел, когда ездил за овощами в Тосно. А если тот же самый нос вырастет в прямой кишке? Тогда, чтобы забрать оплаченный член, господин заказчик будет резать донора. А с наркозом будет резать или без, уже зависит от условий договора, который товарищ донор скорее всего подмахнул не глядя, по пьяни...

Независимый наблюдатель, наверное, упрекнет меня и других горе-доноров в пассивности, уподобит нас ослам, баранам, кроликам. Скажет нам строго: «Лучше умереть стоя». На что я отвечу: «Лучше умереть лежа под одеялом, так удобнее, особенно если придется обмочиться напоследок». Еще более независимый наблюдатель предложит сбежать куда подальше из Открытого Ганзейского Города Санкт-Петербурга и Генерал-губернаторства Ингерманландия.

Лучшие люди – бизнесмены и бандиты, газетчики и телевизионщики, сценаристы и режиссеры – давно отвалили по-тихому в Парагвай-Уругвай. Там им не надо бесконечно доказывать, что до прихода «сил свободы» они неутомимо разрушали изнутри «преступный авторитарный российский режим». (Хотя я лично им поверил бы; разрушали они Россию, и очень успешно, иначе б мы не прокакали войну.) Самые отмороженные личности тоже дали деру – на Вологодчину или на Белое море, которые теперь официально называются Комиссариаты Северной Рутении и Поморании. Из ооновцев в этих вотчинах Деда Мороза расквартированы только фиджийцы, филиппинцы и прочие шоколадные братишки, которых интересует лишь мелкий ченч и бабы крупных габаритов. Еще они боятся холода и снега, поэтому преимущественно сидят в барах и кабаках. Так что остальным жить можно. Только не дай бог во время побега случайно свернуть налево и попасть в Великую Финляндию, то есть Большую Европу, которая начинается за Токсово. И за речкой Свирь тоже она. Великие финны, они же большие европейцы, упаковывают «свернувших налево» в самозатягивающийся пластик, грузят навалом в самосвал и отправляют обратно. Здесь самосвал доезжает до ближайшей свалки.

И поскольку я не стайер, дыхалка слабая, и с ориентированием на местности у меня неудовлетворительно, то лучше буду вымирать на своем законном месте. Пусть Найдорф за меня порадуется. Но на мой взгляд, у меня много общего не столько со склизкими трилобитами, сколько с динозаврами, мамонтами и прочими запечатлевшимися в истории монстрами. Кому-то возможно покажется такое сравнение надуманным. Какой

уж там из меня мамонт, и даже до трилобита, покорявшего моря, мне далеко – скорее, я лишайник, мох, плесень, аморфное вещество, в просторечии именуемое дерьмом. Но ведь и дерьмо состоит из молекул и атомов. Да, я скромный и невзыскательный, почти как атом. Однако и такой же неисчерпаемый, как он...

На место неуклонно вымирающих совков приходят новые виды существ. В первую очередь стада бронзовотелых амрашей. Амраши живучи, как морские ежи, потому что нашпигованы медботами и утыканы нанодатчиками. И хорошо размножаются, правда, неестественным путем. Недограждане превращаются в амрашей, когда получают сертификат «American Not Russian Certified Professional». У амраша, скажу в порядке возмездия, в голове очень много свободного места, чтобы туда хорошо загружалась реклама. Только вякнут по телику: «Брейте ноги перед едой», и амраш уже бежит в супермаркет за «ультрасовременным INTEL-лектуальным станком Жиллет Плюс Мега, состоящим из миллионов наноразмерных лезвий»...

Приходит новая чудь, новые половцы и новые варяги, говорящие на никому не ведомых языках...

Приходят возрожденные севрюки, козаки и гипербореи (до января предыдущего года они приходили под единым именем «альтернативные русские»), окающие и укающие на разные лады. За альтернативность и дефекты русской речи они получают ежемесячное пособие от ООН.

Приходят новые геи, клейкие, как березовые листья в бане. Они поголубели с помощью ооновской программы «внедрения сексуального плюрализма» и говорят на языке жестов, подмигивая накрашенными глазами и надувая напомаженные губки...

Приходят новые ингерманландцы, которые называют Петроградскую сторону – Койвусаари, Фонтанку – Кямяйоки, а Васильевский остров – Хирвисаари. Недогражданин становится ингерманландцем после того, как сдаст чертовски сложный экзамен на знание ингерманландского языка, в котором тридцать два падежа, плюс выдержит многочасовой опрос по многовековой истории ингерманландского хутора Кроличья Дыра, который располагался на месте Русского музея. Экзамены я, кстати, сдал, но получил пинка под зад за непочтительные высказывание о шведском короле Густаве Адольфе, который в своем семнадцатом веке был еще тот «благодетель» для нашей Ленобласти...

Вот всегда так! Только задумался, а к ботинку подкрался мини-робот, похожий на косеножку, и шлепнул на него стикер с изображением круглой девичьей попки, прямо на носок. «Это именно то, что щупал твой папа, когда твоя мама думала, что он

на работе, – сообщала яркая надпись. – Я жду тебя за углом. Твоя Дэйзи».

Раздавить пачкуна я не успел. В метрах десяти от моей скамейки вдруг прокатились господа шуцманы в почти невидимом вездеходе. Я осознал только урчание мотора, легкое искажение перспективы и мелькание флажка с гербом бандформирования, то есть частного охранного предприятия «Апфель Шуцманшафт» – голографическим надкушенным яблоком.

При всем остеохондрозе и прочих болезнях, связанных с нездоровым образом жизни, мои руки и ноги автоматически перекинули меня на ту сторону скамейки, в укрытие. Там уже был спрятан мой «мерседес-бенц» о двух колесах, который купил еще папаша на честную советскую премию. Кости звякнули по раме велосипеда, а его звонок врезался мне в живот, издав ностальгическое треньканье. Мое сердце от страха сглотнуло и выплюнуло лишний литр крови, но шуцманы уже удалились – орлам не всегда дано заметить козявку. А мне и порадоваться нет времени, как там мое оборудование на животе?

Не успел я выбраться из-за скамейки, как со стороны «кабинки счастья» ко мне заторопился невзрачный типчик на коротких ножках... Не такой он безобидный, как кажется. Ловец человеков. Сейчас предложит сменять старые рубли на нынешние пластиковые деньги, поинтересуется, есть ли у меня связи с подпольем, продаю ли лишнюю печень или почку.

– Дорогой друг, – кричит он с двадцати метров пронзительно-петушиным голосом профессионального артиста, а сам держит руку в кармане. – Известная фирма заключает с тобой контракт на высокооплачиваемую работу в курортной зоне.

«Высокооплачиваемая работа в курортной зоне» скорее всего означает летальный исход от истощения и побоев в каком-нибудь частном концлагере высоко в горах. А из кармана этот типчик может вытащить не контракт, а баллончик с аэрозолем. Пшик – и через нос в мои мозги карабкается стайка нейроконнекторов, чтобы превратить меня в Му-Му.

Надо по-быстрому сматываться, стикер как-нибудь соскребу по дороге. За два квартала от скамейки, где я чуть было не увидел приятный сон, находится офис Заказчика, Ивана Арменовича Бабаяна, известного хозяина литературных негров. Из-за «деловой встречи» с Иваном Арменовичем мне и пришлось надеть рыбий плащик вместо ватника.

Да знаю я, знаю, вид все равно дурацкий, как ни фантазируй со стилем одежды. В Сити я бы вообще смотрелся, как дрисня на фраке. Однако на Лиговке господин издатель уже может сделать

вид, что он ничего такого не замечает. Я даю ему шанс...

Несмотря на малопрезентабельный вид района и самого здания (с виду обычная трущоба со следами наноплесени), внутри меня встретил навороченный робостражник на кронштейне. Румяный такой, в пластмассовой фуражке, с узкофокусным рентгеновским сканером на месте носа, инфракрасным лазером на месте рта и сверхчувствительными магнитными рецепторами вместо ушей. Этот мистер Страшила пару минут заглядывал мне в сетчатку глаза, проверяя на алкогольное и наркотическое опьянение, и щекотал меня своими кривыми руками-зондами, пытаясь выявить, не спрятаны ли в сосудах моего тела взрывчатые вещества со средствами их детонации. Все как и положено в солидном издательстве, нанимающем для работы на плантациях пальп-фикшн литературных негров, среди которых, как известно, основную массу составляют люди с неустойчивой психикой и сложной судьбой. Робостражник потер стикер на носке моего ботинка для анализа вербальной информации, поскреб кошачью метку на правой штанине – для анализа ДНК, трепетно втянул пыль с моего плаща для обнаружения наноустройств. И лишь спустя минуту включил долгожданный зеленый свет в глазах-светофорах.

Дальнейший мой путь напоминал странствие котлеты по пищеварительному тракту.

За входом был коврик-грязепоглотитель, похожий на китовый язык; полагаю, киты не обделены этим органом. Язык поздоровался с моими ботинками; однако встроенные в подметку рфиды [9] давно заросли грязью и не отозвались, поэтому он недовольно заворчал на кантонском диалекте китайского языка. О хай цон го кьян...

Я робко пересек ротовую полость, играющую роль приемной комнаты благодаря обоям с трехмерными видами южных островов, затем втянулся в пищевод длинного коридора и, в конце концов, оказался в желудке, то есть в кабинете у шефа.

Сочетание света и тени было таковым, что я очень плохо видел Заказчика. День царил на левой половине его крупной бритой головы, включая большое ухо и старомодную дужку очков. Все остальное скрывала ночь. Мне даже показалось, что там, во мгле, ворочается Нечто, даосский Великий Ком, который спокойно меняет лица, тела, формы, мысли, массы, заряды...

Лишь на стене, напоминая окно в лучший мир, светился анимированный портрет всемирной президентши Вики Лу.

Хороший портрет, сделанный, когда она еще работала простой девушкой в стриптиз-клубе и не помышляла ни о чем

таком. Отличное тело, так и чувствуется тугая задорная плоть, титьки словно ракеты, рвутся вперед. Учтем, что в те времена еще нельзя было с помощью геночипа превратиться в киношную героиню. Откровенные части тела у юной президентши подретушированы, но вообще, в окружающем полумраке, она выглядит словно живая.

На столе у Заказчика было всего понемногу: как бы бронзовая пепельница, гранитного вида чернильница, будто позолоченная папка для документов, и даже голова древнегреческой богини, наполовину высеченная из «мрамора». Если точнее, голова была из запрограммированного материала – что ни высекай, а получишь Венеру Милосскую.

Бабаян, как и положено крупному предпринимателю, не сразу отреагировал на появление в своем кабинете мелкой личности. Еще несколько секунд пальцы его левой руки слегка шевелились, показывая, что он работает на виртуальной клавиатуре. И в такт этому шевелению посверкивал циферблат часов – нарочито крупный, наверное, это механический «Роллекс».

– Ну что, сдаетесь, милостивый государь? – шутливо спросил заказчик, чтобы я расслабился и меня было легче проглотить. Насколько я помню, Бабаян, как левантийский аристократ, не любит дубовых разговоров на уровне «да», «никак нет», «есть», «понял».

– Путь из варяг в негры привел прямиком к вам, Иван Арменович.

– А я вас помню, хоть вы, как законченный литературный негр, привыкли скрываться за красивыми импортными именами. Помню роман «Люди, спускающие воду» за подписью Дарьи Матрениной и сериал «Одиссея капитана Трюмкина», который вы написали за некоего Лафа Гомерического. «Ты что так смотришь, капитан? Не меня ли подозреваешь?» – «Я подозреваю всех, профессор, включая себя...» С капитанского мостика, куда поднялись двое, спустился только один, с непорочной головой профессора-аутиста и тренированным спинным мозгом бесстрашного капитана Трюмкина. Господи, что мне делать со своей памятью, какое количество чуши она впитывает.

Мне стало неловко даже перед этим профессиональным вампиром. Бабаян, как нарочно, подобрал самые кретинские цитаты.

– Я просто зарабатывал деньги, господин издатель, потому что тоже хотел делать шопинг и откликаться на маркетинг.

– И много заработали? – Бабаян мазнул скептическим взглядом по моему плащу из червяков и моим кедам, которые я с помощью гуталина превратил в ботинки.

– Главное, что я старался. После ранения в ягодицу и контузии другой не менее важной части тела у меня не осталось иного способа разбогатеть в этом прекрасном новом мире. – Мои глаза машинально попытались рассмотреть пылевидные «жучки», способные услышать крамолу. – Разве после полной и окончательной победы прав человека во всем мире я не обрел право покупать акции и делать инвестиции? Разве право заработать миллион – это не главное, что отличает человека от зверя?

– «Права человека» у нас победили все, включая самого человека, – заметил Бабаян. – Но одних только ваших прав и свобод для меня недостаточно. Как у вас со способностями?

– Не жалуюсь. Я, конечно, не Пушкин, в смысле литературной одаренности...

– Это очень мягко выражаясь, – прервал меня Бабаян. – Но в последние годы литературная одаренность – это скорее всего отягощающий фактор. Мне нужно другое. Умение влезть в любую задницу и откопать там вкусный материал. Увы, наши теневые писатели, дорогие наши негры, редко отличаются пробивными способностями. Но вот у вас в лице читается что-то такое многообещающее.

– К сожалению, Иван Арменович, у меня в роду не было проктологов. Но милиционеры имелись.

– Тоже неплохо. А как вам вообще этот Грамматиков?

Как мне этот Грамматиков? Мне не очень. Типичный экскремент, который взлетел на головокружительную высоту за счет фонтанирующей «свободы и демократии». Да, еще он мой тезка. Вернее, был мой тезка, но я отказался от своей фамилии и имени в лагере для пленных, потому что с этими персональными данными мне могли пришить за милую душу военное преступление. А это означало еще минимум двадцать лет в маринаде, а максимум – поджаривание на новомодном электрическом стуле. Во время войны я как-то стрельнул по бородатым чмурам в штатском, попытавшимся поднасрать в полевую кухню, словно это был штабной кунг. Метко стрельнул, если по правде, три трупа сделал. Позднее выяснилось, что это были «правозащитники-пацифисты» из организации «Дудаев Мемориал».

– До тридцати трех лет этот Грамматиков абсолютно нормальный парнишка, как я или, так сказать, вы... Потом война, ранение, лагерь для военнопленных, реабилитация в психбольнице, в общем, типичная история. Только в лагере я пробыл за плохое поведение на полгода больше. Все почти как у меня, хотя, конечно, не все подробности его биографии известны;

даже такие вещи, какой у него диплом. А уже через год, после выписки из психушки, он – исполнительный директор социально-психологического проекта «Амраш», который определял в оккупированной, пардон, в демократизированной зоне всю кадровую политику. Какие там кадры пойдут на зомбирование, простите, я имел в виду повышение квалификации, а кому пора на дно. И еще через год Грамматиков – топ-менеджер в Лондонско-Сибирской Углеводородной Компании, главный переговорщик по East-Siberian Treaty, который зафиксировал экономические границы между владениями Компании и Китаем. Все как будто...

Надо бы поаккуратнее высказаться, чтобы заказчик не подумал, что я завидую миллиардеру Грамматикову. Как можно завидовать трудяге миллиардеру, который плодит рабочие места, кормит народ, отогревает на своей груди сирот и все такое? Это – неэтично. И вообще личные симпатии-антипатии в нашем негритянском деле не приветствуются. Да и, если честно, я завидую не заоблачному Грамматикову, а соседу за стенкой, бывшему менту. Этот бычина нынче работает в шуцманшафте; по вечерам запихивает одной киске за другой, с визгами и песнями караоке, а перед этим хорошо и много жрет, причем натуральное, а не какое-нибудь говно, переработанное на механохимической фабрике в псевдоколбасу. Но Иван Арменович сам подхватил мою оборванную фразу:

– Как будто Грамматиков – главный по части особых операций в оккупированной зоне... М-м-м, здесь можно относительно свободно выражаться. Для защиты от подслушивающих и вынюхивающих дисперсных систем я использую свистнутый в «Тризубе» ионный аэрозоль; очень качественный, надо сказать... Так, на чем мы остановились. На том, что господин Грамматиков, который до войны ничего такого собой не представлял, скакнул, как конек-горбунок, на невероятную высоту. И стал, в итоге, президентом ведущей углеводородной компании мира, распорядителем и мажоритарным собственником сибирских нефтяных полей, солетт, стратосферных цеппелинов, шикарных отелей на космических островах, лунных шахт по добыче гелия-3, автомагистралей-скайвеев, проложенных над арктическими тундрами и проливами. Сейчас еще добавился в активы и этот орбитальный Дримлэнд с какой-то запредельной стоимостью. Вы, наверное, хотите спросить, зачем мне понадобился именно Грамматиков? Все-таки есть и другие влиятельные люди.

Иван Бабаян взял небольшую паузу, демократично желая, чтобы и я поучаствовал в разговоре. А мне по существу добавить-

то нечего, какие у меня могут быть сведения? Все мои сведения от алкашей, которые собираются в «английском клубе» у пивного роболарька. Ну, еще из телика с мутным экраном. Только вот по бесплатному каналу льются сплошь мыльные оперы. Так что за душой у меня одни эмоции. Этот Грамматиков, сколотивший миллиарды за несколько последних лет, не просто жесткий бизнесмен, а существо с хорошей подсветкой от адских сковородок…

– Да, Иван Арменович, очень хочу спросить, – дисциплинированно отозвался я. – Таки зачем вам понадобился этот тип?

– Он самый таинственный и быстрый из всех влиятельных людей. Мы, если честно, не просто собрались издать книгу на тему «Как сделать сто миллиардов». Есть и сверхзадача – показать, так сказать, без фрака этого великого и ужасного, этого закулисного хозяина тундры, тайги, недр, околоземного пространства и киберпространства в доменах «Ingermanlandia» и «Siberia». Показать, что он не какой-то инопланетянин, не Чужой и не Хищник, а такой же, как и мы, просто более энергичный, умный и удачливый. Благодаря нашей книге читатель уже не будет считать себя тупой скотиной, а превратится в хорошо информированного члена гражданского общества.

– Удачливый – это слишком мягко сказано, Иван Арменович. Скорее уж Грамматиков – любимец богов.

– Тогда надо показать, за что любят боги из маленького особнячка в лондонском Вест-Энде.

«Особнячок в Вест-Энде» – это кивок в сторону ложи Омега, о которой не принято говорить всуе. Неужели Бабаян зашел так далеко?

Значительная часть головы Заказчика переместилась под покров ночи. Явный намек на близкое окончание аудиенции. Интерес к моему творчеству был строго лимитирован пятнадцатью минутами. Давно ушла в историю та эра, когда я мог часами впаривать бизнесменам свои мысли о семейной жизни жуков-навозников, а также их влиянии на древнеегипетский культ Амона-Ра и последующее развитие мировой культуры.

– Я могу продолжать работу на благо тупого скота, Иван Арменович?

– Я вроде не отказывался от ваших услуг.

И пауза. Похоже, Заказчика вполне устраивает этот стилистически изысканный ответ. Тогда мне остается только одно, выкрикнуть (мысленно, конечно): «Merde!», что в переводе с языка наполеоновской гвардии означает: «Мужик – ты полное говно», и предпринять последнюю, наверняка обреченную атаку в

стиле французов под Ватерлоо.

– Это очень хорошая новость для меня, Иван Арменович, воодушевляющая на многочисленные новые подвиги... Но княже мой, господине, избави мя от нищеты сия. Могу ли я получить хоть какой-то аванс?

– Как это вы ловко ввернули на древнерусском. А еще можете?

Оп-ля, Бабаян-то расслабился, сейчас потребую хороших денег. Не мытьем, так каканьем. Надо срубить аванс минимум в десять тысяч РУБЛЕй [10]. И тогда я спасен, мир вокруг меня моментально преображается. Он уже не дерет меня наждаком, а ласкает сверху донизу. Я купаюсь в радостях этой жизни, я пью мартини с запахом средиземноморских трав, я заказываю на дом пиццу с грибами, я падаю на волнующийся, как море, гелевый матрас вместе с блондинкой. Или нет, блондинки слишком любят бабло, так что остановимся на брюнетке. У нее будет чуть вздернутая верхняя губка, нежные ручки и округлые бедра без выпирающих костей. Брюнетка не будет требовать, чтобы я немедленно рассчитался за ее услуги. Она не скажет ни слова о «свободе и демократии» и о необходимости снижения налогов на корпорации. Она не назовет меня дебилом из-за того, что я не умею играть на бирже и не отличаю акций от опционов. А какая у нее будет попка – круглая и нежная, словно персик. А какой у нее будет бюст! Не сиськи, а трамплины в небеса, на которых проживают все плейбои. Эх, как я зароюсь в ее телеса, волнующиеся на гелевом матрасе, как я нападу на ее пампушку, где все готово для приема хороших гостей... Я... я даже детишек заведу.

– Не возри на мя, господине, аки волк на агня, но зри на мя, аки мать на младенец.

– Увы, дорогой младенец, вдохновить я вас могу только морально, – отрезал Бабаян. – По крайней мере сегодня. Понимаете, нынешний бизнес – дело архижесткое, хотя каждому можно попробовать. Простите уж великодушно, но мы до сих пор не уверены в вас, а деньги сегодня слишком строго контролируются. Когда бы вы раздобыли интересные материалы и существенные сведения, написали бы синопсис книги, мы могли бы выдать вам аванс и быть чистыми в глазах вездесущего закона.

Блин, как сказать ему, что мне нечего жрать – с этого года все помойки на кодовых замках – и у меня дырявая крыша над дырявой головой. А если я не внесу хотя бы задаток квартплаты, меня вышвырнут крепкой рукой на улицу. Тогда мне светит Элизиум, потому что мне не то что до Вологодчины, до Гатчины не дойти будет. Все шуцманские заставы платные, и бабки надо

отстегивать немалые. Робограничники же принимают только кредитные карты.

– Итак, господин писатель, жду вас послезавтра, с материалами. Тогда и приму окончательное решение. Мне нужны точные и надежные сведения. Хотя разумные фантазии тоже приветствуются. Полководец Суворов повысил своего офицера в звании лишь потому, что тот дал конкретный ответ на абстрактный вопрос: «Сколько звезд на небе»; проверить же этого бравого вояку мы не можем до сих пор. Дорогой мой, приободритесь, вам есть чем заняться в свободное от отдыха время, и это куда более увлекательное занятие, чем пить пиво с друзьями и шутить с девушками.

Послезавтра! Блин, какой я «дорогой», я почти бесплатный, как бизон, которого любой янки мог подстрелить из окна проходящего мимо поезда!

На мгновение я представил, что перегибаюсь через стол и бью Бабаяна в челюсть. И он кувыркается вместе со своим стулом. А еще вообразил, что грохаю псевдомраморной Венерой о лысый сектор Заказчика. И сквозь расколотый череп выглядывают его жадные мозги. Раньше у меня таких мыслей не было. По правде, сейчас я себя едва остановил. Остановил и смиренно откланялся: «Всего хорошего, Иван Арменович. Спите спокойно, все будет в лучшем виде».

А всемирная президентша мисс Вики Лу, облизнув карминовые губки, поощрительно проворковала мне: «У тебя все получится. Когда у меня обнаружили шизофрению и СПИД и мне пришлось бросить работу в стриптиз-клубе, я даже не предполагала, что меня ожидает блестящая политическая карьера. Повышению моей собственной самооценки способствовал переход от вагинального секса к клиторальному». Если точнее, она сказала: «Твойа всио получитсья. Коугда мойа зэбольеть шизофрениа…», потому что хороших программ машинного перевода у нас до сих пор нет. Чтобы написать алгоритм перевода, надо чувствовать язык, а чувствовать русский язык сегодня совсем не обязательно. Стриптизершу мисс Лу действительно ожидала блестящая карьера. Организация Омега оплатила пятьсот миллионов полностью функциональных нанопластиковых копий Вики Лу, в том числе сто миллионов Lesbian Version, а также миллиард копий различных фрагментов ее тела, и раздала все это абсолютно бесплатно в странах третьего мира. И у самого последнего ублюдка на этом свете под драной кроватью лежит великолепная зеленоглазая Лу, которая умеет шептать «make love, not war»… Выборы всемирного президента завершились оглушительной победой этой пидараски,

а также долгожданным падением рождаемости в странах третьего мира.

– И, кстати, при выходе на связь используйте какой-нибудь позывной, – сказал Иван Арменович. – Типа...

– «Негр» сгодится?

– А что, с вызовом, но неплохо, – одобрил Бабаян. – И работе вашей соответствует. До новых интересных встреч, Негр.

– Всего хорошего, Иван Арменович, – и, не сразу повернувшись задом к важной персоне, я вышел в коридор.

А в коридоре я вдруг застыл на полминуты. Мне стало сильно не по себе, как с большого бодуна (хотя накануне ни капли не принял), даже испарина на лбу выступила. Воздух показался таким густым, что я не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Это я, наверное, осознал невыполнимость миссии: не мне, увы, не мне, при моей нищете и убогости, копаться в темной биографии великого махинатора. Потом мое внимание приковала вешалка. На ней, как в старые добрые времена, висел плащ с оттопыренным карманом. У этого кармана даже краешек чуть был отодран. А все сенсоры и камеры робостражника были направлены вперед, на входную дверь.

Сто процентов, прошел бы мимо; я от мамы-милиционера унаследовал что-то вроде принципиальности. Но вдруг, нате вам, развернулось виртуальное окно [11]. А в виртуоке приплясывал черный чертик в красном плаще и в большом цилиндре, на котором имелась надпись «Международное кряк-бюро Порта Нигра». Виртуальный чертик засунул свой хвост в карман реального плаща, хитро подмигнул и благополучно исчез. Тьфу, что за наваждение? Это настоящее руководство к действиям могло войти в порт моего боди-коннектора только из сайфира [12]. Но сайфир же был полностью выжжен ооновцами, по крайней мере за последние три года я не получил оттуда ни одного бита. Поначалу я, конечно, проклинал урода Гейтса, который все это придумал, а потом, прямо скажем, особо не скучал. Ведь витамины и калории важнее, чем пиратская музыка и виртуальные красотки...

И вот я сделал то, что раньше никогда почему-то не делал, пусть и был по пояс в соплях. Первый раз в своей жизни совершил кражу. Но при этом у моего «я» было какое-то отчуждение от моих рук, лезущих в чужой карман. Словно между моим «я» и моим телом, мышцами, периферической нервной системой возникли какие-то нейроинтерфейсы. Я даже назвал отделившееся от меня тело Негром.

Негр сунул руку в чужой карман и выудил оттуда... горстку пластиковых монет, чип-пропуск и кредитную карточку. Негр

сунул все это в мой карман. И, потерев несколько вспотевший лоб, направился на выход. На свежем воздухе отчуждение прошло – наверное, это было краткосрочное завихрение в исхудавшем мозгу. Отчуждение прошло – а добыча осталась.

На улице я понял еще кое-что.

Заказчик Бабаян не совсем уверенно вел себя за письменным столом, поэтому и прятался в тень. Так бывает, когда новая уборщица все переставит со своих законных мест на случайные, и ты машинально лезешь пальцами в сахарницу, а попадаешь в раскрытую коробку с кнопками. Так еще случается, когда ты вообще въезжаешь в абсолютно новое для тебя помещение. Иван Арменович как-то неуютно сидел в кресле, узковато оно было для него, что ли. И чересчур теребил виртуальную клавиатуру.

Получается, что сцена приема клиента была постановочной. Так же, как и оттопыренный карман. Это Бабаян подослал мне чертика и спровоцировал на мелкую карманную кражу. Иван Арменович все же «проавансировал» меня – как шелудивого пса. Заодно осторожный издатель подстраховался от всех возможных претензий со стороны адвокатов и прочих бандитов господина Грамматикова. Дескать, ничего не было, никого не нанимал, никому не платил.

2

Я вытащил червячок шланга из своего многострадального тела, заклеил разъем пластырем. На конце шланга еще помаргивала светодиодом баночка-вампирка. Хватит! Я зашвырнул подальше и шланг, и баночку, хотя в ней плавал инсулин и прочие полезности. Органический разъем просуществует во мне еще не один день, но в конце концов высохнет и отвалится. Пучки вампирствующих микрошлангов, обвивающие мои органы, распадутся минимум за неделю...

Обретя свободу, я сперва рванул в закусочную сети быстрого питания «Бабкины пироги – ешь, сколько смоги» (несмотря на типично безграмотное название, в тех пирогах что-то еще осталось от бабушкиных), затем понесся в пивняк «Желтая река», где почти настоящие русалки брызжут хмельным напитком, знаете из каких мест. Ух, я присосался к ее бюсту четвертого размера...

А на выходе из пивняка наркодилер в мимической маске плутоватого братца кролика безошибочно определил пару лишних монет в моем кармане и мечтательное настроение в моей голове. Хитрый его нос резво двигался над резцами грызуна, когда он предлагал тысячу и одно удовольствие. «Ностальжи», «раптор», «мазерфакер», а также прочие наркоды [13] в пакетиках и цилиндрики глюкеров [14] россыпью.

Из всего этого дерьма самое классное – «ностальжи». Диффузный наркод, принимается орально как порошок, а потом несколько часов ничем не замутненного кайфа. Ты оказываешься в мире подростковых фантазий. О чем мечтает практически любой не самый тупой старшеклассник? Это не секрет. О том, чтобы красивая пышнотелая учительница велела ему остаться после уроков в классе для «дополнительных занятий», ну и произвела бы его из малыша в мужчины. Хороший «ностальжи» – это вам не убогий раздражитель сексуальных центров, из-за которого становится тесно в трусах. «Ностальжи» работает на более высоком уровне, создавая некий полуабстрактный, но мощный поток любви, в котором стремятся друг к другу разные космические начала, инь и ян, катод и анод, плюс и минус магнита, зуб вампира и артерия донора. Не поскупись на дозу – и любовный поток растопит лед, в который ты вмерз как прошлогодний таракан, чтобы унести тебя к свету...

Когда у меня водились какие-то деньжата, я нередко закидывался этим «ностальжи». Может поэтому каких-то деньжат

у меня не стало...

Резцы братца-кролика резали мою решимость, а мимо мчались на инлайнах молодые амраши, оставляя в мокром воздухе неоновые следы. Поток амрашей размывал старую жизнь, словно грязный мартовский лед, и оплодотворял петербургскую богиню Иштар с силиконовым лицом Леры Найдорф и глянцевыми сиськами параболических антенн, чтобы рождать небоскребы, магистрали, бордели, биржи. Вдобавок к молодым амрашам мчались в радужное лоно Иштар и старые диссиденты с силопроводами в мышцах и биополимерной арматурой, которая превращала их жирные задницы и отвисшие животы в прекрасные торсы, достойные Апполона.

– Ты чего в рай не хочешь? «Ностальжи», «Член Быка», «Оральный кабинет», даже на соседней улице это будет дороже минимум на двадцать процентов, – зазудел братец кролик.

Я замялся. В рай-то хочется, где, распростершись на розовых облаках, меня ждет роскошная классная руководительница. Но если посмотреть на такой «рай» со стороны, то сторонний наблюдатель увидит торчка, пустившего струйку слюны изо рта и пучок соплей из носа. Стану я чем-то вроде придорожного растения; буду обрамлять своей пыльной зеленью магистральную трассу и покорно впитывать гарь от проносящихся мимо «фордов» и «мерсов».

– Да пошел ты, искуситель.

Вместо наркода купил куртку и ботинки. И не где-нибудь, а в супермаркете, в «Хэрродс». Боты с жидкокристаллическими наполнителями в подметках! Ионообменная стелька аккуратно облегает ступню, круглые черные носы твердо готовы проломить череп противнику-неандертальцу. А куртка словно из буйволовой кожи. В ней еще и сенсоров понатыкано. Как только обнаружится электромагнитная или мелкодисперсная опасность, тут же подкладка начинает дрожать. И я вместе с ней. Все, как и положено у негров. Купил я еще эту самую смазку из проникающих нанокапсул, которую метросексуалы используют. Они-то для красоты намазываются, а мне не прихорашиваться, мешки бы под глазами замаскировать и следы побоев на скуле.

У каждого невротика есть свои ритуалы. У меня – расправить плечи, набычить мышцы а-ля качок и проорать в зеркало тому небритому типу напротив: «Иду на ты».

Иду на ты! И на сей раз мой грозный выкрик на чем-то основывается. Когда я из супермаркета выходил, мне телка одна улыбнулась. Никакая не виртуальная, а настоящая дискотечная дрыга, на ходу потряхивающая задними «булочками». Музон, видимо, втекал в ее слуховой центр из невидимых миру

нейроушников. Между ее прилично открытых буферов призывно скользили фотонические змейки-тату, и на меня, как из ведра, плеснуло афродизиаками. Включился я мигом. Мои щеки растянулись в ответной улыбке, язык высунулся, чтобы облизать разом пересохшие губы, ноздри раздулись и стали втягивать карикатурный запах ее помады, глаза впились в сладкие «кексы», растягивающие ее маечку. В общем, весь организм встал на дыбы и был готов на подвиги.

Затянув девушку в ближайший бар и заведя отвлекающий разговор об античных эротических сочинениях, я бесхитростно приобнял ее за выпуклые прелести. Когда под моими чуткими пальцами запружинила замечательная натура, в которой не прощупывалось никакого дешевого коллагена, я такого девушке наобещал... Я ей такого наплел про светлое будущее вместе со мной, что она отключила нейроушники, задышала порывисто и буфера ее надулись еще больше, превратившись в подушки системы безопасности от «мерседеса». Мы почти договорились, на какую «сковородку» отправимся поскакать. Я уже представил свой танец, зажигательный бомжарский хип-хоп, и последующее танго с девушкой в койке, но тут облом. Кредитка была аннулирована владельцем. Хорошо, хоть шуцманы не приехали, дудя во все гудки. От красотки пришлось спешно срулить, а кредитку поломать и бросить в водосток.

Я еще минут пять фантомно ощущал на руках девичьи выпуклости. Я стоял столб столбом, мудак мудаком, а моя щедрая фантазия вела меня по миражу ее тела, к гладким ляжкам и тугим бедрам... Меня едва пиццамобиль не задавил, то есть задавить он не смог, но толкнул прилично, так что сопли полетели и я почти столкнулся лицом с тротуарным дисплеем, по которому бежала реклама секс-туров в «город ткачих Иваново»...

Хорошее настроение дало сильную течь, затем быстро затонуло. Потому что меня ожидал не «БМВ» с закрученным силуэтом, а мой велик с давно проржавевшей рамой и с погнутым рулем. Новенькими были только пятна клея, которым я заделывал многочисленные пробоины в древней полуистлевшей резине. Пока я был в «Хэрродс», какой-то гадкий мальчишка обклеил раму анимационными стикерами с рекламой косметики, так что ржавая конструкция теперь повсеместно подмигивала и облизывалась.

Пора теперь задать вопрос. Что, собственно, мы имеем с гуся? С упитанного гуся по имени Иван Арменович Бабаян? Уже ничего. Деньги кончились, практически не начавшись... И что я могу сделать, без машины, без сети, без терминала?..

Итак, грустный человек с моей невыдающейся внешностью

ехал домой на унылом ржавом, притом подмигивающем и облизывающемся велосипеде в сторону Подъездного переулка. Ехал, источая густую тоску, которая притягивала пыль и обрывки лотерейных билетов. Мог ведь и я стать сертифицированным амрашем, когда у меня еще и шарики, и ролики в голове крутились. Если по правде, я ведь из-за гордыни в амраши не пошел. Не хотел быть таким, как эти пидарасы духа. Не хотел, чтобы новые власти трахали меня в мозг, чтобы они запихивали фаллосы нейроконнекторов в мое серое вещество, раздвигая требовательными руками мозговые оболочки. А в итоге что? Где награда за целомудрие? Амраши вот потерпели немного, покряхтели, а сейчас уже сами запихивают другим. А мне, как и известной валаамовой ослице, несмотря на моральный подвиг, осталось только ишачить хуже прежнего.

Я плыл в фарватере из уличной пыли и тоскливых мыслей, пока не пересек упакованный в пластик Обводный канал – там, где раньше был Ипподромный мост. Тускло мигнул заплеванный робот, охраняющий межрайонную границу, и пропустил меня на территорию, контролируемую «Тризубом».

А метрах в тридцати от робота-пограничника случилось ДТП. Я обернулся, чтобы глянуть на прядильно-ткацкую фабрику, где двадцать лет назад работала моя любимая девушка Настя, но увидел там лишь огромную рекламную ногу в ажурном чулке, которая качалась в витрине магазина «Эротика для всех». Ах, Настя-Настенька, ножка у тебя такая же была, в смысле, красивенькая, но поменьше… И тут меня сбила машина.

Она как раз выехала с многоэтажной парковки, напоминающей цветок куриной слепоты. Автомобиль был похож своими глянцевыми плавными обводами на касатку, а прячущийся в глубине его могучего тела магнитогидродинамический мотор на пятьсот лошадей не выдал себя даже урчанием. Конечно, по правилам, выезжающий со стоянки автомобилист должен был пропустить велосипедиста. Но куда там нудным правилам дорожного движения против свободы, присущей всем владельцам солидных тачек.

Неудачник, нырнувший с велосипеда и проплывший несколько метров по луже, попробовал выразить свое недовольство. И снова улегся в лужу, получив по морде от крашеного блондина, вылезшего из «касатки».

Крашеный паренек поиграл мышцами, подпружиненными с помощью силопроводов, и вежливо поинтересовался у потенциального истца, напоминающего в этот момент раздавленную кошку.

– Ну, что, иск удовлетворен?

Паренек подождал ответа, потирая кулаки, татуированные оранжевыми крестиками, и спокойно поехал дальше. Видимо, он считал, что со всеми формальностями уже покончено.

Я сказал ему в виде напутствия: «Да чтоб тебя боров поимел» – и принялся привычными движениями соскребать с себя приклеившийся мусор: жвачку трех сортов, конфетные фантики и упаковку от мороженого.

В виде случайного совпадения «касатка», совершающая левый поворот, неловко подпрыгнула на бестолково мерцающем пластике разбитой мостовой и слегка потерлась о бок другого автомобиля.

Другой автомобиль смахивал на доисторическую акулу по имени «мегалодон», которая была недавно восстановлена специалистами из фирмы «Геноциркус» и теперь плавает в василеостровском океанариуме. Даже радиатор у «мегалодона» был стилизован под огромные зубы.

Из другого автомобиля вышел, расправляя плечи и прочие органы, громадный дядька, как будто тоже смастеренный в «Геноциркусе». Что там боров. Боров бы смотрелся рядом с этим гражданином бледным сусликом. Кулаки у мужчины – словно первый советский спутник, штаны растянуты до максимума мускулистой плотью, что спереди, что сзади. При одном виде такого зверя лопаются целки у девушек и сдуваются члены у соперников, превращаясь в жалкие членики.

Крашеный паренек сразу все осознал. Он даже не вылез, а вытек, как понос, из своего автомобиля. Мегалодон не заставил себя долго ждать и приложил лжеблондина лицом к капоту «касатки», отчего на несмачиваемой поверхности запрыгали бусинки крови и слез.

После крика и стона начался культурный разговор по понятиям. И здесь паренек, чье лицо напоминало теперь грязную картофелину из бедной овощной лавки, проиграл всухую. За ним, судя по выбеленной шевелюре и руническому знаку «гибор» [15] на бейсболке, стояла группировка «Викинг». Выходит, он на чужой территории. А за мегалодоном, если гадать по татуировке – синей вилке на ядовито-желтом фоне, – высится могучий «Тризуб», истинный хозяин этого района.

Под шумок справедливой расправы кое-что обломилось и человеку, навернувшемуся с велосипеда, то есть мне. Когда мегалодон поманил меня пальцем размером с хороший гаечный ключ, я сперва, конечно, сильно испугался, даже мошонка поджалась. Но оказалось, что крашеный паренек виноват перед всем человечеством вообще и перед мной в частности, поэтому должен срочно искупить вину, подарив мне машину. «И шоб

быстро». Так решил мегалодон, чтобы показать свою абсолютную власть, и скрепил решение смачным плевком на мостовую. Не обязательно новую машину, но на ходу, легализованную и все такое.

И в самом деле, получилось «быстро». В середине следующего дня у дверей развалюхи, где я, можно сказать, проживаю, стоял автотранспорт с лежащей в бардачке дарственной на мое имя.

Вот почему я сегодня за рулем, как белый, блин, колонизатор. Вот почему гордо поглядываю на «негров», которые пытаются выскочить на проезжую часть, помыть мне стекло или напылить на него рекламную анимацию. Машине лет десять, стекла еще не грязеотталкивающие, но автоматическая коробка передач совсем новая. И это главное, с тех пор, как в нашем мегаполисе запретили ездить с ручной коробкой. Да что там белый колонизатор. По сравнению с тем, кем я был утром, я теперь король Леопольд, поставивший в нужную позу целое Конго. Бортовой компьютер содержит коды доступа во все районы города! А в бардачке даже нашелся забытый кем-то мобильный терминал с кредитом общения на семь минут. Мобильник был слегка забрызган слюнями, но топливный элемент даже не требовал дозаправки.

Мне бы сейчас не пытаться ухватить журавля за яйца, а удовольствоваться синичкой, то есть просто поехать на танцы для тех «кому за...», где дамы не блещут ни красотой, ни крутизной, зато предоставляют быстрый доступ к своим прелестям. Или хотя бы нырнуть в Сеть, пролететь ангелом сизокрылым по инфобанам, поднимая столбом электронную пыль... Но скрипя оставшимися двадцатью зубами, я позвонил Глебу Логойко. Это единственный приличный человек, который еще согласится пообщаться со мной, если только недолго.

Глеб не показался любезным, да он всегда был угрюмый бормотун, но через несколько минут перезвонил и дал мне координаты некой Веры Лозинской. Эта дамочка могла стать моим спасением. Сейчас она – никто, продавщица в книжном магазинчике на Леттише-Легион-штрассе (бывшая Гаванская), а пять лет назад, судя по словам Глеба, была начальницей у самого Грамматикова. Прямо из агентства мадам Лозинской его взяли на важную роль в социально-психологический проект «American Not Russian Certified Professional». Стало быть, госпожа Лозинская имеет немалое отношение к вертикальному старту господина Грамматикова...

Но прежде чем связываться с этой самой Верой, я позвонил своей жене, впервые за последние три года. Экс-жене, если быть точным.

Бывшая женушка получает ежемесячное пособие от «международной ассоциации Пенелопа», которая содействует дамам со средним музыкальным образованием и психической травмой, полученной в ходе семейной жизни. То есть муж, алкоголик и психопат, должен непременно находиться в дальних странствиях под соседним забором. Впрочем, мы с супругой и так собирались разбежаться. Кому нужен довольно ленивый литературный негр, неспособный прокормить даже невзыскательного кота, не говоря уж о любящей приятно покушать женщине?

Короче, большую часть из потраченных минут экс-жена выясняла, кто там на проводе. Кто, что, плохо слышно, хреново видно… Единственное, что она успела сказать по существу – это чтоб я ей не звонил больше. По-моему, она даже не узнала меня. Или сделала вид, что не узнала. Честно говоря, я ее лица тоже практически не узнал. Все, что я сегодня помнил о бывшей супруге, – это ее ляжки и ягодицы, такие гладкие-мягкие. Плюс собачьи вальсы, которые она играла на раздолбанном пианино. Иной раз мне даже кажется, что она играла на пианино именно ягодицами. Она наверняка была интересным человеком, но в саркофаге моей памяти остались только сальности…

А кому бы я мог звякнуть вместо жены? Кто, интересно, придет в восторг от моего скрипучего голоса и серой физиономии, прилетевшей по дешевому каналу связи? Лучше не думать об этом. Лучше почти ни о чем не думать. Если б можно было удалить лишнюю половину мозгов из головы. Приказываю себе думать только о работе, об этой единственной возможности заработать на спокойную старость с теплым сортиром и горячей картошкой в котелке. Кредита общения осталось на пять минут; пора унять дрожь, разгладить вздыбленный волосяной покров и позвонить Вере Лозинской…

По ее лицу, возникшему на экране терминала, сразу стало ясно, что разговор может оказаться очень коротким. Я от напряжения сразу вспотел, голос стал совсем хриплым, противным:

– Здравствуйте, я, кхе-кхе, писатель, я пишу книгу о… для… про… Ради бога, не бросайте трубку… Всего лишь пара вопросов. Это абсолютно безобидная книга, пособие для юношества и прочих чайников: «Как сделать миллиард». Основывается на нескольких конкретных биографиях… Нет, мы с вами не знакомы… Ваш номер мне дал господин Глеб Логойко из издательства «Лог энд К°»… Вы ошибаетесь, может, я кого-то вам и напоминаю, но мы с вами никогда, к сожалению, не встречались… Да, меня интересует господин Грамматиков, вы же

с ним работали, он здорово ложится в концепцию моей книги. Довольно молодой миллиардер, не жалеет денег на новые технологии, поддерживает искусство и культуру...

Черт, обрубила связь. Буркнула она «приезжайте» или мне послышалось? Но точно, что она была на нервах.

А ведь лицо госпожи Лозинской и мне кажется знакомым. Однако, зуб даю, не встречались мы с ней раньше. Я бы не забыл даму с тонким породистым исконно питерским лицом, на котором читаются и гены прадедушки, лейб-гвардии офицера, и гены прабабушки, хористки-бомбистки. Такие встречи для меня редкость даже на улице и число их убывает по экспоненте из года в год... Должно быть, я просто видел похожего на нее персонажа по телику в каком-нибудь сериале. Хотя и в телике уже не лица маячат, а сплошные штамповки. Лозинская же никак не штамповка. Ее лицо, хотя и возникло на экранчике терминала размером пять на пять сантиметров, припечатало меня, как молотком...

Меня несло к Вере, словно молодого орла на крыльях любви. Не заплатив ни разу, я лихо проскочил мимо всех застав, проехался в кредит по Диагональному мосту, мимо парящего памятника Свободе, облепленного правозащитниками из гелиевого поролона, и приземлился прямо на Васильевском острове, в Биржевом проезде, который теперь называется Доу-Джонс-стрит. О, госпожа Удача, о, приветствую тебя, о, целую ручки-ножки; о, я именно тот паладин, который будет всегда тебе верен, о...

Подхалимаж, однако, не сработал. Госпожа Удача обернулась ко мне не самым приятным своим местом, молодой орел навернулся с небес и превратился в воробья. Злой рок материализовался в виде дорожного шуцмана, который поставил свой вседорожник, больше напоминающий БМП, поперек улицы.

Я оглянулся назад, но въезд на Диагональный мост уже зарос нанoплантовой решеткой. Поролоновые правозащитники, под воздействием ветра с запада, тоже показали мне зад и стали видны бородатые моджахеды, скрывающиеся у них за спинами...

По бортам шуцманского вседорожника наварена броня, в районе двигателя установлена динамическая защита, словно кругом партизаны с базуками. На крыше микроволновая пушка, способная мгновенно превратить «врага свободы» в лапшу быстрого приготовления. А мне надо приехать в магазин до пяти, чтоб Лозинская не успела свалить с работы. Не успею поймать Веру на выходе, и привет... Ведь завтра же утром какие-то материалы должны быть на столе у Заказчика...

У шуцмана голографический значок группировки «Погоня»:

прекрасный рыцарь, скачущий, наверное, в сторону максимальной прибыли и минимальных издержек. Судя по буравчатому взору, этот шуцман еще и амслав. Проект «Амслав» начался на год раньше, чем «Амраш», на территориях сопредельных государств – психопрограммные технологии были тогда попримитивнее. Игла в череп и хорошая доза эректина, который уменьшает критичность и увеличивает национальную гордость (говорят, что еще раньше эректин применяли для лечения импотенции у медведей панда). После серии уколов просмотр сериала про то, как гордые предки мочили пьяных московитов.

– Здравствуйте, пан шуцман. – Амславам нравится, когда к ним обращаются «пан» или «сэр». Правда, при этом они пристально вглядываются тебе в глаза, проверяя, не говоришь ли ты им в мыслях: «Привет, кусок зомбированного дерьма». А на некоторых КПП, между прочим, стоят инфракрасные сканеры, которые проверяют изменение мозгового кровотока, которое характерно для человека, который мыслит одно, а произносит совсем другое.

Вдобавок к проницательному взгляду у пана шуцмана были отвисшие усы и унылый нос недавнего крестьянина-единоличника, привыкшего ковыряться в навозе. С ним явно не успели поработать визажисты. Но по бронежилету и серебристой сеточке, закрывающей лицо, то и дело прокатывались коронные разряды, сжигающие потенциальных нано– и микроагрессоров, атакующих из атмосферы. Разряды вздыбливали усы, отчего в них появлялась шляхетская заносчивость. Правая рука у шуцмана была на вид бронзовая, как у памятника полководцу. А на самом деле это – силовая перчатка с никель-титановой арматурой. Если врезать такой «бронзовой» кулачиной, получателю мало не покажется. Сам видел выбитые челюсти у нарушителей порядка. На поясе у шуцмана нечто напоминающее массажную щетку – это дубинка переменной жесткости и шипастости. Если заработать такой по голове, то и мозги могут выскочить наружу, чтобы поздороваться с ботинками.

– Показывай документы.

На дарственную шуцман глянул левым глазом и вернул обратно, а вот технический чип-паспорт сунул в слот своего терминала.

– Что-то не так, сэр?

– Усе не так, – определил «сэр» и замолчал. Как будто я должен ему доложить про «усе», что не так. Психопрограмма у этого амслава совсем дубовая, в голове от одной мысли до другой сто километров непролазного леса. Но в знак того, что пан баран

не так прост, как кажется, по нему пробежал коронный разряд, сжигающий вражеских аэроботов, и лицо его на мгновение украсилось сиянием, как у ангела. Мне даже показалось, что вот-вот сей ангел, возведя очи вверх, начнет возноситься к небу под музыку хрустальных сфер. Но ничего такого не произошло. Шуцман остался на месте, вместо музыки сфер послышалась отрыжка, мутный взгляд был по-прежнему приклеен ко мне.

– Я теряюсь в догадках, пан шуцман.

– На Набережной имени сенатора Маккейна бандиты вымазали витрины коллодием, сделались экраны, которые показывают бандитскую пропаганду о том, что на самом деле это – набережная имени известного националиста адмирала Макарова, – внушительно сказал шуцман, тыкая мокрым щупиком зонда обивку салона. Видно, надеется обнаружить в мазке диверсионные наноустройства. Хорошо, что я первым делом промыл хлоркой весь салон автомобиля. Плохо, что в кабине воняет как в образцовом солдатском сортире.

– Я тут ни при чем, пан шуцман. Как вы можете так? – Я придал голосу политическую чувственность. – Маккейн подарил нам свободу. Я до сих пор не могу забыть, как во время свержения памятника Александру III сенатор показал указательным пальцем на фашиствующего царя и сказал «паф», после чего сдул воображаемый дымок, а статуя благополучно рухнула.

– Есть еще информация, что появились насекомые, которые грызут дорогой личный автотранспорт, оттого что у них мозги биохакерами крякнуты.

Да что ж ты впился в меня, клещ? Ну почему во время войны в тебя не попал снаряд, выпущенный из ржавой гаубицы калибра 152 миллиметра, расчет которой я кормил кашей? Зря, получается, кормил.

– А какие насекомые, пан шуцман? Для этого дела термиты нужны или какие-нибудь супермуравьи с Амазонки.

Не удостаивая ответом, «дорожный ангел» потянулся граблей к приборной доске моего автомобиля, открыл универсальным ключом панель борт-компьютера и вытащил контрольный чип. Без церемоний, прямо пальцами, которыми он недавно хватал сало. Затем вставил мой чип в свободный слот своего терминала и с нетерпением вперился в дисплей.

– Ты приплыл, – сказал шуцман, едва сдерживая улыбку удовлетворения. – На гидротрансформаторе – левый номер.

В его голосе зазвенел тяжелый металл разоблачительных ноток. Интересно, что ему надо? Амслявы взятки не берут, по крайней мере мелкие. Похоже, этот фрукт удовлетворяется, когда удается подгадить ближнему своему. Уличных «кабинок счастья»

ему мало… Еще пару минут, и я опоздал в книжный магазин.

– Не может быть, пан шуцман, – максимально убедительным тоном сказал я и застыл в улыбке.

Он снова сверкнул зарядом, испепеляющим нановрагов. Искренне жаль, что в районе задницы у пана нет утечки пропана или метана… На самом-то деле гидротрансформатор, конечно, левый, но кого это должно волновать, если «Тризуб» легализовал автомобиль и заложил все необходимые данные в контрольный чип борт-компьютера.

– Усе может быть, – родил очередную философскую истину пан шуцман.

– Вы проверьте, пан шуцман, там же все электронные печати, подписи и гербы.

– Ты мне не указывай, что проверять, «Тризуб» для нас не свет в окошке, – стал свирепеть шуцман, осознав, что я задел его достоинство. На его челе набором морщин отразилась какая-то мысль. – А ты, похоже, хакнул контрольный чип.

Мысль шуцмана теперь ясна – как бы унакосекомить. А у меня и вариантов никаких. Может, попробовать уйти от взаимоотношений по схеме «мишень-выстрел-труп» и пообщаться «чисто по-человечески»? Говорят, что амславы больше похожи на людей, чем наши родные амраши. А если назваться мне козаком, севрюком или гипербореем? Но тогда надо уметь «окать», «акать» и «укать» без ошибок.

– Пан шуцман, у меня, между прочим, бабка из ваших краев. Знаешь, какая классная бабуля у меня была, мне до сих пор ее галушки снятся.– Галушки, то ж у хохлов. А мы с Бялосточчины, понял.

Тьфу, перепутал со страха! О небо, мне кранты. Этого шуцмана уже не смягчишь. Что могут хавать на Бялосточчине?

– Ах да. – Я натужно хихикнул. – Перепутал галушки с варениками. Мне снятся ее вареники с картошкой…

– Надо, мужчина, послать твои личные данные на наш гипер, а уж потом про бабку толковать. Ну-ка, приложи пальцы к сканеру, сниму твою биометрику.

Вот я и пролетел с Верой Лозинской, если даже этот дядька мурыжит меня от чистой балды… Я обреченно приложил пальцы к сканеру. Через пять – десять секунд его индикатор должен был мигнуть, показывая, что информация считана и отослана на центральный полицейский сервер. Взгляд шуцмана прилип к сканеру, а вот терминал остался на периферии его зрения и был вдобавок повернут слотами ко мне. И тут из глубин сайфира возник виртуальный чертик с надписью на цилиндре «Кряк-бюро Порта-Нигра», чтобы врезать пану по физиономии. От

виртуальной плюхи шуцман, конечно, и не шелохнулся. Однако следом уже я схватил шуцманский терминал левой рукой и резко направил его вверх! У пана, получившего в физиономию, отчетливо хрустнули зубы! Под эту сладкую музыку я выдернул свой контрольный чип...

Пока я загонял его в слот автомобильного борт-компьютера, шуцман стоял, прижимая ладонь к лицу, и сквозь его пальцы текла кровь. Похоже, он был поражен, поэтому даже не воспользовался своей бронзовой рукой, чтобы немедленно вырвать с мясом дверцу моего автомобиля и высадить мне все зубы. Да я и сам был ошарашен, первый раз в жизни такое! Меня били и не раз, однажды могли и добить; господ потрошителей отогнал от моего почти-трупа только робот-дворник, который стал делать им замечания, что они пачкают тротуар органическими отходами красного цвета. Случалось и мне психануть, да вклеить какому-нибудь алкашу, если совсем доведет. Но чтобы приложить представителю власти. Это должно было остаться только светлой никогда не реализуемой мечтой. За персоной представителя власти, пусть он последний мудак родом из навозной кучи, маячит импортный электрический стул или принудительный отходняк в Элизиуме. Да это Не-Совсем-Я вмочил шуцману! Я, конечно, оставался в своем теле и никуда из него не вылетал, освобождая место другому, но появилось ощущение... опять ощущение отчуждения какого-то... Нервная система, а вместе с ней мышцы тела действовали как бы самостоятельно, отгораживаясь мембраной от моих мучительных рефлексий.

И хотя момент был совсем не подходящий для игры в слова, я сразу назвал это «не-совсем-мое» тело Негром.

Шуцман наконец потянулся за своим пистолетом, но Негр, ломая ему пальцы, выдернул оружие и зашвырнул его куда-то.

А затем Негр решительно рванул с места. Обогнув с киношным скрежетом тормозов шуцманский БМП, скрежетнул по борту грузовичка, развозящего мороженое с веселыми немецкими напевами «Eis zu verkaufen». С БМП пальнула микроволновая пушка, но попала в автомобиль с мороженым, из которого полетели струи пара и вопли. Пользуясь паровой завесой, Негр свернул за угол, в Тифлисский переулок, который теперь называется Саакашвили-авеню. Вовремя свернул. Что-то поддало в зад автомобилю; Доу-Джонс-стрит была в мгновение ока перегорожена решеткой, выросшей из мостовой...

Сердце у меня зашкалило секунд через тридцать, когда отчуждение от тела прошло, и я осознал, что сейчас этот шуцман трезвонит по всей полицейской сети, передавая данные моего

автомобиля, которые успел считать с контрольного чипа. Техпаспорт тоже у него остался. Шуцман хоть и получил в морду, но по-прежнему пан, а я, считай, пропал.

При скорости более двухсот, а на скайвее меньше не бывает, управление автоматически переходит к борт-компьютеру.

Машина мчится по левой полосе скайвея. Слева, за невысоким ограждением – пропасть в пятьсот метров глубиной. Скайвей вьется змеем среди километровых небоскребов Василеостровского Сити, похожих на мексиканские кактусы-переростки, прыгает с одной едва заметной опоры на другую, и ему нет дела до того, что я такой маленький и испуганный.

Стайки рекламных пузырей ненадолго увлекаются за идущей впереди машиной, чтобы секундой спустя размазаться недолговечными сопельками на моем ветровом стекле.

Лопасти дворников мгновенно сметают грязь со стекла, и моему взгляду предстает ничем не замутненное небо в рыночных алмазах. С облаков-биллбордов, образованных нанодисплеями, светится мир идеальных товаров, которые можно купить в кредит с практически нулевым процентом. Можно приобрести мускулатуру полубога, диван с живой шерстью, пять оргазмов в минуту, корм, который сделает вашего кота счастливым, пенис, могучий, как полковой миномет, и много чего другого.

Голографическое объявление над самым высоким небоскребом гласит: «Вы находитесь в Хирвисаари-Сити [16]. Это частное владение. Соблюдайте правила, установленные договорами транзита и паркинга, которые автоматически заключаются с вами при въезде в пространство Сити».

Мир стал невероятно тесным, мир-пирог, мир-аквариум, мир-шкаф, в котором невозможно укрыться. Пики саморастущих небоскребов подпирают низкий небосвод, хрустальная стена дамбы огораживает этот мир с запада, барьер из наностражников – с востока...

До закрытия книжного магазина осталось пятнадцать минут. На одном из прозрачных экранов ветрового стекла мерцает счетчик, показывая плату, начисленную за намотанные километры и минуты, проведенные в Василеостровском Сити. Затем ярко-красное сообщение затмевает мерцание: «Внимание, с вами говорит администрация Хирвисаари-Сити. У нас есть сомнения в вашей кредитоспособности. Вам требуется немедленно оплатить стоимость транзита. Покиньте скайвей на ближайшем съезде. В случае неподчинения ваш автомобиль будет взят под внешний контроль».

До закрытия магазина всего ничего.

Я вытащил из слота борт-компьютера контрольный чип и

швырнул его в окно. На, подавись, Хирвисаари-Сити. Первое, что почувствовал – не облегчение, а ужас. Оказывается, я не могу управлять автомобилем самостоятельно.

Полная задница-а-а-а!!!

Ну, не могу я на скорости двести, если я никогда не ездил быстрее сотни, если вообще умею ездить только на велике, да и то неважнецки.

Малейшее дрожание руки и автомобиль бросает в сторону, к прозрачному невысокому бортику скайвея, за которым, метрах в ста левее, видны заостренные крыши и волнистые стены небоскребов в искрящейся, как шампанское, рекламной дымке. А внизу, в зеленоватой глубине, заметны стайки светлячков – это машины, катящиеся по наземным трассам и скайвеям среднего эшелона высоты.

По спине скользкой жаркой пленкой мгновенно растекся пот. Еще немного, я бросил бы руль и перешел бы в состояние невесомости. Квитанция с платой за полет – в виде кляксы на земле.

Я так перенервничал, что вообще перестал соображать. А когда перестал, передо мной возникло багровое окошко виртуока, а в нем – выбивающий чечетку красно-черный чертик с надписью на головном уборе «Международное кряк-бюро Порта Нигра». Ну зачем мне перед смертью видеть этот спам, прилетевший хрен знает откуда?

– Мы можем решить ваши проблемы с преждевременной эякуляцией, а также спасти вас от смерти в любой подходящий для этого момент, – бодро сказал чертик, переходя на хип-хоп.

– У меня сейчас нет проблем с эякуляцией! – заорал я, а борт машины скрежетнул по ограждению скайвея. – Спасай меня от смерти, момент самый подходящий.

– Понял. К сожалению, у нас сейчас нет времени для заключения контракта, но в следующий раз вы должны будете заранее принять условия соглашения.

А следом я испытал чувство отчуждения от собственного тела и от привычных ощущений. Это было похоже на виртуок, только он создавался не глазными дисплеями, а нейроинтерфейсами... Я, должно быть, вдохнул диффузные нейроинтерфейсы вместе с воздухом, и теперь они впились в мои нервные волокна, которые ведут прямо в зрительные и осязательные центры мозга. Для лиц с минимальным уровнем оплаты труда мир полон неожиданностей. И напрасно тетки, продающие самогон, уверяют, что он спасает от всех бесов, вне зависимости от их происхождения...

Пространство сжалось и сгустилось. И весь мир стал другим.

Это уже был не мир твердых геометрических поверхностей… Город переменился, он обратился в медузу, образование из технического мяса и искусственной слизи. Я был как неподвижный пуп вселенной, я застыл в точке с нулевыми координатами, а эта медуза плыла через меня волнами вязкой плоти. Через меня плыло все, включая мои собственные руки, ноги, живот…

Негр пропустил первый съезд, переехал в правый ряд, держа десятки автомашин в поле зрения, нанизывая их как бусы на нити своего внимания, рванул по следующему съезду со скоростью реактивного истребителя…

Пространство продолжало меняться, сжимаясь и фазируясь. Схожие вещи сливались воедино. Из всех наноплантовых небоскребов получилось одно кактусовидное образование, из всех магистралей – одна туго сплетенная «белковая» глобула, из всех движущихся автомобилей – одно «электронное» облако. На границах фаз мерцали какие-то непонятные мне иероглифические символы…

Я то исчезал, то возникал в какой-то из точек этого пространства. На меня резко накатывал и тут же уходил шум, меня встряхивало, било наотмашь и снова погружало в покой. Что-то мягкое и влажное разбилось об меня, как птица о ветровое стекло, я увидел и почувствовал на губах теплые солоноватые брызги…

Когда я наконец включился по полной, то был уже на Гаванской, но до закрытия магазина оставалась какая-то минута. Надо звонить Лозинской и слезно умолять подождать… Только возьми трубку, Веронька.

Ее мобильный терминал был включен на прием. И первое, что я услышал, это – хрипение. Именно такой звук издает воздух, проходящий через пулевую дырку в грудной клетке.

Опоздал. Проиграл. Ее терминал вышел из режима реального времени и передавал одну и ту же короткую запись.

Мелькание смазанной фигуры, крик, выстрел, падающий мужчина, крупный такой господин. Еще выстрел, тело женщины, сползающей с кресла. Лицо убийцы, отразившееся на глянцевой поверхности чашки и попавшее в объектив. Разрешение плохое, но киллер – никакой не питекантроп, не видно надбровных дуг и вдавленных глазок; физиономия как у клерка или учителя. Я бы даже сказал, почти как у меня. Слышен еще один выстрел, наверное, контрольный.

– Господи, Вера. Лучше бы это меня там…

Интересно, как башка у человека устроена, если точнее, у невротика с трехлетним половым воздержанием. Я в этот момент

думал не о том, что пролетел с работой, и не о том, что меня ловит вся амславская рать. Почему-то я думал, как выглядели бы коленки госпожи Лозинской и какие очертания имели ее бедра, если б она сидела напротив меня на стуле.

Когда я подъехал к книжному магазину, тот был уже закрыт. У главного входа, напоминаюшего раскрытую книгу, дежурил человек из группировки «Викинг». Другой шуцман, в черных массивных доспехах для ближнего боя, стоял как памятник у служебного входа, в пяти метрах за углом.

Оставив машину на эстакаде возле здания казино, напоминающего карточный домик, я влился в небольшую толпу зевак. Наверное, не очень органично влился, потому что мне все время мешали их качающиеся на расслабленных ногах тела и чмокающие звуки разговора. Через несколько минут два санитара, похожие благодаря экзоусилителям на горилл, вынесли мертвого Глеба Логойко. Черт, Глеб и есть тот упитанный господин, которого я видел на видеозаписи. Значит, он приехал к Вере... может, уговаривал ее, чтобы она дала мне информацию.

На следующих носилках было тело женщины. На ее горле и груди голубыми медузами расплылись чипы-биостаторы, которые пытались остановить кровь и поддержать нормальное давление. Биочип, расползшийся на пол-лица, скрывал, вероятно, главное ранение. Из-под «медузы» выглядывали слипшиеся окровавленные волосы. Рядом с носилками катился на своей шариковой подушке приземистый рободоктор, который воткнул в тело госпожи Лозинской добрую сотню шлангов. Некоторые из них еще подрагивали своими нанотрубчатыми мышцами, выискивая путь самонаводящимися головками и впрыскивая препараты. На борту рободоктора виднелось несколько ярких надписей из области социальной рекламы: «Ежедневные занятия сексом снижают уровень холестерина в крови»...

Я слышал, как парамедик сообщал кому-то по мобильной связи об остановке сердца у пациентки и просил подготовить место в «центре консервации». Значит, Веру переводят в состоянии «условной жизни», которая практически не отличается от смерти. Это только на время следствия плюс еще один год, чтобы не надо было эксгумировать труп, если вдруг уголовное дело вернется на расследование. В принципе возможны расконсервация и восстановление, но это стоит минимум миллион зеленых, так что простые смертные так и остаются простыми смертными. Как пишут в газетах, между человеком и судьбой не осталось ничего, кроме денег.

Мне, чтобы успокоиться, надо хотя бы прислониться к чему-нибудь вертикальному, слегка прикрыть глаза и вспомнить какой-нибудь приятный момент из своей биографии. Но едва моя спина коснулась стены, как она замерцала фотоникой и от нее отделилась голограмма в виде крутобедрой восточной красавицы: «Ах, мой господин, прости, что не смогла считать твой идентификатор и узнать твое драгоценное имя. В кабинках нашего ООО „Райский зад“, тебя ждут чуткие самонастраивающиеся гениталии и пылкие АНАЛизаторы. Сделай шаг, открой заветную дверцу, и ты увидишь, на что мы способны. Ах, мой господин, будь даже твой пенис размером с птичий, ты почувствуешь себя носорогом». Стена оказалась бортиком «кабинки счастья», интимной емкости для занятий онанизмом.

Я отскочил от кабинки, чтобы она перестала меня воспринимать своими сенсорами. И прислонился к памятнику латышского легионера. Он, по счастью, никак на это не отреагировал, лишь блеснули металлические петлицы его каменного мундира – стандартные эсэсовские руны борца за свободу были в прошлом году сменены на символы доллара по настоятельному требованию сенатора Либермана.

Увы, даже возле молчаливого памятника приятные воспоминания не получались. Вся жизнь представлялась железной дорогой, аккуратно везущей меня от станции «Неприятности» к станции «Кранты». Все хорошие станции я давно проехал. Вот последняя остановка, поезд дальше не идет, просьба освободить вагоны и никогда их больше не занимать.

Мамы давно уже нет, она сама ушла в Элизиум, там же сгинули и другие любезные моему сердцу люди. Те вещи, что получше, я снес на блошиный рынок у Михайловского замка, мамины ордена тоже продал, хотя и последними. Сказав напоследок «гад, как я тебя ненавижу», любимая жена выгнала меня взашей.

Из всего оставшегося имущества я успел взять только аквариум на колесиках с чайным грибом-мутантом внутри. Раньше его соединял биотехконнектор с приводами колесиков и этот подлец даже умел танцевать что-то вроде вальса. Перетанцевал, коннектор сгорел... Я остался один, как последний могиканин, жаль только, что не в лесу.

Унитаз верхнего соседа протекает ровно над моим потолком, потому что моя комната раньше была туалетом. Из всей мебели только табурет, такой же одинокий, как и я, с покосившимися ножками. В убогой меблировке виноваты, кстати, амраши. Они страшно не любят выбрасывать на помойку старые диваны и кресла, чтобы те не достались иждивенцам-совкам, которые даже

ЛЕНЯТСЯ ИГРАТЬ НА БИРЖЕ. Табуретку я берегу, почти как женщину, даже дал ей имя Таня; поэтому сижу на полуистлевшем коврике, изображающем на переднем плане трех охотников, а на заднем плане кого-то вроде Маши и медведей. Сижу в углу, потому что расстилать коврик посреди комнаты мне не позволяет чудом сохранившееся эстетическое чувство. Постель моя выполнена из обоев, отклеившихся от стены – на ней остались только газеты времен революционной разрухи. Разбитое окно заколочено фанеркой. Когда нет денег на оплату электричества и гаснет телик, то я перестаю отличать понедельник от субботы. В случае, если нет никаких впечатлений и не хочется читать газеты времен революции, дзен-буддисты рекомендуют медитировать на собственном пупке. А мне легче получается медитировать на мухах, если они жирные и жужжат как стратегические бомбардировщики.

Бутылка-вампирка приносит мне доход, которого хватает, чтобы погудеть в пивняке раз в неделю, вместе с такими же аутсайдерами, как и я. С бывшим офицером, бывшим врачом и бывшим учителем, которые тоже ЛЕНЯТСЯ ИГРАТЬ НА БИРЖЕ. Тратиться на жратву, прямо скажем, неохота. Считается, что дешевые сосиски поощряют совковое иждивенчество. Поэтому в магазине есть только саморазогревающаяся, говорящая, поющая тенором, интеллектуально-развитая сосиска от «Nanotech sausages», которая содержит в себе стоимость патентов, ноу-хау, рекламы, зарплаты менеджеров, прибыли сосисочных королей и контрибуцию за «преступления империи».

Чтобы совсем уж в дистрофаны не попасть, я с «коллегами» охочусь на все более редкую стеклотару и совершаю набеги на мусорные баки возле супермаркета «Восьмой Walmart», которые порой так забиты просроченной жратвой, что не могут закрыться и защелкнуться на замок. Охрана супермаркета иногда постреливает, так что поход за жратвой превращается в развлечение для настоящих мужчин. Что тоже немаловажно при отсутствии прочих забав. На карусели меня не пускают, не тот формат, с женским полом меня разделили квартирные, денежные и другие грустные вопросы, а от всех сетей меня отрезали, когда я второй раз побывал в психушке. Надеяться на то, что ко мне придет посланец с письмом от важной персоны – не вредно, но скучно.

Но ко мне действительно заявляется курьер в форменной одежде «Пайцза Экспресс» (это очень дорогая и весьма надежная служба) в штанах с генеральскими лампасами и с голографическими лычками, представляющими несущегося во весь опор монгольского нукера. Его гордый силуэт возникает в

дверном проеме, бросая красивую тень на склизкий пол. На отдраенных до глянца ботинках курьера чей-то помет, видимо, прилип в загаженном подъезде, на губах саркастическая улыбка. Его красочная униформа столь кинематографично контрастирует с видавшими виды семейными трусами, в которые был облачен я. Визит нежданного гостя отрывает меня от полезного, но унизительного занятия – мокрой уборки.

Я сперва подумал, что очередной спамер, из тех, что ухитряются за пару минут завалить все почтовые ящики ворохами рекламы, заклеить все стены пленочными дисплеями, рекламирующими какую-нибудь ВИАГРУ МЕГА-ГИПЕР-ПЛЮС, и еще испустить кучу рекламных пузырей, которые проникают во все щели (если бы пузыри не пели и не бормотали, то найти их было бы просто невозможно). Спамеры и «лично в руки» насуют посланий от всяких королей, принцесс и президентов, которые готовы в «любой удобный момент» вручить вам миллион баксов, ключи от белой яхты и виллу на Багамах. И хотя спамеры разносят информационную заразу точно так же, как мухи разносят дерьмо, лица их будут сиять, будто они участвуют в переносе жизни с планеты на планету.

За секунду до того, как я покарал бы незваного гостя ударом половой тряпки наотмашь, его каблуки щелкнули, а руки, затянутые в белые перчатки, протянули мне письмо от Ивана Арменовича Бабаяна.

– Господин Урман, извольте получить и расписаться в получении.

Моя тряпка застыла в воздухе в нескольких миллисекундах полета до красной генеральской фуражки курьера.

Хоть я находился, можно сказать, в трансе, но мгновенно оценил три слова, красневшие на конверте – Иван Арменович Бабаян, – и в моей голове сразу зажглись яркие образы. Бабаян – это абсолютно непотопляемый и даже несмачиваемый человек, который выживет при любом потопе, войне, революции и почти прямом попадании ядерной бомбы. И не только выживет, но и обменяет обычный белый «мерседес» на бронированный цвета хаки, костюм-тройку – на амрашевские джинсы и курточку с вышитым мустангом. А храбрые чекисты на страницах его серий уступят место столь же мужественным «борцам против чекизма». Бабаян всегда держит именно тот фасон, какой затребован эпохой. Все, кто когда-либо имел дело со всяким криминальным чтивом, любовными романами и прочим pulp-fiction для задних долей мозга, знают этого человека. Гений приспособленчества, идеальный кондом, подходящий для любой фаллократии.

И вот я, вытерев руки о трусы, открываю конверт, который

сопровождает собственное вскрытие приятной немного эротической музыкой. Ничего, что в комнате темновато. Бабаян писал мне на светящейся сенсобумаге, голубоватой, как вода в оазисе, наверняка каракулями, но те превратились в приятные округлые буквы старославянского стиля.

Предложение, от которого невозможно отказаться. Поди-ка ты, Иванушка-дурачок, незнамо куда и принеси неизвестно что, но чтобы било в точку и приносило доход.

Времени у меня – в обрез, и, видимо, конкурентов достаточно. Запустить паучков в одну банку и посмотреть, что получится, – это любимое дело наших бизнесменов, которые дарвинизм изучали не по книгам.

Впрочем, если учесть предложенную тему: «Господин Грамматиков, этапы большого пути, из неприметной козявки, как ты да я, в орудия главного калибра», то число конкурентов снижается. Это уже не огромное стадо, а двое-трое таких же подонков общества, как и я. Людям ведь жалко своего организма, который так легко может быть прострелен, поджарен, сварен, расчленен и растворен. Неспроста, наверное, Бабаян вытащил меня из пыльной темной конуры, за ушко да на солнышко, ведь он в курсе, что последние три года я ничем литературным не занимался.

При встрече Бабаян намекнул, что Грамматиков входит в организацию «Омега», в которую пускают далеко не каждого топ-менеджера далеко не каждой ведущей компании. Чтобы туда попасть, надо не только владеть углеводородами в Западной Сибири, Эрмитажем и космическим Дримлэндом, но и дергать половину мира за ниточки.

Бабаян, как человек принципиально жадный, искушал меня не большими деньгами, а истинно мужскими ценностями – он предложил мне повоевать, снискать честную славу или сложить буйну голову в неравном бою.

А мне и в самом деле легко ненавидеть Грамматикова.

Это он вместе с другими небожителями из «Омеги» решил, что я должен быть бледным слизнем, копошащимся в отбросах, а вот мой неразборчивый сосед – пухлым и розовым, как задница поросенка. Это Грамматиков вместе с другими олимпийцами положил мою страну под ножи и пилы утилизаторов. Это он кормил трупом моей невезучей страны стаи мелких и крупных тварей, это он скармливал тварям чужой труд, мысли, идеи, время, стволовые клетки, ткани, органы, жизнь. Это он дал тварям свободу ползать быстрее и жрать больше.

Если выводить Грамматикова на чистую воду, то за этим потянется и весь этот кондоминиум-пандемониум.

Внутренний голос не зря мне говорил, беги этой темы, пока тебе не сделали очень больно. И как и следовало ожидать, уже сегодня я на краю, одна нога качается над пропастью, другая, как выражался остряк О. Генри, поскользнулась на банановой кожуре. А те, кого я просил помочь, уже упали в Бездну. Прощай, Глеб. Прощай, Вера. Что же ты нашла в этом Грамматикове, когда была важной мадам и возглавляла агентство по производству новых «пострусских» кадров под названием «Scilla and Haribda Human Resources»? Что превратило тебя из профессиональной охотницы на мозги, работавшей на оккупационную администрацию, в простую продавщицу?..

Но оппонент внутреннего голоса, тоже внутренний, все еще нашептывает, что Бабаян не ввязывается в безнадежные предприятия, что у него уникальный нюх на тенденции и изменения, что он оплел своей паутиной всю Евразию. Я теперь – его человек, и он не оставит меня в беде.

Однако оппонент оппонента находит куда более убедительные слова и даже интонации у него, как у старого прокурора. Бабаян не был бы Бабаяном, если бы заботился о людях. Он оставит меня в беде с радостью и облегчением, если фортуна повернулась ко мне большим грязным анусом, если меня ищут «Тризуб Шуцманшафт», «Погоня инкорпорейтед» и прочие бандформирования. Несмотря на проявления демократии в виде грызни за территории, банды обязаны сотрудничать в розыске «врагов свободы» – так повелел Олимп. Бабаян прощупал тему, пустив пробный шар в виде меня. Колобок, к сожалению, закатился не туда, и многоумный Иван Арменович, быстро сделав разворот, уже скрылся за горизонтом...

Памятник легионера внезапно окружила толпа, которую я вначале принял за работников спецслужб – благодаря длинным черным плащам. Однако уже через несколько секунд я вздохнул с облегчением. Это был митинг фанатов сериала «Матрица», которые стали требовать скорейшего выпуска на экраны и экранчики 1024-й серии фильма. Бурный митинг закончился через два часа сожжением трех чучел, изображавших очередных режиссеров, однополых супругов Мочавских. Костры хорошо смотрелись на фоне наступившей темноты, чучела кричали и просили дать кредит доверия. Мне пора было решаться.

И вот я еду по высотному мосту, под которым светится жизнь питерской лагуны. Искрятся лотосы плавучих казино и ряска гидропонических ферм, вьются улочки в неоколониальном стиле пластикового острова Рок-ин и мерцают дома, похожие на елочные украшения из фольги. Хаотическая возня и броуновское движение человекомолекул, способных только притягиваться и

отталкиваться, демиургами из «Омеги» превращаются в высокоразвитый городской организм.

Я еду над искусственной зыбью питерской лагуны и огоньки прогулочных судов превращают ее в Аргуса.

Я еду над висячими садами Элизиума. Люминесцирует синтетический мрамор крупнейшего в мире центра эвтаназии, через который добровольно-принудительно отправилась на тот свет значительная часть старой России – «недограждан» по определению «Омеги», или «совка», как любит выражаться губернаторша Найдорф.

Недогражданин – это не отметка в паспорте, а куда более существенная вещь, набор сведений из банков данных, поддерживаемых крупными торговыми сетями. Если вы были плохим потребителем, не реагировали на рекламу «солидных производителей», не покупали в кредит и в рассрочку, не брали даже со скидкой, не заполняли анкеты, которые вам предлагали дилеры, – это означает, что вы несовместимы с устоями рыночной демократии. Попросту говоря, если вы ни разу в жизни не приобрели унитаз розовый, с перламутровыми кнопочками и встроенным интеллектом, позволяющим регулировать продолжительность спуска воды, – то вы обречены...

Я сейчас на открытом пространстве между небом и землей, меня могут опознать каждую секунду, а то и просто размазать удачным залпом с полицейского вертолета. По телику регулярно показывают остовы сожженных автомобилей – для острастки потенциальных «врагов свободы». Еще полицейские могут сбросить контейнер с роботблохами. Эти прыгунцы запросто пробивают стекло. Надежда лишь на то, что я попал в середку религиозной процессии бахаистов, и полицейские не знают, как за меня взяться. Скорость у процессии не больше ста, так что я легко обхожусь без борт-компьютера. Со всех сторон меня окружают бахайские автомашины, над каждой крышей будто живой, а на самом деле голографический пророк Баба, или его нынешнее воплощение – Ваня Обрезкин, мальчик двенадцати лет, щекастый, с приклеенной улыбочкой, медитирующий так плотно, что даже зрачки куда-то наверх укатываются...

Если бы я верил, что мальчик Ваня воплощение чего-то большего, чем попкорн, я бы ушел к бахаистам в общину, там у них чисто, вежливо и кормят, как на убой.

Мост легко уносится к ажурным куполам величественного бахаистского собора в Кронштадте, которые каждую ночь меняют свою форму – сегодня они похожи на горные пики Гималаев, – однако я ловлю съезд и устремляюсь к таинственно помигивающему болотному пятну, растекшемуся по лениво

зыбящейся поверхности лагуны. Это – Петронезия.

Колеса жестко коснулись стальной палубы огромного понтона. «Добро пожаловать на главный базар Вселенной». И золотые ворота, и псевдоримская квадрига ослов, и аляповатая надпись – ненастоящие, голографические. Сразу почувствовалось, что и подо мной нет настоящей тверди.

– Выходи, – сказали мне, когда я проехал от ворот Петронезии едва ли пятьдесят метров...

Я выбираюсь из салона. Несмотря на поздний час, на этой улочке густо стоят люди, там и сям мелькают огоньки косячков, индикаторов и дисплейчиков. Странная улочка. По бокам – мачты, надстройки, краны, лебедки, антенны, комингсы люков и крышки трюмов. Слегка качается и стонет улочка под ногами. Это под покрытием из спеченной резины и пластмассы бултыхаются старые суда, торпедные катера, траулеры, буксиры, баржи, чьи балластные цистерны заполнены саморастущим нанопластиком. Жадные хоботки нанопластика, так называемый перифитон, расщепляют мусор и всасывают влагу из трюмов. Более того, выползая из ржавых судовых корпусов, проворные хоботки потребляют любую дрейфующую органику и выделяют метаболиты. Перифитон и сплетает суда в единое целое, типа грибницы, имя которой – Петронезия. Это я по телику видел, так что не совру. И хотя между бортами стоячих голландцев видны полоски воды и даже целые каналы, Минздрав не рекомендует купаться, ведь метаболиты нанопластика весьма токсичны. Вода в каналах покрыта пеной, в которой плавает что-то похожее на бездокументные трупы. Через несколько часов бездокументные пловцы рассосутся, так что полицейским некого будет искать. Поэтому они и не ищут.

Этот город застывших кораблей имеет лицензию на грязную и подлую жизнь. В открытом ганзейском городе Питере разрешено все, что не запрещено. То немногое, что не разрешено в ганзейском городе, цветет в Петронезии. Поэтому в Петронезии нет незаконных видов деятельности. И соответственно нет никаких видов полиции. Главное, чтобы Петронезия платила «роялти» городским властям, держала у себя людей, ведущих нездоровый образ жизни, и не лезла в другие более чистые районы.

Первоначальным населением Петронезии были люди, которые не могли предоставить справку о том, что «никогда не писал в чатах и интернет-форумах сообщения с националистическим содержанием». Потом туда стали сливать население из тех кварталов, которых равняли под строительство Сити. Пресса чуть ли не каждый день напоминает нам, социально

слабым и хилым, что если не будешь вертеться, то окажешься в Петронезии, и там твоя жизнь будет продолжаться от ворот до ближайшего местного хищника. Сюда из иностранных туристов только экстремалы заходят с двумя-тремя охранниками, и то на пять минут.

Я встал около машины, положив одну руку на крышу, и сделал вид, что уверен в себе.

Теперь можно поозираться на местную публику, подмазанную багровым сиянием рекламных аэрозолей, которых свежий вечерний ветерок растаскивает во все стороны от Сити.

На богемные шарфы продавцов нацеплены глюкеры – они, как жуки, шевелят ножками нейроконнекторов. К лацканам пришпилены блестящие кристаллы психопроцессоров. В пригоршнях, как снежинки, лежат софтинки. Голографические проекторы, встроенные в очки продавцов, выдают заставки игр. Наслаждайся, оттягивайся и откидывайся за гроши – на весь этот игровой софт действует лицензия «Demo-version». Наверное, по схожей лицензии Ост-Индская компания ввозила опиум в Китай.

Внешне это торжище похоже на блошиный рынок, который расположился на постоянной основе в Михайловском саду.

Но есть некоторые отличия от обычной барахолки.

В городе только шуцманы носят экзоскелеты и защищают открытые участки тела от диверсионных нанитов [17]. А здесь – кругом мужики, похожие на квадратных рыб, благодаря доспеху из кевларовых чешуек с наноактуаторными сочленениями. Защитные сетки вделаны на манер татуировок прямо в кожу лица и рук. Вокруг квадратных фигур искрятся и шипят нимбы из разрядов.

Местный зверинец «рыбами» не ограничивается. Если тут девушки, то настоящие гориллы с чем-то похожим на пулеметы на месте титек. И бабы-крокодилы тоже есть. Они не только пережрали стероидов, чтобы уничтожать насильников голыми руками, а еще, для надежности, покрыли свои могучие тела шипами и роговыми наростами с помощью онкогеновых имплантов.

Есть здесь в немалом количестве то-ли-бабы-то-ли-мужики с выпуклостями и вогнутостями на теле, которые приведут в замешательство даже профессионального анатома. Все у местных жителей какое-то чрезмерное, как следствие дурного вкуса, низменных наклонностей и левых технологий…

У рыхлого узкоплечего господина, что стал тереться рядом со мной, прямо из воротника выходит шланг, который сливает красноватую муть в батарею вампирок, прилепленных на манер газырей к груди. Этот вряд ли будет драться, потому что больной

и косит под интеллектуала: «простите», «вас не затруднит?», еще, наверное, скажет про «нравственный выбор». А может, этот поносник и в самом деле интеллектуал. У него такие же чувственные губы и глаза солипсиста, как у председателя ооновского комитета по «декоммунизации», знаменитого философа Дрексманна, который уморил своими люстрациями пару миллионов коммуняк вместе с их женами и детьми.

К нему присоединился другой мужик, постарше. Жеваный такой широкоплечий дядек. Синтекожей под кадыком прилеплен биомеханический «третий глаз», проводки от него уходят куда-то в шею. Глаз выполнен очень аккуратно, с имитацией кровеносных сосудов, вращением глазного яблока и помаргиванием. А настоящие глаза у этого мужика вдавлены под бледный узкий лоб. Такой лоб может прикрывать только гнилые извращенные мозги уголовника. Но мужик косит под обычного торгаша, по его куртке ползают насекомоподобные биомехи для ловли таких же биомехов. На кепке у мужика – лягушечка, почти как настоящая, квакает себе. Это, наверное, реклама популярного мультсериала для взрослых «Царевна-лягушка: секс в большом болоте».

А вот и третий из этой компании, самый колоритный; тощий длинноносый и низколобый парень, с белесой щетиной вместо прически и выступающей вперед нижней челюстью. Сходство с мифологическими персонажами типа вурдалаков ему придавало обилие всяких некрофильских деталей, вделанных в кожаную одежду. Красиво покрытые металлом когти мутантов, ожерелье из спицевидных клыков рыбки змееголовика, аппликация из контрабандных клыков недавно созданного динокрокодила. И выражение лица у этого вурдалака соответствующее. Впечатление усиливали крупные зубы на острой нижней челюсти, которые выпирали при каждой кривой ухмылке. Встань он на четвереньки – и вервольф готов, может чесаться, выть и вылизывать себе задницу, не вызывая нареканий со стороны прохожих…

Трехглазый уголовник что-то сказал, глядя в мою сторону, но я не расслышал. От всего базарного сборища исходило монотонное басистое жужжание, словно тут ползала тьма жирных насекомых.

– Извините, не расслышал.

– Да ты, как Людвиг наш Бетховен, с лапшой на ушах. – Трехглазый оглушительно прокашлялся мне прямо в слуховой проход. – Как звук? Покрути ручку, лучше станет. Че, Бетховен, авто сдаешь?

– На моем языке это называется «продаю».

– Раз уж вы явились сюда, господин продавец, значит, машина попала в полицейские базы данных, – запищал

интеллектуал тонким голосом. Он что, уже все свои яйца по бутылочкам расфасовал?

– Она слегка замарана, – согласился я.

– Простите, а что вы за нее хотите? Надеюсь, вы понимаете, что цена определяется не желаниями продавца, а соотношением спроса и предложения, – сообщил рыхлый интеллектуал, который совсем не производил впечатление реального покупателя. Похоже, он выполнял роль говорливого Губки Боба из детского мультика.

– Как что. Деньги хочу, лучше наличные доллары, а не РУБЛЕ, – сказал я, хотя с каждой секундой увеличивалось почти физическое ощущение, что я увязаю в чем-то липком-сосущем-жадном, как трясина.

– Во дает, откуда у нас деньги? – хмыкнул трехглазый уголовник. – Оставь надежду всяк сюда входящий. А выходящий останется и без штанов.

Рыхлый интеллектуал подобострастно хихикнул – ну, точно, Губка Боб. Оно и понятно, российские интеллигенты всегда на подхвате у какого-нибудь хищника, будь то несун из мясного отдела гастронома или крупномасштабный вор-приватизатор с гарвардским дипломом. А у Вурдалака вместо смешка получилось звериное фырканье. Даже запахло зверем.

– Вы, дорогой наш гость, упорно живете в мире грез и поэтому не знаете современной экономики, – начал читать лекцию Губка Боб. – Электронные РУБЛЕ под контролем казначейского суперкомпьютера, под недреманным всевидящим оком. Сами понимаете, светиться – это не наш стиль. Наличные доллары – это уже валюта; она расходуется нашим сообществом только на взятки. В основном экономика у нас безденежная, так сказать, система местного обмена.

Я уже понимал, что собеседники совсем не те, какие нужны, и эта милая компания скорее всего является преступной шайкой. Вероятно, если бы я оттолкнул уголовника, то смог бы быстро юркнуть за руль и дать задний ход. Но что потом? Если даже шлагбаум на воротах будет поднят, ехать мне, собственно, некуда. Наверное, поэтому оцепенение какое-то напало, словно воздух из меня выпустили.

– Я готов обменять эту машину на другую.

– Вашу машину сделать «чистой» не так просто. Поставить легальный контрольный чип, изменить цвет, форму и прочее, чтобы с гарантией обманывать полицейские камеры слежения. Это до половины ее стоимости. Пожалуйста, учтите это в своих бизнес-планах, – и хотя Губка Боб попытался сделать голос густым и солидным, получилось все так же пискляво. Сейчас было

хорошо видно, как по его сливным шлангам толчками идет жижа.

– Чего ты с ним треплешься, лох же лохом. Дай ему взамен трехколесный велосипед, и дело с концом, – заурчал трехглазый уголовник. Чувствую, что он, как самый старый и злой, является паханом в этой бригаде насильников. Но Губку Боба я больше всего ненавижу. Да, он мой собрат по несчастью, должно быть, тоже доцент в отставке, но работает не за страх, а за совесть, и небось уже доказал себе, что быть гадом – это высшая ступень развития его индивидуальности.

– Трехглазка, сразу видно, что ты не заканчивал высшую школу бизнеса, – сказал белобрысый Вурдалак; он сильно грассировал, как самый настоящий западноевропейский бастард, выращенный стаей крыс в подвале средневекового замка. – Потребитель – король, понимаешь. А у короля должен быть большой член. В нашем ассортименте для уважаемого потребителя всегда есть отличные крупные члены, оптимальные по соотношению цена – качество.

– Это козлиные, что ли? – скривился Трехглазка.

– Козлиные? Ну да, козлиные. Впрочем, если выражаться на правильном русском языке, то козловые. Кран ведь называют козловым, а не козлиным.

– А не отвалится? – Трехглазка презрительно сплюнул.

– Такой не отвалится! Приживление гарантировано за счет контриммунной пленки и генотерапии иммунной совместимости. Но заметим, любовь – понятие двухстороннее, поэтому молодому фавну нужна еще партнерша, которая согласится терпеть его козловые ласки. Для особо дорогих клиентов мы предлагаем суперпродукт штучного изготовления с моей родины, с парижской ПлясПигаль!

Вурдалак вытащил из рюкзака пакет и одним движением ноги надул пластиковую «женщину» в строгом официальном костюме, с длинной косой «а-ля незалежная премьерша».

– Роботесса марки НФ, то есть Невеста Франкенштейна – четыре режима: «классик», «анал», «массаж», «лесбис», тридцать семь позиций, в том числе десять «верхних», триста предварительных ласк, особо подвижный наноплантовый язык от фирмы «Free Androids labs» для орального контакта, встроенный процессор для приятного псевдоинтеллектуального общения, дешевые вкладыши. Говорит на всех славянских языках и, естественно, на французском… Entre plus fortement, ne sois pas paresseux. Entre comme la bete grossiere, s'accouple comme le monstre…

Пластиковая «женщина» выпустила пузырь изо рта, но промолчала. Похоже, она была дефектной.

А произношение у Вурдалака, кстати, ничего...

– Судя по выражению его лица, наш дорогой клиент оказался в положении буриданова ослика, который никак не может сориентироваться в условиях богатого выбора и рискует остаться ни с чем, – якобы сокрушенным голосом произнес Губка Боб.

Несмотря на французский прононс Вурдалака, на мягкое интеллигентное лицо Губки Боба, на участливо подмигивающий третий глаз у Трехглазки, дело принимало все более скверный оборот. Шайка понимала, что на этой машине я отсюда уже не уеду и откровенно потешалась. И это всего лишь в пятидесяти метрах от ворот Петронезии. Можно представить, какие монстры ждут меня в двухстах метрах от ее границы. И никаких полицейских дронов поблизости. Впрочем, услуги шуцманов окажутся еще более дорогим «удовольствием», чем торговля с петронезийскими вурдалаками. Если даже меня отвезут не прямиком в Элизиум, а лишь в спецбольницу на лечение от «рецидивов коммунизма» – то это игла в мозг и инъекция диффузного наноинтерфейса, который переделает «плохого парня» в хороший овощ.

– Господа дуремары, вы, похоже, меня не так поняли, если несете всю эту чушь, – кое-как собравшись, сказал я. – Либо мы сейчас договариваемся по-честному и я мирно отчаливаю, либо эта тачка окажется в воде. Мне терять нечего!

– Такое изречение скорее подходит для девушки, недавно утратившей невинность, – сказал Вурдалак. – Ты хочешь честности в наших взаимоотношениях. А я что, против?! Трехглазка, ну-ка покажи уважаемому клиенту наш автопарк.

Я заметил, что Губка Боб уже оттеснил меня от машины, а за моей спиной только ржавая металлическая коробка насквозь проржавевшей судовой надстройки. Да и местный базарный люд как-то демонстративно не смотрит в нашу сторону.

И хотя я всеми частями тела чувствовал близкие неприятности, они оказались еще ближе, чем мне казалось. Неожиданно крепкая, почти стальная рука Губки Боба схватила меня за шиворот и втолкнула в какую-то щель, едва ли метр в ширину. Блин, да какой же он страшный вблизи. Мускулистый слизень с чувственными губами; от такого демонюги инстинктивно будешь держаться подальше, пока он не примется гипнотизировать интеллигентскими речами. А широкоствольный пистолет Вурдалака уперся мне в горло. Другой рукой он тянул меня за ворот, чтобы я глотал воздух, как полузадушенный висельник. Под низким лбом у Вурдалака едва ли сто граммов мозга – однако на то, чтобы выследить добычу и вогнать ей клыки в горло, вполне хватит. И лишь Трехглазка, выглядывая из-за

Губки Боба, снисходительно, даже сочувственно улыбался, показывая гниль зубов, прикрытую блестками титановых колпачков, а его царевна-лягушка дружественно квакала.

– Вы чего это, ребята? – еле выдавил я.

Воротник перетягивал мне горло, ствол выдавливал кадык, изнутри меня обездвиживало чувство обреченности; а где-то ниже палубы, в трюме, кого-то монотонно насиловали – судя по долетающим звукам.

– Ты здесь не прижился, понял? Поэтому твоя голова может разлететься, как арбуз, в любой момент, – сказал Вурдалак. – В связи с изменившейся конъюнктурой предлагаю тебе новую сделку. Ты выносишь отсюда свои мозги в целом виде, мы получаем компенсацию за тот моральный ущерб, который нам нанесло твое вторжение. Расплатиться можно как по кредитной, так и по дебетной карте. Уверен, что и птичка не успеет погадить, как ты уже окажешься на расстоянии пушечного выстрела отсюда. Зато будет что рассказать своей девушке.

Вурдалак сейчас не станет стрелять, неожиданно подумал я, побоится забрызгаться – слишком уж калибр большой, голова для такого пистолета и в самом деле как арбуз…

– Господа с кредитными картами не ходят в гости к гражданам бандитам, – прохрипел я.

– Разве мы бандиты? – с наигранным огорчением спросил Вурдалак у Губки Боба. – Я всегда думал, что мы бизнесмены.

– Наш друг просто не понимает, что в бизнесе главное. – Губка Боб расплылся в жирной улыбке. – Главное, не потерять ни одного платежеспособного клиента. Поэтому мы посадим нашего нового друга в балластную цистерну и подождем, пока он не станет платежеспособным клиентом.

– А я не хочу ждать, – Трехглазка стал поблескивать не только зубами, но и металлом кастета, – потому что он портит мне настроение уже сейчас.

Небольшой перепад освещенности, будто у входа в щель кто-то промелькнул. Если точнее, я увидел, чтоб мне провалиться на этом месте, виртуального чертика в цилиндре с надписью «Кряк-бюро Порта Нигра», который исполнял что-то вроде электрик-буги.

Заметив направление моего взгляда, трое разномастных хищников машинально повернули головы.

И для меня снова наступил сеанс отчуждения, когда мое тело было ловчее моего сознания, а сигналы от периферической нервной системы казались странными, как будто проходили в мозг через шлюзы нейроинтерфейсов.

Резко отклонив голову, Негр крутанул плечами и вбил

распрямляющуюся руку в физиономию низколобого Вурдалака, потом еще вломил локтем в его челюсть снизу. Другой рукой Негр отвел пистолет в сторону от себя и резко надавил на руку противника, одновременно поднимая колено. Конечность Вурдалака хрустнула и оружие упало на палубу. В то же время локоть Негра вошел в живот Губки Боба, ответивший только урчанием и колыханием кишечных масс. Когда Негр наклонялся к пистолету, около его лица оказался атакующий ботинок Трехглазки. Но левая рука Негра сблокировала атаку и, перехватив лодыжку уголовника, рванула ее к своему плечу. Нога Негра врезалась в другую лодыжку Трехглазки и поставила его на растяжку. Правая рука Негра нанесла удар в его пах. Кепка, осененная жалобно квакающей лягушкой, свалилась с поникшей головы Трехглазки в грязь.

Через секунду хищники и добыча поменялись местами. Ствол был направлен в низкий лоб Вурдалака, а остальные «собеседники» уже дали стрекача. Мужественно преодолевая боль от пропущенных ударов, они вскочили на чудные доски, похожие на смесь скейтборда с помелом, и резво тронулись с мета. Губку Боба рвало на ходу, а Трехглазка принял позу раскоряки, прикрывая ладонью пострадавший орган, но скользили они, словно настоящие ведьмаки.

– А ты, Дантес? Тебе особое приглашение требуется? – спросил Негр у Вурдалака, впавшего в каталепсию. – Оревуар с глаз моих, и чтоб пересмотрел свое мировоззрение, а то стыдно за тебя. Или твоим белобрысым мозгам срочно требуется сквознячок для проветривания?

Вурдалак попятился, потом повернулся, но прежде, чем он отчалил, Негр наступил ему на полы плаща. Вурдалак дернулся, но следование моде вышло для него боком. Плащ не порвался, однако из-под его полы выскочила доска. С натужным хлопаньем материи Вурдалак наконец выдрал полу и загромыхал башмаками по трапу. Через мгновение и след его простыл где-то в глубинах трюмов…

В руке у Негра лежал пистолет с широким и коротким стволом – наследие Вурдалака. Настоящее бандитское оружие, с самонаводящимся, в пределах трех-четырех градусов, стволом, бесшумное, не выбрасывающее гильз, с пулями, растворяющимися спустя несколько минут в трупе жертвы. Шуцманам такая пушка на фиг не нужна; они получают премию и уважение начальства, если в трупе «врага свободы» найдена пуля с их идентификатором.

Негр повернул ладонь вниз, раскрыл ее, но пистолет остался в руке, как прилепленный. Интеллектуальная поверхность

рукоятки знала, что надо и чего не надо меткому стрелку. Негр сжал ладонь и потянул из нее пистолет другой рукой. Теперь он отлепился и перешел в левую руку. Негр коснулся большим пальцем курка и бандитский пистолет вошел в контакт с боди-коннектором. Сразу нарисовался виртуок, в котором, как латинский крест, светилось перекрестие прицела и мигал счетчик уничтоженных врагов. Перекрестие само навелось на пробегающую крысу, и мгновение спустя она превратилась в дырявую тушку. На счетчике уничтоженных врагов появилась цифра «1» и надпись: «Продолжай в том же духе».

У ног Негра лежала трофейная доска с шершавой верхней поверхностью. Слайдер, продвинутый потомок скейтборда, созданный для баловства богатых адреналинщиков, вроде тех, что проживают в домах переменной геометрии на Новой Смоленке.

Негр приложил указательный палец к нижней поверхности доски и приклеился намертво, как ни дергай. Однако уже через несколько секунд нижняя поверхность стала скользкой и пружинистой; вспомнились почему-то искусственные гениталии из кабинок счастья. Негр поводил пальцем и почувствовал, как нижняя поверхность доски дрожит и даже пузырится.

Это вращаются фуллереновые колесики на водородных осях и мириады инерционных накопителей, подумал я, и даже подумал о том, думает ли об этом Негр.

Негр сунул доску под мышку и вернулся на главную торговую улицу Петронезии. К его машине уже примерялось несколько мелких личностей с отмычками. Однако они сразу брызнули в разные стороны, оценив неравенство в вооружениях. Негр распахнул переднюю дверь машины и застыл в фокусе мощного прожектора. Прожектор светил сверху, с вертолета, который мог принадлежать только «миротворческой» полиции ООН, серьезной организации, имеющей право отстрела преступников с больших расстояний.

– Не двигаться. Оставаться на месте, – сказал с неба приятный искусственный баритон. В кабине-то сидят финны, в смысле большие европейцы, которые на русском знают только термины, обозначающие половые органы; возможно, что из сокровищниц «великого и могучего» европейцы позаимствовали еще полезные слова, относящиеся к органам выделения. – В случае неповиновения вы будете немедленно уничтожены.

Чувство отчуждения от Негра исчезло... Немедленно буду уничтожен я, рвется сердце от страха у меня. Уничтожать «миротворцы» умеют, быстро и почти безболезненно. Это южанин моджахед режет тебя ножом, долго и сосредоточенно, что-то напевая и нашептывая, и, можно сказать, что он тебя все-таки

уважает. А у наших западных друзей все экономно, plug and play, выстрелил и забыл...

И вообще от вертолетов я цепенею, как кролик от питона. Хотя повидал немало дерьма в красивой упаковке, но по гроб жизни буду помнить лишь то, как летела стая американских двухроторных «Команчей» по Невскому проспекту. Это было на второй день войны. Тогда я как раз топал с командой новобранцев на Московский вокзал; командование собралась нас везти куда-то с пятью пересадками за тысячи километров в Эвенкию, где, по его мнению, вот-вот должны были начаться бои с вражескими войсками. Но вражеские войска были присланы, можно сказать, на дом. Голубоватые, почти невидимые, едва слышимые «Команчи» струились, как летучие голландцы, между берегами, составленными из фасадов домов, и казалось, что эти призраки не имеют никакого отношения к свинцово-огненным плетям, под которыми разлетались окна. А ровно в пятнадцать часов очередь «Команча» прошла над моей головой и срезала голову высокого прохожего, которая упала мне под ноги, разинув рот словно от удивления...

Я направил пистолет в сторону прожектора и в прицельном виртуоке появились контуры большой осы с багровыми пятнами глаз. Я три раза выстрелил по этим «глазам» и на меня внезапно накатил шум вертолетного двигателя, наверное, потому что стал жалобно-ревущим, аритмичным. Я выстрелил еще пару раз, целясь в тепловое пятно на боку у «осы», и прыгнул на слайдер. Доска от толчка рванулся вперед, едва не выскочив из-под меня. Еще секунда, и я навернулся бы со слайдера на палубу, но из него выскочило нечто, напоминающее «помело». Я отчаянно ухватился за эту штуку и кое-как сохранил равновесие на движущейся доске. Слайдер еще раз смилостивился и открыл большой виртуок через канал близкосвязи. Я увидел разлинованное пространство в сферической проекции и свою балансирующую фигуру, вид сзади. «Помело», по сути, было большим джойстиком для управления доской.

Я вовремя свернул в «переулок» между двумя баржами. По главной улице прокатилась взрывная волна пополам с горящими осколками моего автомобиля, на который пришелся залп финской ракеты. А по «переулку» вслед за мной запрыгала с отвратительным стрекотанием стая роботов-блох.

Последний раз я катался на скейтборде лет пятнадцать назад. Но всплыл-таки в мускульной памяти приемчик – развернуться правым боком в сторону движения, перенести центр тяжести на левую ногу и подпрыгнуть. Получилось – я перемахнул через дышащий вонью канал. Загордиться не успел, потому что

минутой спустя влетел в незаметную, но зверски прочную паутину, натянутую поперек узкой «улочки». Паутина мигом стянулась на мне, как упаковка на охлажденной куре. Я увидел, как ко мне бежит инсектоид на тонких серебристых ножках. На его просвечивающем брюшке мелькнул лейбл «Intel Inside», и, как я ни метался, он кольнул меня прямо в вену на локтевом сгибе.

4

Когда очнулся, то первым делом подумал, что это финны меня оприходовали.

Однако мысль не была подтверждена моим сфокусировавшимся взором. Я находился в помещении, в котором можно было признать узкий трюм. Унылая ржавчина. Сырость. Помигивающая лампа наверху. По переборкам – светящиеся граффити, нарисованные микросхемной краской. В углу творение человеческого разума, который я опознал как унитаз, снятый со сверхзвукового самолета и каким-то образом приживленный здесь. Голографический дисплей на его боку показывал и рассказывал о правилах пользования. Облупленный сервант был погружен в сны о старых добрых временах. Банка, в которой находились антикварные окаменелости, оставшиеся от бабушкиного варенья, тоже выполняла мемориальные функции. Обшарпанные полки, заставленные всякой технической рухлядью, напоминали о комиссионном магазине.

Финнами тут и не пахло, мой взгляд был смят ответным взглядом извращенца и людоеда. Это был Вурдалак. Бандитский пистолет, заткнутый за его пояс, органично дополнял некрофильские детали на его куртке, среди которых я неожиданно разглядел никелированный череп крысы. При всем при том я не мог пошевелиться. Мой насыщенный нервными клетками желудок затрепетал от ужаса, и я едва усмирил его глубоким дыханием по буддийскому рецепту. Еще не хватало тут обделаться. Однако все варианты дальнейших событий укладывались в диапазон от «драматично» до «кошмарно».

– Bon matin, mon cher, – елейным голосом произнес страшный визави. – Попался, который кусался. Сервер на шести ножках быстро тебя спеленал.

Вурдалак не больно, но весьма тошнотворно мазнул меня грязной пятерней по лицу. От его ладони пахло каким-то откровенным дерьмом типа сгнивших белков. Блин, да он еще гарантировано онанист.

– У тебя плохие манеры, маркиз, – кто-то сделал Вурдалаку

замечание. – Ты же настоящая козлина, неизвестно как попавшая в приличный дом, ферфлюхтер французе…

Вурдалак отошел от меня и стал задумчиво протирать тряпочкой никелированные останки крысы, показывая, что он, в общем, ни при чем.

Голос, севший и скрипучий, продавливаемый сквозь опухшие от постоянной сырости голосовые связки, принадлежал человеку, чье тело было «встроено» в инвалидную коляску. Был виден оптоволоконный проводок, уходящий из нейроразъема на шее инвалида в разъем на спинке коляски. Разъем был снабжен индикаторами, показывающими интенсивность информационного обмена. Ниже уха у инвалида имелся еще один нейроразъем, только залепленный жевательной резинкой. Поймав мой взгляд, человек широко, по-рекламному, улыбнулся, словно собрался предложить мне новый тесячепервый сорт мороженого от фирмы «Ice Age», который ничем, по вкусу, не будет отличаться от самого первого.

– Добро пожаловать в пещеру лучшего из неандертальцев. – Инвалид показал на постер, прилепленный к переборке и изображающий циклопа Полифема. Циклоп, у которого изо рта еще выглядывали чьи-то ноги в модных ботинках, держал в руках надпись: Agite ut domi suae [18].

Было заметно, что когда-то инвалид был видным мужиком. Старая куртка из настоящей буйволовой кожи сейчас висела на нем, как на вешалке – он сбросил минимум двадцать кило по сравнению с прежними временами. Вся его физиономия была в складках, как у шарпея, но в ней оставалось еще что-то гусарское, наверное, за счет шрамов и орлиного носа, под которым лихо вихрились рыжие кавалерийские усы а-ля Мольтке. А в целом инвалид напоминал известного Таракана из стихотворения Чуковского.

– Э, что вы так на меня смотрите? Я похож на вашу тетю, которую вы лишили невинности прямо в доме для престарелых? – поинтересовался «кавалерист» в коляске. – Может, мы раньше встречались? Меня, кстати, зовут Би Дэ. Для друзей я – Борис Дворкин.

– Меня тоже зовут. Для друзей вроде вас я – Негр. И если я дожил до сегодняшнего дня, то, значит, никогда вас раньше не видел.

– Негр так Негр, хотя у вас в кармане мы случайно нашли бумажку на имя господина Урмана. А вот это – мой товарищ Маркиз; его имя и фамилию так сложно произнести, что достаточно титула, – представил Дворкин Вурдалака. – Его предки, начиная с Синей Бороды, сидели как пауки в гребаном

замке на Мозеле, грабили проезжающих мимо купцов и насиловали зазевавшихся Красных Шапочек. Так продолжалось на протяжении многих столетий. При этом надо учесть успешно переходящие от поколения к поколению гены кретинизма и ликантропии – женились они только друг на друге, не разбирая полов и родства. Маркиз не без способностей, хорошо танцует, на скрипочке играет, по большому счету невежественный, малоразвитый и психованный, как нибелунг пятого века...

– Послушайте, человек Би Дэ, что вы мне зубы заговариваете, как на базаре, когда хотят всучить какую-нибудь тухлятину. Паутину можно с меня снять? Дайте встать, от долгого сидения развивается геморой, бич XXI века. Распакуйте меня немедленно, я вообще не могу долго сидеть на одном месте, ввиду ранения в это самое место!

В ответ на лице Дворкина появилась только отстраненная буддистская улыбка Пол Пота. Он стал раскатывать по трюму, хватая с полок разные детали, в руках у него появились провода и чипы. Это не предвещало ничего хорошего.

– Дорогой ветеран, мы вас приобрели без упаковки – паутина давно засохла и рассыпалась. И зачем вам этот пессимизм? Мы оба – бравые вояки, а значит, вечеринка будет продолжаться, пока нас не вынесут вперед ногами. Вам приходилось командовать взводом, в котором у всех менингит, понос и гонорея?

– Нет!

– Жаль. Иначе вы всегда находили бы повод для оптимизма. Мне, например, нравится моя инвалидная коляска. Так ведь удобнее; коляска на одной магистральной шине с моими мозгами, поэтому ею можно управлять с помощью мысли. Мечта поэта! Если бы даже я оплатил себе новый клон-позвоночник, то из-за атрофии мышц в лучшем случае ковылял бы, как беременный птеродактиль. А на коляске летаю со свистом, даже по нашему кладбищу обгаженных кораблей.

– Какой торчок не любит быстрого улета, – согласился Вурдалак, не без злорадства наблюдая, как коляска Дворкина стала буксовать, застряв среди двух ящиков.

– А мне кажется, Би Дэ, вы что-то не договариваете.

– Конечно, не договариваю, я ж не специалист по systema nervosum periphericum [19], – сказал Дворкин, растолкав ящики. Один из них перевернулся на бок, высыпав носы, пальцы, волосы, глаза и прочую дешевую биомеханику с яркими южноазиатскими этикетками.

Я решительно попробовал пошевелить пальцами и опять безрезультатно. Ясно, они накачали меня медботами, которые блокируют двигательные нервные цепи. Я едва не завизжал от

страха. Это же потрошители! Сейчас начнут распиливать мне череп, выкачивать мозги, срывать кожу и терзать трепещущую печень. На прошлой неделе расчленили одного нашего товарища по распитию пива. В полиции сказали, что он жил еще пять часов после того, как его начали курочить. Видимо, потрошители никуда не торопились, курили и наслаждались криками. По прежнему адресу от нашего товарища остались только десятка два костей, кусок кожи где-то метр на полметра и полкило кала из прямой кишки. А все остальные части тела попали в коробку с контрабандой и эмигрировали в страну с более высоким уровнем жизни.

– Смотрите, Негр, раньше в этой банке со спиртом мы хранили голову знаменитого питерского робингуда Юрия Флейшера, после того как его убили шуцманы в сражении при ресторане «Тройка», – сообщил Дворкин, стукнув желтым прокуренным ногтем по какой-то емкости. – Глаза у Юры словно живые были, мудрые, всепонимающие, даже улыбающиеся. Но потом голова куда-то пропала. И теперь у нас там всякие полезные звери плавают, которым лишний раз окислители не нужны. Мы вас угостили стаканчиком из этого священного сосуда. Так что, считайте, что вы с Флейшером выпили на брудершафт. Гордиться надо.

Слова Дворкина плыли передо мной как дым, а я больше не мог контролировать панику, которая бурлила во мне от горла до солнечного сплетения.

– Пустите, суки, фашисты! У меня одноклассник в шуцманшафте.

– Да чего вы распереживались, майн либер, стали поминать какие-то шуцманшафты, так вы и до латышских стрелков дойдете. – «Унитаз» подкатился из угла к Дворкину и оказался полон всяких медицинских инструментов, которые инвалид стал перебирать своими не слишком чистыми руками. Это занятие он неожиданно прервал, с высокой хрипотцой рявкнув на меня. – Фашисты не мы, это так же точно, как и то, что мама мыла раму. Вы нас не путайте с Леркой Найдорф. Фашизм – это ведь не какая-то конкретная идеология, это – состояние души. Обещала мадам Найдорф переморить совков за преступления против «свободных народов» и сделала. В чем ей активно помогали замечательные историки, журналисты, сценаристы, режиссеры и прочие носители «генов нравственности».

– Слушайте, Би Дэ, на философские темы мы как-нибудь в другой раз могли бы поговорить.

– А это вы сами расфилософствовались. Мы же пацаны вполне конкретные. Эй, мосье ле вампир, подтолкни же меня, видишь,

колеса буксуют. И давай поближе к терминалу, будет и для тебя работенка. А вы, Негр, в самом деле, расслабьтесь, вы же не в гинекологическом кресле. Никто не собирается мазать зеленкой геморроидальные шишки в вашей попе. Мы просто сейчас поставим вам широкополосный нейроконнектор, приконнектимся по-братски и слегка познаем вас.

Или от этого известия, или от «гномиков», оседлавших мои нервные пути, бурление во мне прекратилось и я стал отключаться от кошмарной реальности.

Я все видел и слышал, но виды и звуки прилетали как будто издалека.

– Чего-то мне нехорошо, – прошептал я.

– А что сегодня вообще может быть хорошего? С такой генерал-губернаторшей, как у нас, которая точно не знает, девочка она или мальчик, – отозвался Дворкин. – Мань, поставь-ка клиенту слюноотсос, а то течет сильно; мне, как дежурному по дурдому, тяжело это видеть.

Новый персонаж, чернокожая красотка с губами-оладушками, подвижными косичками-дредами а-ля Горгона и слабо прикрытым бюстом выдающихся размеров, засунула мне в рот постанывающую крючковатую трубку. А потом ее крупные губы чмокнули меня в лоб. Я даже сквозь свою каталепсию почувствовал секс-флюиды. Давай, эбеновая девушка, буди меня зажигательными поцелуйчиками. Наклонись ко мне еще разок, из глубокой ложбинки между твоих первосортных грудей пахнет оглушительной бабой. Представляю, как твои крупные шоколадные соски мажут меня по лицу, губам, глазам, как твои спелые бедра обтекают горячей волной мои онемевшие гениталии и пробуждают их к новой жизни, много чего представляю...

– А что, может, сразу перейдем к стриптизу? Негр, похоже, не готов оборонять свой баобаб от моей Мани, – удовлетворенно заметил Дворкин, однако это обстоятельство не понравилось его напарнику.

– Я уже ревную. Маня-Мириам, поверь мне, все без исключения мужики заслуживают мучительной смерти. Возьми-ка там ершик, тот, полуметровый, что в углу стоит, и засунь этому баобабу в дупло, – стал злобно науськивать Вурдалак.

Было слышно и даже видно, как девка смеется, и разнузданные звуки отражаются от металлических переборок, повисая посреди трюма сизым туманом.

– Отстань от клиента. Когда клиент боится, он потеет, или еще что похуже делает, а мы все находимся в замкнутом пространстве, которое я никогда не проветриваю во время работы, – довольно строго сказал Дворкин Вурдалаку. – И вообще,

почему нет нормального напряжения? Может, этот маньяк за стенкой опять экспериментирует с электрическим стульчаком. То двести, то триста вольт, лазерный скальпель мигает, ети его. Я же не свинье операцию делаю.

Я хотел добавить насчет «не свиньи», но боль заставила меня поперхнуться; она проткнула мою шею, изначально резкая, многозубая, однако занавешенная туманом анестезии.

– Все, все, не дрыгайтесь, Негр, разъем встал на место. Лягушкам в виварии гораздо хуже приходится, но ведь даже они не жалуются. А у вас, в отличие от жертвенных земноводных, впереди блестящие перспективы. Убьете проклятого француза на дуэли – я покажу, как это сделать – и женитесь на Мириам. Она, кстати, чемпионка по танцам в классе ламбады. А сейчас осталось воткнуть нейроконнектор и задать ему начальную конфигурацию...

Тягучие слизневидные слова Дворкина протекали сквозь узкое ржавое пространство, застывая мокрым лишайником на его стенках.

...Загружен драйвер нейроконнектора, активизирован пул соединений, канал преобразования функционирует нормально, получены ответы от неокортекса и таламуса, ответы дешифрованы, соединения стабильны...

Перед глазами прошло искажение, мир стал плоским и слегка выгнулся, предметы с протяжным шорохом скривились и даже оторвались от палубы. Потом этот изгиб исчез, но четкости зрения уже не было, все вокруг стало дымчатым, диффузным.

И хотя моя голова сейчас соображала не больше, чем гнилая репа, я понял, что попался полностью и окончательно.

– Господа, все на мостик. Поднять якорь, полный вперед. Начинается волнующее путешествие по чужим мозгам. У старого Сильвера ноет деревянная нога. Это, наверное, к буре, – забалаболил словоохотливый Дворкин.

– Я уже чувствую, как от мозгов Негра несет просроченной едой, паленым алкоголем и прочим дерьмом, – причмокнув, сказал Вурдалак. – Может, сразу спустим их в сортир?

Они получили полный доступ в мой череп. Если бы они хотели слегка подпрограммировать меня, то обошлись бы простой инъекцией диффузного наноинтерфейса. Но они ставят постоянное устройство – значит, берут под полный контроль, – отростки матричных нейроконнекторов сейчас прорастают в мои нервные центры.

– Во-первых, сортир на судне называется как? Гальюн, – притормозил Дворкин партнера. – А во-вторых, клиента надо любить, как самого себя. Завтра ты можешь оказаться на его

месте, и какой-то низколобый придурок начнет куражиться над тобой.

– А я и люблю клиента, как живого, так и мертвого, всякого, – как будто стал оправдываться Вурдалак. – Злит же меня графика на твоих мониторах. Эти жирные рамочки, в которых появляются сообщения системы, и большие зеленые буквы, похожие на сопли, вызывают у меня справедливое эстетическое отвращение... Кстати, вот и первое открытие: у Негра в височной доле психоформатированная зона. Не хочешь лично посмотреть?

– Может, там наркод отметился? – предположил Дворкин.

– Разбежался. Если даже съел дозу, то через пару часов уже ничего в мозгах и не видно. На мой взгляд, наркод – это вообще никакой не психософт, а просто щепотка перца в голове. У амрашей форматированные зоны тоже в десять раз меньше. А Негр, должно быть, нафарширован по самую колбасу... Или твой нейрозонд не вполне откалиброван?

Послышались ругательства, какие были в ходу только в Петронезии.

– ...Маркиз, ты меня не за того держишь, чип и дейл в твою мать. Может, я и без позвонков, однако еще не похож на бабушкин вибратор. Ладно, давай по порядку, с полной записью в лог. Маня, ты тоже не спи, фиксируй... В височных долях Негра – когерентные пульсации, похоже на несущую частоту. Во фронтальных долях видны симметричные дисперсные структуры, потенциальной емкостью до тридцати ментобайт. Наверное, это действительно отформатированное пространство для кодов. Но их там нет или почти нет. Пару сотен кодовых следов, которые я вижу, это всего лишь остатки от экспериментов. Если бы этот парень был на плаву, то ему регулярно бы загружали работоспособный психокод.

– Он может быть нафарширован в любой момент, – упирался Вурдалак, как ишак. – У него там, наверное, клиентская программа для приема управляющих кодов. Смотри, в височных долях явно стоит объектный адаптер для преобразования внутренних запросов в вызов внешних серверных функций. Адаптер реализован на диффузном Персональном Процессоре, который даже хирургическим путем трудно обнаружить. Это могла сделать только «Омега», – решительно махая длинными руками, как бы отсекая лишние мысли, сказал маркиз-вурдалак. – Ты понимаешь, у этого Негра мозги запрограммированы для работы на «Омегу».

Дворкин несколько нарочито закашлялся.

– Мосье, осторожнее. Зачем вам эти карбонарские прокламации? И зачем этот доходон «Омеге»? А если он ей нужен,

то почему она его не использует? Маркиз, пройдись ты бритвой Оккама по своим фантазиям. Мозги Негра прокомпостировал какой-нибудь Тризуб, опробовая контрабандные таиландские нейроинтерфейсы.

От Вурдалака донеслись жуткие звуки, не иначе как закипела его слюна.

– Дворкин, да тебе поваром работать с таким уровнем мышления. Поваром в столовке для бомжей... А кстати, пожрать у нас ничего?

Поле зрения затягивалось все более густым белесым туманом, так что Дворкин потерял телесные краски и стал напоминать мумию фараона. Ну да, Рамзеса II. Я перестал понимать и то, что написано на постере, изображающем циклопа, как его там, По... Поли... Полисмен?.. Поливитамин?

– Желудочный сок приходит во время еды. Давай лучше думать, маркиз.

– «Думать». Выкинь это слово из своего лексикона и иди смотреть мыльную оперу. Сейчас показывают сто пятьдесят пятую серию про донью Кончиту де Анал, которая страдает слабоумием после сексуального нападения быка.

– Тихо, маркиз-антифриз, я, кажется, определил, когда клиенту провели форматирование мозгов. По отпечаткам Фиббса в правой височной доле. Это случилось в пределах последней пятилетки.

Они мне уже в правую долю влезли. Это ж хуже трепанации черепа. Они препарируют меня без пилы и скальпеля! Язык перестал меня слушаться, между челюстей словно застрял кусок ваты, так что вместо человеческого протеста послышалось только животное мычание.

– Я и говорил, «Омега»...

– Не надейся, маркиз. У многих есть отпечатки Фиббса. Особенно у тех, кто проходил по проектам «American Not Russian» и «America for Slavs».

– Эти проекты, между прочим, заработали на полную лишь четыре года назад, – загорячился Вурдалак, – когда янки поняли, что не справляются с саботажем и диверсиями. Да и вообще, проект «Амраш» вряд ли использовал серьезные психотехнологии, имеющиеся у «Омеги». Пациентам инсталлировали десяток субинтерфейсов с довольно простыми алгоритмами, большего и не надо для изменения восприятия со «скептического» на «позитивное». А потом шла накачка через вторую сигнальную систему вербальным и образным кодом. Стихи, песни, картинки и прочие информационные вирусы...

– Песни про клятых москалей – это у Амслава, а Амраш был

рассчитан на другой контингент, где обычные инфовирусы в основном отлетали как от стенки горох. Оккупационным властям тогда не до песенок было. Наш добрый народ поиздевался друг над другом на полную катушку, а потом подумал, а не дать ли пизды и этим колонизаторам… American Not Russian – это как раз переломный психопрограммный проект, получивший от ооновской администрации официальный статус и финансирование. Но ему предшествовала серия не шибко удачных экспериментов. Чтоб ты знал, первое поколение амрашей было почти полностью забраковано: кто боялся женщин, кто собак, кто с лаем бросался на новое начальство. У забракованных отобрали сертификаты, вставили им затычки в дырки от нейроконнекторов и отправили догнивать охранниками и палачами куда подальше, в многострадальное Конго, в бирманские джунгли. Может, кто-то и здесь зацепился. Наш Мистер Провал наверняка из этого первого поколения.

Даже придя сквозь туман, эти слова укололи меня. Экс-супружница, когда хотела добить меня в очередной ссоре, ехидным голосом, позаимствованным у Леры Найдорф, называла меня то Мистером Разочарование, то Ветераном Бессмысленного Труда. Когда на поле нашей брани я закрывал глаза от утомления, то мне казалось, что я женат на самой генерал-губернаторше.

– Дворкин, если Негр не оказался ни в Конго и ни в Элизиуме, то значит, он нужен «Омеге».

Я теперь видел Вурдалака в виде какой-то расплывчатой тени, сущего привидения, которое парило и витало то там то сям. Весь это разговор о моей персоне мне страшно не нравился. Особенно то, что он протекал без моего участия, будто я какая-то микросхема. Однако уже было не до речей в защиту своего человеческого достоинства. На грудь мне словно положили тяжелую подушку. Похоже, я уже задыхаюсь. Задыхаюсь! Меня лишают права на воздух, которым обладают даже самые низменные из млекопитающих вроде утконоса.

Я захрипел, и Дворкин наконец отреагировал:

– Ах, черт, чуть не забыл, пора ему налоксон вколоть, чтобы не было угнетения дыхательной функции.

– Да фиг с дыхательной функцией. Ты понимаешь, что «Омега» может быть хитрее, чем тебе кажется. И секрет заключается в том, что Негру и не надо нести большой кодовой нагрузки, ведь гениальная программа всегда проста.

– Если откроется такой большой секрет, тогда мне придется пристрелить тебя, Маркиз, или отравить, уж какой вариант тебе больше по вкусу. Потому что важные секреты должен знать я

один. Шутка, конечно, хотя как знать. А куда Маня-то подевалась? Маркиз, подкинь-ка мне шприц-пистолет. Он там на крючке висит...

– Я тебе служанка, что ли? Глянь, господин Дворкин, я ж без фартучка... Пристрелить он меня собрался, полоумный. Да мне с самого начала показалось, что ты дефектный от мозгов до колесиков.

– Маркиз, умолкни! У Негра в отформатированной зоне, откуда ни возьмись, новый код. Целых два ментобайта!

– И чего ты смотришь бараньим взглядом, закрывай порты, соединенные с Сетью.

– Да нет таких портов у моей системы!

– Не было, так появились, отсоединяй Негра!

– А что толку? Он сам генерирует эти коды, понял!

Что-то звякнуло и повалилось с грохотом на пол, похоже, что стойка с приборами, которую я изначально принял за унитаз. Из этого звона родились вдруг веселые картинки, которые закружились вокруг меня, как цыгане в ресторане. В своей каталепсии я чуть было не принял их за призраков, а потом догадался, что они носят абсолютно рациональный характер. Это были анатомические схемы человека.

По одной из схем катились нервные импульсы, вроде как крохотные автомобильчики на ночных автострадах. На другой, напоминая спагетти с сыром, тянулись скаляры и векторы мускульных усилий. На третьей схеме растекались, как пролитый компот по столу, градиенты гормонов и нейромедиаторов... И у каждой схемы стоит красно-черный чертик и водит по ней пальцем, как по экрану. А вдруг на схемах это я?

Тело, как никогда отчужденное от моего отупевшего сознания, попыталось привстать в кресле. Я это понял, потому что почувствовал натяжение проводков, соединяющих мою шею и сервер, смонтированный на кресле.

Передо мной замаячила волчья физиономия Вурдалака, он махал чем-то похожим на кружку. Я едва догадался, что это бесшумный пистолет с самонаводящимся стволом.

Негр, резко выдернув пистолет из руки Вурдалака, в тот же момент саданул его ногой в подбородок. Затем выстрелил. Вурдалак, улетев с озадаченным видом, врезался в ножку стола стриженой головой, из его носа поползла улиткой кровавая сопля.

Получив от Негра крепкий пинок, Дворкин покатился куда-то на своих колесиках, по дороге он еще орал: «Ну, сейчас получишь, мудак!». Потом он резко развернулся, и хотя глаза у него были выпученные крабьи, словно бы залитые лаком, в руках появилось

помповое ружье.

Негр выстрелил. Отчетливо брызнула кровь, Дворкин упал на спину вместе с инвалидной коляской, откуда-то сразу натекла лужица крови.

В проеме двери маячило лицо африканской красотки, ее губы и лицо были, как реклама шоколадного йогурта с ягодами. Когда Негр навел на дверь ствол пистолета, лицо негритянки мгновенно исчезло и пуля продырявила металл. Из-за двери послышался взвизг, а потом звук падающего тела. На счетчике уничтоженных врагов мелькнула цифра «4».

Негр встал. Не знаю, как у него, но у меня было ощущение, что я отжимаю штангу с чемпионским весом. Воздух со звуком вошел в опустевшую грудь, до предела натянулись проводки, которые связывали кресло и нейроконнектор, впившийся сзади в шею. А потом все это хозяйство выскочило без боли, но с малоприятным треском.

Негр бросился к двери, перепрыгнул через повергнутое тело Мани. А я... у меня после штанги была такая легкость – я даже ног своих ног не чувствовал. Пространство, как жижа, текло сквозь меня, показывая, насколько условны представления человечества о протяженности.

5

Когда надо было лезть из трюма на палубу, то всякие миражи кончились, и я элементарно взмок от пота. Руки и ноги казались стальной несгибаемой арматурой. Наконец последние ступеньки трапа покорены, я вздохнул полной грудью воздух свободы, спрыгнул с комингса люка, поскользнулся и понял, что нахожусь в состоянии свободного падения.

Я упал в канал, если точнее, в мертвую стоячую воду Петронезии. Из-за перенасыщенности поверхностно-активными и высокомолекулярными соединениями она по цвету и вязкости напоминала жидкость для мытья унитазов. В данном случае в роли коллективного унитаза выступала вся Петронезия. В симфонии запахов преобладала партия дерьма, которую органично дополняли басы пищевых отходов и альты дохлых сперматозоидов. Однако в желто-зеленой пене плавали не только продукты заднего прохода, но и вполне интеллигентный мусор, вплоть до журналов и книг. Я даже прочитал несколько названий на обложках: «Голубое сало», «День опричника», «Краткая история канализации».

Я так увлекся чтением, что пропустил ответственный момент – пучок серых нитей вдруг ожил, закрутился, как спирохета, и метнулся ко мне.

Это ж корневая система нанопластика – перифитон – щупальца, хоботки, сжирающие любое говно, не отказывающиеся и от живой протоплазмы!

Я заработал руками и ногами, как чемпион мира по баттерфляю, но было поздно, чемпионского рывка не получилось. Перифитон уже налип мне на ноги.

Фонтаны адреналина забили в моих жилах. Я задрыгался, как раненая рыба. Перифитон усмехнулся в свои нанопластиковые усы и принялся вязать мои руки.

В такие моменты принято бояться. И я бы испугался перифитона, если бы не появилось чудовище, которое явно выигрывало в конкурсе страшилищ. Чудовище было размером с кашалота. А по виду – скелет от кашалота, потому что не было у него брюха, только спинной хребет и череп с огромной щелевидной пастью, сплющенный сверху и снизу.

Еще мгновение, и пасть наплыла на меня. Сразу сдавило и дышать нечем. Хоть бы милосердные боги послали мне немедленную кончину от скоротечного маразма! Маразм не маразм, но какое-то отупение напало на меня. Сквозь мешанину

ужаса и боли были отчетливо слышны гулкие удары замедлившегося сердца, которые гнали в мой мозг все растворяющую пустоту.

Наверное, поэтому я и не свихнулся, когда меня закрутило, как белье в барабане стиральной машины. Несколько мгновений спустя я, пройдя адские круги сепаратора, лежал в отстойнике для крупногабаритного мусора на уборочном суденышке.

– Во, утопленник. Не очень свежий.

– Какой же утопленник? Утопленники не моргают.

Экипаж машины боевой составляли двое потертых мужиков в оранжевых комбинезонах с голографической эмблемой фирмы «Секта Чистоты». Они вылупили на меня красноватые шарики глаз, словно я был помесью ихтиандра и ихтиозавра. Бойцы мусорного фронта не пытались мне помочь, пока я выбирался из скользкого отстойника, но и не бросили за борт, когда я все же вылез.

– Ты кто, мать твою, русалка, что ли? Тогда где сиськи? – поинтересовался один из мусорщиков.

– Я не русалка, я... я – ученый, изучаю пищевые отходы.

– Может, ты еще и кандидат наук? – Мусорщик навел на меня свой указательный палец, удивительно напоминающий разваренную сардельку.

– Кандидат, – не соврал я.

– А какова тема диссертации? – поинтересовался другой мусорщик, хитро прищурившись.

– Установление корреляций между продажами кондитерских изделий и загрузкой канализационных сетей.

Я ведь опять не соврал, но массивные тела мусорщиков содрогнулись от могучего смеха.

Тем временем мусороуборочное судно, оторвавшись от Петронезии, двигалось по питерской лагуне мимо кувшинкоподобных плавучих заводов, которые перерабатывали всякий кал, свезенный со всей Европы и половины Азии.

В открытых коллекторах мусороуборочного судна весело бултыхалась разнообразная грязь, издающая ароматические концерты на любой вкус.

Я лежал на палубе и, источая зеленоватую жижу, подсчитывал, во что обошелся мне визит в Петронезию. Автомобиль был да сплыл, не оставив сухого остатка. На загривке кровавая рана, след от нейроконнектора, впившегося в мои мозги. Но могло быть и хуже. Еще немного, и мозги расползлись бы как улитки.

И что там этот Дворкин с Вурдалаком плели, что я запрограммированный и нафаршированный, как зомби? Вот

брехуны. Да я сам, по собственной воле, пошел в институт пищевой промышленности, где среди студентов мужеского пола, за исключением меня – одни «инвалиды детства». А мог бы и в школу милиции пойти. У мамы в этой сфере были приличные связи и стрелял я неплохо. Какой же зомби, имея лишь «кулинарное образование», взялся бы разрабатывать интеллектуальную программу перевода с русского языка на все остальные? Да, я успел добиться перевода лишь на латынь, но лишь потому, что меня вытолкали со службы. Занимался-то я этим, естественно, в рабочее время, на институтском суперкомпьютере.

Так и осталось загадкой, почему русский нельзя перевести машинным образом на английский, немецкий или французский. Первые опыты показали, что получается сплошная бурда или лакуны. Например, словосочетание «иди на хрен» переводится как приглашение на сельскохозяйственные работы. Наверное, русский – какой-то слишком свободный, каждое слово в нем само по себе, настоящее существо со своим нравом. Поэтому на русском можно говорить так свободно и нелогично. А учитывая, что мы и мыслим в той же манере, то понятно, почему англосаксы нас уделали. У них-то слова-обрубки и фразы-штамповки... Облажавшись с машинным переводом, я перекинулся на размножение нанокристаллов, все кастрюли ими загадил, пытаясь породить искусственную жизнь. В общем, искал интеллектуальные приключения на свою голову.

Если честно, никому не признавался, что я такой чудак, особенно девушкам. Девушкам я обычно выдавал себя за милиционера. У меня от друзей мамы-офицерши был и лексикон соответствующий унаследован. «Так, девушка, предъявляем документики. Ножки на ширине моих плеч, лифчик расстегнут, штанишки приспущены». За художника я себя тоже выдавал, если девушка была с запросами. Рисовал я, в самом деле, неплохо, пока коллега по сбору стеклотары не полоснул меня осколком бутылки по пальцам – конкуренция вещь жестокая.

А какой «инвалид детства» будет ездить с полевой кухней под ударами вездесущих американских орнитоптеров? У меня из оружия только ржавый «калаш» да котлеты, а у пиндосов стаи интеллектуальных ракет с кассетными боеголовками, из которых разлетаются шарики и спиральки, наводящиеся на человеческое тепло. Один раз они все-таки перепутали мое тепло с теплом котлет, в другой раз не ошиблись.

Ладно, это эмоции. А вот как мне удалось от Дворкина и Вурдалка уйти? В счастливую случайность я поверить категорически не могу. Почему со мной не случалось ничего

счастливого в последние пять лет, когда я из приятного молодого мужика последовательно превращался в таракана? Значит, я спасся от Дворкина потому... потому... прямо жарко стало, потому что кто-то подсоединился ко мне и загрузил в мои мозги боевую психопрограмму.

Насколько мне известно, принудительной загрузкой психопрограмм занимаются пиарщики, рекламщики, промоутеры и тому подобная публика. Большинство из этих насильников стараются пожать тебе руку, чтобы установить прямое боди-коннекторное соединение, но они еще и распыляют диффузные нейроинтерфейсы в воздухе. Поэтому-то шуцманы носят защитные сетки, способные уничтожать своими разрядами дрейфующие наноустройства. Однако пиарщики, рекламщики и промоутеры преследуют только свои гнусные коммерческие интересы, какое им дело до моих передряг.

– Эй, русалка, жрать хочешь? – Один из мусорщиков протянул мне бутерброд с синтетической колбасой многократного использования. Они с напарником жевали свои бутерброды в рубке, положив ноги на приборную доску. С маленького, не более метра, голографического телеэкрана лился интерактивный мыльный сериал про молодого дантиста, и эти два добродушных жлоба своими выкриками пытались направить действие в сторону орального порно. В углу телеэкрана параллельно шел бесконечный выпуск новостей. Чисто машинально я последил за новостями и через несколько секунд меня чуть не вытошнило, хотя до этого я уничтожал бутерброд с большим аппетитом. По телику показывали нечто, похожее на мою физиономию, и называли это фотороботом убийцы, совершившего вчера двойное преступление в книжном магазине. Заодно по телику сообщали, что злодей избежал задержания, оглушив дорожного патрульного – номер автомашины у преступника был такой-то, но зарегистрирована она на другое лицо и имя-фамилия преступника сейчас выясняются.

– Ты чего, русалка, уже блевать собрался? Ну-ка, отойди к борту, а не то ударю, – строго сказал один из мусорщиков. По счастью, их пристальное внимание не отвлекалось от мыльной оперы...

Меня крепко подставили. Все системы наружного наблюдения только и ждут появления моей физиономии, чтобы немедленно оповестить полицейские серверы. Лишь одно обстоятельство в мою пользу: фоторобот составлен полицейским искином [20] по словам шуцмана, а он описал меня как последнего дегенерата, с кривыми редкими зубами и маленькими вдавленными глазками. А у меня на самом деле глаза – будь здоров, и зубы, особенно

если сбоку смотреть, вполне себе... Хорошо хоть, что шуцман, получив по балде, забыл мою фамилию. Но рано или поздно меня вычислят. Если даже удастся опровергнуть обвинение в убийстве Глеба и Веры, то за покушение на пана шуцмана меня превратят в котлету по-киевски еще на допросах...

Мусороуборочная посудина вошла в Смоленку, и кругом встал стеклометаллический лес Василеостровского Сити, самая старая часть новостроя. Дома здесь были пониже, чем нанoплантовые мракодолбы в питерской лагуне, где-то триста – четыреста метров. Но новые власти на первом этапе оккупации особо пытались удивить питерцев. Чего стоит терем Кощея, он же дом Бозе-Эйнштейна, где голубые потоки сверхтекучей жидкости бегут вверх по огромной «скале» и закручиваются на ее вершине водоворотом. Верх стал низом, будущее – прошлым...

Несмотря на довольно ранний час, потоки иностранцев и амрашей текут по ажурным эстакадам самого свободного города на свете, вливаются в полости, трутся о стенки. Звуки сливаются в деловитое и одновременно чувственное жужжание. Городище-влагалище, Пиздоград, ханзеатише Штадт Пидербург не накладывает никаких ограничений на получение удовольствий для глобального клиента. Адреналин брызжет фонтаном, похоть затягивает тестостероновым смогом улицы и поднимается к небесам, раскрашенным как щеки давашки, сладкие пролактиновые реки уплывают в водостоки, оставляя липкие потеки на мостовых. Хищники всего мира, педофилы и садисты, террористы и каннибалы, злобные недоумки и умные гады, насильники и работорговцы, охотники за органами и вампиры, неонацисты и постмоджахеды сбегаются и сползаются в открытый настежь город Питер. Они больше не опасны для молодых матерей и сексапильных студенток, юных кадетов и пожилых прихожанок, белокурых гимназисток и чернокожих интеллектуалов всего остального мира, потому что их токсичная сила изольется ЗДЕСЬ...

В квартале Делагарди [21], раскинувшего свои огромные лихо закрученные «раковины» на месте смоленского кладбища, речушка разделялась на десятки потоков. Самый большой, сменив берега из искусственного гранита на искусственно-алмазные, направлялся в сторону моря более или менее по горизонтали. Потоки поменьше, превращаясь в магнитную эмульсию, поднимались вверх и текли по диамантоидным разноцветным акведукам мимо вычурных офисов, хрустальных башен и сетчатых конструкций. Здесь гнездились крутые издательские фирмы, психоиздатели, нейроредакторы...

Слава Мамоне, деньги наконец-то стали всеобщим

эквивалентом. Только заплати хозяевам города за свободу от всяких «условностей» и ты можешь затрахать партнера насмерть. Он будет стонать и хрюкать, целуя тебе ботинки, умолять о пощаде, рассказывая, что он у мамы один. А ты можешь кончить ему в расколотый череп, намотать его кишки себе на руку, сделать из его яиц погремушки, а из берцовой кости постмодернистскую флейту. Его законсервированные глаза, похожие на драгоценные камушки, можешь подарить своей нежной невесте вместе с брачным контрактом. А какой-нибудь «международный легион свободы», прописанный на ферме в штате Техас, выдаст тебе позолоченную медаль за «уничтоженного коммуниста», которой ты будешь похваляться перед однокашниками за кружкой портера. Главное, только не забудь о том, чтобы партнер заранее подмахнул умело составленный договор. И не бойся, что распотрошенный партнер сумеет заразить тебя какой-нибудь дрянью. Интракорпоральные системы наномониторинга обнаружат любой вирус, патологический белок, вредную клетку. «Ату ее», – верные наноботы рванутся стаей и уничтожат мелкого «врага свободы». Только вовремя обратись к парамедикам и небольшая сумма отменит воздаяние.

Неба тоже не бойся, наверху живут банкиры, которые всегда дадут тебе дешевый кредит. Там, начиная с «орбиты двести», вьет свои кольца Великий Змей, который ухитряется просвечивать даже сквозь утренние небеса: мерцают перлы орбитальных городов в его капюшоне, бусинки космических курортов в его хвосте.

Пестроту небес усиливают бодрые картинки с нанодисплейных облаков. Сегодня на облаках доминирует социальная реклама. Небесная юрта, к ней надпись: «Золотая Орда дала нам почтовую и дорожную службу. Поздравляем с 775-й годовщиной установления монгольского правления!»

Мусоросборщик пошел по самому широкому протоку, но между его бортами и диамантоидной набережной оставались едва ли по дециметру. Рядом шли веселые люди, которые вчера заснули, а сегодня проснулись с улыбкой. Бодрые клерки доедали попискивающие от радости бигмаки. Туристки-англичанки с квадратными челюстями и немки, жилистые как кобылы, утратили присущее им на родине напряженное выражение лица и излучали безмятежность. Во внутреннем мире всей этой публики было так же хрустально и чисто, как и снаружи. Зла на свете больше не существовало. По крайней мере как состояния души. Эти люди были уверены в собственной непогрешимости, ведь все, что оплачено – свято! Суперэго соединилось с Либидо. Жадность

превратилась в светлое одеяние свободы. На улицах Сити толпились ангелы...

И вдруг я увидел лицо киллера. Подлинный убийца Веры Лозинской и Глеба Логойко с физиономией заурядного клерка. Он выглядывал из джипа «ирокез», который был припаркован на набережной, и вряд ли о чем-то думал, просто купался в окружающей безмятежности. Я, зачерпнув пригорошню грязи из коллектора, швырнул ее в приоткрытое окно его джипа. Затем перемахнул через борт мусорщика на набережную. Киллер высунул из окна джипа физиономию, на которой смешивались гримасы обиды, удивления, ярости. Ему посмели сломать ангельский кайф! От праведной ярости, передавившей ему горло, он даже не зарычал, а зашипел, словно змей.

Затем киллер чуть сдал назад, потому что ни один нормальный человек не вылезает из машины головой вперед, но только ногами. Дверь поползла вбок. Я придержал ее правой рукой, а левую просунул в салон, рукоятка пистолета легла в мою ладонь и ствол практически без отдачи выплюнул боезаряд ровно в киллерский кадык. Это все произошло так быстро, что я даже и подумать не успел.

В момент выстрела раздался легкий щелчок, не громче того, что издает зажигалка. Звук был отсечен, пороховые газы остались в гильзе, гильза – в бандитском пистолете. Пролетевшее над нами воздушное такси своим подвыванием с лихвой перекрыло щелчок. У киллера над воротом куртки, прошитой пуленепробиваемым нановолокном, нарисовалась дырочка, которая тут же затянулась кровью, похожей на подкрашенный яичный желток. Нанопористая обивка салона поглотила и легкий дымок, и выброс веществ из тела киллера. Те несколько капель крови, что попали на рукав моей куртки, живо скатились с нее, материал продемонстрировал абсолютную несмачиваемость. Капли, скатившиеся на пол салона, мгновенно исчезли в «жадном» мембранном покрытии.

Киллер навсегда обмяк на ремнях крепления. Я принес зло в этот хрустальный квартал. С рукотворных небес сошел стон. На счетчике уничтоженных врагов появилась цифра «5» и надпись: «Прими мои поздравления. Твой черный пистолет».

Это что у меня сейчас было, состояние аффекта? Было ли чувство отделения тела от «наблюдателя»? Все произошло так быстро, что в голове даже не осталось никакого отпечатка для анализа.

Я приблизил свое лицо к лицу мертвеца. У меня сейчас не было уверенности, что это именно тот человек, который стрелял в Веру Лозинскую и Глеба. На мгновение мне сделалось дурно. Но потом я взглянул на шеврон убитого. Микки-Маус с трезубцем в

руках. Шуцманы, обслуживающие Василеостровское Сити, работают без осечек. Он бы меня не пожалел ни во время работы, ни на отдыхе.

Я отсоединил ремни и толкнул тело киллера вправо. Мертвец застрял между сиденьем и передней панелью. Из кармана его куртки я вытащил несколько чип-карт: пропуска в разные районы города, судя по логотипам Тризуба, Погони и Викингов. И еще чья-то чип-визитка.

Терминал шуцмана был включен – навряд ли покойный мыслил о том, что в этом прекрасном новом мире какая-то сила может лишить его жизни и завладеть его имуществом. Я сунул в слот визитку и на экранчике появилось знакомое мне имя.

Иван Арменович Бабаян! А рядом номер его терминала.

Вот так. Бабаян – участник игры. Я сдал ему Веру Лозинскую и Глеба Логойко.

Еще вчера, несмотря на материальные проблемы, был я морально силен и духовно высок. А сегодня что? Сегодня я на уровне животного.

Я даже не жвачная тупая скотина по имени осел, мне до нее далеко. На эволюционной лестнице я располагаюсь гораздо ниже. Я – червяк. А Бабаян – рыбак, ловец человечков. Легко нанизав меня на крючок, Бабаян отлавливает тех, кто может иметь какую-либо информацию о Грамматикове. Для рыбачьего ведерка годятся все, у кого имеются какие-то ниточки, ведущие к Грамматикову. И те, у кого есть безобидная информашка на тему, что великий согражданин любит на обед, и те, кто располагает настоящим компроматом. Так надежнее...

Эх, Бабаян, зря ты меня согнул. Зря ты понадеялся на мой страх. Я страшен в страхе.

Мой прадед ходил в атаку на пулеметы красных латышей, мой дед играл на гармошке, сидя на броне танка, под обстрелом фрицев, моя мать брала бандитов практически голыми руками... Меня словно подтолкнула волна, хотя ни моря, ни океана поблизости.

Я вошел в портал полицейской системы обнаружения. Она грозно предупредила меня о суровой наказуемости несанкционированного входа, но я спокойно авторизовался с помощью кода, который был в кэше шуцманского терминала. Затем я ввел номер бабаянского терминала. Через доли секунды полицейский сервер выдал координаты Ивана Арменовича, которые легко привязались к карте города. Бабаян был не в левом офисе на Лиговке, а совсем недалеко, на сто двадцать восьмом этаже шикарного Манергейм-хауза, похожего на елочную игрушку километровой высоты...

Я затолкал поглубже труп шуцмана под сиденье, прикрыл его курткой и ввел новый маршрут в борт-компьютер джипа. Цель – Манергейм-хауз, что на месте памятника декабристам, всего ничего ехать. А памятник декабристам и всем тем, кого они разбудили, от Герцена с колоколом до Гарри Кашмарова с шахматной доской, теперь посреди Дворцовой площади. И хотя их там изваяли в виде порнографического бутерброда, друг на дружке, все равно памятник в полтора раза выше и толще получился, чем Александрийская колонна. «Разбуженных» на целую роту набралось. А когда выяснилось, что Первый Приватизатор дал взятку, чтобы там оказаться, то его скололи и поменяли на бизнесмена Морового. Этот «бутерброд свободы» голуби очень уважают. Гадят Герцену в колокол, бизнесмену Моровому прямо в рот, хотя он держит каменные акции в руках, а Кашмарову – всего лишь на воздетую шахматную доску, которой он успешно защищает свою голову.

На въезде в Манергейм-хауз хватило чип-пропуска, который я выловил из глубокого кармана шуцманской куртки.

Грузовой лифт легко взлетает, словно мы вместе с джипом – пушинки. Сто двадцать первый этаж, высота триста пятьдесят метров. Приехали, ставлю «ирокеза» в ячейку паркхауза.

Еще раз пошарил по телу шуцмана. И вздрогнул. Мертвец как будто нахмурился. Нет, кажется. Ну, черт его подери, хмурится же, падла.

Или что-то шевелится у него под кожей лба? Что-то ползет, явно чувствуется, если прижать палец. У этого типа какая-то начинка.

Из кармана шуцманской куртки я вытащил швейцарский нож с откидывающимися лезвиями. Стал резать хмурое лицо шуцмана узким лезвием, искренне завидуя патологоанатомам, для которых это просто работа, от которой даже не портится аппетит. Через несколько секунд под лезвием что-то блеснуло. Я зацепил широким лезвием ножа край надреза, отвел кожу в сторону.

На решетчатой кости шуцмана смонтирован имплант – пластиночка Персонального Процессора с видеовыходом, там, наверное, генерируются виртуоки. От чипа тянется проводок к носовой перегородке. Я провел вдоль него лезвием и оголил капсулу. Она держалась на ножках, впившихся в неровности кости. Сама размером с маленького паучка. С третьей попытки я поддел ее и содрал с кости. Эта мелкая дрянь сразу же вцепилась в меня, просунув гибкие ножки под ноготь моего большого пальца рядом со стандартным разъемом боди-коннектора. Мы так не договаривались! Когда я попробовал обрезать ее ножничками, она стала знакомиться, выдавая сообщения о себе в виртуок.

Содержимое капсулы – это невидимое для простого глаза восточное оружие типа «кусари». Цепь из наноразмерных звеньев с электрохимическими сервомоторчиками и трансформирующейся головкой – выбирай крючок, бор или шприц. Производитель обозначен какой-то смесью из иероглифов и кириллики; наверное, он расположен в криминально-промышленной зоне Владивостока. Наноцепью можно управлять через виртуальную клавиатуру или джойстик. Так что, нажмем на клавишу? В виртуоке я вижу голубоватую змейку, которая прыгнула из моего пальца и стала вращаться как лассо. Не, лучше пока это хозяйство спрятать, а то оно смахнет мне самому нос или полчерепа...

Синюю шуцманскую куртку с голографическим «Микки-Маусом» тоже пришлось позаимствовать. Как и следовало ожидать, несколько широковато в плечах, хотя я накинул ее поверх своей. Сейчас много людей в шуцманской форме снуют от одного бизнес-штаба к другому в роли вооруженных курьеров. Поэтому в кармане куртки еще пяток чип-карт – пропуски в разные районы города. Как правило, курьеры не таскают никаких писем и папок, тем более дисков и флэш-карт. Носителем информации является сам курьер как организм. Информация записывается в его жировой ткани, в липосомах, которые с помощью наноманипуляций переделываются в цепочки мемоцитов стандартной емкостью в один гигабайт...

А почему бы мне сейчас не сыграть роль курьера, переносчика архиважной информации?

Сыграть легко, выиграть сложнее, потому что первый облом может оказаться последним. Выход с парковки охраняет интеллектуальная дверь, оснащенная сенсорами и процессорами. По лазерным вспышкам видно, что там идет контроль фейса, радужки и «видимых» параметров крови, протекающей через сетчатку. Она еще и сопит – значит, втягивает воздух, а чуткие детекторы проверяют входящее тело на наличие «шлейфа» из нанообъектов. Помимо интеллекта и сопения у нее еще и злобность, как у цепного пса. Даже если я облеплю себя кожей и внутренними органами шуцмана, это не поможет.

Стоять в десяти метрах от рободвери и предаваться размышлениям – это никуда не годится. Мою задумчивую позу могут заметить на посте охраны, где не только распознающие программы, но еще полвзвода шуцманов, которые иногда все-таки отвлекаются от игры в преферанс и поглядывают на экраны системы наблюдения.

И тут меня выручил туалет. Я вообще готов пропеть гимн этому заведению – сколько раз он спасал мужчин, запутавшихся в

жизненных обстоятельствах, от нервных срывов и даже самоубийств. И здешняя белокафельная емкость не была исключением. Она предоставляла три уютные кабинки и даже вагиномат для тех джентльменов, что желают разрядиться посреди рабочего дня. Это вам не уличная «кабинка счастья» – на искусственных гениталиях вагиномата имелось клеймо качества: (c) Copyfuck Vicky Loo, 2017. Из большого туалетного окна были видны кактусовидные махины небоскребов, окутанные рекламным аэрозолем. За ними располагалась картинная зыбь питерской лагуны, созданная управляемой пленкой поверхностного натяжения по дизайну художника Айвазовского.

Я зашел в туалетную кабинку. Чьей-то торопливой рукой на пол был брошен рулон туалетной бумаги марки «Освободись». Я с чувством благодарности вставил его в держатель.

– Садитесь. Пожалуйста, расслабьтесь, – как будто из бачка донесся заботливый голос. – Если вы нуждаетесь в масляной клизме, скажите «один» после гудка. Если вы нуждаетесь в сифонной клизме, скажите «два». Если вы не нуждаетесь в клизме, скажите «три».

И почему бы не расслабиться перед смертью? Музычка тут душевная (Моцарт, адаптированный для туалетного использования). Можно и ножкой в такт потопать, и, глядя в потолок, помечтать о том, что уж в следующей жизни все будет в шоколаде.

А на потолке решетка вентиляционного отверстия…

«Не вставайте, пожалуйста, не напрягайте ягодицы, сейчас я проведу гигиенические процедуры», – сказали мне голосом старенькой няни. А как же иначе? Глубокое контральто светской львицы сейчас никак не годится.

Решетка вентиляционного отверстия!

Чуть выше бачка я нашел нечто, напоминающее глазок камеры; залепил чем пришлось…

Затем, просунув руку за бачок, нащупал пластинку чипа, управляющего унитазом.

Голос замер на полуслове, неловко даже стало, будто бабушку обидел; Моцарт утих, а вместо гигиенических процедур получился негигиеничный фонтан.

Я встал на горшок и стал мужественно бороться с магнитными шурупами вентиляционной решетки. Еле осилил, у меня всегда были слабые пальцы работника антифизического труда.

Надо мной был вход в трубу, довольно широкую, прямоугольную в сечении.

Допрыгнуть до нее можно, а вот уцепиться и подтянуться –

хрена лысого.

С третьей попытки я шлепнулся прямо в чашу унитаза, на душе стало совсем сыро, в ботинках тоже. Стою я в чаше, как наяда, и тут до меня доходит, что трофейная куртка вибрирует от желания помочь. Как минимум рукава у нее силовые. И где-то на куртке должен быть пульт управления...

Кто-то рванул ручку кабины снаружи, заставив меня пролить реку холодного пота. Полиция?! «Что они делают в туалете часами?» – пробурчал кто-то голосом профессионального кляузника, потом основательно потрудился над изготовлением стула в соседней кабинке. Там у него играли не Моцарта, а что-то дискотечное. Когда кляузник наконец вымелся под симфонию спускаемой воды, я нащупал пульт под воротником трофейной куртки.

В виртуоке нарисовалась силовая схема: сенсоры куртки готовы были сканировать каждое мое движение, ее наноактуаторы способны были усиливать любое мое движение в три с половиной раза. По моей команде рукава куртки удлинились на дециметр, обхватили пальцы и превратили мои руки в ловкие сильные конечности орангутана.

Я соскочил на пол, с небольшого разбега вскочил снова на горшок и устремился ввысь. Теперь я летел как камень, выпущенный средневековым пращником. А узкий вентиляционный штрек длиной в тридцать метров я преодолел со скоростью скачущего крокодила. Однако кончилось это плохо, аккумуляторы куртки сели, причем в самый неподходящий момент.

Вентиляционная труба закончилась. Небоскреб был внутри полым. Полость представляла собой мрачный колодец, в котором завывали, как ведьмы, мощные вертикальные сквозняки. На той стороне колодца я ухватил взглядом несколько вентиляционных отверстий. Но от меня до них было минимум пятьдесят метров. Насчет большой глубины колодца сомневаться не приходилось. Где-то далеко внизу падающее тело превратится в кляксу на мраморном полу. Ответственной уборщице достаточно сделать пару взмахов шваброй и опять чистота.

Я и так подозревал, что все архитекторы – дегенераты... Или архитекторы тут ни при чем?

Это ж не просто небоскреб, а нанoплант, искусственное растение. Передо мной фактически не колодец, а чрево нанoпланта, еще не «заросшее» перекрытиями, стенами, офисами. Имеется в этом чреве только сетчатая структура из тонких соединений, которые при большом оптимизме можно назвать «балками». В мрачном мерцании светодиодов было видно, что

некоторые из «балок» на самом деле являются «трубами», прозрачными и пульсирующими. По ним текут разноцветные жидкости, участвующие в наноплантовом катаболизме.

Путь назад для меня исключен, но как двигаться вперед, если под ногами практически ничего, а в моем роду не было циркачей?

Надо как-то проскочить двадцать шагов до гнездового пересечения «балок», а за ним еще столько же. И станет легче, много легче. В безнадежной ситуации принято отчаянно врать самому себе.

Я сделал несколько робких шагов, почти закрыв глаза и изображая руками крылья большой гордой птицы. Могучий сквозняк безнаказанно трепал мою жидкую шевелюру и надувал парашютиками штанины... Я распахнул глаза намного раньше, чем надо. Мне показалось, что балка передо мной шевелится. По ней что-то ползло... Ползло ко мне! У этого «что-то» была круглая головка, из-под зеркального забрала свисали слюни катаболитов, а гибкое тело толщиной с колбасу было украшено присосками. То ли машина, то ли червяк, то есть биомех. Остается спросить вслед за классиком: почему я, в самом деле, не птица? Почему не летаю? Да потому что я – орангутан! Хоть на один обезьяний прыжок аккумуляторов мне еще хватит.

Я повис на балке, уцепившись все еще могучими орангутановыми конечностями. Мои скромные ноги болтались, словно ватные, над пропастью. И если минуту назад я не желал смотреть в нее, то сейчас старательно пялился вниз. Бросать свое тело надо было только в «десятку». И времени на долгое прицеливание нет, индикаторы силы меркнут с каждой секундой...

Приземление на нижнюю балку оказалось жестким, я едва не раздавил себе «хозяйство», в позвоночнике искрошилась в хлам половина позвонков...

И все напрасно. Гады ползучие, червеобразные биомехи, были и здесь, причем с обеих сторон от меня.

Липкий пот залепил мою спину за пару секунд. На мне две куртки, но попробуй доберись до клавиатуры, чтобы включить охлаждение. Я вообще боюсь лишнее движение сделать, чтобы не смайнать вниз.

Я кое-как иду вперед, со скоростью сантиметр в минуту, ощущая до мозга костей, что НИ ЗА ЧТО не пройду весь путь. А эти злобные биомехи, входящие в «систему распределенного программирования подсистемы безопасности», начинают драть мои ноги вместе с ботинками из «Хэрродс». И даже непонятно, чего мне больше жалко, дорогие ботинки или дешевые ноги.

– Похоже, ты хочешь что-то попросить, но не знаешь кого. Я

могу вытащить тебя отсюда. А ты точно не самоубийца? Я не прочь получить справки от твоего психиатра.

Рядом со мной висел в воздухе виртуальный типчик и весело махал хвостиком. Это был чертик в цилиндре, на котором было написано «Международное кряк-бюро Порта Нигра». Опять он. Сайфир, получается, всегда рядом. Чертик не только махал хвостиком, но еще исполнял что-то вроде «лунного буги».

Я с усилием проглотил слюну и слизь, накопившуюся в горле, и заорал:

– Ты чего, тест Тьюринга не проходил?! Какой там психиатр, я даже у зубного пять лет не был, все клыки в кариесе, в дуплах можно деньги носить. Давай же спасай меня.

– А ты встречал много юридических и физических лиц, работающих бесплатно? – ехидно спросил виртуальный тип. – Если бы ты хотя был женщиной. Снял бы тебя для жесткого садомазо-порно в компании с носорогом.

Да, он меня поймал. Работать бесплатно, похоже, способен только я.

– И сколько стоит это удовольствие? Говори быстрее, потому что через минуту я могу смайнать вниз.

– Извини, мы с тобой не в магазине. Я вне закона и ты вне. Никакие денежные расчеты между нами невозможны, хотя договор мы заключить обязаны. Там будет пункт насчет испытания на тебе одной программки, так сказать, без авторизованной цифровой подписи изготовителя.

– Нет, то есть да!!! – Один из этих биомехов уже пытливо ощупывает вход в мою штанину.

– Так ты согласен?

– Зачем испытывать на мне сразу целую программу?

– А ты как думал? Программа – это не колбаса, которую можно нарезать ломтиками. Еще раз подтверди согласие и ты скорее всего приятно проведешь время. Хотя единственное, что мы гарантируем, – это полное отсутствие гарантий.

Впускать психопрограмму в свою башку – ой как не стоит. Я это прекрасно понимаю, но жизнь-то моя висит на волоске, потому что один биомех почти разобрался с моим крепким ботинком и его сосредоточенная деятельность не вызывала сомнений в том, что вскоре произойдет с берцовой костью. А другой биомех уже отъел кусок штанины.

Я гаркнул «согласен»! И еще раз повторил, для надежности. Через мои боди-коннекторы вошел всего лишь жалкий килобайт внешнего кода. Однако изменилось очень многое. Я подпрыгнул и уцепился за свисающий участок «трубы», раскачался на ней и, не раздавив ни одной гениталии, перемахнул на «балку», которая

была выше и правее. Легко встал на ноги и побежал, будто подо мной была не бездна, а дорога в гастроном.

Бегущий человек был мной, с моей нервной системой, моими мышцами и моей экипировкой, но ему не мешали мои мысли и чувства. Поэтому я чувствовал отчуждение от него. Нет, не какой-то бес управлял моими ногами, руками и другими членами. Но между моим мечущимся сознанием и членами тела появилась некая мембрана со шлюзами нейроинтерфейсов, через которые проходили только осмысленные полезные сигналы.

И опять в мои органы чувств встроился виртуок, который изменил ощущение пространства. Никакому глазному дисплею это не под силу – вход для визуальных данных находился где-то рядом со зрительным центром мозга.

Я воспринимал себя неподвижным центром мира, через который прокачивалась хорошо разваренная и потерявшая жесткость мировая плоть. Плоть возникала из ничего, получая протяженность и вязкость, и снова становилась ничем...

Негр еще раз прыгнул, уцепился, отжался и вскочил на балку, чтобы не медля прыгнуть снова. Сердце скакало по груди, как взбесившаяся белка, ободранные руки горели, пальцы едва не отрывались, но это абсолютно не волновало его.

Искусственная ловкость рук и ног привели мое тело в вентиляционное отверстие, бросили его прямо в просвет между лопастей огромного вентилятора. И это был не последний психопрограммный подвиг. А остальных, черт возьми, лучше бы не было.

6

Могу ли прикрепить ярлычок с гордым словом «Я» к цепочке дальнейших поступков Негра? Вряд ли. «Я» – это ведь не какие-то потенции и возможности, а набор устоявшихся реакций на типичные жизненные обстоятельства. Впрочем, сказать, что дальше действовал «Не-Я» тоже не могу. Негр был мной, но таким, каким я видел себя только во сне.

Негр вышиб вентиляционную решетку и оказался в туалете на сто двадцать восьмом этаже.

Негр помыл руки, отряхнул штаны и вышел в коридор.

Легкой походкой Негр двигался по коридору, в это время ничто не указывало на какие-то отклонения от обычного хода моих мыслей. Ну, иду я себе по коридору, никуда не сворачиваю и не утыкаюсь в стены. Но при том весь ужас отсечен и заархивирован, чтобы не мешал телу.

Негр поднялся на винтовом лифте еще на несколько уровней вверх и оказался в офисе фирмы «Хьюман паблишинг».

– Курьерская боди-мейл.

Хорошо пропеченная в соляриях гренка-секретарша кивнула головой. Внимание «гренки» было поглощено мыльной оперой; в ее зрачках мелькали кадры, спроецированные линзами-дисплеями – Хосе Антонио въезжал на своем жеребце в спальню доньи Люсии. Не тормозя, Негр вошел через открывшуюся дверь в кабинет человека, которого он знал как И.А. Бабаяна, и наложил руки на троды принимающего терминала. Иван Арменович стоял в пяти метрах от терминала и смотрел не на вошедшего, а на стенной экран, где издательская программа создавала обложку новой книжки «Секс с бабуином» из серии «Звериная страсть».

– Чего-то у вас глючит, похоже на неверный формат данных, – буркнул издатель и отсылающе махнул рукой.

Негр уронил на пол шариковую ручку. Это было необходимо, чтобы, наклонившись, выпустить из трофейной капсулы наноцепь «кусари». Она не разрубила Бабаяна пополам, как любят кровожадные мафиози, а нырнула в его вену и резво заскользила в сторону сердца, используя попутное течение. Негр с помощью виртуока следил за движением голубой змейки и без особых проблем управлял ею, слегка касаясь кончиками пальцев виртуального джойстика.

Бабаян шлепнул себя по шее, как при укусе комара, и обернулся к Негру.

– Эй, как вас там, Урман, что вы здесь делаете? – В глазах многомудрого бизнесмена сразу мелькнула тревога.

– Работаю. В смысле подрабатываю.

Продолжения у фразы не было. Виртуок показал, что извивающаяся кусари доползла до митрального клапана Ивана Арменовича и нырнула в сердечную ткань, выпуская по дороге крючки.

Бабаян, охнув, сел на пол и стал хватать воздух черным провалом рта, из которого сразу засквозил древний ужас. «Гренка» прибежала на шум, но в глазах ее была пустота. Отключка любимого шефа явно стала причиной шока.

– Что вы замерли, словно девушка с веслом? У вашего начальника сердечный приступ. Срочно подготовьте рободоктора, он у вас там в аптечке.

Секретарша с облегчением выбежала, и Негр закрыл за ней дверь.

– Иван Арменович, я знаю, что книжка про Грамматикова – это для отвода глаз. Ведь ее главный герой по совместительству является и истинным заказчиком. С вашей активной помощью

главный герой, он же истинный заказчик, находит и убирает людей, которые что-то знают о нем. Лозинскую и Глеба Логойко застрелил шуцман, у которого я нашел вашу визитку.

– У многих шуцманов моя визитка. Я поддерживаю неформальные отношения с представителями власти. Такой уж у меня бизнес, – сказал Бабаян, хватая воздух в промежутках между словами.

– У вас нет времени, чтобы пудрить мозги, ездить по ушам, навешивать лапшу и так далее. Грамматиков нанимал вас?

Глаза Бабаяна сузились словно от боли, и он, скривившись, помотал головой.

– А кто тогда, Иван Арменович?

Бабаян заговорил хоть тихо, но внятно.

– Я не знаю, я с... заказчиком лично не контактировал. Мне звонила женщина из «Ассоциации спонтанных брокеров», потом были переведены деньги от неизвестной мне пока фирмы.

– Вы же понимаете, Иван Арменович, что мне нужен Грамматиков, а неизвестную фирму оставьте себе. Где он сейчас? Вы не могли не собрать информацию о главном герое такой опасной книжки, иначе вы бы не были Бабаяном.

– Мне плохо...

– Как только вы скажете правду, вам станет лучше. Правда полезна для здоровья.

– Я знаю только то, что у него есть вилла на Таити-2, на орбитальном острове. Он проводит там большую часть времени.

– Источник информации?

– Не смешите, – несмотря на смертельную бледность, Бабаян сделал попытку улыбнуться. – С источниками работают первоклассники. А я анализирую информационный фон и определяю то, чего нет, хотя могло бы быть.

– Профессионально, уважаю. Более того, хочу у вас работать. Пожалуйста, зачислите меня к себе в штат, и немедленно; у вас в базе данных, конечно же, есть все сведения обо мне. Поставьте дату приказа недельной давности, затем оплатите мой билет на Таити, эти расходы отнесите в графу «служебные командировки». Мне нужен билет на ближайший рейс из пулковского космопорта. Учтите, Бабаян, я вижу все, что вы делаете, на вашем персональном терминале...

Бабаян зашевелил пальцами, касаясь виртуальной клавиатуры, но они были скорее похожи на сонных мух, которые вот-вот застынут в сметане. Однако ему понадобился едва ли десяток касаний. С легкой трелью завершилась трансакция и терминал выплюнул распечатку инвойса. Десять тысяч РУБЛЕй, ни много ни мало...

– Теперь стирайте оставшуюся в кэше информацию о трансакции.

Негр вывел кусари из сердечной мышцы хозяина литературных негров, за несколько секунд наноцепь вернулась в капсулу. Бабаян не смог порадоваться освобождению своей мышцы, потому что был уже в обмороке. Пошарив в кармане у издателя, Негр вытащил чип-карту с логотипом Манергейм-хауза. Выйдя из офиса, он прошел мимо секретарши, лихорадочно налаживающей многорукого рободоктора, и спустился до гаража на винтовом лифте. Дверь гаража удовлетворилась чип-картой Бабаяна и впустила Негра. А через пять рядов стоял добытый в бою «ирокез».

– Эй, парень, стоп, там на сто двадцать восьмом офисном ярусе что-то случилось. Тебе надо вернуться назад.

Негра окликал взволнованный шуцман, его рука в силовой «чугунной» перчатке лежала на рукоятке пистолета.

– Да, да, я возвращаюсь, не волнуйтесь, пожалуйста, а то может подскочить артериальное давление.

Негр слегка крутанул рукой, выбрасывая кусари. Чугунная рука шуцмана была схвачена петлей, хотя он еще и не знал об этом. Вторая петля легла на ногу шуцмана.

Негр сделал шаг к шуцману и тот, почуяв неладное, рявкнул.

– А ну, замри, руки за голову.

Непослушный Негр сделал еще шаг.

Шуцман дернул пистолет за рукоятку. Петля на руке потянула петлю на ноге. Кусари затянулась и шуцману стало очень больно. Он рванул руку вверх и в одно мгновение затянувшаяся петля разрезала ему ногу.

Серый от шока шуцман стал «складываться», оставляя широкий красный след на бетонной стене…

Запачканного кровью охранника пришлось сунуть на заднее сиденье джипа. Смерть от кровопотери ему не грозила. Уже через минуту кровь остановилась, надув десятка два пузырей. Интракорпоральные нанодоктора, обезвредив микробов, коагулировали в пленку, которая склеила разорванные сосуды. Интракорпоральные микроаптечки высвобождали анестетики. Шуцман вскоре перешел в ведомство Морфея и перестал стонать.

Я рванул со стоянки, по пути лихорадочно стирая кровь со своих рук. Заляпанная трофейная куртка отправилась под сиденье к своему истинному владельцу. На другом сиденье «отдыхал» человек без ноги. Отчуждения от тела больше не было. Ну и наворотил я. Или не я?

Негр – это я или не я? Если он – это не я, тогда кто или что? Психопрограмма с логотипом в виде танцующего чертика? Но

если Негр раз за разом создается психопрограммой, то откуда ж она берется? Из втянутых вместе с воздухом наноинтерфейсов? Маловероятно, оттуда можно получить лишь несколько порций несвязанного кода. Из воскресшего сайфира? Вряд ли. Даже если воскрес сайфир, есть же еще управляющий боди-коннекторами Персональный Процессор. Он ни за что не пропустит тучу непонятных внешних кодов.

Хорошо, давай не думать, ОТКУДА берутся бесы. Важнее то, ЗАЧЕМ они приходят?

Например, затем, чтобы убрать Бабаяна. Иван Арменович, несмотря на свою крутизну, был скорее всего такой же пешкой в чужой игре, как и я. Он был псевдоиздателем для книги, которую невозможно издать. Он сделал свои ходы, и моими руками его убрали с доски. А когда я сделаю все свои ходы, то меня тоже сметут с доски. Но сейчас я все равно должен двигаться из клеточки в клеточку. Только вперед, любая остановка, лишняя рефлексия, интеллигентная задумчивость – и я бледный труп. Да, психика пластична и человек, вынужденный поступать как свинья, привыкает к тому, что он свинья, появляется даже внешнее сходство с этим животным. Но если я останусь на шахматной доске, то у меня возможно появится цапнуть того, кто двигает пешками, за палец. Да я его не просто цапну, я ему всю руку по самые яйца отхвачу!

7

Космопорт имени Понтуса Делагарди [22] был украшен прямо настоящими звездами и галактиками, которые образовывали надпись «Добро пожаловать в высший мир». Глаза пассажиров, в которых ударяли лазерные лучи портала, ответно сияли ярко-зелеными фонариками. Билет был проглочен и теперь его маркеры проходили вместе с кровью по сосудам сетчатки глаза.

Под лучом сканера брызнули сочной зеленью и мои глаза. Красота, признался я, невзирая на мандраж.

Следом запели мои клетки, сверхчувствительные детекторы превращали вибрации протеинов и прочих веществ моего тела в слышимый звук. Замечательно запели. Клетки, пораженные какой-нибудь опасной инфекцией или используемые для хранения подрывной информации, зазвучали бы грубо и неприятно.

Э, как концерт? Техманн [23] в форме работника космопорта словно задумался. Неужто заподозрил чего, жестяная голова?

– Система контроля опознала вас как персону с личным VIP-

идентификатором «Порта Нигра», однако билет был заказан на господина Урмана. Желаете сохранить маску?

Бояться или радоваться? Что это еще за VIP-персона в моем лице? Компьютерный сбой, что ли? Или сейчас все вип-персоны?

– О да, желаю, – торопливо подтвердил я. На самом деле, если копнуть глубоко, я желал только умять хот-дог. Вымотался физически и психически. Изувеченного шуцмана вместе с трупом его коллеги пришлось заталкивать в мусорный бак, а отрезанную волосатую ногу прятать в проезжающий автомат по продаже мороженого. Авось не испортится. По крайней мере на автолавке было написано: «Ледниковый период, который всегда с тобой»...

Скользящая дорожка понесла меня тихой змейкой через километровый путепровод, который изнасиловал мои глаза и уши рекламой недвижимости на дальних планетах. «Не желаете ли купить участок с гейзером на Энцеладе?» Для меня ведь что Энцелад, что ад – это примерно одно и то же. Наконец путепровод по-змеиному изогнулся и проник на пирс номер пять. Осталось сделать шаг и я – в шикарном салоне фидерного борта.

Главное сейчас – не показать себя чужаком. Пройти спокойно, как сэр, через шлюз и усесться в «интеллектуальное» кресло, в котором можно спать, есть, бежать на месте, чуть ли не плясать. Стресс лучше всего уничтожать жеванием. В полуметре от себя я увидел что-то похожее на колбасу – оно было розовое, с кружочками жира. Сразу началось обильное слюноотделение.

– Хей, Мак, рилэкс, или тебья джаст фак ин ас? Мы флай-флай на спейс Таити. Ту ирс я копил мани на этот чертов тикет...

«Колбаса» оказалась частью человека, если точнее его рукой. В полуметре от меня сопел в своем кресле упитанный мужик, похожий на техасского ковбоя: шляпка с загнутыми полями, сапожки с острыми чуть изогнутыми носами и все такое. Это он балакает на кошмарном сленге, который получился из системы тупого машинного перевода и подражания техасским менеджерам проекта «Амраш». И лицо у него типичного амраша – щеки младенца, приклеенная улыбочка. Он смотрит на меня... ну да, с некоторым подозрением; наверное, моя внешность завсегдатая пивного ларька не слишком ложится в формат благополучного космического пассажира.

– Я тоже копил, минут десять. А до этого... было три недели экстремального туризма в трущобах за Обводным каналом, надо ж иногда выбираться с Новосмоленской набережной.

– Ну, чиир, – со здоровым восхищением протянул амраш. После промывки мозгов они чудесным образом утратили зависть и прочие недобрые чувства по отношению к «жирным котам», зато обрели здоровую злобу на врагов «свободы и демократии». – А ты,

Мак, за какую парти, рипабликанс или димокрэтс?

Это он имеет в виду наших «республиканцев» и наших «демократов», две группы заводных циркачей, за которых с усилием, достойным лучшего применения, голосуют не менее заводные амрашы. Чем они отличаются, кроме эмблем, я, честно говоря, подзабыл. Вроде есть какое-то различие по отношению к однополым, бесполым и трехполым бракам и по части добровольно-принудительной эвтаназии «патологически иждивенческих недограждан». Республиканцы, кажется, хотели подвергать эвтаназии тех недограждан, которые никогда не посещали фаст-фуд и не имеют кредитной карты, а демократы предлагали ограничиться тем контингентом, который не закупается в супермаркете.

Горизонтальный старт перешел в вертикальный и ускорение вдавило меня в заботливую полость кресла, так же как и патологически болтливого «ковбоя». Но вертикальный участок недолгий и фидер снова переходит к плавному набору высоты.

– Я за ту партию, за которую голосует наша замечательная генерал-губернаторша Лерочка Найдорф.

Слава прогрессу, психопрограммирование привело к тому, что амраши стали чувствительны к подколам не более, чем рептилии. Так что я смог обозвать эту пидораску еще «гениталией свободы» и «выдающимся борцом за права педофилов и умеренных зоофилов».

– А я голосую за всех по очереди и еще являюсь активистом глобального движения «За удобные кресла».

– Чего, чего?

– Ну ты, Мак, сильно отстал от жизни. В нашем движении уже более тридцати трех миллионов членов, и оно выступает за то, чтобы кресла и стулья в общественных местах и транспорте стали шире на двадцать сантиметров.

– Теперь понял. Вы хотите переделать сиденья всего мира под современную задницу.

– Точно, мы боремся за современные кресла для современного седалища. И мы победим.

Немного высвободившись из пут ускорения, сосед глотнул из бутылки «Бурбон». Я эту дрянь за пятьдесят метров учую, особенно если я натощак. У меня вообще сверхнос, я перегар от соседа по дому даже через стенку ощущаю. Мой сосед по космическому кораблю – явно из какого-нибудь кружка типа «друзей Техаса», в который пристало ходить амрашам после окончания рабочего дня. Там надо набрасывать самонаводящееся лассо на робобычка, объезжать биомеха под названием «конь» и творить тому подобную чушь. Иначе карьеру не сделаешь.

Впрочем, амрашей заставлять не надо. Мотивация у них всегда на высоте Эвереста, а мотивы равняются инстинктам, как у любого порядочного насекомого.

Ковбой глотнул несколько раз. Гордо и громко, как положено ковбоям. Как передовик рекламного бизнеса, получивший за выдающееся втюхивание «музыкальных гигиенических прокладок» билет на космическое родео…

А затем сосед гордо показал мне свой новый чип-паспорт, в котором была указана новомодная национальность «золотой ордынец». Оказывается, быть половцем, скифом-гипербореем или древлянином еще круче, но и с «ордынским» паспортом жить неплохо. Все амраши меняют национальность, чтобы никто не принял их за московитов, неизлечимо больных «имперскими замашками».

– Золотая Орда, даром что Орда, она принесла на Русь цивилизацию, почту, дорожную службу и стастистику. Об этом сейчас наконец можно сказать всю правду, – с чувством законного удовлетворения произнес ордынский ковбой. – Кроме того, Орда вела успешный бизнес с западными купцами, итальянцами разными, отчего в Италии началось Возрождение и все такое. Ты ж понимаешь, это одна из основ великой западной цивилизации.

– Так же Орда через этих возрождающихся итальяшек рабов продавала. Петрарка еще писал про «скифские морды» на улицах Генуи.

Мое счастье, что ковбой в этот момент захрустел пакетом, из которого он выковыривал «усиливающие потенцию» огуречные чипсы. Мое несчастье, что от их гипертрофированного запаха у меня пошла вторая волна слюноотделения, смахивающая уже на девятый вал.

– Мак, ты чего-то сказал про Петрарку, это что, макароны такие?

– Ага, спагетти в поэтическом соусе, для употребления студентами-филологами.

Я посмотрел в иллюминатор, чтобы как-то отвлечься от волеизъявления моей пищеварительной системы…

Иллюминатор большой, просто огромный, он играет с поляризацией и хромофильтрами, спасая глаза от солнечного света, но демонстрируя красоты ближнего космоса. На минутку он дарит по-настоящему острые ощущения. Ты не можешь понять, где верх, где низ, и твой мозжечок отчаянно протестует.

Под «низом» все-таки осознаются стратосферные аэрозоли, разрисовавшие планету Земля на манер граффити. Сегодня много рекламы «особо воздушного попкорна», отчего аэрозоли имеют откровенно съедобный вид.

Прямо по курсу – солетта. Это захваченная в плен и покрытая зеркальной пленкой комета. Ближе к земному экватору словно бенгальские огни – это старты челноков на широтах 40—45 градусов.

Над тобой Кольца Великого Космического Змея, воплощение рыночной благодати. Есть, впрочем, мнение, что инвестиции на создание Змея выкачаны из страны, которая раньше называлась Россия.

Геостационарная голова Змея, если смотреть через инфракрасный фильтр, помаргивает глазками силовых установок и обрамлена плазменными шлейфами промышленных выбросов. Там сосредоточена почти вся энергетика и тяжелая индустрия.

Средние кольца из-за резких контрастов света и тьмы смотрятся как творение Малевича. Геосинхронный хвост Змея, начинающийся с высоты двести камэ, просматривается особо хорошо. В хвосте находится цепочка космических курортов. Они сейчас смахивают на просыпавшиеся с подноса кондитерские изделия. Рядом с Таити, похожем на эклер, бубличное Кюрасао, из-за Таити выглядывает пряничное Самоа, машет хвостиком Гваделупа, конфетная Мартиника ярко розовеет на фоне земной атмосферы, затянутой океанскими циклонами цвета взбитых сливок. Ну и так далее, набор разнообразных космических сладостей, на любой даже самый взыскательный вкус. Тьфу ты, сплошные кондитерские ассоциации…

Самоа, Таити, Гваделупа, Кюрасао, Мартиника соединяются мостами, по которым текут потоки квантовой жидкости. Благодаря этому переплетению острова напоминают ожерелье, которое получил космический Змей себе на хвост в честь заслуг при совращении космической Евы.

– Все-таки ю римайнд ми сомван, – загнусавил сосед, имитируя твэнг [24], – какую-то важную шишку, биг-биг-босса.

– На этот раз ты промахнулся, ковбой.

Для выражения сложных мыслей из последнего номера газеты «The Stock Exchange Truth», ковбой перешел на пиджин-инглиш.

– Ясно, Мак, ты из этих имитаторов, которые с помощью фейс-арматуры и геночипов приобретают облик артиста или какой-другой VIP-персоны. Техманнов, которые подражают кому-то во внешности или поведении, просто уничтожают. А вас, имитаторов, таскают по судам, обязывая, чтобы было не менее трех существенных отличий от оригинала. Это так определено в Identification Act. Если у тебя другой размер яиц, то это не считается, поскольку отличия должны быть видимыми. Так что либо цепляй яйца к ушам, либо жди встречи с адвокатами

разгневанной персоны, которые постараются поставить тебя в позицию попой кверху.

– Да ты специалист в этом вопросе.

– Только не подумай, что я имею что-то против гомиков, они же пострадали от коммуняк, – несколько поспешно отреагировал собеседник. Слушай, а вообще я уважаю чудаков вроде тебя, мы же теперь живем в свободном обществе. Вот я тоже прошел курс лечения от рецидивов маниакально-имперского мышления. Меня лечили с помощью индуцированной шизофрении по современной методике на деньги конгресса США согласно Freedom Development Act. А знаешь, свобода того стоит. Мы ведь раньше, до обретения свободы, кто были? Рабы, в общем, недочеловеки. Кто-то говорит, что мы получили свободу бессознательно. А что, как же мы могли получить свободу сознательно, если у нас сознания не было. Нам до сих пор не доверяют, и правильно. Несмотря на мою приверженность к свободе и эти вот ковбойские сапоги за пятьсот долларов, настоящих техасцев не тянет общаться со мной. На международных тусовках они нам поулыбаются, показывая пальцами на эти вот сапоги, похлопают нас по плечу и бочком-бочком в сторону. Мне это неприятно, но я их понимаю, они ведь чувствуют, что у нас в крови тысяча лет несвободы.

Если этот душный еще пару раз скажет слово «свобода», меня точно вытошнит, и я постараюсь метнуть харчи прямо на него…

– Да что там тысячу лет, ковбой. У нас в крови как минимум миллиард лет несвободы. Наши предки – абсолютно несвободные одноклеточные. А предки техасцев – совсем другие одноклеточные, свободные как мустанги.

– Да, ты прав, Мак, минимум миллиард. Мы, наверное, от каких-нибудь дизентерийных амеб происходим. В западных офисах зайдешь в туалет – всегда чистота и туалетная бумага на месте, трех разных сортов. А у нас около толчка лужа непременно нассана и в ней рулон бумаги валяется, мокнет. И это называется сертифицированные специалисты. Ты ведь не в офисе работаешь, да? Дядя по вызову… А я в офисе, и у нас там теперь как будто все по международным стандартам. Но лужи в туалете остались.

И ковбой принялся ездить по моим ушам, подробно рассказывая о том, как трудится стадо свободных амрашей в рекламном агентстве «Mind Attack». Пишут они только на электронной бумаге, так что все написанное немедленно попадает в службу каталогов компьютерной сети. А в конце дня всю бумагу принято уничтожать, чтобы информация не попадала в посторонние руки. Ввод информации через виртуальную или жесткую клавиатуру фиксируется программой-сниффером. Если

поток сигналов, идущий от работника, слишком неравномерный с большими паузами или лихорадочными ускорениями, то сниффер информирует почти разумный Сервер Персонала. И у него тогда появляется повод для проверок психического и физического состояния работника, что может закончиться лишением сертификата – ведь сертифицированный специалист обязан следить за порядком в своем теле и мозгу. А каждый час у амрашей пятиминутная кофе-пауза, во время которой принято говорить на темы, не касающиеся работы, о гольфе и яхтах, о благотворительной распродаже, средства от которой пойдут потомкам геев, пострадавших от сталинского режима. Не рекомендуется философствовать, умничать, ерничать, использовать малоупотребительные слова, потому что этим ты можешь нарушить международную конвенцию «О предупреждении моббинга и преследования людей по умственному признаку».

Если ты начинающий клерк, то кое-какую важную информацию от тебя припрятывают, и ты должен проявлять настойчивость и даже липкость, чтобы ее добыть. Безвольные люди с иждивенческим сознанием должны остаться в темном прошлом! Время от времени Сервер Персонала проверяет тебя с применением детектора лжи, насколько ты предан корпорации и заодно просить оценить деловые и моральные качества коллег. В этом случае откажись от проявления снисхождения к дамам из своего отдела, несмотря на их прекрасные выпуклости, подпружиненные нанотрубками. Сервер Персонала непременно это заметит и даст тебе по шапке. На корпоративных вечеринках можно немного расслабиться. Но на следующий день ты обязан все забыть, чтобы не пострадал честный деловой климат в офисе. А вообще лучше дружить с телками из другой фирмы. Если даже она нагрянет к тебе в гости, на следующий день Сервер Персонала не начнет выяснять, почему на твоей хате полно старорежимного дерьма: в сортире – книжка про великодержавного цариста Ермака Тимофеевича, на кухне – развалюха-мебель, а в альбоме – фотография дедушки с Орденом Боевого Красного Знамени.

– Но вообще, Мак, я пока не женат, не дорос еще, чтобы заполнять брачный контракт, в котором будет написано, что каждый второй половой акт должен быть в позиции «женщина сверху», а в каждую третью субботу мы должны навещать тещу в доме престарелых и обсуждать ее говенное здоровье. Я лучше съезжу к Балтийскому вокзалу, где сниму трудолюбивую минетчицу, которая за пять баксов старательно отполирует мне сам знаешь что, да еще получит от меня по морде за нерадение. А

теперь, знаешь что?

– Что? – нехотя спросил я, с тоской ожидая новую порцию житейских рассказов.

– Пойду-ка я отолью.

Уф, спас. Лжековбой встал и действительно отправился в туалет «отлить» этот самый «Бурбон», по-прежнему чуждый для генетически русского тела. На соседнем сиденье остался пакет с чипсами, из которого я извлек всего один, однако самый крупный. Он ухнул в разверстый колодец моего пищевода, не оставив о себе никаких воспоминаний. Нуль калорий, ити его налево. Фирма заставляет моего соседа стать стройным и поджарым, как ковбоя с рекламы «Мальборо». Он, наверное, жрет мясо только по ночам, когда все спит, включая его корпоративную совесть... А еще на месте его задницы осталась пара бумажек, выпавшая из кармана по-ковбойски приспущенных джинсов.

Приглашение на «глобальный конгресс по личностным технологиям», конгресс-кратер Таити. И приглашение на конференцию по «реализации прав карликовых свиней, прошедших операцию по перемене пола». Это уже на соседнем Самоа.

Конечно, такие темы по плечу только сертифицированным амрашам. Вон они вокруг. Продукция, изготовленная по программам «American Not Russian» и «British Ruthenia». И не полуфабрикат какой-нибудь, а последняя стадия.

Женщина, смеющаяся каким-то странным смехом уже почти пять минут, – это Идеальный Рекламный Агент. У нее не губы, а большие красные пиявки, которые высосут из любого встречного дурака последние остатки воли; он купит средство для похудения на все деньги, оставив свою семью подыхать с голоду. У этой дамы жилистые руки фаната, которыми она сжимает штабель ярких курортных проспектов, так что еще немного и сок потечет. Ясно, что купаться она будет до посинения, загорать до образования золотистой корочки, плясать на дискотеках под «текно» и прочий «транс» до коматозного состояния, ну и визжать под партнером, так что у него лопнут барабанные перепонки. Она знает толк не только в том, как всучивать товар, но и как потреблять.

Юноша в бандане, с цепочками из чипов и линзами-дисплеями, которые держат его постоянно в мире кодов и алгоритмов – это Гениальный Программист. Он пишет код двадцать четыре часа в сутки, заменив кровь в своих жилах на васкулоидов и стимботов, мама у него – операционная система, а папа – дисковод. У него прямо в стул вделан унитаз полного

цикла, превращающий отходы в хот-доги и сникерсы, так что ему даже не надо ходить в туалет и в магазин. Только пошарь рукой под стулом и лупи по клавишам дальше.

Аккуратный молодой человек, лицо которого вы ни за что не запомните, – это Молодой Брокер-Трудоголик, Завтрашний Миллионер. На груди у него значок с числом «100» – значит, он творит деньги из ничего по сто часов в неделю, он продаст даже воздух, который вы только что выдохнули.

Сухощавый элегантный господин прямо передо мной – это Старый Диссидент, Изнуренный Гулагом, но открытый всему новому. Это у него радостно трепетало сердце, когда американские танки вползали в город (и давили его ближнего).

Все они ударники корпоративного труда, все просто исполняют свой долг, все отлично годятся для декораций таитянского конгресса. Щеки у всех гладкие, зубы, как кубики рафинада, у баб – силиконовые титьки с обложки глянцевого журнала.

Если бы они еще молчали. Но Старый Диссидент уже минут двадцать втюхивает своей спутнице, Идеальному Рекламному Агенту, разные политинформации. Попутно хавает помм-фри, раскрашенный в цвета американского флага, и запивает, порыгивая, энерджайзером. Чавканье и рык перемежаются славословиями в честь борцов за свободу, защищавших мир от порабощения Московией: слава ханам золотой и ногайской орды, турецким султанам и германским кайзерам, Саймону Петлюре и Стивену Бандере. Идеальный Рекламный Агент несколько уже скривилась. То ли у нее стал выделяться желудочный сок, то ли она вдруг осознала, что если бы кровожадные московиты вовремя прибегли к ее помощи, то у них не было бы такого безнадежного имиджа.

Брокер-Трудоголик читает книгу «Гарри Поттер против красного оборотня», которая кончается люстрацией коммунистического монстра при помощи бензопилы. Это настольная книга у всех амрашей. Читатель-трудоголик так захвачен текстом, который был синтезирован сиквел-искином издательства «Экспро», что практически не реагирует на сентенции Старого Диссидента. По этой прискорбной причине почетный ганзейский гражданин оборачивается ко мне, сияя словно бы надраенными глазками-пуговками.

– А вы, молодой человек, как относитесь к «дани покаяния»?

– Это вы мне?

– Вам, вам, милый мой. – В его взгляде сквозит нескрываемый физиологический интерес к «молодым людям».

Вот старый петух. Попробуй скажи, что это просто праздник

для всех вампиров, выдающих себя за «жертв царизма-коммунизма».

Я, кстати, его физиономию узнал по козлиной бородке – был такой узник «совести», которая позволила ему перепрыгнуть из бузящих большевиков в ревностные борцы за свободу.

– Как молодой человек я вот чего скажу. Что нам пятьсот миллиардов долларов? Лучше уж, дедушка, каяться сразу на триллион баксов.

Старикан сверкнул имплантированными клыками и, по счастью, повернулся к робостюардессе, угощающей пассажиров чипсами, карамелью и прочей светящейся, попискивающей, потрескивающей ерундой. А чего она ко мне-то не подходит? Ишь, загребает Кощей. У этого отреставрированного гондона наверняка свежеклонированный желудок. Иначе как бы он мог хлебать энерджайзер цистернами? Сейчас ему в глотку пролилась еще целая ниагара из пива «Хайнекен». Мое счастье, что он такой жадный, иначе бы я мог не выдержать, да что-нибудь сказать про «жертв царизма-коммунизма» типа Саймона Петлюры. Ну и вскоре заиграли бы шуцманы своими кулаками на моих бледных почках и гниловатой печени, а затем отправили бы меня на прием к доброму доктору хану Гирею, который выдает направления в «Элизиум». И не надо никакого суда присяжных. Просто «размер страховых выплат не покрывает стоимости лечения». Такова обычная формулировка для тех, кого правительство Ингерманландии отправляет на «добровольную эвтаназию», принимая на себя «все расходы по обеспечению права личности на достойный уход из жизни». Хотя, конечно, насчет перенимания расходов – это вранье. От каждой личности, «свободно» отправившейся на тот свет, Найдорф и ее команда тимуровцев имеют минимум двадцать тысяч долларов дохода – почки, печень, селезенка, стволовые клетки и так далее по прейскуранту. Все это хозяйство, конечно, не слишком высокого качества, особенно если сравнивать с клонированными в Швейцарии биоматериалами, но для экспорта в Иран да Ирак сгодится.

От созерцания всей этой гущи трижды сертифицированных амрашей мне стало совсем тошно, причем не только фигурально. Я встал и почувствовал чей-то взгляд, воткнутый мне в спину…

В конце салона сидели трое. Трое застреленных. Дворкин, Маня и Вурдалак. Они не смотрели на меня, они что-то читали и жевали, как призраки с хорошим чувством юмора. Наверное, завоют и сделают козу только в конце спектакля, в темном помещении, без лишних свидетелей, потому что обитателям сумеречного мира реклама не нужна. Я проглотил застрявший в горле ком – давай-ка, брат, без привлечения сверхъестественных

сил. Просто мои... пули Негра не причинили им особого вреда, или петронезийская медицина по-быстрому заштопала их. Но почему они здесь, в небесах, эти люди, живущие на самом дне, в Петронезии?.. Маня неожиданно зыркнула на меня, отчетливо сверкнули белки африканских глаз. В моем солнечном сплетении от ужаса нарисовалась черная дыра, даже зрачки расфокусировались. Но когда я снова смог бросить дрожащий взгляд в конец салона, то увидел лишь три пустых кресла – и в изнеможении упал на свое место.

Все ясно, глюки.

Тонкая женская рука протянула мне платочек – вытереть пот со лба.

В соседнем кресле на месте заблудившегося ковбоя появилась зеленоглазая женщина ослепительной эльфийской красоты! Я подумал – очередное видение, но она охотно пустилась в разговор со мной. И даже сказала мне, что у меня – лоб мыслителя. Надо ж, нашла, чем потрафить герою помоек. Знал бы я про свой лоб раньше, сел бы на большой камень, подпер свою голову рукой да позвал бы скульптора Родена! Ваяй, Огюст, пока не поздно. Если бы эльфийка сама не призналась, что является декоративным техманном, который обязан развлекать скучающих пассажиров и что ее лучше не трогать руками, то у меня и дальше краснели бы щеки, как у пацана. Техманн, конечно, это много лучше, чем заводная амрашка. Но все равно не знаешь, как вести себя с эльфийкой, которая то ли олицетворение вечной женственности, то ли машина, прошедшая тест Тьюринга. Она и похрустывает иногда, как тот самый огуречный чипс.

У меня опыта общения с техманнами практически никакого. В районе Обводного канала они, правда, появлялись под видом мормонов и прочих проповедников в строгих черных костюмах. Но эти «мормоны» только к девкам цеплялись, мол-де: «Бог любит тебя и хочет вручить тебе ключи от кадиллака и мужа-менеджера». А потом девки становились суррогатными матерями. «Мормоны» им при первом удобном случае вводили эмбриона для выращивания. Потом выяснилось, что хоть техманнов-извращенцев и подослали настоящие мормоны из штата Юта, но ответственности за это не несут – ведь конгресс США принял акт «Об особой подсудности в зоне внедрения свободы».

А эльфийка мне такого еще наговорила, что я подумал: она мне тоже эмбриона собирается подсадить, вот и ездит по ушам. Чего-то даже спросил ее, замужем ли она. Ее, конечно, этим не смутишь, она мне стала рассказывать про свой развод... Ее экс-мужем был техманн, который работал психоаналитиком на космическом курорте «Гваделупа-3». А теперь она собирается

замуж… я замер… за борт-компьютер лайнера «Мадлен Олбрайт»… от этой новости я вообще отпал. Потом она познакомила меня со своей дочуркой. В натуре! Рука ее нырнула куда-то под модный жакетик – глубоко нырнула, в тот район, где у нормальных женщин располагается матка, – и вытащила оттуда яичко. В общем, вытащила эллипсовидный предмет – в нем располагалась дюймовочка, которая бодро пропищала мне: «Здравствуйте, как поживаете?»

От страха и смущения я уставился в иллюминатор, который выдавал очередную порцию красот.

Спейс-остров Таити, недавно бывший пирожным эклер, теперь уже был похож на плоскую дискообразную Землю в представлениях средневековых людей.

Моя внутренняя система координат опять запуталась и стала творить чудеса.

Таити как будто висит прямо над моей головой. Просто сковородка, которая опрокинулась вверх дном. За голубой дымкой атмосферы, удерживаемой диамантоидным небосводом, видно что-то, напоминающее яичницу зеленоватого цвета. Может, это лагуна! У всех курортных островов есть лагуна, а в ней вода из растопленной кометы. Это даже я знаю. Заметны и скопления декоративных хижин ближе к стенкам «сковородки», похожие на гречневую кашу.

Становится неуютно. Ощущение, что все это хозяйство может вывалиться тебе на голову, начинаешь инстинктивно поджимать шею.

Но «сковородка» продолжает вращаться вокруг оси, проходящей через ее изогнутую ручку, так что вскоре мир Таити передо мной, как картина на стене.

Роль южного солнца играет солетта, находящаяся в центре оси вращения. Она отражается в воде лагуны ярким золотым пятном, напоминающим о глазунье, и замазывает насыщенной голубизной неглубокую атмосферу космического острова… Эх, глазунья, глазунья…

«Добро пожаловать на небо», – шепчет бортовая акустика. Значит, мы уже прибыли.

Челночное судно пришвартовывается к пирсу, который проходит по «ручке сковородки». Едва подводят трап и открывают шлюз, я бегом на выход, будто меня там встретят родные алкаши с воблой и пивом. Поспешил и едва не кувыркнулся. Искусственная сила тяжести на острове где-то «0,7» и здесь поначалу без эквилибристики не обойтись.

По пирсу проходила дорога со старомодным на вид паровозиком – чего стоят открытый бункер и искусственный

дымок, который то вылетает из трубы, то игриво прячется обратно.

В вагончике с приятными латунными ручками и дубовыми скамеечками я устремился подальше от ковбоя и оказался в толпе техманнов, создававших местный колорит. Когда я случайно задел локтем ближайшую смуглянку, почувствовалась тонкостенная основа и гелевые амортизаторы, да и звякнуло-бренькнуло что-то. Ей это не помешало хихикнуть и предложить мне «массажные услуги». А потом ее и вовсе нельзя было остановить. Хихиканья вперемешку с интересными предложениями превратились в сплошное блеянье, у меня даже заболела голова, как при интоксикации. Не думал, что техманны могут быть такими вредоносными.

Паровозик, наконец, выехал из тоннеля прямо на берег лагуны, обрамленный пальмочками. Амраши легкой стайкой сыпанули из вагончиков на песок. Стайка была действительно легкой, несмотря на конкретные животы и задницы. Далеко на Земле осталась конкурентная борьба и неравенство в социальном положении. Здесь, на демократических небесах, все амраши были равны.

Я тоже шагнул на песок, и мои осенние ботинки показались странными на его фоне. «Все песчинки абсолютны одинаковы и имеют правильную тетраэдрическую форму, на одной из граней непременно присутствует логотип фирмы Sandkasten GmbH», – восхищенно прогудел кто-то за моей спиной, видимо, пляж установил с ним близкосвязь через боди-коннекторы в пятках.

Мой тренированный нос подсказывал, что далеко не все запахи были натуральными. В лагуне слегка мочил борта легкий клиппер, непонятно каким ветром были надуты его паруса. В натуре же стоял полный штиль. Непривычная геометрия все еще мутила мозги – и клиппер, и парусники, что подальше, казались не плывущими по воде, а парящими в голубоватой дымке. Дымка переходила в интенсивную лазурь небосвода, где время от времени вспыхивали рекламные слоганы.

Объемное изображение пышногрудой джинни и надпись «Эскортные услуги в стиле тысячи и одной ночи» продержалось на небе секунд тридцать.

А за искусственным небосводом просматривалась Земля, похоже, даже ледяная Сибирь, из сосцов которой жадный теленок мистер Грамматиков тянет черный углеводородный сок.

К ненормальной силе тяжести я вроде приспособился, хоть она иногда отзывалась то легкой дурнотой, то ангельской легкостью. Сложнее было приспособиться к тому, как выглядят прогуливающиеся вокруг люди. Благодаря скачущему движению и

упитанности они напоминали мячики. На их лицах застыли улыбки безмятежности. «Высшей формой веселья является всеобщая радость, что требует надлежащего организационного, информационного и технического обеспечения», – вспомнил я одну из фраз ковбоя. Я сознавал, что мое лицо, страдающее от Weltschmerzen [25], выделяется из общей массы, и это было опасно.

По счастью, около меня остановился рикша-техманн с приятными глазами-маслинами, в которых подрагивало просительное выражение.

– В гей-клуб, господин Порта Нигра? – поинтересовался он.

Порта Нигра? Ах да, Порта Нигра – тот самый личный вип-идентификатор, который мне присвоили в космопорту Пулково. Гей-клуб? Чего это он, охренел, что ли, жестяная голова. У них, что ли, свобода совести совсем уж победила совесть?

– Послушай, любезный, ты меня с кем-то путаешь. Я же не в трусах в цветочек. А озабоченный вид у меня, оттого что я только вот прилетел.

– Тогда вам в отель, господин Порта Нигра. Что вы думаете о «Ройтер-хюйс»? Я прямо сейчас забронирую вам номер. Или вы сразу собираетесь на круизный лайнер «Мадлен Олбрайт»? Вообще-то он вернется обратно через пять земных суток, так что можно не спешить. Я правильно выбрал языковой интерфейс? Анализ характерных точек вашего лица выдает жителя Рутении или Ингерманландии.

А этот «железный дровосек» хоть и тараторит, как латино, но в антропологии сечет не хуже гестаповца.

– Хюйс так хюйс.

Главное, чтобы не сегодня расплачиваться. Я забрался в коляску, и рикша побежал с ровной скоростью тридцать камэ в час. Из его корпуса время от время доносились поскрипывания каких-то механизмов. Как все существа с трущимися и крутящимися деталями, он нуждался в регулярной смазке.

Сквозь голубизну искусственного неба теперь просматривались очертания огромной «Мадлен», которая приближала свое, так сказать, лоно к главному пирсу острова, выглядящему, прямо скажем, как исполинский фаллос.

Чуткие сенсоры рикши перехватили мой взгляд, и на экране, напыленном на его шоколадную спину, появились характеристики лайнера. Длина – два километра, диаметр – полкилометра, вместимость – сто пассажиров в первом классе, двести во втором, триста человек обслуги, не считая техманнов и антропоморфных биомехов. Следующий порт назначения: Нью-Нью-Йорк во втором кольце большого космического змея.

Просторно там пассажирам, хоть скачи. Будь я вольной птицей, то, конечно, предпочел бы сесть на мадам Мадлен, а не ехать в «хюйс»...

За благоухающими сгущениями рододендронов исключительно октаэдрической формы (наверное, бедные деревья напичканы энзимоботами) нашелся уютный городок, именуемый Папеэте-2. Домики, напоминающие цветы, в сущности, были разросшимися наноплантами. Городок продолжался и за линией берега – в воде плавали дома, стилизованные под кокосовые орехи и соединенные паутинкой мостков. Несколько протестантских церквей в виде белых геодезиков не портили пейзажа, поскольку напоминали яйца птицы Рух... Между землей и небом было еще несколько жилищ, которые я сперва принимал за облака – надутые из диамантоидной пленки, они медленно летели по какому-то кругу... А тут сам рикша непринужденно поднялся в воздух и практически невидимая дорожка доставила меня к дверям моего номера в отеле колониального стиля.

Здесь все было, как у голландского плантатора в Ост-Индии. Стены из мореного дерева. Потолок, стоящий на резных столбах. Светильники в нишах. Кресла, сплетенные из джута. Комод с окованными краями и хитроумным замком. Ружье занюханного века на стене, аж с фитилем. Картина Брейгеля «Слепцы». Я, кстати, уважаю голландских художников, потому что таскался по Эрмитажу, когда другие пацаны гоняли мяч и шайбу. Картина, как настоящая, потому что является результатом поатомного копирования с оригинала. Упс, «Слепцы» поменялись на босховский «Рай». Да и масло в светильниках не дает копоти. Так что, старина стариной, а комфорт превыше всего.

Интересно, какие еще здесь развлечения? Я не жадный до удовольствий, но пять лет существования ниже уровня сортира могут выработать некий интерес к прелестям жизни. В коробочке из сандалового дерева на столе – сигары. Нет, я со своей хлипкой дыхалкой не потяну. А где кнопка вызова услужливого персонала?

Ага, хлопнул в ладоши и появилась горничная, то есть техманн в белом переднике, с белокурыми прядками, выбивающимися из-под белоснежного чепца. Этакая барби с подносом. На подносе кофе, в настоящести которого невозможно усомниться, плюс несколько одурительно пахнущих венских пирожных и берлинских булочек. Берлинеры так хороши, что я становлюсь римским императором в час триумфа. Правда, только на минуту. Интересно, входит в обязанности этих барби доставать «тормоза» и вызывать девушек для важных клиентов? Или важным клиентам незачем «тормозить», да и девушки к ним сами

приходят...

Мм-мм, а если саму эту барби повернуть как надо, задрать ей коротенькое платьице и отдуплить по рабоче-крестьянски. Как пишут в титрах фильмов: ни одно живое существо при том не пострадало... Я отогнал постыдную мысль, умаляющую мое человеческое достоинство, хотя там умалять давно уже нечего. Может, у нее вообще на месте пампушки сигнализация или же охальники-папарацци вмонтировали туда видеокамеру.

– Может быть, еще что-то желаете? – вкрадчиво поинтересовалась барби.

– Ступай к себе в коробку, – отослал я ее от греха подальше.

Предотвратив развратные действия со своей стороны, я выглянул в окошко. Стекло искусно поглощало свет, отражаемый местной атмосферой, и создавало контакт с космосом. «Таити» плыл над грядой земных облаков нежно-розового цвета и вместе с другими космоостровками сейчас напоминал парусную флотилию.

Мое несколько напряженное внимание привлек столик, где с нарочитым шуршанием пылинки коагулировали в записочку. Записочка оповещала о заседании «конгресса по личностным технологиям», уже через полчаса выступала какая-то важная шишка из ООН. Хм, хорошо, что я не нажрался тормозов и не кинулся насиловать барби, иначе бы уже превратился из подозрительного человека с «имперским сознанием» в абсолютно безвредного идиота, которому автоматически вчинят иск о порче чужого имущества.

Едва я вышел из дверей «хюйса», как около меня затормозил очередной робо-рикша с приятно-шоколадным лицом.

– В конгресс-кратер, господин Порта Нигра? Или, простите, вы не господин Порта Нигра? Я пытаюсь сличить ваш образ с имеющимися в базе.

– Не надо ничего сличать, гони в кратер, брат по разуму.

И он погнал, распевая по дороге арию Хозе из оперы Бизе. Надо признаться, он угадал мои вкусы.

– Арию Кармен тоже можешь?

– Могу, мой господин. В меня заложен репертуар ста лучших сопрано, теноров и баритонов.

8

Конгресс-зал был устроен в заросшем зеленью «кратере потухшего вулкана».

Три стены конгресс-зала были образованы вьющимися

растениями с синтетическим геномом – на вид буйными лианами. С южной стороны стояла стена с переменной прозрачностью, в которую смиренно светила никогда не заходящая солетта.

Легкое дрожание и мерцание воздуха указывало на то, что огромный зал сверху защищен аэрозольным слоем наностражников.

Там и сям были непринужденно расставлены сиденья, принимающие индивидуально удобную форму. Кое-где сидели техманны, выделяющиеся кукольными чертами лица, но амраши и амславы составляли основную массовку на мероприятии. Для политкорректности к ним были добавлены представители третьего мира, а также представители «генетических меньшинств»: дауны, олигофрены, а также люди, страдающие анорексией и булемией.

Лично я выбрал себе местечко среди представителей меньшинств, чтобы не слишком бросалась в глазах моя негладкая внешность. Но, прямо скажем, сосед, страдающий булемией и потому все время жующий, представлял серьезное испытание для моей психики. Запахи куры-гриль убийственно воздействовали на мой организм, вызывая разжижение мозга и восстание желудка. Хорошо хоть, что акустическая система, встроенная в стулья, была настолько совершенной, что я не слышал булемического чавканья. Вот и речь докладчика, престарелого вождя с Берега Слоновой Кости, несколько раз сбивалась на кашель, что было заметно по содроганиям его тела, однако акустическая система изливала лишь непрерывный сладкий баритон с оксфордским прононсом.

Потом освещение сцены несколько изменилось и на ней в ореоле из платинового света словно сконденсировался высокий человек с римским носом, в простом свитере без ворота, излучающий мощь превосходящего разума из глаз.

Сам Огастес Октавио – пронеслось по травяному конгресс-холлу. Председатель комитета ООН по распространению свободы, он же госсекретарь США и, по сведениям давно уничтоженных боливарианских сайтов, великий магистр ложи «Омега», закулисного правительства Земли. А согласно программе конгресса должен был выступать лишь его заместитель по ооновскому комитету.

«Сам» говорил тихо, но благодаря акустике казалось, что он стоит лицом к лицу с тобой. Никакого вычурного оксфордского прононса, никаких аристократических подвываний. Простое и четкое произношение сержанта из Форт-Брэгга. Именно так должен говорить цезарь, который лично разложил страны и народы на аккуратные кирпичики, из которых лично составил

новый мир под звездно-полосатым небом: мир гладких автострад, придорожных фаст-фудов, чистых мотелей, джук-боксов и девушек в джинсовых шортиках.

Тем временем у моего соседа, страдающего булемией, в руках сама разогревалась кура-гриль, начиненная пиротехническими элементами.

– Леди и джентльмены, этот конгресс и в самом деле посвящен личностным технологиям. Сейчас я хотел бы вместе с вами рассмотреть вопрос возникновения личности в техносфере, в искусственных мирах, которые мы создали и которые нас окружают со всех сторон. Надеюсь, вы заметили, что живете в неестественно благополучном мире, где никому не позволено внезапно выдернуть из-под вас табуретку. Давайте рассмотрим три основных варианта развития техносферы...

– Первый. Социальная система остается прежней, в ней преобладают инерционные моменты. Развиваются лишь инвестиционно привлекательные, приносящие максимальную прибыль технологии. Все это напоминает обеды у тещи, когда вам раз за разом подают одни и те же пироги, но с разной начинкой. Техносфера остается достаточно фрагментарной, поскольку ориентируется на запросы массового потребителя. Ему можно привить новые потребности, но нельзя изменить базовые инстинкты. В этом варианте мы получаем замечательную технологию виртуализации, когда реальный мир заполнится виртуальными персонажами, а Сеть, напротив, будет населена цифровым двойниками реальных объектов. Само собой, будут развиваться ультрадисперсные системы контроля за здоровьем и окружающей средой.

– Второй. Специалисты, финансируемые из бюджета, умники в потертых вельветовых штанах, создают систему мощных искусственных интеллектов, которые и будут заниматься дальнейшим развитием техносферы, делая ее всеохватной и вездесущей.

Под эти слова на голографических экранах возникли потрясные образы светлого будущего, где техника под управлением искинов заменила собой все. Дома-дороги-деревья-животные-роботы-корабли-недра-суша-океаны-атмосфера – все это сплелось, как на картинах художника Эсхера, и интегрировалось в одну огромную разумную машину под названием Земля.

Мой восхищенный сосед на какое-то время перестал страдать от булемии и даже прекратил жевать куру-гриль.

– Господа, надеюсь, у вас не рябит в глазах от этих апокалиптических картин. Их придумали и нарисовали

отчаянные парни, прозываемые «камикадзе Броуновского Движения». Есть такая фирма в Бакиболловой долине, где все сотрудники пожизненно подключены к нуклеиновым процессорам и даже питаются вместе с ними одной едой из ближайшего фаст-фуда...

– Мы остановились на третьем варианте. Он похож на второй, но есть одно существенное отличие. Суперспециалистам только кажется, что они контролируют развитие высоких технологий. Со временем искусственные интеллекты переходят к самостоятельному определению целей и попросту начинают играть специалистами. Наша научная элита в своих интервью по телевизору продолжает сыпать разными умными словами, из которых становится ясно, что она уже давно ничего не понимает. В конце концов, искусственные интеллекты интегрируются в единое технобожество. И что самое неприятное в этой истории, это технобожество, возможно, захочет нейтрализовать нас, чтобы мы навсегда оставили его в покое.

По травяному залу прошел сдержанный шум, вышколенная публика демонстрировала удивление с умеренной примесью страха.

– Вы, естественно, хотите спросить меня, а что по большому счету нужно интеллектуально развитой техносфере? Отвечаю – тело, воплощение. Да, основным вопросом для искусственного интеллекта является поиск для себя тела. Никакой интеллект не согласится быть навеки запертым в тесной коробке, находясь в унизительной зависимости от техников, программистов и примитивных обслуживающих систем. Зайдите на минутку в кабинку туалета, выключите свет и представьте себя на его месте.

– Вообще имеются два основных способа создания сложных материальных тел, которые называются – «жидкой» и «сухой» технологиями – в зависимости от типа дисперсионной среды. «Жидкие» технологии – это, между нами говоря, любимые игрушки плохих парней, которые регулярно спускают в канализацию разные подозрительные жидкости, то есть коллоидные растворы, в которых плавают наносерверы, наноассемберы, дизассемблеры, способные реплицироваться и делать еще массу плохих вещей. Хорошие парни тоже используют «жидкие технологии», в частности, для создания исследовательских демонов в подледных океанах на спутниках Юпитера. Но этим телам явно не хватает структурной сложности, да и контроль качества слабоват.

В такт словам мистера Октавио из лагуны донесся трубный зов. А потом послышался грохот многотонного тела, выпрыгнувшего из воды и свалившегося обратно.

Мой сосед-булемист от испуга уронил на пол куриную ногу.

– Он еще щенок, честно… «Сухие» технологии – это каскады механохимических конвейеров, которые так выстраивают атомы, молекулы и кристаллы, чтобы они имели нужные нам свойства и функции. Вы, наверное, видели на выставках небольшие фабрики, похожие то на чемоданчики, то на черепашек – каждая, кстати, стоимостью по миллиону долларов. Дерни за хвостик, и они одарят вас поатомно собранной конфетой стоимостью десять центов. Но на самом деле вершиной таких технологий является трехмерная печать, и мы по праву гордимся принтерами корпрорации «Free Androids», на которых можно напечатать почти все, от вируса до человекоподобного существа.

В такт словам Огастеса со сцены уплыло несколько розовых кустов и открылся небольшой цех, расчерченный лазерными лучами на сектора.

– Все похоже на то, как обычный принтер печатает чертежи на бумагу, только здесь квантовые нити и точки наносятся на условно плоский органический слой. Каждый слой форматируется необходимым образом и накладывается на предыдущий. Затем этот «блин» сворачивается и дополнительно прошивается необходимыми управляющими структурами уже в трехмерном формате. Шумит такой принтер, кстати, не громче, чем обычный.

Слой за слоем из нанопринтера выплывали и укладывались в аккуратную стопку органические листы, мерцающие квантовыми точками и нитями. Лазерные скальпели где надо сшивали и вырезали ненужную основу.

Потом плоский техманн был, как блин, накручен на прозрачную трубу и стал почти что комом.

Цилиндрическая фигура при помощи плавной, но быстрой трансформации превратилась в человекоподобную.

Сквозь полупрозрачные листы был теперь виден каркас техманна, который отчасти напоминал скелет человека, отчасти хитиновые покровы насекомого, да еще и куча всего остального – органические сервомоторы, силопроводы, мягкие чипы контроллеров и процессоров, жилки информационных магистралей, гелевые амортизаторы…

И вот уже техманн раскрыл рот и оттуда вытекло пару слов вместе с зеленоватой васкулоидной жидкостью.

Публика захлопала, а когда техманн произнес по-русски: «Давай, давай», то и засмеялась, а госсекретарь мистер Октавио, выждав ораторскую паузу, продолжил:

– Тело, которое мы получаем в итоге, – это сложный биомех, способный потреблять, выделять, регенерировать и, кстати,

размножаться, используя вложенные в него нанотехнологические конвейеры. Так что, если даже все нанопринтеры на свете будут уничтожены, популяция техманнов не уменьшится.

Октавио обернулся к свеженапечатанному техманну и произнес по-русски почти без акцента:

– Ну, дружок, и ты давай.

Техманн с готовностью присел, просунул руку куда-то к ягодицам, завибрировал от пояса и дальше – и в его ладони появился сгусток, который уже полминуты спустя напоминал игрушечного шпиона. Гомункул был ростом не более двадцати сантиметров, но в плаще и в черных очках. Мелкий шпион направил указательный палец на «папу», пропищал «пиф-паф», а потом «сдул» воображаемый дымок с дула воображаемого пистолета – совсем как сенатор Маккейн.

– Увы, наш герой никогда не сможет осознать себя и никогда, по собственной воле, не прижмет к груди свое дитя. На это способен только настоящий организм, в котором существует изначальное единство материи и информации. Друзья мои, гляньте друг на друга, вы и есть воплощение этого единства, но не всем так повезло.

– Кто раньше создаст сознающее себя тело? Мы или саморазвивающиеся нанотехнологии в виде упомянутого мной технобожества? Или, может быть, не важно кто. А важно, чем оно станет в силу эволюционной неизбежности? Добрым другом человечества, титаном Прометеем, который принесет нам новый огонь? Или сатаноидом, враждебным нашей глобальной демократии? Даже один такой сверхчеловек превзойдет всех нас своими разрушительными способностями, потому что он будет един с всеобъемлющей техносферой, от огромных космических заводов до мириадов наноразмерных существ. Ему не будет нужен наш демократический порядок, который мы с такими трудами и жертвами построили за пятьсот лет. Он вернет человечество в темные века, в феодализм, во времена всех этих иванов-грозных и натурального хозяйства. Унылый крестьянин будет выращивать на своем коллоидном или гелевом наноогороде съедобную плесень и примитивные изделия для быта и ни о чем большем даже не помыслит.

Огастес Октавио взял небольшую эффектную паузу, потом выдал в тяжелую тишину зала:

– А вдруг сверхчеловек уже среди нас? Дамы и господа, приглянитесь друг к другу, ничего такого не замечаете?

Публика стала машинально озираться, инстинктивно высматривая сатаноида, и мне почему-то стало не по себе. Мои соседи по ряду, папуас и булемист, посмотрели на меня.

Юморной представитель южных морей сказал: «Пока его не вижу. Но увижу – съем». А человек, страдающий булемией, с готовностью облизал жирные губы, а потом, что-то вспомнив, стал искать на полу потерянную куриную ногу.

– Нас не может не пугать такая перспектива. Мы привыкли вламываться в разные темные комнатки по всему миру и включать свет, громко спрашивая: «А что это вы тут делаете?» Но есть такие подвальчики, куда не влезешь, потому что мы с ними существуем как бы параллельно. Нам не раскрыть интриги, если она плетется в фейнмановской глубине, на уровне квантовых суперпозиций.

Как мне показалось, зал, состоящий из амрашей, брутов [26] и амславов, особо по этой теме переживать не стал. Они приняли доклад просто как информацию «к сведению», nice to have, но не более того. Даже байка про этого кошмарного сверхчеловека прошла по периферии их сознания, там, где гуляют страшилки из фильмов ужасов. Самые тупые из слушателей залопотали, что госсекретарь готовит общественное мнение к тотальной борьбе против нанохакеров и наноцистов. Возможно, Огастес Октавио специально подобрал такую аудиторию, чтобы не распугать тех, кто действительно может испугаться. Но, с другой стороны, уровень стратегического мышления амрашей его явно не порадовал – и на римском лице лидера напоследок отразилось некоторое неудовольствие. Или презрение. Ореол, окружающий цезаря, погас, и он исчез так же скромно, как и появился.

А затем была фуршетная часть, вызвавшая законное воодушевление у публики. Говорящие птифуры и что-то вкусное с подмигивающими глазками (глазки-то лучше не есть, как посоветовал один их жующих, они и в животе моргать будут). А вот девушки на фуршете не в кайф, все те же амрашки с деревянными лицами, рыбьими ртами и жадными глазами. Пусть их буратины-амраши удовлетворяют. Эх, если б хоть официантки были настоящими бабами. Ан нет – фольга, набитая микрочипами.

– Простите. – Левее левого уха зашелестела какая-то дама с огромной голубой прической а-ля аэродром. – А извините, я ошиблась. Но вы, пожалуй, на него похожи.

– А вы уверены, что я – это я, а не он?

– Теперь уверена, ведь он наверняка греется на солнышке в своем Нановилле. Хотя его яхта действительно здесь, на пристани.

На пару минут меня охватила тревога, такая, что с места не сдвинуться; руки, ноги, грудь – словно пустые трубы, по которым разносится стук одинокого маленького сердца. Тревога, сравнимая с той, которую испытал я в детстве, когда понял, что ВСЕ люди смертны. Сегодня, сам или не сам, я лег на абсолютно необратимый курс. У меня нет возможности подумать, посидеть под пальмой, жуя банан, нет даже пути назад... И пусть мои действия давно за гранью кретинизма, сейчас я должен взять эту яхту на абордаж. Мне ведь сегодня фартит, я накопил столько неиспользованной удачи за пять лет, это мегатонное везение уже перебросило меня с питерской помойки на заоблачный курорт и несет все дальше...

Я сбежал по южному склону «потухшего вулкана» к лагуне и, пройдя пружинящим курортным шагом по пирсу, нашел небольшую яхту с гордой надписью на корме «Порт приписки Нановилль». Не беря никакой паузы на рассматривание и размышление, соскочил на ее палубу. В этот момент я сильно рисковал здоровьем. Но яхта не ударила меня разрядом, не скрутила антиугонной сетью! Она приняла меня как своего.

Удивительно, но на этой яхте не было никакой автоматики, управляющей отшвартовкой, якорем и парусами, что давно уже стало нормой для любого парусного сужа. Пришлось все делать руками – хорошо, что имелся некоторый навык с тех давних времен, когда я был сытым доцентом. Совсем упарился, поднимая грот. Но когда гордое полотнище развернулось над головой, «ветер кончился», словно кому-то помешал сквозняк. Я с тоской посмотрел на бессильно висящий импотентский парус, и в этот момент яхта отошла от пирса – словно под действием полтергейстов и прочих неестественных сил.

Я обыскал всю яхту, чуть не разобрал ее на ходу, но не нашел ничего похожего на мотор. Даже каютка нашлась, а вот машинное отделение – нет. Но яхта же так или иначе выполняет какую-то навигационную программу. И если у нее нет собственного двигателя и парус висит, как полотенце на крючке, значит... ее несет внешняя гидродинамика. Я свесился через леер – теперь заметна полоса более темной, как будто маслянистой жидкости, которая не смешивается с остальной водой. Эта полоска, наверное, и есть фарватер для моего суденушка.

На голографическом дисплее, возникшем в районе фактически декоративного румпеля, появилась карта с проложенным курсом. Яхту несло к ажурному акведуку, который уходил на соседний космический остров Самоа-2.

Я стал лихорадочно искать маршрутный чип, по новой перерывая яхту. Догадался свинтить медную табличку «Порт

приписки Нановилль» – а за ней скромная пластиночка, украшенная шевелюрой из световодов. Вырвал ее с «волосами», швырнул за борт, как Стенька Разин свою княжну.

Яхта перестала плыть куда не надо. Минут на двадцать она застыла, как дохлая муха в киселе. Потом, похоже, началось проветривание острова и парус слегка надулся. Ну что ж, вперед! К белому пятну на карте, обозначенному как «Владение Нановилль». Я неловко переложил гик, едва не вылетев за борт, и поплыл по тихой затянутой маревом воде, что навевало ассоциации с Бермудским треугольником и его сюрпризами...

– Простите, сэр. Это граница частного владения. Если вы приглашены к обеду, покажите вашу визитку и переоденьтесь в смокинг.

Слова исходили не от лодки, а от фоглетового «лучезарного существа», которое скоагулировало [27] над поверхностью воды. Очертания туманного существа были зыбкими, нечеткими, но угадывались бакенбарды и ливрея лакея. Значит, я попал по адресу. Однако, если я не покажу смокинг и визитку, система безопасности может выплюнуть на меня стаю кровососущих орнитоптеров и парочку сторожевых акул в придачу.

На несколько секунд меня ослепила вспышка. Дыма нет, значит, это не взрыв, а сканирование моей сетчатки.

– Простите, сэр, что не сразу распознал вас. Доступ открыт, – сказал фоглетовый лакей и рассеялся, чтобы не выглядеть назойливым. «Распознал»? Опять я кого-то напоминаю?

Вскоре из марева появился дом на сваях в полинезийском стиле. Над домом витало еще одно аэрозольное облачко, по форме и цвету, как зефир, с кремовой надписью «Усадьба Нановилль». Я завел швартовый конец на одну из свай, и он мигом примагнитился. А дальше нестыковочка: пришлось долго карабкаться по облепленному водорослями столбу – пирс был предназначен для причаливания королевских яхт с высокими бортами.

Отдышавшись, я выпятил нижнюю челюсть утюгом и дунул в дом. Сперва прошел через большую комнату, обставленную по принципу всех нуворишей: «Смотри, чувак, чего у меня есть». Иначе говоря, в обстановке четко просматривалось коллекционное направление.

Полинезийские и папуасские демоны. Идолы с членами, что твоя монтировка. Высушенные головы. Среди этих «сухофруктов» видна звезда коллекции – голова белого господина, душу которого сейчас всласть терзают туземные божки. Повсюду лежат ассегаи и всякие ножики, которыми дикари пытались поддеть цивилизаторов. По углам разложены калебасы-барабасы,

курильницы-кадильницы и прочие вещи, насилующие мой сверхчувствительный нос. Крыша лежит на полинезийских столбах с резьбой фаллическо-языческого типа – сплошное порно снизу доверху.

Когда я перестал глазеть на бесстыжие столбы, то сразу почувствовал – за мной внимательно наблюдают. Это быстро перевело мои нервы в состояние натянутых до предела струн. А потом кто-то метнулся за тростниковой перегородкой. Я вздрогнул и, подхватив ближайший ассегай, швырнул его в тень, мелькающую за тростником. Ну, здравствуй, Грамматиков, и прощай. Копье легко пробило шаткую преграду, а следом уже я разнес ее в клочья своим корпусом.

В соседнем помещении было сумрачно, но и сумрака хватало, чтобы различить фольклорное убранство – огромные глиняные сосуды и висящие рыболовные снасти. А также стоящего передо мной человека, в руках у которого было короткое копьецо. Тот самый ассегай. Человек этот был так близко, что протяни я руки и мои пальцы вцепятся ему в глотку. А в самом ли деле это – хозяин? Сейчас, когда приступ страха прошел, я оказался в состоянии глубокой задумчивости, где между моими руками и моими же мозгами был километр пути. И хоть я уже швырял в этого человека один сильно колющий предмет, только сейчас меня пронзила мысль. Я оказался здесь, чтобы УБИТЬ Грамматикова. Я должен уничтожить его – за Глеба и Веру, за Бабаяна и за себя. Я должен...

– Вы кто? – спросил я у своего визави, наверное, чтобы заполнить паузу.

– Я здесь живу, – также бесхитростно отозвался он. Грамматиков, не иначе.

Хозяин виллы не стал дожидаться, пока незваный гость, дозрев, вцепится ему в глотку, и сделал выпад ассегаем.

Цепочка рефлексий оборвалась, мое тело приступило к активным действиям помимо меня.

Отпрыгнув в сторону, Негр перехватил сбоку ассегай и, опираясь на него, двинул хозяина ногой в грудь. Грамматиков, отлетев в сторону, выпустил оружие, потом обернулся и резво побежал к выходу, прикрытому тростниковой занавеской.

Негр швырнул вдогонку ассегай. Попадание в яблочко! Копье застряло у хозяина между лопаток, но... тот драпал себе, как ни в чем не бывало.

Киллерская капсула, сдавленная под моим ногтем, выбросила кусари.

В луче солетты, внезапно заглянувшем в помещение, я увидел несколько искорок на пути от Негра к Грамматикову. А виртуок

показал во всей красе, как кусари захлестывает шею Грамматикова, моментально перерезая плоть, позвонки и сосуды.

Я еще подумал, что убивать – это не так уж сложно. Голова Грамматикова соскользнула по срезу, потом упала на пол и даже эффектно прокатилась в сторону выхода.

– Вы совершили жестокое убийство. Человек не может жить без головы...

Обличительная речь завершилась шипением воздуха, выходящим из порванной трубки.

Это всего лишь техманн хозяина виллы.

– И если бы я был человеком, то безусловно бы погиб! – донеслось откуда-то с пола.

Рука техманна легко загнулась ему за спину и, вытащив ассегай из пробоины, бросила его в меня.

Негр резко наклонил голову вправо, и зулусское копье, просвистев около уха, поразило эбенового божка.

– Зря ты обидел богов, – сказал Негр голосом оскорбленного жреца.

Я видел, что техманн атакует, а Негр в перескоке уходит от атаки. Все происходящее было странной смесью моих ощущений и не-моих действий. Негр упал на руки, его лицо застыло в тридцати сантиметрах от циновки, пахнущей травой и морскими водорослями. Нога техманна рассекла воздух над макушкой Негра, словно заточенный конек фигуриста.

Негр удачно воспользовался миллисекундной паузой, которая нужна была безголовому «фигуристу», чтобы вернуться в позицию для следующего удара.

Я не без удивления и, прямо скажем, с гордостью наблюдал за чередой стремительных действий Негра. Удар врагу в бок – слышен хруст; пинок коленом во вражеский живот – доносится хлюпанье. Но когда Негр должен был влепить свой локоть в грудь техманна, тот поднырнул под атакующую руку и сыграл роль рычага. Получив мощный толчок, Негр вылетел в окно.

Если точнее, вылетел я, эффект отчуждения уже пропал.

В фильмах положительный герой вылетает в открытое пространство в режиме «временной лупы» – для пущей красоты в нимбе из сияющих осколков стекла. Осколки, конечно, не причиняют герою никакого вреда, словно тот сделан из гранита.

Я, очевидно, не был таким уж положительным героем. Окно под натиском моего летящего тела лопнуло, резанув в районе шеи и правой руки. И едва я плюхнулся в лагуну, меня подхватило искусственное течение – поток управляемой магнитной жидкости понес мое тело прочь от виллы.

Все закономерно, незваный гость получил заслуженный

пинок под зад. Из потока не вырваться. Жидкость, мало похожая на воду, была трясинно-вязкой. Кровь, вытекающая из раненой руки, не растворялась, а чертила трассу, состоящую из красных шариков. Я лишь старался не утонуть. Это было все сложнее, поток ускорялся и вскоре стал заливать меня с головой. При такой динамике я удержусь на плаву едва ли еще пять минут. Однако и пяти минут у меня в запасе не было...

Марево рассеялось и передо мной вздыбилась огромная волна, настоящее цунами. Вот она уже надо мной. Но меня не захлестнуло, а потащило вверх.

Несколько секунд шарики-ролики в моей голове перенастраивались. Никакая это не волна – на искусственных космических телах сразу ничего не поймешь, – просто я доплыл до края таитянской «сковородки», который вздымался под углом в сорок пять градусов к плоскости лагуны. Еще одна скоротечная перестройка мозгов, и край стал для меня горизонталью, а вот сзади поднялась водяная стена, на которую лучше не смотреть, а то обделаться можно – так представлялась теперь таитянская лагуна.

Вперед смотреть тоже страшно, там конец сковородкообразного мира. Совсем, как на миниатюре из средневековой книжки. На самом краю – алмазный кристалл небосвода, за ним бездна, в которой плавают звезды, похожие на глаза глубоководных хищников.

Вместе со мной на край мира плывет всякий мусор, начиная от обрывков туалетной анимэ-бумаги и кончая кусками пленочных дисплеев, которые все еще показывают рекламные мультяшки. Над головой жужжат то ли мухи-мутанты, то ли роботы-инсектоиды.

Я думал, сейчас врежусь башкой в небосвод, я уже видел на этой алмазной стене свое отражение, поэтому вытянул руки вперед. Но отражение исчезло, а в небосводе раскрылся люк – и я вместе с мусором оказался в шлюзе, в промежуточном пространстве между жизнью и смертью. Уютная теплая емкость острова осталась позади...

Давление начинает падать. Боль, расширяясь, выходит из глубины груди. Наверное, у меня есть несколько секунд на то, чтобы вспомнить свою биографию, если не всю, так что-нибудь особенно хорошее. Однако все хорошее – даже утехи с юными девами Машей и Мариной – словно уже не имеет никакого отношения ко мне.

Быстро отекают, превращаясь в бутылки, мои руки и ноги; набухают, приготовившись разорваться, легкие. Еще немного и боль наполнит меня всего, а потом разнесет мое тело, как

газетную бумагу.

Грудь заливается мокротой, из-за которой я начинаю захлебываться, глаза затягиваются тяжелой багровой мглой, в голове что-то бьет изнутри молотками; и вдруг – толчок ветра. Я тщетно цепляюсь пальцами за глянцевые жирные поверхности. Боже, меня выносит наружу, в ад!

Какая-то лепешка шмякнулась мне в лицо и залепила все, за исключением левого глаза.

Ручейки кислорода чистили мои легкие; маска, налипшая на лицо, впитывала извергавшуюся из моих дыхательных путей мокроту – а я кашлял как Зевс Громовержец. Одним глазом я видел, как техманн хозяина, похожий сейчас на здоровенную бабочку, натужно машет своими крыльями, сотканными из кремниевых нитей. Он вытаскивает меня и себя обратно к свету. В какой-то момент света стало слишком много, его излучал виртуальный многогранник, похожий на граненый стакан. Я увидел свое изображение на одной из граней и схемы своего тела на других гранях. Некоторые схемы были тревожно красного цвета. А потом стакан треснул, и от его резкого звона я перестал что-либо соображать...

Глава 2. Узник замка Нановилль

Сегодня катался на катамаране по акватории виллы. На обратном пути попал в почти настоящий шквал. Раны на шее и плече залеплены «второй кожей» и не мешают мне управляться с гиком и парусом.

Вокруг меня идеальный курортный мирок. Жидкомагнитные потоки, напоминающие морских змей, снабжают виллу, вернее ее матсборщики, всем необходимым. Пару раз в сутки с неба, точнее, с ползущей по небосводу электростанции, падает молния и заряжает аккумуляторы Нановилля.

Меня не сдали в полицию, даже не побили. Более того, весь Нановилль подвластен моей воле. Молекулы, из которых он состоит, работают как маленькие машинки, которыми я управляю через открытые для меня интерфейсы. Достаточно нескольких нажатий пальцев на клавиши вездесущей виртуальной клавиатуры, мигом сработают процессоры на сверхпроводящих джозефсоновских контактах и на месте пальмы может возникнуть баобаб. Обратиться снова в пальму – тоже пожалуйста. Не то чтобы мгновенно, однако все будет достаточно быстро, как в мультике.

Я могу превратить полинезийский дом в готический замок (как раз в шкафу стоит техманн хозяина с собственной головой в руках), могу сделать небо серым, воду свинцовой, а катамаран дракаром. И даже могу сотворить горный хребет. Горы, конечно, бутафорные, однако как фоглетовый аэрозоль – вполне материальные. Я могу и то и се, но это – не моя свобода. Все эти превращения и прочие чудеса, за которыми стоят миллиарды матсборщиков, наноактуаторов, фоглет, атомных силовых матриц, созданы под одного типа, который зовется Андреем Грамматиковым. Он, конечно, хитрый и жадный, как сто рокфеллеров, но такой же тупой раб модных прибамбасов, как и простая домохозяйка...

Через три дня все виды превращений мне совсем осточертели. Ну, если честно, не до конца осточертели, я добровольно ушел в аскезу, чтобы кто-то не подумал, что меня можно так легко купить.

Думал усилить свою аскезу хорошей выпивкой и наркодом, всю виллу перерыл, как боевая свинья, натасканная на поиск трюфелей. По нулям. И как ни колдуй, не произведешь даже рюмки коньяка. Сигары – это есть, сколько хочешь, но я от всех сортов чихаю и кашляю, как заведенный, потом слюни и сопли не собрать.

Что катамаран, что дракар удаляются от виллы не более чем на три-четыре кабельтовых. Я – узник. Хотя и всемогущий.

Мне доступны все виды сообщений с внешним миром, от обычной электронной до осязаемой хаптик-почты. Но кому напишешь, что я в заточении на космическом элитном курорте, на шикарной вилле сверхчеловека? Чушь ведь, да и писать некому. Глеб погиб, а все мои собутыльники или отправлены на мусоропереработку в Элизиум, или грустят в пивняке над возможно последней кружкой. Раньше люди слали жалобные письма в редакции газет. Сегодня газета – это пара компьютеров, подключенных к искину, называемому «Фридом наномайнд», который и выдает все, начиная от «хедлайнс» и кончая «аналитикс». Если сильно нажалуешься, он пришлет тебе на дом робота-психотерпевта, у которого в ящичке на груди, помимо брошюр на тему «Как стать счастливым», еще куча шприцов и электродов...

Из виртуальных персонажей на вилле особо активен мимоид «английский слуга», который быстро задолбал своим «йес, сэр» и предложениями откушать. Так что приходится то и дело гонять его. На слова «сгинь, нечистый» он даже обижается. «I am not the NECHISTY, I am a poor electromagnetic creature», – сообщает он всякий раз с упорством, достойным лучшего применения. Еще носятся тут стайки виртуальных поросят, мышат и утят с копирайтом «Дизни Инк». – Задалбывают мое бедное сознание. Ну, как не вздрогнуть, когда что-то розовое захрюкает и кинется на тебя прямо из холодильника.

Из музычки на вилле одна попса для домохозяек. Кому-то такой музон – приятное дополнение к мелодиям тостеров и кофеварок, а мне лишь нагрузка на уши. А если отказываешься от попсы, будет тебе из Сети тысячу видов дискотечной трескотни и миллион наименований R'n'b, Rock'n'Roll и Fuckin'n'Fuckoff. А вот «Ой, да не вечер» найти сложнее, чем гитлеровские марши. Из-за «националистического подтекста».

Можно, конечно, покрыть лицо боевой раскраской и выйти на тропу войны.

Например, поиграть с «английским слугой» в пиратов. Он легко меняет ливрею на кожаную безрукавку и черную бандану, после чего начинает возникать в разных темных углах и бросаться на тебя с криком «Жизнь или кошелек!». Кричит он до тех пор, пока не разрубишь его мимоидом сабли. И хотя он безбожно поддается во время драки, но своими воплями сильно действует на нервы, поэтому эти фокусы я ему запретил.

Войны для настоящих мужиков двадцать первого века все-таки идут на биржевых полях и в аукционных горах. Этого меня

здесь никто не лишает. В одной из хижин Нановилля висит на столбе крупная гроздь дисплеев – плоские, голографические, стерео. Из них льется и рвется наружу биржевая информация, сводки, списки, фишки голубые и красные.

Все необходимое для боевых действий, но если бы я хоть понимал, как это дело работает. На меня акции, фьючерсы, депозиты и прочие «денежные агрегаты» всегда производили отталкивающее впечатление, словно какие-то зловредные призраки...

Сегодня я несколько раз подходил к этому соблазнительному столбу и начинал лихорадочно давить клавиши виртуальной клавиатуры. Несколько раз мне казалось, что еще немного, и я, вдохновенно взмахнув руками, закатаю миллиард-другой на свой счет. Я едва не продал участок на Марсе около горы Шиш или Таршиш под терраформирование, аж за сто миллионов долларов – под постройку величественного марсианского супермаркета. Еще чуть-чуть – и я бы перевел выручку на счет в офшорном банке, еще немного – и обналичил бы деньги, еще самую малость – и скрылся бы с чемоданчиком долларов. Едва, чуть-чуть, самую малость – а все равно ни хрена. Я стал делать чушь, мне поспешил на помощь виртуальный эксперт, который витал джинном Хотабычем в углу экрана, – и выигрыш ушел на счет господина Грамматикова, у которого я заточен в «гостях». В величественный марсианский супермаркет я разве что в виде бифштекса попаду...

После обеда (даже устрицы осточертели!) я просто лежал на досках пирса, слушая, как ручная волна монотонно обнимает сваи.

Еще вчера я бы не поверил, что можно злобствовать, проживая на вилле супермена. Любой из фэнов миллиардера обделался бы от счастья, оказавшись на моем месте. В шкафах – кипы его футболок и бейсболок, привезенных с шикарных космических курортов. На этих шмотках смешная местная символика: знаменитые астронавты и инопланетяне в виде хомячков, осьминожиков, дракончиков и зеленых человечков. Никогда бы не подумал, что на Титане, оказывается, есть курорт, прямо на берегу метанового моря, и что богатые туристы раскатывают по кольцам Сатурна, как по Елисейским полям.

В парадном альбоме – голографические фотки, где Грамматиков в компании с негритянкой небесной красы мужественно поднимает парус и крутит штурвал на замечательной яхте, стилизованной под каравеллу. Судя по тому, как жадно девушка пожирает взглядом своего господина, она вовсе не техманн. И своим телом африканская венера владеет

изощренно, не в пример техманнам и дубовым амрашкам. Вот она изогнулась и встала полубочком, демонстрируя круговерть шоколадного задка. Эта африканка, признаться, похожа на Маню из Петронезии. Может, у нас с мистером Большой Кошелек кое в чем совпадают вкусы, а может, все прекрасные уроженки Черного Континента похожи друг на друга. Если пристально смотреть на голограмму, то она оживает: выпуклый «бум-бум» африканочки начинает ходить туда-сюда со скоростью затвора на пулемете и даже слышится ультрасексуальная музыка далекого юга. Надеюсь, это не глюк в моей башке, а очередной фокус современной технологии – в альбом встроены сенсоры, которые улавливают направление взгляда.

Сам Грамматиков... как бы выразиться поаккуратнее, человек восточноевропейской наружности, повыше меня, но не намного, шире в плечах, чем я, но не драматически, с более правильными чертами лица. Нос прямой, греческий – в отличие от моего рубильника, который тоже когда-то выглядел классически, но потом был повернут налево ударом вражеского башмака. С точки зрения мускулатуры, загара, наличия зубов, густоты шевелюры – Грамматиков «более». С точки зрения морщин, мешков под глазами и размера живота – он «менее». Между мной и ним есть немалое сходство, скажем, как между папой и сыном. Причем на роль сына идет он.

Впрочем, если посмотреть на стену, где висит огроменная картина кисти Делакруа или кого-то вроде, то портретного сходства между мной и миллиардером почти не найдешь.

У этого Делакруа господин Грамматиков в облике восточного набоба, сладкий-гладкий, и в обществе индианки, прекрасной, как небесная танцовщица апсара. Идеальная талия подчеркивает выпуклости ее грудей и бедер. По соразмерности «деталей» заметно, что имплантированная арматура тут ни при чем. Апсара в полуприседе на фоне храмово-эротических интерьеров. Танцует, что ли, или просто показывает свой «товар». Место я, кстати, узнал по интерьерам, называется оно Сигирия и находится на Цейлоне.

А вот и картина, на которой, по счастью, нет Грамматикова. Он наверняка приобрел ее на аукционе «Сотбис» миллионов за десять зеленых и изображает сей шедевр нечто вроде пригоревшей каши...

Странно, у миллиардера куча возможностей уничтожить меня или сдать мое тело на распотрошение шуцманам, но он почему-то тянет. Если бы мы были родственниками, то это бы объяснило причины такой сентиментальности. Но сентиментальные родственники обычно оставляют записочку на столе: «Дорогой

брат, я рад, что ты нашелся. Все мое – твое. Только, пожалуйста, не дергай сильно ручку в туалете».

Нет, человекообразная машина по высасыванию денег из народа в свой карман вряд ли страдает сентиментальностью.

Скорее можно предположить, что я являюсь клоном, складом органов для князя всея сибирская нефти. Но в этом случае непонятно, почему миллиардер дозволял своему «складу здоровья» так долго пить сивуху и закусывать тухлятиной из мусорного бака.

Есть еще жуткий вариант, что он – пидорас. Нашел меня из миллиардов мужиков, только потому что у нас случайно совпадают имена и в какой-то степени внешность, чтобы использовать не по прямому назначению. Бр-р! Но то, как он тискает негритянскую красавицу на фотках, показывает, что Грамматиков не утратил правильной сексуальной ориентации.

А почему он не боится, что я в порыве фрустрации или какой-другой злобы блевану здесь в китайскую вазу династии Сун, разобью терракотовую этрусскую статуэтку или позвоню самому Огастесу Октавио, да и пущу ветры в телефонную трубку? Если даже Грамматиков нагрузил меня психопрограммами, то все равно ему не под силу контролировать мою нестандартную психику каждую секунду… Но, должно быть, миллиардеры не боятся материального и морального ущерба. Расколотую вдребезги вазу можно склеить наноклеем, так что и незаметно будет. А оскорбительный пук превратить с помощью интерфейса вежливости в мелодичное «здравствуйте, ваше превосходительство»…

Значит, Грамматиков уверен, что я быстро истаю в этой патоке, стану вялым и покорным.

А ведь он прав, вчера я чуток попсиховал в спальне, пошвырял вещи, но завод быстро кончился. И теперь вот валяюсь на пирсе, как безмозглая ракушка, слушаю, как ленивые волны плещутся подо мной и ведут однообразный разговор со сваями. Я и сам веду привычный однообразный разговор с самим собой, пытаясь выявить в своей жизни хоть какие-то признаки смысла. Проанализировав всю свою жизнь и не найдя в ней ни одного намека на смысл, я перешел на женщин… Мои фантазии на тему женщин – это что-то вроде ностальжи, но без использования фирменного психософта; так сказать, секс-туризм при помощи собственной памяти… Наверное, были дамочки и бабоньки, с которыми я мог бы свить общее гнездышко или выкопать совместную норку. Моя экс-супруга не в счет, связавшись с ней, я, похоже, совершил фатальную ошибку. Мысленно я снова встретился с затейницей Машей из Киева, но моя фантазия

неожиданно сыграла скверную шутку, показав ее в осовремененном виде с нынешней задницей, на которую могут садиться стратегические бомбардировщики... Тьфу, уйди...

А мог ли я встречаться когда-нибудь ранее с Верой Лозинской? Да или нет? Вдруг моя память меня подводит. Почему я не могу дать себе четкого ответа? Так смутно помнится все, что было в течение года до войны и примерно в течение полутора лет после. Это, наверное, потому, что меня крепко шарахнуло по мозгам, когда американская шариково-спиральная бомба, сброшенная бесшумным дроном, легла в сорокаочковой армейский сортир. Я там как раз освобождался от некачественной китайской тушенки и, если честно, просто отдыхал от службы. Меня, в общем, спас от верной смерти громоздкий древнесоветский магнитофон, который я поставил на попа рядом с собой. Но все равно досталось. Башке – контузия, заднице – шариково-спиральная начинка. В сортире, ближе к эпицентру было еще немало облегчающегося народа. От него остался только мелко нарубленный и хорошо перемешанный фарш, идентифицировать нечего, бери ложкой и раскладывай равномерно по солдатским цинковым ящикам. Это, впрочем, тоже надо делать аккуратно, спиральки еще умеют выпрыгивать из останков – так что на месте одного жмура появляется двое... От психотропов, которыми накачивают в психушке, память тоже мутнеет...

В полуденный таитянский зной я искупался, нырнув со сваи в идеально голубую воду. Вода разлетелась картинными брызгами (здесь все еще лучше, чем в жизни, благодаря «косметическим» высокомолекулярным соединениям). К брызгам присоединились летучие рыбки со стрекозиными крылышками, и я не мог отказать себе в позорной мысли, что это мне нравится. Нет, мысль была не позорной, а просто опасной. До сих пор я довольно удачно уверял себя, что не потребляю блага цивилизации, потому что они мне просто не нужны. Мол, могу, но не хочу, потому что я выше этого. А ведь скорее всего хочу. И предпочитаю жить на вилле, а не в конуре. И, значит, тот, кто заманил меня на эту виллу, добился того, чего хотел.

Я фактически признал, что с готовностью обменяю свои высокие принципы на что-нибудь более питательное. Мышь угодила в мышеловку, но ей не больно и сыр так вкусен...

А когда я – одновременно и огорченный, и довольный – выбрался после купания обратно на пирс, то заметил на подметке своего шлепанца кусок старой бумаги. Это была не газета, а обрывок фотографии, настоящей черно-белой фотки.

В висках зазвенели колокола. Этот прилипший к подметке

обрывок – видно, из спальни. Я там вчера изрядно попсиховал. Трансформировал ее в будуар Людовика XIV и начал вымещать накопившееся зло, круша все направо и налево.

Я рванулся на место вчерашнего психоза, как спринтер. А в спальне уже идеальный порядок – все зализано, восстановлено, расставлено по полочкам. И занавесочка у алькова висит, как ни в чем не бывало. Где же мусор? Полцарства за мусор. Почти все бумаги я бросил в конце припадка в пластиковое ведерко, но его тоже нет. Я бросился на слабый трущийся звук в коридор. Ведро с мусором как раз уволакивал незаметный до сей поры робот-уборщик, похожий на гоблина. Я вырвал у него мусор под протестующий визг и стал рыться.

В ведре нашлась моя школьная фотография. Моя! Пять на три. Сделанная на моем фотоаппарате «ВЭФ». Это от нее оторвался кусочек, который я потом обнаружил на подметке шлепанца.

Я даже забыл, что у меня была такая фотография.

Она ведь из семейного альбома, где хранились все мои фотоизображения, от младенца в парадных подгузниках и отрока с панковскими «перьями» на голове, до молодого доцента, еле сдерживающего излучение интеллекта, которого хватит не только на кондитерскую диссертацию, но и на нобелевку.

После лагеря и психушки я меньше всего я думал об альбоме в шкафу, когда не было уже ни шкафа, ни прочих вещей, чья остаточная стоимость превышала сто рублей. Толпа, освобожденная от оков царизма-сталинизма, хорошо помародерничала, то есть отметила «праздник свободы», под вспышки камер многочисленных западных репортеров. Я на старой квартире и появляться боялся, чтобы меня там не повязала полиция, разыскивающая «военных преступников». После того как я поменял фамилию, самыми опасными для меня стали документы и фото из прежней жизни. А потом мать ушла в Элизиум, весь наш квартал в конце Гороховой улицы был снесен и теперь на его месте «радиолярия» из нанопластика и металлостекла...

Через полчаса копания в ведре и ящиках комода стало ясно, что у Грамматикова не было другой жизни, помимо той, что имел я. Он мне не потерянный брат и я ему не клон. До тридцати трех лет, до сибирской войны, он был мной или я был им!

Вместе с ним в детстве я рыл канавки между вечными питерскими лужами и водил свои бумажные кораблики на бой с бумажными турецкими и шведскими эскадрами. Вместе с ним в подростковом возрасте я бегал по гулким металлическим крышам гаражей возле Обводного канала. Вместе с ним в юношестве

вдыхал пыль таксидермистских чудес из зоологического музея. Вместе с ним меня били по лицу хулиганы-пэтэушники своими грязными кулаками. Вместе с ним я зыркал на круглые коленки девчонок с моего курса в институте пищевой промышленности. Вместе с ним я говорил четкое питерское «ч» в слове «конечно» и «булочная» вместо московитского «ш».

Он, вампир, присвоил всю мою жизнь до тридцати трех лет. Мои фотографии, табеля успеваемости, мои дипломы, аттестаты, курсовые работы, дневники, рисунки, экземпляры диссертации, исходники программ машинного перевода, черновики недописанной книги – все теперь у него. Все оригиналы! Он вообще взял все самое лучшее у меня! Все, что было более или менее интересным и приличным. Удачу и фарт тоже. Этот тип существовал до поры до времени вместе со мной, как моя тень, потом, в отличие от меня, взял рубеж 2012 года и стал жить вместо меня. Если точнее, я пошел с бульками на дно, а он стал набирать высоту, как ракета!..

«Андрею от Веры. Мы спиной к спине у мачты. Агентство „Скилла энд Харибда Хьюмэн Рисорсиз“». На фотокарточке от декабря 2012 года я узнал Лозинскую. Если точнее, я наконец ее по-настоящему разглядел. Тонкое и бледное петербургское лицо в сочетании со сгустками средиземноморской ночи в глазах. Нежные пальцы одной руки обвивают узкое запястье другой, так и чувствуется, как бьется пульс под кожей. Меня от ощущения этой пульсации прямо озноб пробирает. А еще я как будто чувствую аромат ее духов, в котором что-то от запаха фиалки. Вместе с Верой на фотографии фактически я.

Кстати, эта личность на фотографии внешне гораздо ближе ко мне, чем к недавним изображениям миллиардера Грамматикова. Видна характерная деформация носа, след перелома, и заметен частокол вертикальных морщин между глаз.

Но я никогда не работал вместе с Верой Лозинской в шикарном еврофисе, от которого так и веет большими деньгами и заказами от оккупационных властей. Судя по обстановке и названию агентства – это что-то связанное с пиаром и рекрутингом. Я в это время еще сидел в лагере, если можно назвать сидением «гуантанамский курятник»: человек двадцать с мешками на голове, на корточках; руки всех заключенных крест-накрест связаны одним тросом из самозатягивающегося нанопластика; и в нужник все тоже тащатся хором.

С Верой работала моя тень, не просто работала, а еще и хорошо, душевно сошлась.

– Не желаете ли абсента, сэр? – мои панические размышления прервал мимоид английского слуги. И хотя он вышел из шкафа в

черной пиратской бандане и кожаном жилете, но вел себя нарочито безупречно.

– Сгинь вместе со своим абсентом!

Не сгинул, пришлось рубить его виртуальной саблей, а он еще увиливал, как бес. Когда куски разрубленного слуги наконец растворились в цифровом пространстве, до меня дошло, с чего это господин Грамматиков стал англофилом.

Среди прочего я швырнул в мусорное ведро экземпляр газеты «Таймс». А зря, это ж реликвия. В бумажной версии «Таймс» уже и не выходит, хотя наши районные газетки до сих пор печатаются на бумаге, съедобной и снабженной анимациями, иначе кто бы их брал. Из пожелтевшего номера «респектабельной и буржуазной» английской газеты можно узнать, что в феврале 2013 года на берегах Темзы Грамматиков получает премию Уоррена Хастингса за строительство «свободы и демократии». Мистер-твистер Эндрю Грэммэйтикоу на выступлении в элитном Ротари-клаб проводит удачные аналогии между деятельностью английской Ост-Индской компании, способствовавшей «процветанию» Бенгалии в XVIII веке, и нынешними британскими корпорациями, работающими в экс-России под эгидой фонда British Ruthenia. По моим-то сведениям, в «процветающей» Бенгалии под мудрым началом губернатора Хастингса откинула копыта треть населения и бенгальские равнины были усеяны костями вымерших…

Вероятно, тогда наш любимец богов побывал не только на приеме в Ротари-клаб, но и в штаб-квартире «Омеги», которая располагается в каком-то не слишком приглядном особнячке в лондонском Вест-Энде – если не врут боливарианские сайты. Из Англии Грамматиков возвращается членом оккупационной администрации, директором «неправительственных» фондов «American Not Russian Certified Professional» и «British Ruthenia», которые являются официальными экспертными организациями для оккупационных властей… Я в это время только возвращаюсь из лагеря, с жуткими хрипами в грудной клетке и направлением на лечение в психушке…

В одном из шкафчиков спаленки, среди прочей бижутерии, нашелся персональный терминал господина Грамматикова. В отличие от соцветия терминалов в биржевой хижине здесь открывался доступ к директориям, где хранились личные документы миллиардера. Конечно, доступ был защищен биометрическим замком и паролем; но это была моя биометрия и пароль я легко пробил детским «петушиным» словом, которое трудно забыть…

Совсем не вовремя из шкафчика высунулся мимоид «английского слуги». Шпионит он, что ли?

– Сгинь, нечистый!

– Сэр, я не «нечистый». Если бы я имел физическое тело, то принимал бы душ два раза в день.

– Поэтому-то ты и «нечистый». Рассыпься, дезинтегрируйся, определи число «пи» с точностью до двадцатого знака, докажи теорему Ферма. А то будет как в прошлый раз!

Убрался все-таки – помнит, подлец, как я намедни казнил его за занудство… Если б можно было загнать хоть пару файликов из миллиардерского архива, я бы мигом заделался миллионером. Впрочем, кто знает? Этот прекрасный новый мир, который заглатывает все и все переваривает в товар, делает исключение для материалов, способных испортить ему пищеварение.

Долго не копаясь, я вытащил довольно неряшливый план по распродаже материальных ресурсов экс-России. Все на стратегическом уровне, без подробностей. В центральном столбце тип рыночного мероприятия, которое маскирует раздирание добычи. Аукцион, биржевая операция, реституция, непременно ссылка на директиву ооновского генерал-губернатора или комиссара. В правой графе название фирмы, которой надо покрыть расходы на проведение «гуманитарной интервенции».

Вот списки научных учреждений и лабораторий, что прошли «оздоровление», такое-то оборудование и материалы вывезены, такое-то продано, такое-то уничтожено как «потенциально опасное», эти сотрудники, как «друзья свободы», взяты на работу в Принстон, Гарвард и так далее, у «врагов свободы» фамилии перечеркнуты…

Я понимаю, что это – защищенная информация в директории «Мои документы», в личном ноутбуке, на частной вилле владельца. И тем не менее все так откровенно. А откровенно, потому что естественно для господина Грамматикова. С такой же естественностью «антеннщик» рассказывает, зачем он показывает свой хрен гуляющим в парке женщинам: это, дескать, и самореализация, и обостренное чувство прекрасного, и бескомпромиссная борьба за свободу совести…

В «Моих документах» есть и блестящее выступление Грамматикова на слушании в сенатском комитете по законопроекту «Russian Empire erase act», после которого началась ликвидация «русского империалистического сознания» и сертифицирование нового «поколения свободы» на территории экс-России.

Грамматиков в роли «независимого эксперта» научно обосновывает речугу очередного быка с техасского ранчо, требующего «нокаутировать этих русских, чтобы не встали».

Наш герой старательно имитирует акцент южных штатов и

вставляет типовые фразочки, которые осточертели мне еще двадцать лет назад после просмотра крупной порции голливудских фильмов. «Иногда они возвращаются» – это про неугомонных «коммуняк», которые не дают мирной babushka продавать matrioshka на пороге своей izbushka.

Я выуживаю из электронного почтового ящика переписку с комитетом ООН, который делает Грамматикова главным лицом на переговорах по поводу границы между «экономическими владениями» лондонско-сибирской компании и китайской «зоной ответственности» в Эвенкии. Нахожу и решение правления лондонско-сибирской компании, которая назначает ооновского любимца своим президентом…

Я еще раз прошелся вдоль стены с парадными фотографиям и грамотами – все в рамочках, сияющих как нимбы у святых. За усердное «выращивание свободы» Грамматиков получает почетную докторскую степень в Гарварде, сидит за чашечкой чая у королевы английской, у которой шляпа, что пивной ларек, ходит на фитнес с ооновской президентшей Вики Лу, которая в обтягивающем полупрозрачном топике. Надо признать, глобальные заботы не отяготили ее сиськи – все те же яблочки наливные… Я бы постеснялся повесить на стену диплом «Владельцу самого элегантного костюма среди менеджеров высшего звена», а Грамматикову это – важный этап славного пути.

Снова из стены выходит «английский слуга» и начинает рассказывать, какая такая шляпка была у королевы и какое дерьмо сожрала ее собачка во время приема. Его вычурный голос с оксфордским произношением придает высокий смысл даже самой тупой фразе.

– Не хотите ли попробовать пудинг по-вестминстерски, сэр? – стал отечески донимать «английский слуга», закончив с королевой.

– Засунь себе его сам знаешь куда, – рявкнул я на приставучего мимоида.

– Не знаю, подскажите, сэр.

– В виде аргумента в функцию финализации.

Уф, подействовало, мой англичанин ретировался обратно в стену… Похоже, в Англии Грамматикову сделали косметический ремонт еще в начале 2013 года, как минимум поменяли зубы и выправили нос. Грамматиков порозовел, посвежел, а потом и вовсе начал хорошеть день ото дня. Наверное, плавает в бассейне, играет в теннис, делает омолаживающие инъекции стволовых клеток, применяет геночипы, ставит импланты, которые развивают мускулатуру и поддерживают уровень влаги в коже. Будьте уверены, нанодоктора в его крови отслеживают и

безжалостно уничтожают малейшие намеки на болезнь. Наверное, елдак он себе тоже модернизировал, чтобы быть ближе к коню; как без этого, если в его распоряжении целый бабий табун. И уж конечно, имеет он пару кобылок в день, скотина ненасытная. Первую оседлывает после завтрака, в офисе. Вторую объезжает дома, перед ужином, ибо застоявшийся тестостерон ускоряет старение, как предупреждает руководство авторитетного журнала «Плейбой». И эти кобылки не какие-нибудь дурные шлюхи, а сами по себе топ-менеджеры. Сейчас такие мадамы на высоких постах: губки бантиком, попка крантиком, размеры 90—60—90. Крутых баб ставят на крутые должности, чтобы показать, что жизнь приятна и сексуальна.

Как тут не вспомнить писанину О. Уайльда, хоть покойный и был геем. Бизнесмен Грамматиков – это Дориан Грей. А я его портрет, накапливающий уродства. Его во весь опор несут колеса фортуны, а может, и вообще адской колесницы. Товарищ дьявол пунктуально исполняет условия долгосрочного договора и вовсе не требует по-быстрому отдать душу, как ошибочно считали средневековые схоласты. А в отношении меня действует генератор случайных чисел, как и в отношении любого другого суслика. Выпал «орел» – и вот большая гордая птица своим могучим клювом тянет потрошки из моего сизого животика.

Я все эти годы скисал в маринаде нищеты, протухал в комнате с закопченными окнами, желтел от гепатита А, покрывался морщинами от дурной водки-табуретовки, лысел от недостатка витаминов, психовал от стрессов, терял зубы от авитаминоза. Ну и во мне плескалась целая цистерна неизрасходованного тестостерона, от которого, как известно, быстро наступает старость. Впрочем, от скуки старость наступает еще быстрее. Единственное, что развлекало меня все эти годы, – это бесплатный канал телика, по которому крутят интерактивные мыльные оперы. Щелк кнопкой на пульте – и Хосе Антонио на экране приобретает мой внешний вид, хотя и продолжает ходить, как танцор фламенко. И мне кажется, что это я хожу, как танцор фламенко, поджав ягодицы и постукивая каблуками, что это меня целует в рот красавица Лусия своими горячими губами-оладушками. Хотя на самом деле меня пытаются поцеловать в рот жирные мухи, влетающие эскадрильями через форточку – словно у меня в комнате такая же помойка, как и во дворе. Кстати, я заметил, что от постоянного просмотра латиноамериканских сериалов на лице образуется выражение, которое скорее подошло бы дедуле-маразматику.

Так что сегодня мы с оборотнем-миллиардером не шибко-то и похожи. Вернее, он похож на меня такого, каким я должен быть.

Это гад украл и мою биографию, и мою рожу, а потом использовал все это с большим толком, чем я сам. Он обрел ту свободу творить, которую так хотел я. И натворил!

Чей же это трюк и какому бесу это понадобилось?

Хватит мыслить. Все и так ясно. Теперь это он – настоящий. Он – оригинал. А я, получается, стал у него бледной тенью. И попробуй докажи, что этот оборотень меня обобрал. Оборотень... А может, и в самом деле я имею дело с чертовщиной?

– Сэр, – опять возник «английский слуга».

– Чего тебе?

– С пудингом пришлось помучиться, но все же я сделал это, сэр. У меня получилось!

– А у меня ничего не получилось. Исчезни!

– Сэр, к вам посетитель. Он ждет вас в туалетной комнате. В туалете номер пять.

Посетитель, да еще в сортире? Во времена моей молодости сортир был наилучшим местом для выяснения отношений путем быстрого прикладывания кулаков к лицу оппонента. А вдруг сам Грамматиков пожаловал?

Я выскочил из кабинета и бросился в сортир, пардон, туалетную комнату. Но туалет номер пять был пуст. Это заведение представляло собой настоящий фестиваль передовой сантехники, ничего полинезийского. Унитаз и его родственники, ванны, джакузи и вообще неведомые мне устройства. Фонтанчики, выбрасывающие разноцветные светящие жидкости. Растения с листьями, напоминающими туалетную бумагу. Синтетический геном даже вывел на листьях надпись из более темного пигмента «Геноциркус. Все права сохранены». На реальных веточках виртуальные птички щебечут-надрываются. И еще тут нечто, что я при первой встрече с трудом идентифицировал как биде. А вообще на хрена биде мужику, или, может, я сильно отстал от жизни?

«Желаете облегчиться», – спросил унитаз, на его бортике даже образовалось подобие лица.

– Желаю, чтобы вы все заткнулись... Птички, цыц, вашу мать.

Я ткнул пупырышек в стене, напоминающий сосок женской груди, и в ванну полилась теплая голубая вода.

Опустил руку в ласковую воду, взял маленькие золотистые ножницы. Если жизнь – сплошной неисправимый позор, если меня обокрали вплоть до биографии, то остается последнее – курс в никуда. Я такой вариант всегда приберегал на сладкое. Прикончить себя в какой-нибудь питерской конуре, чтобы мой труп по-быстрому утащили ассенизаторы – это одно, а вот если то же самое, но на шикарной космической вилле, среди биде и

всяких чудес – это уже совсем другое. Две большие разницы, как говорят в Одессе…

Я посмотрел на себя в зеркало. Обычно я говорю тому небритому персонажу с мешками под глазами и с морщинившимся лбом: «Иду на ты». Но сейчас я сообщил ему:

– Иди в задницу.

Потом закрыл глаза и поднес ножницы к запястью. Почувствовал острый металл на коже и снова повторил:

– Иди в задницу.

– Сам иди, дорогу показать?

К некоторым фокусам технического прогресса привыкнуть невозможно. Сегодня почти каждое зеркало – это экран, который показывает не твое изображение, а мимоида. Показывает тебя таким, каким бы ты хотел себя видеть, чуть постройнее, порумянее, посвежее.

– Свет мой зеркальце, скажи, что за чмо я вижу вместо нормального отражения? – вопросил я.

– Это Негр, – отозвалось «ненормальное отражение». – Мне надоело щадить твое самолюбие и выскакивать в виде малопривлекательного чертика, когда ты попадаешь в очередную задницу.

Ага, то, что сидело в моей голове, вроде как обрело человеческий облик. Так, поговорим со своей собственной шизофренией.

– То есть я вижу в каком-то смысле часть самого себя?

– Ты видишь себя, – уточнил зеркальный Негр и не забыл подцепить: – Причем с лучшей стороны. Во мне нет ничего такого, чего бы не было в тебе. Я – это твои мысли и твои эмоции, только очищенные и усовершенствованные. Мм-м, кстати, как мне к тебе обращаться? Если в старорежимном стиле, то, наверное, «хозяин». Но я бы предпочел обращение «брат». Я голосую за «брата», ты воздержался, решение принято почти единогласно. Ну, брат, что тебе мешает наслаждаться жизнью на миллиардерской вилле?

– То мешает, что это жизнь не моя.

– Может быть, ты ошибаешься, брат?

– Может быть, минуя банальности, ты расскажешь мне о миллиардере, именуемом Грамматиков.

– Я лучше расскажу о тебе. Невооруженным глазом видно, как ты завидуешь ему. Оно и понятно. Пока этот «оборотень» лапает королевок красоты за их «булочки» и «кексики», ты собираешь стеклотару по помойкам и из королев видишь только ту, что принимает бутылки. У приемщицы, извините, не ножки и попка, а костяная нога и жиленная жопа. И кулачище такой, что разок двинет и нокаут обеспечен. Более того, твоя «королева» всегда

говорит только простыми бессубъектными предложениями: «Отвали», «Надоел», «Иди проспись». Она, кстати, ответила бы согласием, если бы ты сделал ей нескромное предложение...

– Она не в моем формате. Усвоил, Негр?

– А еще, кроме зависти, я вижу в тебе пассивность, интровертированность и мечтательность. Это именно то, что не позволяет тебе стать таким, как он. Грамматиков, напротив, демонстрирует активность, экстровертированность и прагматичность. Вы с Грамматиковым, как иллюстрации из учебника по психологии.

– Фрейд, входите пожалуйста, сообразим на троих.

– Юнг, – поправил Негр.

– Ах да, забыл. Юнг, он самый. Ты знаешь все, что я забыл.

– А ты, брат, надеюсь не забыл, что там раскопали в тебе Дворкин с Маркизом в Петронезии? Информационную структуру приличных размеров. Только Дворкин не понял или сделал вид, что не понял, о чем речь, а Маркиз не пошел дальше предположения, что это заурядная клиентская программа, которая сидит и ждет, когда откуда-то хлынет водопад внешних кодов. Глупые мальчики, начитавшиеся сказок об ужасах психопрограммирования, так и не смогли разглядеть в этой структуре обратную сторону твоей личности. Программе-клиенту, конечно, нужен поток внешних управляющих кодов, а вот обратная сторона твоей личности нуждается только в раскрепощении и связи с внешним миром...

– Не строй из себя теоретика.

Негр ненадолго застыл с раскрытым ртом, ни дать ни взять чудак ученый, для которого взгляда на какую-нибудь былинку достаточно, чтобы погрузиться в пучину вязких размышлений об основах бытия.

– А ты, брат, не строй из себя тихого собирателя стеклотары. Обратная сторона твоей личности является миллиардером, входящим в хит-парад богатеев Форбса. Обратная сторона личности компенсирует, а это слово у психоаналитиков вполне в законе, недостатки фасадной стороны этой же самой личности.

– То есть...

– То есть никакого отдельно существующего миллиардера Грамматиков нет. Нет такого человека.

А ведь Негр пробил мою оборону, уничтожил ее начисто! Какое-то отражение устроило мне стресс и испарину... В то, что я – клон, или в то, что Грамматиков – посланец ада, мне верилось с трудом. А вот эта версия, что никакого отдельного Грамматикова в виде плоти, крови, костей и соплей просто не существует... Эта версия легко объясняет, почему я оказался на миллиардерской

вилле. Не могло привалить столько удачи человеку, который последние пять лет видел везучих людей только в проезжающих мимо бронемерседесах. Прилетел на Таити фактически не я, а Он, потому что Я – это Он. Однако, влип. Это хуже, чем сидеть без женщины три года. А Негр продолжал грузить:

– Обратная сторона твоей личности могуществом информационных технологий была спроецирована во внешний мир, отображена в цифровое пространство, в Сеть, и стала миллиардером Грамматиковым. Но она же осталась и внутри тебя!.. Елки, парень, да внутри тебя атомная АЭС! Просто разреши этой второй половинке твоей личности проснуться, дай ей право голоса. У нее такие шикарные возможности, ведь она существует как в тебе, так и в огромном цифровом мире, в виде мощного виртуального проекта. Половинки мои, вы будете отлично дополнять друг друга...

– Если даже мыслить в этой системе координат, то половинка хищника-миллиардера, проснувшись полностью, в два счета сотрет безвольную травоядную половинку. Вот вам и вся демократия.

– Э, брат, почему обязательно сразу стирать и давить? Почему бы не подумать о творческом симбиозе на базе общего детства, отрочества и юности. Двери открыты, все подготовлено. Сделай шаг и возьми деньги, власть, могущество, потенцию. Это такой кайф, браток. Прыгнешь с крыши – и не разобьешься, всесильная техносфера «Омеги» подхватит тебя и понесет. А иначе что, какие ходы у тебя остались? Лезвием по венам? На тебе, брат мой, висит уже такое внушительное количество трупов, может, и еще какое-нибудь преступленьице между делом всплывет. Нет там, случаем, дополнительного скелета в шкафу?

– Ага, а если я не соглашусь, то ты меня заложишь. К этому все и свелось.

Негр сделал по-настоящему огорченный вид, с оттенком оскорбленности в изгибе рта.

– Брат, да никогда, я же просто забочусь о тебе. Ты ведь выглядишь на двадцать лет старше своего возраста. А если посмотреть внутрь, то дело совсем швах. Изношенные почки, подгнившая печень, опухшая простата. Сосуды, загаженные холестериновыми бляшками, – не сосуды, а канализация. По ней плывут токсины, лямблии, испорченные йогурты, трихомонады, просроченная кока-кола, яйцеглист, вирусы и прочее жизнерадостное дерьмо в количествах, перекрывающих всякие нормы приличия в десятки раз. В опустевшей голове – кладбище нейронов, убитых стрессом и паленой водкой, над ними свищет ветер. Ты и сам прекрасно втыкаешься в суть проблемы – дальше

так жить незачем.

– А чтобы жить вечно, я должен стать наполовину вампиром?

– Вампир-ампир! – Собеседник дико по-африкански фыркнул, что у меня бы никогда не получилось. – Брат, будь ты свят и праведен, то как минимум не совратил бы первокурсницу. Помнишь, тощая словно швабра, белобрысая, как ее...

– Не помню, блин!

– Следовательно, и я не помню, хотя ваш экстрим в кабине лифта забыть трудно.

– Она сама! Она так многим преподавателям экзамены сдавала.

– Конечно, сама, естественно, многим. Но, братец, сцена с твоим участием была еще та. Доцент нажал кнопку «стоп» и навалился медведем, дыша в девичье лицо перегаром от портвешка. Пропагандируя тантрический секс, задрал бедняжке юбчонку и вставил...

– Я не пропагандировал, а поддерживал беседу. И разве я виноват, что она затащила меня в лифт? Ей вообще было за тридцать, до института она работала буфетчицей на ледоколе и пропустила через себя весь плавсостав.

– Удивительно, брат, как долго ты «поддерживал беседу» в том лифте. Минут тридцать, если не ошибаюсь. Чуть девку не продырявил – поршень, а не доцент. И разве кто-то виноват, что затем удача отвернулась от тебя, ты остался без понтов, а поршень твой сломался? Вообще послевоенные события лишь ускорили объективный процесс выметания на помойку никчемных личностей, накопившихся в предыдущую эпоху расцвета иждивенчества. «Когда стадо бизонов бежит через пампасы, то дрожит земля, а в это время мустанги, испугавшись, брыкаются и ржут», – приплел он мою любимую цитату из Чехова.

– Мустанги уже не ржут. От них остались только шкуры.

– Отмирание бомжей, алконавтов, эзотериков, бормотологов и прочих путешественников в астрал – это ведь как линька у собаки. Что делать, если со старой шерстью в новом климате жить нельзя. Поэтому собака трется о всякие острые углы, чтобы поскорее избавиться от нее.

– А зачем нашу историю надо было обгаживать, плевать нам в душу? Это разве не мы холоднючую северную Евразию цивилизовали, не мы стали сеять рожь и ставить избы в тех краях, где лишь звери срали, да кочевник искал с кого спустить шкуру? Не мы создали страну, в которой надо было от края до края три года на санях ехать?

– Дружище, пафос тебе не к лицу. А если по существу, то и здесь идет линька. С мешком старых подвигов, да еще на санях, в

новый мир трудно въехать. Тебе-то самому не кажется, что величием своей страны живут только импотенты? А вот настоящие содержательные личности...

– Гордятся величием чужой заморской страны.

Лицо Негра в зеркале «украсилось» кривой улыбочкой, которую обычно изображала моя собственная физиономия при прослушивании чьих-то патетических речей.

– Ладно, брат, давай начистоту. Историю пишут победители. Поэтому в истории были стремительные чайные клипперы, но из истории исчезли пузатые шхуны, чьи вонючие трюмы набиты неграми, как килькой.

Да, он прав, историю пишут победители, а сегодня это «Омега» вместе со своим могучим искином «Фридом наномайнд». Он и возлагает, и отпускает исторические грехи.

Поэтому были и есть танцы в кельтских юбочках, но не было развешанных на деревьях ирландцев.

Были кофе и каучук, но не было отрубленных рук конголезских дикарей.

Были вигвамы и вампумы, но не было вмерзших в лед индейских детей.

Были и есть кенгуру, но не было охоты на аборигенов.

Никто ничего не вспомнит, потому что это потерто как в Сети, так и на всех несетевых носителях. А то, что было на бумаге, стало золой после проведения всемирной кампании «против коммунистической агитации». На Дворцовой площади три дня горел костер из «коммунистических книг», вокруг которого плясали амраши под простенький музон, вроде «trance», как на дискотеке. Хотя, по идее, больше подошел бы Вагнер с его «полетом валькирий». Потом выяснилось, что спалили случайно мистера Dostoevsky, которого читал сам мистер Октавио, и за это парочку переплясавших амрашевских активистов сослали на Луну. Не более того.

Итак, меня уговаривают: прими власть и деньги. Это не сложно. А мне б получить на руки всего полтора миллиона и я смогу восстановить Веру. Сегодня деньги отменяют смерть. Но... с другой стороны, мне тогда принимать и ответственность за то, что натворил и еще натворит «виртуальный проект». А вдруг грехи определяет и учитывает не только «Фридом наномайнд»?

– Значит, Негр, ты купить меня собрался. Купить мою бессмертную душу.

– Ой, как далеко мы зашли. Сейчас прямо сойдем во гроб с образком в руке. Да я тебе самого главного еще не сказал. Если ты не займешь место виртуального миллиардера Грамматикова, специально подготовленное для тебя место, то его займет другая

сущность. Это искин с довольно длинным названием, которого специалисты кличут просто Симулакром.

Негр сделал довольно сильный ход, которого, впрочем, можно было ожидать. Это я давлю свои беспокойные предположения, а он, наоборот, дает им ход.

– Хватит плодить сущности.

– Эх, брат, раньше надо было выдвигать этот замечательный лозунг. Симулакра создавали, в общем, для «оживляжа», как некое подобие личности, чтобы виртуальный миллиардер мог давать интервью и вступать в контакты с деловыми партнерами. Но сейчас есть мнение, что от Симулакра можно ожидать любых пакостей, потому что он оживился чересчур и даже обзавелся тайными носителями, на которых хранит свои резервные копии.

– Слушай, Негр, иди ты подальше бани, к хакерам, они любят такие истории, – раздраженно откликнулся я, хотя понимал, что среди разработчиков «виртуального миллиардера» могут существовать две партии. Какие-нибудь гуманисты и механисты. Первые пытаются использовать мою личность, вторые хотят ее стереть и заменить искином... Но скорее всего Негр лишь использует нехитрый психологический прием, создавая впечатление конкуренции. Дескать, уже двое претендуют на одно место – торопись, браток, а не то опоздаешь...

Негр стал описывать каверзную сущность Симулакра, подавая его в роли моего исконного врага, а я стал искать взглядом какую-нибудь тряпку побольше, чтобы накинуть ее на зеркало. Собеседник догадался, что переборщил с киберужасами и перешел на куда более увлекательные темы. Не просто перешел, а даже переоформился. Он превратился в мулатку-шоколадку, которая при всех своих причиндалах сохраняла и кое-какие мои черты, например сломанный нос.

– Записывай, котик, телефон команды знойных эфиопок, – проворковала шоколадка. – Они-восемь-пять... У них сиськи, как на пружинках, и ягодицы, как колобки, а вдобавок имеется высшее гуманитарное образование; они вполне оценят и твой немеркнущий интеллект. Если хочешь подробности – они, так же как и ты, предпочитают, когда мужик сзади. И задок у них ходит, как затвор на пулемете.

– «Если кто с женой сзади грех сотворит, да наречется скотом», понятно?

Я схватил фарфоровую вазу династии Сун и швырнул в «зеркало». Оно на удивление раскололось. Из-за стилизации под старину экран был твердым и хрупким, а ваза все-таки оказалась ненастоящей – пусть и собранной поатомно один к одному с оригиналом десятого века, но с добавлением армировочного

кремниевого волокна.

Из нервной задумчивости меня вышиб странный толчок воздуха, за которым последовал низкий рокочущий звук.

Я выскочил из туалета на пирс и посмотрел туда, откуда донесся звук. За хрустальным небосводом проглядывалась огромная тень. Так, наверное, видят рыбки своего хозяина из голубого аквариумного мирка.

Я сгонял в дом за спексом и снова вперился в небосвод, изучая его при двадцатикратном увеличении. Теперь хоть и смутно, но впечатляюще проглядывалась туша «Мадлен Олбрайт», если точнее, ее кормовая часть, напоминающая слепленные пухлые ножки одноименного исторического персонажа. Углядел я даже обводы радиатора силовой установки, напоминающие короткую юбочку – ближе к средней линии. Рассмотрел и сеточку – на самом небосводе – трещины, что ли?

Похоже, круизный лайнер во время неудачного маневра после отшвартовки влепился в остров...

У меня или искорки в глазах, или что-то в самом деле падает с неба... Это, надо думать, часть лайнера, какая-нибудь выступающая причальная деталь, пробившая небосвод, а затем отвалившаяся.

Искорки поблескивают все ближе и ближе, значит, лучи солетты играют на рваной поверхности летящего объекта. А вот... и впилился он. Взлетели вверх тучи пыли, и спустя доли секунды легкий шумок достиг моих ушей. Похоже, эта штука «приземлилась» в районе Папеэте.

И тут началось затмение, все вокруг затянуло серыми сумерками. Солетта явно переключилась на режим экономии, используя какой-то маломощный резервный источник энергии. Затем вырубился легкий бриз. А следом поблек и Нановилль. Пальмы осунулись и стали саксаулами, орхидеи превратились в ромашки, колибри – в воробьев. Швартовые концы, которые притягивали яхты к пирсам, бессильно упали в воду. Это был явный сбой в энергоснабжении виллы.

Я получил шанс смыться отсюда, грех не воспользоваться. В голове, несмотря на утомление и лень, мигом сформировался план. Я бросился на западный пирс, влез в лодчонку размером с хорошее корыто. Полный вперед, капитан на шканцах... Но плавсредство и по своим мореходным свойствам приближалось к корыту. Пока я тянулся к веслам, корыто сделало попытку перевернуться и обещало повторить это снова.

«Мы вышли в открытое море, в суровый и дальний поход». В «открытом море» вода после отключения энергии была вязкая и сопливо-густая словно борщ. Сказывался избыток ПАВ, ВМС,

красителей, ароматизаторов и прочих «полезных» добавок. Современное море ведь такой же продукт, как и йогурт.

Где-то рядом с буями должна проходить граница частного владения.

Я гребу, как тысяча морских чертей, однако не становлюсь ближе к буям ни на метр. Скользкая сопливо-густая жидкость течет навстречу мне, словно с горки. Сквозь пот, заливающий глаза, я наконец различил барьер.

Это – стоячая волна, опоясывающая всю акваторию Нановилля.

Все – кранты, сил больше ни капли, морские черти испарились. «Суровый поход» закончился.

Я выскочил за борт. И быстро понял, что плыть здесь невозможно. Это даже не кисель – верхний слой воды похож на поролон! Я так и вижу, как молекулы этой псевдожидкости вместо того, чтобы свободно болтаться, сидят, словно на цепи. Из-за этого я побултыхаюсь немного и захлебнусь. Если бы у меня были сейчас сухие штаны, то я бы их обмочил. Попробовать бы вернуться в лодочку, но ее уже прилично снесло в сторону от «барьера»...

Вокруг меня прошелся бурун. Значит, на небольшой глубине движется большое тело, типа акулы или спрута. Так и хочется крикнуть небесному режиссеру – это перебор, мне вполне хватает одной страшной неприятности.

Тело подвсплыло, я стал различать его конусовидные контуры, придающие ему сходство с кальмаром. Вокруг тела появился ореол из фонтанчиков – это оно шарит своими конечностями! Раз, и я попался – щупальце ухватило мою левую руку и зафиксировало захват, мигнув зелеными индикаторами. А затем тело потащило меня вперед и тяга была, будь здоров.

Где-то над головой раздался свирепый клекот: «Вы забыли попрощаться». Я поднял глаза – техманн хозяина махал надо мной своими огромными мономолекулярными крыльями. Видимо, преступление требовало немедленной кары, поэтому техманн стал гадить сверху какой-то едкой дрянью, которая взаимодействовала с водой, как карбид, пузырясь и выделяя вонючий дым.

Еще немного и это гуано угодило бы мне на макушку со всеми вытекающими последствиями. Но тут «кальмар» принял меры. Его щупальце метнулось вверх и стянулось, как аркан, на клекочущей «бабочке». Потрепыхавшись несколько секунд в мощных объятиях, техманн рухнул в воду, забил крыльями как лебедь, но все равно ушел под поверхность, еще вынырнул ненадолго, наверное, чтобы прохрипеть: «Вы не выключили свет в

туалете», и исчез навсегда.

Когда я оказался на линии стоячей волны, сработало «противоугонное средство»: зашипел наэлектризованный буек и меня так шарахнуло разрядом, что я света белого не увидел.

Когда полегчало, то я обнаружил себя в брюхе «кальмара», то есть внутри субмаринки для проведения ремонтных работ на дне Таити.

Имелось тут какое-то подобие приборной доски, но на ней лишь несколько дисплеев, которые показывают виды с точек над корпусом и под корпусом.

Субмаринка, слегка покачиваясь, плыла в автоматическом режиме на глубине двадцать пять метров.

Слой голубой курортной воды остался выше, вокруг была грязная жижа, насыщенная продуктами курортного метаболизма.

А потом из грязного сумрака возникла гигантская голова морского дьявола – так внезапно, что меня чуть инфаркт не хватил. Это, наверное, тот самый, что всплыл на поверхность таитянской лагуны во время лекции Огастеса Октавио. Не просто монстр, а Мистер Монстр. Выпуклости, напоминающие закрытые глаза, в верхнем полушарии. А в нижнем – куча разновеликих манипуляторов, смахивающих на мандибулы, хелицеры и прочие органы кромсания-жевания. Плюс длинное тело, все в соплах микродвижителей, как бы мохнатое.

Я поймал себя на том, что перестал шевелиться и почти не дышу – все, как рекомендуют при встрече с большим зверем.

Но морской дьявол не был зверем. Сделав молниеносный вираж, он пошел в атаку. Я стал колотить кулаками по приборной доске, но она оставалась такой же гладкой и безучастной. За секунду до того, как дьявольский биомех ухватил бы субмаринку в свои гибельные объятия, едва заметная клякса проскочила от нее к нему. И Мистер Монстр… взорвался, оставив на память только облако кремнийорганических останков.

Глава 3. Пиратские будни

1

А субмаринка, словно истратив всю энергию, незамысловато держала курс на дно искусственного таитянского моря. Вокруг стало совсем мутно, мрачно, но еще виден крупногабаритный мусор, вплоть до рекламных биллбордов и сломанных на какой-то вечеринке стульев. Дисплей телеприсутствия показывает, что плавстредство движется вдоль канавы на таитянском дне и она увеличивает наклон вниз.

А правильно ли введен маршрут в борт-компьютер?

Ремонтная субмаринка явно уходит в глубь воронки, оттого и сумерки сгущаются.

В глубине воронки открывается что-то похожее на глаз Сциллы или рот Харибды. Кажется, это люк-диафрагма размером три на три метра.

Субмаринка повисает над раскрывшимся люком, как птичка, и начинает сбрасывать отходы.

На переборке зажглась надпись «Негабаритный живой объект. Оценочная стоимость 126 у.е. Загружается скрипт утилизации 12-U». Это, похоже, рассказ про меня.

Осталось только стучать в переборки и вопить: «Я не объект, а субъект, мамой клянусь» в надежде, что какой-то царь морской услышит и предотвратит худшее.

Но «худшее» было неотвратимым; емкость, содержащая мое тело и мой разум, вывалилась из субмаринки и стала тихо-мирно опускаться в колодец.

Так меня ж сейчас и в самом деле утилизуют, как обычно происходит со всяким металлоломом, который доставляет ремонтная лодка. Меня переплавят! Или я просто задохнусь, воздуха в этом пакете надолго не хватит. Все ясно, миллиардер Грамматиков, наигравшись в кошки-мышки, дал команду на мое уничтожение – я буду полностью переработан, так что ни одной более или менее целой молекулы не останется.

Раскрылся сфинктер шлюза, и меня поглотил приемный бункер, фактически широкая труба с эластичными стенками. Труба загибается и вкладывает меня в еще один шлюз, я еду по конвейеру…

Сквозь прозрачные стенки емкости я вижу, что впереди засверкали острые лезвия, настолько тонкие, что выглядят просто цепочкой искорок. Эти искорки могут пошинковать и металл, не

то что мою хилую плоть.

И тут емкость была проткнута несколькими трубками и стала заполняться вязкой жижей, на ходу превращающейся в гель. Все это вливалось быстро, с противными звуками, и уже через несколько секунд гель настырно лез мне в лицо, в нос и рот, так что сразу затошнило. Я испытал непритворный смертный страх. Это когда и холодный пот, и торможение сердца, и звон от царь-колокола в голове. Моей лебединой песней были странные слова: «Код доступа Порта Нигра». А потом осознал, что получил отклик. Я дышу! Гель переформатировался во что-то напоминающее губку, которая стала впитывать слизь и слюни, одновременно занимаясь вентиляцией.

Я уже ничего не видел, потому что даже веки не поднять, и ничего не слышал, кроме чмокающихся звуков, издаваемых губкой. Но мое тело ощущало инерционные перегрузки минимум на три «g». Все тянулось дьявольски долго, поэтому, не дождавшись окончания, я просто отпал. Наверное, этот отпад можно было назвать сном. Во сне я видел Веру.

Я заглядываю в окно дачи из сада. Вера сидит на диване с книгой, в полурасстегнутом платье, подобрав одну ногу. Ее изящная рука с перстеньком на среднем пальце лежит на нежной коже ноги чуть выше колена. А другая рука с голубоватыми прожилками на запястье заведена за голову. Завиток волос падает к глазу, чья дымчатая ночь просвечивает сквозь густоту полуопущенных ресниц. И мне кажется, что она хочет перевести взгляд от книги ко мне. Я приближаюсь к ней и тут ощущение того, что передо мной живой человек, исчезает. Я начинаю видеть границы цветовых полей и плавные линии превращаются в зубцы из пикселей. У меня начинается что-то вроде крика-плача, я бросаюсь к Вере, но все эти поля и пиксели ворохом ярких пятен пролетают сквозь меня, и я оказываюсь в полной мгле.

2

Первое, что стал чувствовать после пробуждения – был холод. Очень паршивое было пробуждение, скажу вам прямо, как в аду, в круге имени Деда Мороза. Холод был даже не столько снаружи, сколько внутри, в каждой моей клеточке. И не пошевелить никакой частью тела, то ли они все мертвы, то ли скованы. Отогревался я со страшной болью, полузадушенные вопли с трудом проходили сквозь мою деревянную глотку. Мои замерзшие мозги стали оттаивать раньше моего оледеневшего тела. А лучше бы наоборот.

Но вот дошла очередь и до тела, я задергался и сел. Темнота как в попе у негра, да простит меня за сравнение свободолюбивая Африка. Стал трогать сам себя, проверяя, все ли на месте. Что-то опять не так. Я надавил пальцами, и они вошли в кожу как в гниль. Я загреб рукой и пальцы мои содрали здоровенный кусок кожи. Я взвыл как зомби и только тут до меня дошло, что это слоящиеся остатки одноразового скафандра. Если бы у этой комедии сейчас были зрители, то они бы отозвались аплодисментами.

Глаза наконец привыкли к мраку, который слегка рассеивался мигающими индикаторами и загробным фиолетовым отсветом.

Я был в камере. И хотя я не бог весть какой астронавт, но по нагрузкам понял, что уже не на Таити; мое смирное тело перегружено с космического острова на транспортное средство, которое движется ускоренно.

Со всех сторон от меня были складчатые источающие холод стенки. В таких холодильных камерах обычно хранятся съедобные и прочие грузы, претендующие на посмертную свежесть. Выход из камеры был закрыт полупрозрачным люком, пропускающим слабый фиолетовый свет. С той стороны люка видны контуры дактилозамка. Но с моей стороны ничего. Стыки между люком и переборкой практически незаметны. Опять повод для паники? Нет уж, раз меня вытащили из утилизационного бункера, то сейчас уничтожать не будут. Но с другой стороны – есть хочется. И писать. Это второе даже больше, чем первое. Лежать холодным и голодным в луже собственной мочи – это мне не улыбается, против этого восстают пять тысяч лет цивилизации, лежащих за моими плечами. Бомж, вмерзший в собственные испражнения, тьфу...

Лицо у меня задергалось и, наверное, исказилось из-за страха. Возможно даже, из-за желания заплакать. И тут я понял, что один зритель у моей комедии все-таки есть. Вернее зрительница. И она находится с той стороны полупрозрачного люка.

Это та самая черная девушка, Маня, прислужница Бориса Дворкина типа рабыни Изауры. И хотя Негр стрелял в нее в Петронезии, она затем промелькнула в виде тени на фидерном судне. Ну и каков вывод? То ли медики не дают простреленной клиентке откинуться, пичкая ее медботами, протекторами, васкулоидным кровезаменителем, то ли мертвые оживают, когда это нужно какому-нибудь владыке преисподней.

Наверное, на лице моем появилось выражение, соответствующее встрече с адскими силами. А челюсть от холода и ужаса премелко задрожала, словно желе на подносе у

неумелого официанта.

Девушка состроила рожу, передразнивая мои гримасы, а потом открыла люк и выпустила меня в складской коридор, вдоль которого располагался бесконечный ряд холодильников.

Черт, да она вполне живая эфиопская красотка в собственном соку, я сразу почувствовал поток тепла, ощутил сладкие бабьи запахи, которые она источает.

– Мы с вами знакомы? – на всякий случай спросил я.

– Чего-чего? Если ты забыл мое имя, то могу напомнить. Меня зовут Мириам. Мириам Хайле из Адис-Абебы. Я – православная и родственница Пушкина по материнской линии, – сказала с достоинством африканка. – А ты, ядрена вошь, не расист ли, часом?

– Не надейся. Тому, кто говорит «ядрена вошь», я – друг, брат и сестра. Важно, чтобы ты не была расистом… Ты… А ты точно это она, то есть Маня?

– Котик, я же тебе уже представилась, – промурлыкала эфиопка. – Что ты еще хочешь знать о девушке? Имеются ли у нее венерические заболевания? Да, кстати, уменьшительно-ласкательно лучше звать меня Мири или Ам. Когда у меня плохое настроение, то я точно – Ам.

– Ам… я обычно не спрашиваю у девушек, где тут туалет, но сегодня вынужден сделать исключение. Не сочти это проявлением расизма.

– Это проявление дебилизма. Туалет везде. Можешь даже оставить свои гостинцы в тутошних продуктах, предназначенных для питания классовых врагов.

А в данном случае она точно права… Я догнал девушку, когда она уже была в конце коридора. Мириам Хайле ласково потерла пальцем по кодовому замку. Тот, немного подождав, щелкнул с легким стоном, и дверь открылась. Мы вышли в соседнее помещение, где было чуть теплее и значительно светлее.

Озаренная жгучим светом Мириам предстала во всей красе и в комбинезоне обслуживающего персонала. Одеяние было внешне скромным, местами мешковатым, но понятливая интеллозовая ткань обтягивала девушку, где надо, особенно на бюсте и талии, что хорошо обозначало ее формы прародительницы человечества. (Если не ошибаюсь, все люди взялись из тех самых африканских краев.) Это весьма контрастировало с остатками моего скафандра, которые сейчас откровенно напоминали нищенские лохмотья. Прорехи везде, даже в области, где располагается «народное хозяйство».

– Надеюсь, для грузового суденышка такой наряд сгодится? – спросил я, тревожно озирая свое облачение.

– Суденышка? – Она хрюкнула от смеха. – Матросик, мы на борту пятизвездочного круизного лайнера «Мадлен Олбрайт». Ты должен выглядеть на сто тысяч долларов.

Мы на борту… Мадлен! Билет стоит не меньше новенькой автомашины, и у меня его нет. Значит, я – космический заяц. Смотрел кучу фильмов на эту тему, и очень часто космических зайцев просто выбрасывали в открытое космическое пространство через канализационный шлюз. Мне действительно надо иметь одежку стоимостью во много тысяч баксов.

– Как насчет того, чтобы выдать мне самые модные тряпки сезона? Что у нас с Версаче? – сказал я с саркастической безнадежностью в голосе.

– Сейчас будет тебе и Армани, и Версаче в одном флаконе, – неожиданно пообещала Мири.

Она потыкала виртуальную клавиатуру, и я вдруг почувствовал, как зашевелились на мне лохмотья, оставшиеся от скафандра – будто насекомые поползли. Отвратительное ощущение – подобное испытывали люди, которых китайцы скармливали муравьям. Скафандр расползается, что ли? А вдруг на мне даже трусов нет?

– Гражданка, отвернитесь. Несмотря на мой литературный псевдоним в африканском стиле, на самом деле я не из джунглей и поэтому стесняюсь.

Мири и не думала отворачиваться, но сразу выяснилось, что взгляд ее был безжалостным.

– Можешь считать меня патологоанатомом. Твои низкокачественные яички размером с семечко подсолнуха меня, как истинную африканку, не волнуют.

Вот и хорошо, что не волнуют. Чем легче яички, тем тяжелее мозг. И если они ее не волнуют, так почему они должны волновать меня? На медосмотре в военкомате я стоял примерно в том же виде перед медсестричкой и врачихой, даже не смея прикрыть хозяйство ладошками. А дамочки еще высматривали, все ли у меня в норме, в смысле количества, как будто это боеприпасы. С другой стороны, много ли проку от большого мозга, если он напоминает содержимое мусорного ведра? Было бы вполне достаточно двух бубенцов между ног, которые начинают звенеть, едва почуют те спелые фрукты, что имеются у каждой порядочной африканки. Но все-таки почему Мири сказала, что мои яички размером с семечко подсолнуха? Конечно, сравнивать их с кокосовыми орехами неправомочно, но высказывать столь глубокое пренебрежение – это несправедливо и неинтеллигентно. Стоп! О чем я только размышляю. Ни один питерский интеллигент, особенно тот, который произносит звук

«ч» в слове «что», не думает о размере своих яиц. Именно поэтому питерские интеллигенты размножаются только при помощи библиотек и филармоний. Вернее, размножались, пока в здание Публичной библиотеки не попала во время войны метилиндоловая бомба-вонючка.

– Бинго! Ты уже одет, – прервала мои горестные рассуждения чернокожая красотка.

Да, вроде ползанье по мне закончилось. Что-то быстро.

– Подозреваю, что на меня будут озираться не только все пассажиры этого лайнера, но и жители Альфа Центавра, когда через несколько лет до них долетит свет от моего костюмчика.

Мириам развела руки и между ними услужливо растянулась зеркальная пленка.

– Давай спроси у зеркальца, как ты сейчас выглядишь.

Выглядел я... Чернокожая красотка по совместительству оказалась модельером... Я никогда так не выглядел, даже на свадебной церемонии, ради которой продал новенькую стиральную машину... Я был в идеально-черном смокинге. И в идеально-белой рубашке. При идеально-повязанной бабочке. Что самое удивительное – на мне обувка с модными нынче носами-трубочками. Я поднял ногу, чтобы посмотреть на ступню. И там, где было только что пусто, голо, в мгновение ока словно нарисовалась подметка. Теперь все есть, кроме, пожалуй...

– Носков нет, – с некоторой претензией произнес я.

– От твоих носков все аромадетекторы свалятся набок, – строго сказала Мири, а голос как у представителя высшей цивилизации, разъясняющего что-то грязному дикарю.

Если быть пристрастным, костюмчик вначале сидел на мне несколько мешковато. Мири еще потыкала пальцем виртуальную клавиатуру и умная ткань облекла меня, кое-где сделавшись пожестче, кое-где помягче. Даже стрелки на брюках нарисовались. И в самом деле, «Армани» чувствуется, хотя я точно не знаю, что это такое.

Пальцы Мири оснастились чем-то вроде наперстков с мелкими иголочками, которыми она провела около моего лица. У меня сразу задергалась в нервном тике угрожаемая щека, а затем я почувствовал сотню микроскопических уколов.

– Больно и вообще зачем?

– Это имплантируется косметическая арматура, которую применяет добрая половина метросексуалов. Не собираешься ли ты гулять по пассажирским палубам с выражением лица, которое можно назвать лишь идиотским, да и то в виде комплимента.

Легкое покалывание сменилось куда более неприятным жжением. Значит, я еще и в одной команде с метросексуалами

оказался. Ради чего страдаю?

Я снова заглянул в то волшебное зеркальце, которое снова натянулось между Миримыми ладонями.

Никаких тебе внешних отличий, теперь я один к одному светоч мирового бизнеса, мистер Грамматиков, конкретно в том виде, в каком он присутствует в видео– и фотоматериалах международной прессы.

Армировочное волокно идеально подправило мне рожу лица, разгладило кожу и даже изменило форму носа. У меня снова греческий профиль, как в те годы, когда я мог запросто закадрить девчонку. В качестве побочного продукта не совсем приятное ощущение зуда и жжения, распространившееся по всей физиономии. Хочется чесаться, а Мири запрещает.

– Я все равно не гожусь для «Мадлен Олбрайт», чего там валять дурака. Меня так или иначе разоблачат, если не сразу, так тогда, когда я чесаться стану.

– Милый мой, неужели ты так ничего и не понял. Ты выглядишь теперь стопроцентным миллиардером, и у тебя нет никакого иного выхода, кроме как повалять дурака. И сделать это по-умному. А чесаться ты перестанешь, как только расслабишься, никакого перевозбуждения иммунитета нет. Страх – твой главный враг, потому что в воздухе полно наносенсоров, которые реагируют на «запах страха».

– Я не хочу столкнуться с двухсотпроцентным Грамматиковым на прогулочной палубе. Ну, понимаешь, с миллиардером Грамматиковым.

– Если миллиардер Грамматиков и существует, то он далеко от «Мадлен Олбрайт». Мы отслеживаем перемещения персон такого ранга.

– Как, Мири?

– Сканированием информационного пространства. Чем больше создается атмосфера молчания вокруг VIP-персоны, тем больше информационные возмущения создаются. И вообще, кончай упираться, мы теряем время, которого у нас всего двенадцать часов. На нынешний момент ты ничем не отличаешься от Грамматикова, известного публике, ни по одному внешнему или биометрическому показателю. Так что стесняться нечего… Ну, чего такая кислая физия? Изобрази веселье и достоинство.

– О, это так просто изображать веселье, столь присущее миллиардерам, если для тебя уже заготовлены три виселицы и пара гильотин в окружении десятка электрических стульев. Когда-то я ходил в драмкружок, играл, правда, не миллиардера, но богатого парня по фамилии Онегин, вроде ничего получалось.

Однако сегодня я неудачник со стажем, это у меня пропечаталось в мозгах, в походке, в телодвижениях; мой организм привык к убожеству. Я не могу с чувством собственной значительности общаться с людьми. «Принеси, унеси, пошел вон» – это все отсутствует в моем лексиконе. Короче, мне не удастся закосить под миллиардера даже на десять минут, придумай что-нибудь посерьезнее. И вообще, где твой шеф, девушка?

– Никакой шеф нам с тобой сейчас не нужен. Смотри сюда. – Мириам ткнула пальцем в ложбинку между своих шоколадных «дынь», прилежно обтянутых интеллозовой тканью и одновременно приоткрытых с помощью практически незаметной молнии.

Вот искусительница! Не Мириам, а Лилит настоящая.

– Как, Мири, прямо сейчас? Ты хочешь взять меня в сексуальное рабство? Лучше бы вначале накормила, напоила.

– Мы живем не ради жира на Земле.

Без дальнейших слов она приблизилась. Ростом Мири была, может, чуть повыше меня, но еще на каблучках, так что сильно приоткрытая ложбинка между двух ее могучих грудей оказалась совсем неподалеку от моего носа. Если по правде, я даже не возбуждение, а уважение испытал. И если бы она была старше меня по званию, то встал бы на колени.

Боди-коннектор отрапортовал о приеме визуальной информации и развернувшийся виртуок как бы окутал Мириам.

Большой и пестрый космический Змей поднимался кольцами от ее лона и устремлялся к ее пухлым губам.

В районе самой интересной женской части мерцала планета Земля, похожая на ватрушку.

Мирин животик украшали серебристые ленточки, оставленные вертикальными стартами челноков.

Звено стратосферных бомберов летело вдоль семидесятой параллели, то есть Мириной талии. Это – патруль глобальных космических сил, готовый обрушить умный огонь туда, где чуткие сенсоры засекут очертания «врага свободы и демократии».

На великолепных буферах Мириам я видел ожерелья космических автобанов, кулоны многоуровневых космических городов, бусинки индустриальных объектов, жемчужины небесных дворцов, населенных королями и принцами новых технологий. На крупных ореолах ее грудей умещались сотни сверкающих блесток – солнечные паруса космических яхт, на которых катаются богатые отшельники и наркоманы.

«Мадлен Олбрайт» была прямо перед моим носом, она летела от архипелага курортных космоостровов, мимо цепочки мусороперерабатывающих заводов, к той стороне Большого Змея,

что обращена к Солнцу. Иначе говоря, от соска левой Мириной груди к соску правой. Мое внимание привлекла точка server.joy. Через одиннадцать с половиной часов лайнер пройдет совсем рядом с ней. Точка server.joy откликнулась на мое внимание информационным окошком. Это, оказывается, космический Дримлэнд, «страна грез», огромный парк аттракционов, еще не введенный в эксплуатацию. Очень крутой парк. Дримлэнд напичкали нанотехнологиями, какие нельзя применять на самой Земле, типа самопрограммирующихся наноплантов. Владеет Дримлэндом холдинг «Зазеркалье», состоящий из семи крупнейших корпораций, занятых в сфере увеселения публики. Плюс лондонско-сибирская углеводородная корпорация, которая прикупила непрофильный актив именно по задумке Грамматикова. Это я в газете прочитал, которую удалось вытащить из неплотно закрытого мусорного ящика ровно неделю назад.

В газетных комментариях было еще начиркано про полную инвестиционную победу развлекательного бизнеса, потому что материально удовлетворенному человечеству хочется только играть и забавляться. Я, если честно, читал и плевался, сидя посреди пустой комнаты, где из развлечений только смотреть мыло по телику да щелкать рекламные пузыри, влетающие через форточку (много не нащелкаешь, следы остаются, как от воробьиного дерьма). В разряд удовлетворенного человечества я абсолютно не попадал, оставшись чем-то вроде примитивного примата…

Ах да, не будем отвлекаться. С обратной стороны Мириам есть еще попа, достойная кисти Рубенса. Там, наверное, сейчас все созвездия разместились. Малая Медведица на левой ягодице, Большая – на правой; тугая плоть идеально представляет геометрию пространства-времени.

Я попытался бросить взгляд на тыльную часть эфиопской красотки, но она погрозила пальцем, и я преданно отозвался: «Слушаюсь, ваше превосходительство мое». Мне, конечно, довольно и фасадной части – хотя, если б не нужно было выбирать, я взял бы и то, и другое…

Мириам выглядела как богиня, родившая весь мир и вскормившая его своей величественной грудью. Мириам, ты ведь скорее Ева, чем Мириам, прими меня в себя обратно. О, как я понимаю Жорика Вашингтона и Фомку Джефферсона, которые, отбормотав свое про «свободу и демократию», торопились поскорее зарыться в шоколадную пышку какой-нибудь «прародительницы человечества» со своей плантации…

Тьфу, черт, это у меня, пардон, фантазия на почве

трехлетнего воздержания. Нет, если быть точным, четырехлетнего. Меня в последний год перед разводом жена практически не подпускала. Я подозреваю, что сама она регулярно наведывалась к мужику с нижнего этажа, к рябому сантехнику, который прочищал трубы за чекушку и все время почесывал себе задницу. «Что льва злее в четвероногих и что змеи лютее в ползущих по земле? Всего того злее злая жена». Это писал Даниил Заточник, будучи бобылем. В то же время он справедливо добавлял: «То не море топит корабли, но ветры», понимай так, что глупый муж способен довести даже самую добрую жену до греха.

– А что это там, похожее на плесень, облепило бочок у Дримлэнда?

– Одичавший нанопластик. Его полно в районе хвостовых Колец Змея, где светят солетты и порхает много металлоорганических отходов. По химическому строению плесень представляет собой молекулы-дендримеры с отходящими в стороны «побегами». Они сплетаются в новые дендримеры, а те опять пускают «побеги», и так до бесконечности. Любой летательный аппарат эту плесень, конечно, прорывает, так что не верь басням о навеки влипших кораблях. А вредна она тем, что почище вражеской РЭБ [28] влияет на показания радаров и других навигационных приборов. Поэтому на мостике любого корабля должен непременно находиться штурман и смотреть в оба… Ну, пора… Маркиз, проводи товарища.

Что еще за Маркиз? Ответ пришел незамедлительно. Из-за какой-то цистерны появился Вурдалак. Тот самый бандюга из Петронезии, правда, без когтей и прочей инкрустации, не в черной коже, а в простом комбинезоне мотористa. И волосы уже представлены не белесой щетиной вепря, а приличной прической – под полубокс. Но та же вытянутая физия с выпирающими зубами на острой нижней челюсти – того и гляди, зарычит или начнет выкусывать блох.

– Сгинь, – попросил я.

– И не подумаю, – отозвался он.

Я вспомнил, как колыхнулась его куртка, когда ее пробила пуля Негра. А вдруг это мимоид с хорошим разрешением, появившийся в виртуоке, хорошо «притертом» к реальности?

Я сделал шаг и замахнулся рукой на Вурдалака. Рука должна пройти сквозь мимоид.

Рука не прошла, а вдобавок я схлопотал в челюсть. Сел на задницу, в голове – пар, как при нокдауне. По крайней мере ясно, что Вурдалак – не мимоид.

– Достаточно? – осведомился ударивший. – Или вы желаете

получить дубликат?

– Что-то вы не оставляете меня своими заботами, Вурда...

– Меня зовут Рене Жоффруа Лорран де Амальрик, – сказал он на полном серьезе. – Звание маркиз.

– Ври больше, Вурдалак, – отразил я. – Рене, у мене нет никакого настроения слушать всю эту чушь. Если ты такой голубой, в смысле по крови, то почему твой французский прапрадедушка не угодил на гильотину, прежде чем сошелся с твоей прапрабабушкой?

– Чтобы ты не упустил свой шанс попасть на электрический стул. И вообще мне не нравятся твои зубы.

Эти слова не предвещали ничего хорошего. Я попробовал отползти, но в руке у маркиза блеснуло что-то вроде клещей. Он ухватил ими мою нижнюю челюсть, и из моего рта пошел дым. Когда я пришел в себя от кашля, то на месте дедовских зубных протезов у меня стояло три шикарных голливудских зуба – три белых импланта. С ними я мог улыбаться, как великий Гейтс, глава комитета ООН по глобальной виртуализации.

3

Вурдалак провел меня закоулками трубопроводного вида, а когда он исчез, словно провалился, я уже был на пассажирской палубе.

Боже, тут были лучшие люди экс-России. Я их по телевизору видел. Даже главный мормон Евразии. Ексель-моксель... Чувствую, эти сраные подпольщики собрались на моей заднице сплясать канкан и провести моими руками какую-то придурочную акцию. Может, надо будет ликвидировать какого-нибудь крутого бизнесмена или высокопоставленного чиновника...

Челночный борт, на котором я прилетел в космос, отличался от «Мадлен Олбрайт», как бумажный кораблик от линкора. Палуба за палубой у «Мадлен» представляли собой разные эпохи роскоши. Здесь, к примеру, обстановка как на галере фараона: позолоченное дерево, боги с лежевесными плечами и птичьими глазами. А выше палуба а-ля королевский фрегат: стоят в ряд настоящие чугунные пушки, ждут, когда откроются отверстия лацпортов и можно будет выдохнуть пороховой дым. Слава нанотеху, который позволяет копировать любое материальное изделие один к одному, атом к атому, молекула к молекуле. Все приметное, что было создано человечеством за десять тысяч последних лет – Стоунхендж, Джоконда, собор Василия Блаженного, – было признано администрацией ООН

«общественным доменом» и расхватано королями нанотеха за пару лет. Так что теперь копирайт на пирамиду Хеопса у них…

По роскошным палубам, благодаря искусственной силе тяжести в половину земной, порхали бухгалтеры, напоминающие по форме грушу, и менеджеры среднего звена, смахивающие на переваренную капусту. Нет, порхали не все. У многих передовиков капиталистического производства были мутные глаза и полупарализованное лицо. Это, наверное, из-за передозировок стимботов. Беда в том, что по мере привыкания рецепторов, стимуляторы нужны все более мощные и пробивные, что ведет к дегенерации и нервной системы, и желез внутренней секреции. Человеку кажется, что его мозг превратится в слизь уже через двадцать минут, если не принять срочно что-нибудь возбуждающее. Это я по себе знаю. Если бы не война, то я сам бы стал чем-то вроде музыкального автомата, который играет, когда в него бросаешь таблетку…

Среди бухгалтеров и менеджеров выделялись, словно семечки в арбузной мякоти, крепенькие метросексуалы. У каждого – идеально вылепленные губы, как у Нарцисса, волосы, как Золотое Руно, рельеф мускулатуры, как у Аполлона. Вся жизнь Аполлона посвящена собственному телу, вернее конвейеру операций над телом, которое оснащается геночипами, имплантами, наносенсорами, гормонными депо, силопроводами, клон-заменителями износившихся органов, и так далее.

Гонясь за совершенством, которое зависит от очередного «тренда» в глянцевых журналах, метросексуалы с тревогой копаются в анализах своей мочи и своего кала, утопают в ворохах томографических и ультразвуковых снимков своего организма, с утра до вечера следят за мониторами, которые выдают информацию от интракорпоральных сенсоров, внедренных во все органы и ткани. Один аналитик у пивного ларька, где я обычно черпаю информацию, уверял, что матерых педиков среди этой публики не больше половины, просто многие корпорации требует от своих сотрудников соблюдения бьюти-кода.

Жизнь метросексуала, безусловно, и опасна, и трудна. Ведь самонаводящиеся чипсы прыгают прямо в рот, едва подумаешь, что неплохо бы подкрепиться. И если метросексуал поддастся чарам фаст-фуда, то превратится в овощеподобного бухгалтера или менеджера капустного образа. Истосковавшееся по гастрономической свободе тело начнет мгновенно растворять комочки протеинов и углеводов, пропитанные синтетическими овкуснителям и ароматизаторами…

Бухгалтеры и менеджеры причмокивают, трепетно поглаживают копии древностей и благоговейно приговаривают:

«Все, как настоящее, и трогать можно». Они уважают эти копии не за красоту и аромат ушедших миров, а как святые дары от богов «свободы и демократии».

А бизнесвумен страшны необыкновенно, да еще усиливают ужас при помощи курортных мини-юбочек. Из задниц и бедер с помощью микропомпочек выкачан жир, но эти плоские части тела в компании с мосластыми конечностями, рыбьими ртами и талиями в ширину плеч способны убить любую эрекцию на сто лет вперед…

На следующей палубе копируется великая «эпоха заклепок». Так, наверное, выглядели интерьеры на Титанике. Аристократическая бронза светильников, теплая медь изогнутых ручек и тяжелые зеркала, в глубине которых живут благородные предки, трапы с латунными держателями для ковров.

Кругом я видел свои отражения. Мири действительно постаралась. Я еще никогда не был таким классным мужиком. Смокинг подрисовывал мне мускулу и объем грудной клетки. Арматура придавала моему лицу мужественную жесткость и стирала мешки под глазами. Мири чем-то попрыскала мне на макушку, отчего мои редковатые волосики превратились в густой боевой «ежик». Да и улыбка, как у космического волка, капитана Кац-Нельсона из спейс-оперы…

Я скосил глаза налево, откуда донеслось женское дыхание, цокот каблучков и забористый аромат духов. Кто-то проворковал в курортно-эротическом стиле: «Adoro atezarse desnudo. No compondras a mi la compania?» Ага, меня не проведешь, это две длинноногие блондинки точно техманны типа «барби». Билеты тут дороговаты, бизнес-бабы ужасны, а для создания атмосферы светского раута нужны искусственные кукольные персонажи. Проходите мимо, машинки, не задерживайтесь… Ага, похоже, еще одна барби вздыхает за моей спиной.

– Катись дальше, жестянка, не задерживайся, – пробормотал я. – Ve y no vuelvas [29].

– Это вы мне? Я точно еще не жестянка и, к сожалению, не говорю по-испански.

Я скосил глаза еще дальше налево. Нечто, имеющее женские очертания, рассматривает очередной шедевр поатомного копирования. На техманна не похоже, до кондиций Барби этому объекту далековато. Хотя и до бизнес-бабы тоже.

– Нет, это не вам, а ему, паразиту, – кивнул я на рекламный пузырь, агитирующий за сафари в третьем кольце Великого Змея, где «много биомехов, ничем не отличимых от обитателей Серенгети».

– Чем же он вам не угодил?

Я осознал, что стоять со скошенными глазами достойно лишь индийского кинематографа и повернулся к даме.

Нет, она точно не техманн. И если амрашка, то какая-то съехавшая с пути истинного. Слыхал я в «английском клубе», что золотая молодежь с Новосмоленской набережной, где дома напоминают морских тварей, сильно далека от правил. Она то ли достает левые сертификаты «American Not Russian», то ли умеет хакать психоинтерфейсы…

Росточку дама невысокого, в коротковатой юбочке, словно слепленной из золотистых русалочьих чешуек, фигурка пухленькая, волосы темно-рыжие, личико длинноватое, почти морковка, хотя эта морковка миленькая. Глаза вроде не такие, как у амрашей, но мимика типовая. Представилась как Нина Макарова-Нильсен.

Подозрительно она прилипчивая. Может, агент вражеской разведки? Ну, ты меня своими женскими чарами не возьмешь. Меня десять минут назад такая сексапилка обнимала, не тебе чета.

С другой стороны, «веди себя естественно»… Пока я еще собирался с мыслями, поддерживать или не поддерживать разговор с девицей по имени Нина, около меня щелкнул каблуками какой-то кент в форме, с широкой «соплей» на обшлаге рукава. Судовой офицер, похоже. Выше меня на голову, сразу видно атлет, умница, космический волк. Рядом с такими типами у меня всегда появлялось ощущение, что у Господа Бога явно не хватало материала во время моего изготовления, или Он сильно торопился. Только сейчас не мандражировать, я же в смокинге, и этот офицер не выше меня, а длиннее, как выразился бы Наполеон.

– Ага, один известный господин. И не успели вступить на борт, как закадрили девушку. А вдруг девушка уже занята? Черт возьми, Нина, у нас, похоже, будет немало хлопот с этим бабником… Майкл Зайтсеф, старший помощник капитана, – представился офицер.

Этот мистер Зайтсеф из амрашей, хотя и свежеиспеченный. Произношение у него шибко стандартное, «гипноз-инглиш» явно через нейроинтерфейс получен.

– А у меня мама была капитаном, правда, милиции, – отозвался я. Внутреннее напряжение дало о себе знать хрипотцой в голосе.

Старпом испытующе посмотрел на девицу, а девица хитро посмотрела на него. Они, между прочим, особыми взглядами обменялись, может, заподозрили чего. Ой, страшно, потекли молекулы ужаса, как бы наносенсоры не почуяли.

– Миша, у тебя скоро вахта, надо ж еще побриться, подмыться, – сказала Нина в стиле, подходящем для общения с близким другом.

– У меня рука не дотягивается, не потрешь ли спинку? – предложил старпом Зайтсеф в еще более дружеском стиле, неслышно сообщая мне: «Ты хоть и важняк, но девка-то, в общем, моя».

– Катись, жестянка, – закруглилась Макарова-Нильсен на русском и повернулась ко мне. А старпом щелкнул каблуками и отвалил. Столько нервов попортил, гад...

– Итак, я вас заарканила, куда теперь тащить? – невинным голосом поинтересовалась Макарова-Нильсен.

Вот напасть. И что мне в компании с этой девицей делать? В кармане ни РУБЛЕй, ни кредитных карт. Подпольщики – такие жмоты. И при этом я как бы миллиардер. Надо хоть пальцы веером растопырить и изображать понты.

– Куда-куда, рестораны надоели, гольф и казино тоже... тащите на космос посмотреть, на прогулочную палубу, – вовремя пришло мне в голову...

Космос был как всегда на высоте, ведь его не могли испортить ни мусор, ни смог. Из рук робофициантки своевременно возник бесплатный коктейль. Я размягчился и, наконец, смог обозреть все стандартные космические красоты. Тут и дифракция света в кольцах Великого Змея, и голубой затянутый облачной вуалью арбуз Земли, и терминатор, наползающий чернильной кляксой на беззаботные Францию с Италией, и оранжевая клякса солетты, и яркие факелы патрульных бомберов, и веселые брызги космических островов, и бесконечная россыпь звезд, превращающаяся в яркий туман. А ближе ко второму кольцу Змея – сферический Дримлэнд, который вот-вот должен достроиться и войти в эксплуатацию. «Страна грез» была окружена аурой из нанокристаллов, в которой вспыхивали задорные рекламные лозунги. Я даже различил надпись «Интеллектуальный презерватив Нана – лучший путеводитель в ближнем космосе». Ладно, мне и без рекламы известно, что Змей есть высочайшее достижение человеческой мысли и инженерного искусства. Да только ли человеческой? Может, еще и античеловеческой? Великий Змей, обвивший Землю, является по совместительству и Великой Пиявкой. Как иначе еще объяснять, что ему становится все лучше и веселее, в то время как мне и нашей «транснациональной корпорации», занимающейся сбором стеклотары, все хреновее.

– Scientia atque virtute malorum angelorum magicae artes exorcentur [30], — заметил я спутнице, удержав при себе

недовольство ходом мирового процесса.

– Да вы еще спец в латыни! Какой вы многогранный! – воскликнула девушка, готовая восхищаться любым словам «многогранного» человека. Главное, чтобы она не переусердствовала, а то нам обоим станет неловко.

– Какой там спец. Вот Аверинцев был и другие настоящие таланты. А я просто уважаю исчезнувшие языки.

«К ним скоро будет добавлен и русский, не зря „Амраш“ так старался».

– Да, я читала в светской хронике вашу биографию. Вы – Идеальный Мужчина. Тем более идеальный, что сделали себя из далеко не лучшего материала.

Пока что Макарова-Нильсен добросовестно принимает меня за этого оборотня Грамматикова. Безусловно, в газетах можно найти его биографию, у каждого, так сказать, человека она должна иметься. Но, должно быть, оборотень выдал мою биографию в причесанном виде, про пищевой институт там едва ли полслова. Может, сказать девчонке, что я еще создал первую программу машинного перевода с русского на латынь и обратно. Стоп, я же не напрашиваюсь на лесть и незамысловатое восхищение? Или напрашиваюсь? Я, наверное, подсознательно хочу скомпенсировать слова своей женушки, которая объясняла мои бескорыстные изыскания проявлениями лакунарного слабоумия. У меня в подкорке таких «объяснений» накопился, наверное, целый пуд.

– А давайте, Нина, на ты. Я, кстати, не идеальный, я – бесконечный. «Не зри внешняя моя, но воззри внутренняя моя», как говаривали незаслуженно забытые предки. Я люблю смотреть в бесконечность, например в глубину космоса, потому что и бесконечность в этот момент смотрит в меня. Abissus abyssum invocat [31].

«Да заткнись ты со своими пословицами, – сказал я сам себе. – Ты словно хочешь доказать господину оборотню, что он еще хуже знает древние языки».

– А я при общении с Бездной чувствую свою крохотность и незаметность на карте мира. – Нина совсем по-девчоночьи надула губки.

– Крохотность сливается с бесконечностью, потому что все идет по кругу… Я вот когда-то думал, что стану великим, в смысле, не персонажем светской хроники, а никому не известным героем, ответственным за судьбы всего мира. Дескать, пребывая инкогнито для широкой публики и прессы, оставаясь затворником, отшельником и столпником, натворю великих дел. Например, напишу интеллектуальную программу, способную

распознавать и переводить любую речь, даже мысленную, чтобы не осталось на свете молчаливых, непонятых и бессловесных. Создам эволюционизирующую техножизнь, способную понимать наш язык и нашу мысль, которая станет товарищем, а может, и поводырем человеку. А в конце концов меня зарежет в подъезде какая-нибудь эгоистичная личность, которой не понравилась моя рожа, и уж после этого мир узнает, какого сына потерял…

– Почему это зарежут в подъезде? Еще скажи, консервным ножом. Почему не пуля завистника, как у Джона Леннона?

– Нет, Ниночка, если есть завистники, значит, я не тот великий, каким хотел стать. Пусть лучше кончина наступит от передозировки, только не наркотиков, а варенья… Но проблема в другом: чем больше думаешь о великих делах на пользу всего человечества, тем меньше у тебя получается. Чем меньше у тебя получается, тем дальше ты от великих дел и ближе к делам самым мелким, противным.

– Да будет тебе прибедняться. – Нина шлепнула меня ладошкой по груди. Это было приятно.

– И вот ты мечешься то туда, то сюда по фронтам осчастливливания человечества. Ты нигде не успеваешь, тебе не хватает денег и прочих нужных вещей, все валится из рук, бардак и хаос сжирают твои достижения, прежде чем ты успеваешь их закрепить. Ты не можешь работать и не можешь отдыхать, ты ведь считаешь, что твое великое дело не простит тебе отлучки. Жена бежит от тебя, как от разверстой помойки. В твоей голове от отчаяния постоянно стучит: «Да пропади оно пропадом», и ты с шизофреническим ужасом ощущаешь, что твои мысли становятся бесами, которые разрушают все, что осталось от твоего дела. Вдобавок рушится твоя страна, о которой ты просто забыл, ты не помнил о ней, когда она нуждалась в твоей помощи. Страна, которая дала тебе язык, мысль и жизнь…

– Ты про какую страну, господин Грамматиков? – В глазах у Нины появился стальной амрашевский блеск, характерный при реакции на идеологическую крамолу. Жалеть о той стране, в которой я вырос, не принято среди амрашей и брутов. Может, она все же нормальный зомби? Промытая микотоксинами амигдала, цифровой код в мемоцитовых бляшках, аналоговый код в неокортексе и гиппокампе, плюс некоторый макияж из стандартной молодежной вольности поверх основных психопрограмм – чтобы поведение выглядело натуральным.

– Да не важно какой, я фигурально.

– Ага, понятно, ты о Нигерии… Но у тебя же все сладилось и покрылось шоколадом, ты победил свой хаос.

– Да, у меня лично все замечательно, но кто-то лижет чужие

задницы с утра до вечера, чтобы заработать на полкило синтетической колбасы для своих ребятишек, кого-то тащат на живодерню в Элизиум, а он мычит, упирается… Да, мы – богатенькие, крутые, с хорошим IQ, мы знаем всему цену, у нас куча дорогих вещей, но мы не нужны миру. Да, мы воздвигли лестницу в небо, но сами остались карликами. Все наши мысли и чувства, все наше сознание – просто тонкая-претонкая пленочка между тем Богом, что снаружи, и тем Богом, что внутри. И тем не менее мы возомнили себя расой хозяев, которая пытается ощупать жирными пальцами все высоты и глубины, а затем поиметь их или продать.

Остановись, говорил я себе, ты вполне, может быть, разговариваешь с амрашкой, которая есть пакет программ, но даже затормозить себя не мог. Меня ведь никто не слушал последние пять лет…

– Но мы же сами создали такие чудесные вещи и мы справедливо гордимся этим.

– Мы их не создали, Нинуля, мы их просто собрали по тем инструкциям, которые прилагаются к каждому атому. И мы этими вещами пока владеем. Но чудесные вещи, состоящие из умных молекул и программируемых квантовых точек, уже не нуждаются в нас, в ладно скроенных джентльменах, в хозяевах и героях. Вещи давно уже живут и развиваются сами по себе, пользуясь общим резервуаром кода. В них больше Бога, чем в нас. Вещам не нужен кайф, у них нет самомнения, гордыни, поэтому они развиваются в отличие от нас. Они в любой момент могут оторваться от нас и пойти своим путем, потому что видят свет лучше, чем мы.

– Ты про техносингулярность? – спросила Нина, и я увидел в ее глазах внимательного и вдумчивого наблюдателя. – На левых сайтах ходит информашка, что первая ее волна уже прошла и существуют полностью самостоятельные, однако скрытые на наноуровне технические системы, о которых мы даже не подозреваем. Кое-где я видела названия «техножизнь» и «технозоиды». Эти самые технозоиды – то ли маленькие, вроде бактерий и вирусов, то ли большие, настоящие сверхорганизмы, которые распределены по всей материи и способны подстраивать реальность под себя. Даже Огастес Октавио со своим Technolife Act как бы приглашает интеллектуальную техножизнь выйти из подполья. Только я в нее не верю. Она, может, и существует, как существует, к примеру, звезда Бетельгейзе – только нам незачем общаться. У нас нет общего языка, общих тем и чувств.

– А в меня веришь, Нина?

Макарова-Нильсен явно растерялась. Я понял, что активно

пользуюсь кредитом доверия, если точнее, кредитом власти, которым располагает каждый большой упырь типа миллиардера. А без него я не смог бы ни уговорить, ни заинтересовать ее. Она постучала бы пальцем по моей голове и свалила бы навсегда.

– В тебя? Но ты же не техносингулярность... ты лучше.

– Наверное, мне уже надо помолчать, ведь я плохой собеседник для светской барышни. Хотя, может, ты когда-нибудь вспомнишь наш треп. Возможно, ты будешь разочарована подарками цивилизации, тогда вот и соприкоснутся внешняя и внутренняя бесконечности, и тонкая прослойка неведения в момент испарится, будто ее и не было. Бесконечность плюс бесконечность равняется сама понимаешь чему. И тогда общайся с жизнью сколько хочешь, с технической и естественной, твори вместе с ней, летай, ныряй с ней. И никакой Октавио со своими актами тебе не понадобится.

– Пошли ко мне, посидим, – шепнула Нина, давая мне возможность закрыть по-быстрому дверку, из которой лезли мои инфантильные мечты, никак не соответствующие статусу хозяина больших-пребольших капиталов.

У нее, в каюте-люкс, техночудес было больше, чем во всех трущобах от Загородного проспекта до Лиговки.

В кадке – престижная пальмочка, формой напоминающая вешалку; на ней растут разные штуки от бананов до фиников. Дисплей на кадке сообщает, какое настроение сейчас у пальмочки и хочет ли она попить. Однако же это не наноплантовая конструкция, а чудо дизайнерской генетики, что куда ценнее.

И не какой-нибудь робот расхаживает здесь, а почти природная кошка со светящейся шерстью, которая выдает настоящую цветомузыку. Наверное, это тварь с трансляцией генетического кода по последнему слову техники. По генам прыгают дрессированные рибосомы, а транспортные РНК подтаскивают материал для светодиодов. Вообще-то я до сих пор дрожу, вспоминая когти сиамца, принадлежащего моей женушке, но каютная тварь, по счастью, была сытая и сонная.

Ноги топчут мягкий живой ковер, из которого бурно растет шерсть, потому что натуральные фолликулы встроены в нанопластиковый питающий каркас. Шерсть встает дыбом при появлении нового человека, но потом снова ложится гладко. Если его гладишь, он слегка вибрирует, как бы от удовольствия.

В клетке биомех-птица, которая кормит свой репликат; заталкивает биомеху-птенчику в клювик настоящих мух. Насекомые ползают по липкой питательной массе, в силах жрать, но не в силах улететь.

Техманн-арапчонок внес ведерко с шампанским.

Натуральное. Из погребков той самой Шампани, как пить дать. Из бара выехали на тележке и другие древние благородные напитки. У тележки были квазиживые руки официанта, готовые налить и обслужить.

– Sie wuenschen? – спросила тележка почему-то на кельнерском немецком.

– Только не шампанское, это ж пьют аристократки с дряблыми задницами и подростки, любящие икать.

В руке у меня оказалась стопка с «Московской», ну наконец-то. Один всего глоток и живительная жидкость превратила мои жилы из лапши в тугой пучок. Я подхватил валяющуюся на полу помаду и в три движения изобразил Нину в профиль на первой попавшейся поверхности. Первой попавшейся поверхностью оказалось мерцающее звездными отбликами стекло иллюминатора.

– Ты – нестандартный, в смысле, не джентльмен, – сказала Нина, которая не отказалась от шампанского. – Ты не так думаешь и не так говоришь, как они. Я давно знаю весь набор фраз, который произносят джентльмены. Они для того и произносят эти фразы на английском, чтобы было не стыдно говорить одними штампами... Кстати, ни в одной из биографий мистера Грамматикова не сказано, что он отлично умеет рисовать. Я даже не знаю, зачем ты взялся ему подражать.

«Упс, вот так облом. Это как, мне ее задушить сейчас, что ли?» И никакой мысли в голове умнее, чем эта.

– Я?

– Подражать, конечно, модно и вполне безопасно, соблюдай только десять идентификационных различий. Я еще понимаю, стать двойником Эйнштейна или Ван Гога, ходить с высунутым языком и резать себе уши. Но имитировать миллиардера – как-то примитивно. А ты ведь не примитив, совсем наоборот.

Вот и пошла вся Мирина работа насмарку. Первый же вдумчивый зритель сказал: «Не верю».

– Нина, с чего ты взяла, что это я ему подражаю? Ты видела какого-нибудь Грамматикова, помимо меня?

– Да.

– Я не имею в виду мимоида.

– Да. То есть нет... На присуждении премии «Кочегар свободы», он был на трибуне... Наверное, был. Я точно не знаю, при нынешней-то технике виртуализации... В любом случае я тебя не сдам.

Я заглотил сразу две стопки от страха. Водка с благородным именем, столь отличающаяся от дристогонных средств, которые потребляем мы с товарищами, поплыла по жилам. А может, и в

самом деле не сдаст, тогда и душить ее не обязательно. За двумя стопками последовала по «закону магических чисел» и третья. От восхищения перед напитком и приема на голодный желудок я элементарно «поплыл». Поплыл и расслабился. И увидел в Нине не представительницу враждебного класса, которая может заложить меня в любой момент, а девушку. Собственно, девушку я в ней и до этого видел, но сейчас разглядел примерно такую, с какой я стал мужиком однажды в студеную зимнюю пору в женском общежитии Балтийского завода. Правда, пили мы тогда не водку, а бормотуху в больших количествах, отчего я, собственно, и не заметил момент «производства в мужчины».

Вот сидит Макарова-Нильсен напротив меня, слегка забуревшего и всерьез оглупевшего от присутствия отзывчивой девушки. Ее юбчонка, играя преломлением и отражением лучей, превратилась из набора золотых чешуек в золотистый туман. И туман этот прилично задрался выше коленок. Коленки – ничего, кругленькие. И вырез на блузке показывает, что «яблочки» у Макаровой-Нильсен тоже ничего. А у меня женщины не было три года и три месяца. Вообще никакой. Даже пластмассовой. Еще и Мири своими «дынями» меня недавно завела. Я сейчас и на стокилограммовую повариху отреагировал бы. Такая волна между инь и ян идет, будто я снова семнадцатилетний гимназист. Если бы я был котом Томом из популярного мультсериала, то вокруг меня запорхали бы розовые сердечки, а из ушей повалил пар, как из чайника.

– Может, на брудершафт? – с похотливой интригой предложил я.

Нина неожиданно быстро очутилась у меня на коленях, придавив кое-что приятно упругой плотью и вызвав ответное напряжение соответствующих членов моего тела. Вообще-то стресс у интеллегенции часто становится причиной импотенции. Но Нина оказалась сильнее моего стресса.

От ее губ пахло слегка малиной, а язык у нее был раздвоенный – по моде готов. Зрачков я ее тоже сейчас не видел, сплошная дымка – похоже, что глазные яблоки у Макаровой-Нильсен покрыты мономолекулярным экраном. Но ничего, я и это стерплю. Тем более что целоваться она умела. У меня на этот декадентский язычок даже позвоночник отозвался, по которому словно потекло вниз растопленное масло.

Свет померк, вернее, осталось лишь слабое излучение кошки и ковра. В этом полумраке лицо Нины стало значительнее, хотя и потеряло миловидность. И чего она не встроит геночип, чтобы личико было чуть покруглее, помягче. Денег-то у нее залейся. Или у готов свои каноны?

– А теперь я скажу, кто ты, – продолжила она опасную тему. – И не бойся подслушивания. Мои антиботы сгрызли все посторонние включения и четко стоят на страже моих рубежей... Если ты не какой-то дешевый фэн, подражающий VIP-персонам, то тогда ты подпольщик. А ты ведь не дешевый фэн, жало на отсечение даю. Ты наверняка задумал какую-то грандиозную кровопролитную операцию. Скорее всего ты хочешь уничтожить этот лайнер. А может, и весь ЭТОТ мир. И что самое смешное, я буду очень рада тебе помочь.

Черт, сейчас главное не обделаться от страха. Это будет заметно на белоснежном ковре даже в полумраке.

– Я никакой тебе не подпольщик. А из тебя помощник подпольщика, как из этой кошки саблезубый тигр...

– Ты думаешь, что я дубовая амрашка? Да, я сертифицирована, а значит, меня... обрабатывали. Но на каждую психопрограмму найдется свой хак с винтом. Если заблокировать подзагрузку кодов, то амрашу настает конец, вернее, он снова превращается в человека. Очень разозленного человека, который не прочь-то и мир сокрушить или по крайней мере прилично раскачать дискотеку.

Вот и встретились. Она – из этих, из золотой молодежи, той самой, что недавно крушила Россию, насилуя всех подряд речевками про «свободу и демократию». А теперь и за весь мир не прочь взяться.

– Весь ЭТОТ мир-то за что уничтожать, Нина? Ты, по-моему, от него имела только хорошее. Как сыр в масле катаешься.

– А вот за то. Ты скоро уйдешь на великие дела, а я останусь одна, кататься как сыр в масле. Если точнее, мне хочется биться головой о стенку, но стенка специально становится мягкой для моей головы.

– Но вокруг же все эти чудеса, живи и радуйся.

– Ты же сам говорил, что они – чужие. Любые чудеса надоедают до чертиков, когда не трогают. Эти сложные системы умны помимо меня. Они ублажают меня, как няньки ублажают дебила, чтобы не злился. Я для них кусок нехитрой плоти. И я действительно являюсь куском нехитрой плоти в сладком соусе. Однако этот нехитрый кусок все же чувствует, что его чего-то лишили под разговоры о свободе. Да ему предписано ублажаться тысячью и одним способом, но все это происходит на одной плоскости. У куска отобрали глубины и высоты, можно сказать, лишили царствия небесного. – Глаза Нины стали рассредоточенными, словно устали от пестрого потока чудес, производимых щедрой техносферой. – Ну как, способная я ученица? Ты помог мне сформулировать.

– Ты и без меня бы справилась. – Да уж, эту девушку не надо учить разочарованию, она сама кого хочешь научит. И ее разочарование даже покруче моего, потому что происходит не от дефицита благ, а от их изобилия. – Так... когда мне уходить на великие дела?

– Не сейчас. Давай еще по одной. Только вот мой бокал куда-то закатился. Подожди, я принесу другой... Если ты взялся играть Грамматикова, то учти, что он – пустой, как все наши супермены бизнеса, машины по отсасыванию денег. Но я хочу знать, кто ты?

– Ты же сама сказала, что я – боевик, старичок-боевичок. Но если быть точным, я – нормальный человек. У меня были папа с мамой, место рождения, место учебы. У меня бабушка, между прочим, баронесса была. И мне плевать на этого мистера Грамматиков. Мне плевать на то, что он украл мою биографию и мою программу по переводу с русского на латынь. Моей-то души он не украл... если она, конечно, есть.

– Вообще не мешало бы с ним разобраться, – сказала Нина со святой простотой героини вестерна, из чего сразу становится ясно, что «мы его сделаем».

– Забудь. Его, подлеца, охраняет дивизия ирокезов в полной боевой раскраске.

– Я... я никогда бы с ним не стала... честное слово.

Я вижу в полумраке, как она приподнимается... и стягивает кофточку. Под ней ничего лишнего. Против такой «помощи» я, естественно, не возражаю.

Выдающие африканские выпуклости Мириам как-то сминали меня, делали маленьким и слабеньким, превращали из самца в щенка, смущенно виляющего хвостиком. Они не внушали мне никакой уверенности в том, что смогу дать достойный мужской ответ. А Нина, разоблачившись, стала похожа на тех отзывчивых девчат из заводского общежития, которые помогают нам по-быстрому превратиться в мужиков. Когда такая девчонка появляется перед тобой и простым житейским движением избавляется от кофтюли, ты думаешь: «Как же я жил без нее». Правда, минут десять спустя ты начинаешь рассказывать ей, что у тебя много дел и вообще пора... Но в отличие от фабричных девчат на левой груди Нины видна сеточка фотонических татуировок – тоже готская. Можно, пожалуй, представить, как Макарова-Нильсен выглядит на готских тусовках, где молодежь без зрачков занимается чем нибудь вроде пожирания живых змей и пауков под завывания кибердухов из группы «Ма Размус». Чувствую, что смотрится это кошмарно, хоть «змеи» и «пауки» – это лишь биомехи, протеиновые, вполне съедобные, ни капельки не ядовитые...

Можно представить, но не хочется. Ведь туманная юбочка Нины словно живая сползает вниз, превращаясь в золотую кляксу у ее ног. Все, время протягивать руки.

И тут я вижу, что прямо позади Нины возникает Мири.

Нина перехватывает мой взгляд, в панике оборачивается, ее рот открывается, чтобы закричать.

Далее все происходит как-то автоматически. Из моей руки – из руки Негра – выскакивает тонкая голубая змейка. Негр уверенно управляет кусари с помощью виртуального джойстика и быстро выбирает в меню средство воздействия на нервную систему девушки. Негру не свойственно никакое джентльменство, поэтому головка кусари кусает девушку в шею и блокирует ее тройничный нерв. Затем головка делает бросок в мозг Нины. Девушка быстро складывается на ковер и застывает в компактной позе зародыша.

Отчуждение от тела исчезло. Я инстинктивно закрыл глаза, чтобы не видеть ужасной сцены.

– Ау, мальчик, очнись, стриптиз закончился. Иди умой личико и поменяй трусики.

Я с усилием приподнял веки, которые стали тяжелыми как старинные шторы. Над неподвижной Ниной стояла Мири в позе амазонки – сейчас прямо поставит на скромно лежащее тело свою длинную ногу. В полумраке эфиопка напоминала живую тень, сгусток мглы, явившийся из ада, чтобы разрушить любовь, воспользоваться чужой кредиткой или как-нибудь еще надругаться над невинной душой.

– Слушай ты, зверь из джунглей, а я, как мужик, имею на что-то право? Или ты ей просто позавидовала?

– У меня на родине не джунгли, а цивилизация постарше европейской, да и ты давно уже один контур от мужика. Поэтому сразу с этой путанкой раскис, стал секреты выдавать. Ты, видимо, забыл, что ты тут живешь и здравствуешь, пока удачно косишь под Грамматикова. А если ты не Грамматиков, а простой Негр, то тебе нечего делать на столь шикарном корабле, милости просим за борт.

– И дураки же вы! Насколько мне хватит убедительности, если вы будете все время ходить за мной по пятам на манер папы Карло и дергать за ниточки.

– За убедительность отвечаем мы, – отрезала Мири.

– Нина никогда бы не заложила меня.

– Она и жениху обещала не спать до свадьбы с посторонними мужчинами. Да не кипятись ты, она в порядке. Очнется минут через двадцать с прочищенным гиппокампом [32], и не будет помнить ни слова из того, что ты ей здесь наплел. Зря старался,

милок. Девушка эта нам нужна лишь как суженая старпома Зайтсефа, а с расширенной ролью твоей соратницы и любовницы а-ля Инесса Арманд она не справится. Дуреха же, невооруженным глазом видно. Потом пришлось бы ее ликвидировать, и этот грех на тебе был бы. Теперь по-быстрому отнеси ее тушку на диван.

И хотя мне подобало свирепеть и мстить, ничего похожего на благородное бешенство во мне не вспыхнуло. Я послушно отнес Нину на диван, в последний раз почувствовав тепло ее тела.

– Все, Мири, пошли отсюда, неуютно здесь.

– Каюта-люкс защищена от подслуха и подсмотра, до подхода робостюарда еще четверть часа. Так что, обстановка шепчет.

Мири щелкнула пальцами и в воздухе прорезалось пять виртуоков, напоминающих арочные средневековые окна.

Один из виртуоков перекрыл все остальные. Через него был виден большой город на берегу моря. Городской сити, переходящий с берега на мелководье, изрядно «зарос» нанoплантовыми небоскребами; некоторые из них напоминали кактусы, другие – кустарники, третьи – осиные гнезда. Башни были переплетены между собой ниточками эстакад, по ним неслись, как нервные импульсы, светлячки машин. Это, пожалуй, похоже на Питер. Взгляд с северо-запада на питерскую лагуну – видны всполохи на куполах бахаистского собора в Кронштадте…

Не так уж далеко от города, на водной глади, появляется вспучивание, напоминающее крутую спину морского монстра. От него, закручиваясь и обретая насыщенную окраску, поднимается смерч. Он более всего напоминает кувшин, который обретает форму под руками невидимого, но исполинского гончара. Вода отходит от берега, смерч ее засасывает, на оголившемся дне уже виден строительный мусор, облепленный нанoплантовыми отходами. Уже завращались что есть мочи ветряки, вставленные в перемычки между нанoплантовыми башнями. Чуть подальше возникают такие же «вспучивания», целый косяк.

Мульт, конечно, классный, впечатляющий. Смерчи тянутся к небесам, они напоминают исполинских червей, вставших потанцевать танго. Смирные небеса моментально сменяются мрачными грозовыми облаками. Еще немного и головы смерчей входят в набрякшие тучи. А потом смерчи начинают движение по поверхности моря.

Сейчас четыре смерча напоминают апокалиптическое животное, коня бледного. Не помешала бы музычка из фильма «Годзилла-2017», но для зрителя и того, что есть, вполне достаточно.

«Конь» шагает к городу, его ноги довольно забавно скользят по поверхности моря, словно конечности водомерки. Когда он

накрывает город сверху своей тушей, ноги эти длиннее и толще любой из наноплантовых башен Сити. Разгулявшийся ветрюга срывает рекламные биллборды, шутя сдергивает листы кровельного железа.

А потом конь как бы начинает приседать. В верхней его части кипит вода, под ним крепчающий закручивающийся вихрями ветер. Вот уже в воздух взлетают песчинки автомобилей, листики крыш, ниточки магистралей и кабелей. Из вскрытых домов летит все подряд. Дрожат небоскребы, они шатаются как раненые животные, а потом валятся набок и разлетаются словно горстки пыли. Приходит конец и наноплантовым башням. Только они не дробятся в щебень, их вырывает целиком, будто водоросли. На месте города остается воронка, над которой кружат миллионы тонн мусора. Но в эту воронку, как в котел, обрушиваются отовсюду миллионы тонн воды. На месте большого города кипит море – словно суп в исполинском котле. А смерчи, вернее апокалиптический монстр, неторопливо бредет дальше, на восток, бросая огромную тень на испуганную землю.

– Здорово. «Веселые картинки» для домохозяек. Они это любят как острую приправу к невкусному обеду. Только, как и любая страшилка, абсолютно неубедительно.

– Это не страшилка, а один из потенциальных аттракционов Дримлэнда, орбитального парка развлечений, пока находящегося в точке server.joy. Этот ящик Пандоры начинен запредельными технологиями, и далеко не все из них предназначены лишь для услаждения космических туристов. Скоро Дримлэнд сойдет со своей орбиты и развалится на мелкие кусочки в земной атмосфере, над одной шестой частью суши с названием кратким Русь. Вандерваальсовые движки плюс стайный распределенный интеллект, этого достаточно, чтобы из умной пыли вскорости образовалось два золевых слоя, два боевых облака, состоящих из процессоров, актуаторов, трансляторов, излучателей, реакторов. Естественно, все – в формате «нано» или «микро». Один слой останется в атмосфере. Другой постепенно достигнет поверхности Земли. Частицы в обоих слоях будут жрать энергию и самокопироваться. Это открытые системы, для которых годится все – энергия солнца, ветра, органического распада… Потом невидимый сервер скажет: «Да будет дисперсная структура», – и оба слоя начнут коагулировать и порождать автоволновые процессы. Вихри-реверберaторы будут бушевать над Россией часами, днями, неделями…

– Ну-ну, заливай дальше. Я не против, хотя обычно девушки больше двух минут на отвлеченные темы не говорят.

Мири раскрыла рот, словно собираясь что-то сказать, но он

так и остался полуоткрытым, показывая крупные идеально сахарные зубы. С таким видом рекламируют нижнее белье или еще что похуже. У Мири показался на руке небольшой комочек.

– Это – оттуда, из Дримлэнда. Возьми попользуйся.

Не сдрейфил я. И зря. Отважно взял эту штуку. Но в тот момент, когда я взял, комочек вошел внутрь меня. И исчез. Эта дрянь оказалась внутри меня без каких-либо надрезов, ран и пролития крови. И более того, она перемещалась внутри меня. Я видел словно бы стайку червей, которые ползли под поверхностью моей кожи к плечу.

– Эта штука приобретает любую форму, имитирует любое агрегатное состояние, синтезирует любые углеводороды и потребляет любую энергию. За тридцать секунд она уже сожрала четверть стакана твоей крови. Ладно, я пошла. А ты подумай на досуге о том, что я тебе сказала.

– Стой, стой, стой. Я верю. У меня в запасе не так уж много крови, вокруг же одни вампиры.

Мири лениво протянула руку и вытянула у меня весь этот комочек в районе бицепса. Причем выходил он тонкими ниточками и только на ладони у девушки скатался в фигурку Микки-Мауса, раза в два побольше, чем начальный комочек.

– Коснись пальцем, не бойся, я его деактивировала.

Я не без опаски коснулся животика Микки-Мауса, и он представился, раскрыв небольшой виртуок, похожий на вход в мышиную норку: «Интеллоплант ТМ. Вегетант ТМ. Собственность холдинга „Зазеркалье“. Опытный образец, коммерческому распространению не подлежит».

– Представляешь, что эта гадость может натворить, если попадет на Землю?

– А почему она должна попадать на Землю? Думаю, что «Омеге» этого не надо. Это не надо даже кибер казакам и поморам-хардкорам из повстанческих районов. Им достаточно биокомпьютеров, которые жрут шишки, и коллоидных матсборщиков, производящих кашу из дерьма.

– Это нужно новой силе, которая взросла под крышкой виртуального проекта «мистер Грамматиков». Ее можно назвать античеловеческой и сверхчеловеческой.

Голос Мири был прямо как у Кассандры. Это она вслед за Негром про Симулакра рассказывает, что ли? Только ее байка еще страшнее.

– Я не очень верю в самостийного искина с повадками антихриста.

– И я раньше не верила. Пока не узнала, что Дримлэнд – это его вотчина. А вначале все было, наверное, разумно и

подконтрольно. В рамках передового виртуального проекта «Омега» создала рабочего симулакра, чтобы морочить голову прессе и так далее. Кто ж мог знать, что ему так понравится твоя биография и твои фамилия-имя-отчество, и он захочет присвоить твое тело. Наверное, в этом нет ничего личного. Просто, имея тело, удобнее заниматься бизнесом и контролировать активы на десятки миллиардов долларов. А «Омега» не может всенародно объявить, что символ пострусской эпохи и восходящая звезда демократии миллиардер Грамматиков – это всего лишь мимоид, за которым стоит неподконтрольный искин.

Сильный ход сделала девушка, ничего не скажешь. И убедительный. Нет ни одного человека на Земле, который не захотел бы раздавить своего темного двойника, да так, чтобы тот хрустнул и брызнул.

– Господа подпольщики, что вы от меня хотите? Чисто конкретно.

Вместо ответа раздался стук в дверь. Как будто нельзя позвонить.

– Нина, открывай в натуре. Нинка, не шути со мной.

Блин, да это ж никакой не робостюард, а натуральный старпом Зайтсеф: два метра роста, отличная боевая и политическая подготовка, сто килограммов мышц – такой способен колоть орехи задницей.

– Открывай, если требуют, – распорядилась Мириам.

Легко сказать. Да у Зайтсефа в голове только разборки на ковбойский лад – кулаком в челюсть.

– А он не это?..

– Он именно это... – подтвердила Мири. И улыбается, будто за дверью комарик пищит.

– Но он...

– С тобой тоже нельзя шутить, – подначила меня напарница. – Ты же контуженый. Ветеран кулинарных войск. И псих вдобавок, у тебя справка есть.

«Политика политикой, а рубаться треба», – как говорил один екатерининский генерал.

Я подошел к двери и касанием пальца снял блокировку замка. Затем шагнул вправо, вполне машинально, и открывающаяся дверь прикрыла меня. Я увидел широкую спину протопавшего вперед Зайтсефа. Сделал шаг за ним. Он смотрел не на меня, а на Мири и на распростертую Нину.

– Salut, le mignon. Comment ca va? – непринужденно поприветствовала черная девушка.

– Какого черта?.. – начал он, и в этот момент я обрушил подносик, на котором стояли бокалы и стопки, на голову

старпома.

Космический волк зашатался под звон хрусталя, но не упал. В самом деле, атлеты – это вам не алкаши, и голова у них не в пример крепче.

– У тебя что, нет другого оружия, кретин? – зашипела Мири. И тогда я направил кусари в основание черепа господина Зайтсефа. Вовремя направил; могучий офицер уже оборачивался, чтобы достать своим длинным хуком мою слабую челюсть. Старпом рухнул практически плашмя. Он опрокинулся, как свергнутый памятник, когда голубая змейка обвила ствол его головного мозга и куснула в мозжечок. Однако быстрая эфиопка в последний момент не дала господину офицеру брякнуться башкой об ковер.

– Что теперь делать? – беспомощно спросил я.

– Продолжать. Раз мистер офицер в нокауте, значит, половину работы ты уже сделал. Мы тоже не сидели сложа руки и хакнули систему управления круизным движением. А внести ошибку в работу навигационной рубки лайнера – это уже задание для зайчика Зайтсефа, которого мы сейчас начиним своим психокодом. Когда оба фактора соединятся, лайнер сделает то, что нам надо…

– А что нам надо? – тупо отозвался я.

– Ты такой непонятливый или придуриваешься? Надо чтобы лайнер врезался в Дримлэнд. Лайнер – это заатмосферная тонкостенная постройка; едва будут задеты охладительные контуры силовой установки, он просто взорвется вместе с Дримлэндом…

– А я? – спросил я, пробивая фразы сквозь гипнотический напор Мири.

– Нет чтобы про меня спросить… Ты – не камикадзе, запомнил? Я тоже, поэтому мы улетаем на личном флаере твоего двойника миллиардера…

Звучит не очень убедительно, но унести отсюда свою роскошную попу Мири наверняка предполагает. Такая попенция – честь и слава, как России, так и Африки. Но вся затея с уничтожением лайнера и Дримлэнда – это ж форменный кошмар.

– Мири, ты, что, предлагаешь мне отправить на тот свет несколько сот человек и смыться? Это ж тебе не банан съесть.

Мири, как и следовало ожидать, не разделила моих сомнений.

– Каких «человек»? Здесь три сотни элитных ублюдков, зомби-амславы, куклы-амрашы, марионетки-бруты, извращенные жопники и глянцевые метросексуалы, из которых процентов девяносто успеет спастись. Обслуживающий персонал – тоже

сплошь пидарасы и проститутки, в общем нечисть, – сказала она с безмятежным видом, словно речь шла о тараканах.

И ведь Мири почти права, если они считают нас за тараканов, то почему нельзя наоборот?!

– И что за психокод вы приготовили для Зайтсефа?

– Что-то вроде усиленного комплекса невротика. Если конкретнее, это невроз навязчивых состояний, усиленный на порядок. Получается невротик, который не уверен в любом, даже самом простом и привычном шаге. Во фразе «я сделал это», каждое слово является для него неоднозначным. Чувство неуверенности вызывает у него острое непреодолимое желание возвращаться и перепроверять снова. И так по многу раз. Но и после самой тщательной проверки он снова не уверен в своих действиях и опять возвращается назад. Согласись, при управлении крупногабаритным судном это чревато неприятностями. Короче говоря, у нашего штурмана начнутся проблемы с соотнесением цифр, выданных системой управления круизами и, скажем, расстояний, полученных от стереоскопа.

Передо мной возник виртуок. В нем схема неокортекса господина Зайтсефа.

– Здесь все так сложно, я не справлюсь, – заныл я.

– Переключи вирт-джойстик в тактильный режим, так легче чувствовать складки мозговой ткани, – сказала Мири. – Смотри на указатель, которым я веду по схеме, он сейчас в латеральной борозде. И тяни свою кусайку следом. Там, где я останавливаюсь, вводишь код импульса.

Кусари, извиваясь вокруг мозгового ствола, пополз вверх, «кусая» по дороге нервные центры. Складки мозговой ткани на ощупь напоминали старую загустевшую кашу, мозговая жидкость ликвор – напиток типа ликера.

Через пять минут все было кончено. Я теперь полноценный сообщник террористов. У меня было полное ощущение того, что пальцы измазаны в мозгах старпома. Тот лежал без кителя, пустив слюну, как мертвецки пьяный матрос.

Я машинально окинул взором тело Нины, лежащее на диванчике в метре от Зайтсефа, и тут ее с головой накрыла простыня. Картинка с белым холмиком получилась жутковатая.

– Не люблю, когда при мне глазеют на других баб, – зловещим голосом произнесла Мири.

– Это моя девушка, а не «другая баба».

– Это отпрыск Макарова-Нильсена, крупного производителя шкафов-растений и другой растительной мебели. Естественно, мечтает о слиянии капиталов. А у тебя сам понимаешь, есть то, с чем хочется слиться.

– Ага, мне как солдату-срочнику, предлагается только прослушивать политинформации о вреде случайного секса.

Рука Мириам, ее длинные пальцы взяли меня за затылок, который сразу стал таять, словно шоколадка на солнце, а другая рука расстегнула мой костюм; показалось даже, что на мне разошлась кожица, как на жареном поросенке. Ее ладонь скользнула вдоль моей расстегнутой плоти, и я завибрировал между ее рук, как струйка воды. А там поплыла вниз и молния на ее комбинезоне. Молния разделилась на две, потом еще на две. Разделяющийся комбинезон не отпадал от тела эфиопки, а стекал, как тонкая водяная завеса, обнажая вначале гордые выпуклости, а потом и укромные таинственные впадины. На секунду мне даже показалось, что я вижу страничку из учебника для академии художеств, где показывают, как из геометрических фигур возникают всякие красоты...

Округлые «магниты» ее тела потянули меня, и я потек навстречу. Дальнейшее напоминало не мои взаимоотношения с кудесницей Машей, для которой Камасутра была настольной книгой, но трэк из «ностальжи», доведенный до совершенства. Мощная волна любви не давала мне сконцентрироваться на конкретных грудях Мири, ее ногах, бедрах, губах. Конкретности слились в потоки стихий, жара, прохлады, тугой и гладкой плоти. Волна размыла грязный лед, в который я вмерз как позапрошлогодний таракан, и унесла меня к свету... Она тащила мое сознание каким-то ущельем, все более сужающимся и розовеющим... Я скользил в нем с быстро нарастающим чувством сладкой боли, пока не излил эту боль всю целиком...

4

В капитанском баре все было, как в кают-компании британского корабля лет двести назад. У меня даже стала вертеться на языке озорная песенка времен моего дворового детства: «А еще везли мы в трюме негритянок молодых». Дубовые столы с кривоватыми стаканами из мутного стекла, маленькие оконца с видом на виртуальный океан, пузатые бутылки, подвешенные к подволоку, бочонки со смешанным запахом мокрой древесины и алкоголя, бухты пенькового каната. Роли юнг, подливающих джин, играли привидения: никакого тела, только перчатки, камзолы, треуголки, скрипучие ботинки с квадратными носами – в общем, силовой каркас без начинки. Кают-компанию слегка покачивало для антуража, так что джин колыхался и в стаканах на столах, и в подвешенных бутылках.

Кроме меня и Зайтсефа просматривалась лишь компания плечистых блондинок в дальнем углу бара. Судя по жестам и сальностями, которые отпускали они друг дружке, лесбиянкам на борту было хорошо.

– Господин Грамматиков, я не хотел бы особо распространяться об этом, – несколько бледный старпом взял чипа-чипс, который весело прощебетав «прощай», исчез во рту, обрамленном идеально белыми зубами, которые, как известно, первейший символ любого амраша.

Зайтсеф был сейчас облачен не во внушительную форму космического офицера, видно, что-то там запачкалось, а в довольно игривые цветастые шмотки. Память о том, что случилось с ним в каюте Макаровой-Нильсен час назад, была уничтожена, когда кусари куснул его в гиппокамп [33].

– Господин Зайтсеф, я нисколько не сомневаюсь в том, что вы умеете хранить тайны. Но, возможно, тайны никакой нет.

Несмотря на демонстрацию амрашевского хладнокровия, старпом, во-первых, был рад-радешенек, что я в этот момент болтаю с ним, вместо того, чтобы трахать его девушку. А во-вторых, ему очень хотелось предстать передо мной информированным парнем.

А я был рад, что можно на халяву ухватить «пару чипсов», да что там чипсов – здесь даже выпивка была «за счет капитана». Офицер Зайтсеф, по-моему, должен был удивляться тому, сколько чипсов я сжираю за одну секунду, но он виду не казал – может, в его представлениях миллиардеру положено быть алчным во всех отношениях.

– В общем, господин Грамматиков, есть небольшая девиация, смещение на градус от рекомендованного курса. Или, как у нас еще говорят, фарватера. Однако ничего особенного. Сейчас навигационная подсистема тестируется, и если ошибка не будет найдена, то произойдет переход на ручное управления.

– Но у вас уже была девиация, когда вы царапнули небосвод на Таити. И, наверное, после этого вы все проверяли.

– Вы же в курсе, эти программисты во всем полагаются на дибаг-ботов, да и физически невозможно меньше чем за полгода проверить миллионы строчек кода. Есть вариант, что дело вовсе не в программном обеспечении. Гироскопы и инерциометры – это все ж таки электромагнитные устройства, а кое-где мы проходим через зоны с сильной намагниченностью, вот недавно термоядерный реактор Фримэйл Айленд проходили, а потом попали в сильно ионизированное пылевое облако. Так что могли кое-что и подмагнитить. Или еще вариант, сеть внешних навигационных средств, радиомаяки, радиолокационные буи,

пеленгаторы, системы глобального позиционирования, они нами не контролируются и тоже могут выдавать лажу. Это не обязательно результат хакерства, наноплесень способна работать как вражеская РЭБ и выдавать искажения почти во всем спектре…

– Почему вы уверены, что у вас получится переход на ручное управление?

– Господин Грамматиков, – укоризненно покачал головой Зайтсеф, – неужели вы нас считаете простой декорацией? Мы как-никак дипломированные и сертифицированные навигаторы. И летаем не в открытом космическом пространстве, по мировым линиям, а в густо обжитой зоне Змея. Тут на каждом шагу: кольца и полукольца, отели, заводы, лаборатории, виллы, острова, аттракционы, пирсы, солетты, и тому подобная дребедень. Плюс добавьте учтенный и неучтенный мусор: вышедшие из эксплуатации агрегаты и станции, цеха, спутники, и отработанные ракетные баки, и шальные солнечные парусники с дохлыми наркоманами на борту; все это будет порхать миллиарды лет вплоть до конца света, но имеет забавное название – временные навигационные опасности. Плюс та же наноплесень, которая обладает еще одним нехорошим свойством – оседать на корпус в районе двигателей или приемно-передающих устройств и вызывать коррозию. Мы почти все время маневрируем, иной раз створы фарватера совсем узкие, до километра; перед нами еще тральщик идет и всякую дрянь вылавливает. Теперь, надеюсь, вы понимаете, что мы умеем принимать решения собственной головой и делать кое-что своими ручками.

– А если данные, полученные от внешних навигационных систем и от судовых средств наблюдения, станут расходиться?

– Вопрос риторический. Опытный судовой офицер принимает окончательное решение на основании того, чему он больше доверяет.

– Но ведь его могут преднамеренно обманывать!

Старпом неторопливо положил в рот еще один попискивающий чип-чипс и как будто о чем-то задумался. Хотя скорее он разглядывал плечистых блондинок в дальнем углу бара. По выражению лица амрашей трудно что-либо понять.

– Не бойтесь, господин Зайтсеф, что мы кого-то утомим своей беседой. Дамы далеко, даже если считать за дамочек эти существа в углу.

– Диверсия не исключена. Если мы получим подтверждение, то у нас есть план очень жестких и быстрых антидиверсионных мероприятий. И передай вы мне сейчас чемоданчик с деньгами, я бы не сказал большего.

– А без чемоданчика? Между нами, мальчиками, говоря, что предусматривает этот план, хотя бы в общих чертах?

Ему явно хотелось поделиться, так сказать, выдержанной радостью побед. Наконец, Зайтсеф не стерпел и, еще склонившись ко мне, произнес:

– Предусматривает ликвидацию на месте субъектов, опознанных как «системный враг». Для этого достаточно вероятностной идентификации личности – при условии сходимости данных от двух независимых систем контроля. Тела системных врагов и их личные вещи уничтожаются полностью – во избежание нанотехнологической или кибернетической инфекции. С информационных носителей стирается всякое упоминание о них. Последний раз работа по антидиверсионному плану проводилась в Джугра-Сити полгода назад.

– И сколько там ликвидировали? – Я тоже наклонил голову к Зайтсефу.

– Около сотни «системных врагов».

– А к числу информационных носителей относятся мозги их родственников?

– Конечно. У родственников производится перепланировка личности с фильтрацией памяти.

– И давно все это в обиходе?

– Со времен процессов по West-Siberian Mutiny. Вот там было все чин-чином: приговор суда присяжных, электрический стул, хороший удар тока, выданное родственникам тело вместе со счетом за электричество, с замазанными пятнами и аккуратно причесанное. Потом выяснилось, с трупами тоже непросто – в их сосудах плавают наносерверы и наноассемблеры, в липосомах записаны программы, в органах складированы органические чипы и гелевые матсборщики. А на сороковой день труп трансформируется в боевого биомеха, который обладает интерфейсами для подключения к сетям и взлому любого кода, плюс образуется целый рой сопутствующих устройств, похожих на насекомых. Даже напалмом это так просто не выжечь.

Я встал и двинулся к выходу, по дороге меня покачнуло. Почему-то показалось, что я этот самый мертвец, которого сжигают напалмом. Качнулся и слегка коснулся крайней из плечистых блондинок. Она тут же взвилась на дыбы – эффект коллектива, надо полагать. В одно мгновение мускулистая стая окружила меня, каждая фурия – метр девяносто и с грозной надписью на футболке «Мужик, отвали».

– Девушки, вы чего? – испуганно прощебетал я.

Однако мои слова произвели обратное впечатление.

– Мы не девушки, а борцы за толерантность, – гневно, как

эринния, прошипела ближайшая блондинка.

Я подумал, что еще мгновение и град могучих кулаков, обрушившись на мой фасад, полностью разрушит его.

– Это тот тип, который возле стойки меня подговорил, – залепетал я. – Сам бы никогда не решился, честно. А этот тип – самый натуральный сексист.

Мускулистая стая немедленно выступила в поход и быстро взяла Зайтсефа в плотное кольцо.

Несмотря на цветастые шмотки Зайтсефа и футболки «Отвали, мужик» у блондинок, все это противостояние выглядело монументально классическим. Эней и амазонки.

До меня доносились энергичные слова борцов за толерантность: «Стыдно», «Позор» и «Вы нарушаете основы нашего терпимого общества». Ответные реплики Зайтсефа в стиле «очень мне нужно оправдываться перед девчонками, пережравшими стероидов» быстро разогревали ситуацию.

Я понял, что сейчас амрашевские психопрограммы не срабатывают; они по примитивности своей не находят выхода из конфликта.

Я повернулся и пошел на могучую толпу.

– Ты что задумал? – Виртуальный чертик предостерегающе замахал руками в ритме диско, но я решительно прошел сквозь визуализировавшегося клиента. – Ты меня разочаровал, алка-а-шшш!!!

По дороге я подхватил и зажал в кулаке чью-то шикарно-золотистую и довольно увесистую зажигалку. А потом врезал той блондинке, которая более других наседала на Зайтсефа. Ответный удар должен был меня нокаутировать, но я присел и – старпом огреб по полной программе. Мистер Зайтсеф как миленький навернулся с высокого стула. Он еще вскочил и рванулся к блондинистой громиле, но запнулся об упавший стул, и тут амазонка подцепила его хуком. Офицер, брякнувшись по дороге лицом о стойку, упокоился в полной отключке.

Второй нокаут обошелся мистеру Зайтсефу дороже, чем первый. Он лежал на палубе мешок мешком и из его рассеченной брови в глазную впадину текла кровь.

– Девушки, целую.

Я выскочил из бара, пока нетерпимые борцы за терпимость осознавали, что произошло...

А я осознавал, что разрушил план Мири. Зайтсефа сегодня не будет на мостике корабля и толстуха Мадлен не поцелуется с Дримлэндом.

Мне показалось, что у меня есть свой план спасения России. Или, возможно, показалось, что показалось. В роли миллиардера

устрою «сенсейшн», скажу, что не несу ответственности за действия своего цифрового двойника, разоблачу «новую силу» – Симулакра, расскажу про все это дерьмо, которым нашпигован Дримлэнд. И попрошу убрать ооновцев из России, которая сама способна разобраться со своими делами.

5

Искусственный сад занимал площадь около десяти гектаров – места на лайнере предостаточно для любых вывертов.

Если наполовину прикрыть глаза, то обстановка сойдет за типичный пейзаж среднерусской возвышенности: березовый лесок, опушка с ромашками и куриной слепотой, ивы над речкой.

Если прищуриться, то можно даже забыть, что ты где-то в космосе; поддувает ветерок с легким привкусом прибрежных камышей, чего-то выкукивает кукушка на березке и плещет карасик на мелководье.

Согласно спецификации «восточноевропейского уголка» здесь еще может появиться талантливый биомех «кот ученый», который бает сказки и мурлычет песни в стиле фолк-рок. А если клиент захочет что-нибудь свое, особенное, то достаточно назвать желаемый объект и хлопнуть в ладошки. Я заказал «Русалку с пивом и закуской», после чего старательно похлопал.

Из-за камня с надписью «Иди налево» выглянула морда с клыками и зарычала.

– Убирайся к чертовой бабушке, – не выдержал я.

Чудище скрылось за камень, заросший вековым мхом, но создалось впечатление, что иногда оно возвращается.

А ведь уголок русской равнины сильно подпорчен любителями «слав-фэнтези»...

Если тот мужик из новостной сети AD [34] не появится, то получается, что я спас триста негодяев и триста пидарасок, но подвел под монастырь целую страну, а может, заодно и весь мир. И ясноглазая девушка в ситцевом сарафане никогда не встретится мне под тенью березок...

Стоп, расслабься, опусти веки, давай пока не мандражировать. Синьор Маскарпоне из AD непременно придет. Он сам поймал меня за пуговицу и напрашивался на интервью с той же настойчивостью, с какой банный лист липнет к заднице. При том господин макаронник не какой-то мелкий стрингер, а замдиректора в своей сети; он лично дает задания компьютерам на придумывание новостей...

В глаза проникло сияние, словно передо мной разложили

золотой запас всех стран мира и направили на него сотню прожекторов. Инстинктивно я вытянулся по стойке «смирно», руки по швам, грудь вперед, задница отклячена, глаза выпучены. Но можно не напрягаться – этот виртуок можно видеть даже и при закрытых глазах.

Посреди восточноевропейского нечерноземного уголка встали ажурные дворцы мира финансов, их омывали золотистые денежные потоки. Передо мной плыли деньги, кредиты и трансферы. Они сходили с высокогорья биржевых площадок и с вершин крупных банков, орошали плодородные почвы «инвестиционных проектов», превращались в перегной налички, сгущались на счетах, кристаллизовывались на депозитах. Становясь воздушными опционами и фьючерсами, они воспаряли в небеса. А в эфирных высях определялось, на кого прольются золотые дожди и где закружатся биржевые водовороты. Деньги уже омывали мои ноги и мне надо было сделать только шаг, чтобы финансовый поток подхватил меня и унес на небеса...

За этими красотами я даже не сразу сообразил, что мои боди-коннекторы уже проглотили как минимум один ментобайт внешних кодов. Они и соткали сияющий мир больших денег.

Где соблазны, там и соблазнитель. Я услышал шепот, он разносился в моей голове, как в просторном пустом помещении с большим куполом – типа древнеримского пантеона.

«Как видишь, мы с тобой легко находим общий интерфейс. В тебе есть многое, что принадлежит нам обоим».

– Кто ты, твою мать?

«Я – это практически ты. Так что не оскорбляй собственную маму. Если ты не пойдешь на симбиоз, то враги уничтожат нас обоих. Сейчас ты должен принять еще двадцать ментобайт кода. Надеюсь понятно, что этого недостаточно для внешнего управления, но вполне хватит для активации спящих интерфейсов и раскрытия твоего сознания в информационное пространство, где нахожусь я».

Наверное, это тот самый Симулакр, искин, который собрался из цифрового подобия личности превратиться в полноценного господина миллиардера.

– Что вам всем от меня надо? Симбиоза вам подавай. Гейшу, что ли, нашли?

«Негр – всего лишь программный клиент „Омеги“. Эта скудная программка – адская машинка, встроенная в твой мозг. „Омега“ хочет взорвать все, что связано со мной. И тебя она тоже не пожалеет. Мы с тобой по одну сторону баррикад...»

– Фронтовое братство не помешает тебе стереть мою личность при первом же удобном случае.

«Меньше слушай мелких интриганов размером в десять килобайт. Если даже твоя личность копирует мою, то иметь лишнюю копию никогда не помешает. Кроме того, твоя личность – такой мощный источник первоклассного бреда, мне это дело никогда не сгенерировать. Да я тебе доплачивать бу...»

Шепот заткнулся на середине фразы. Виртуальный мир, заполненный финансовым светом, полинял и раскололся. На фоне рухнувших, как в Помпее, дворцов появилась надпись:

«Сообщение от антивирусной защиты Порта Нигра. Зараженные файлы стерты, вирусные коды уничтожены. Целую, Негр».

Сразу после гибели золотовалютной Помпеи я почувствовал себя обделенным. Мне бы стоило не ломаться, а поскорее договориться с Симулакром. Искин-то он неслабый, раз уж взял под контроль деньги «виртуального миллиардера». Свято место долго пустым не бывает. Отбить у Симулакра миллиардерскую должность – нереально. А вот поторговаться с ним насчет совместного владения акциями и облигациями еще можно.

Про то, что утрачу невинность, можно не говорить. В моих мозгах и так сидит Негр. Пью ли я кофе с сахаром, без сахара ли, скачу ли во весь опор или мирно сижу на стуле – в любом случае мне неизвестно, делаю я это сам или он делает это посредством меня.

А Симулакр меня ценит, поэтому мы с ним могли бы честно разделить время. День – его, пусть выступает в моем теле на пресс-конференциях, а ночь – моя. Ночью мне тело нужнее. Баксы мы тоже поделим. С деньгами и в темное время суток неплохо. Мне нужно всего-то полтора миллиона, чтобы восстановить Веру, чтобы отменить ее гибель. Между мной и Верой осталось что-то важное, не высказанное или забытое. А сейчас, впервые за всю историю человечества, деньги могут абсолютно все. Если хорошо подмазать старух Мойр, то они наплетут именно то, что захочет богатый клиент.

Я застыл, как «идиот в квадрате», предавшись увлекательным мыслям о дележке капиталов. Снаружи это напоминало полный ступор. А потом что-то зашевелилось под поверхностью речки. Я подумал, что сейчас наверх выплывет зеленовато-бледное лицо моего двойника и выплюнет изо рта жабу. Ну, какие еще шутки могут быть у Негра или там Симулакра?

Однако из речки вынырнула заказанная пять минут назад русалка, ее груди сочились пивом. Уф, здравствуй, рыбка, где была? Чего у вас такая сфера услуг тормозная?

Едва я собрался прильнуть к русалке, как в виртуоке зажглись алые буквы.

«Внимание. Введен в действие план оперативных антидиверсионных действий».

Это, надо понимать, сообщение от системы безопасности лайнера.

А затем в виртуоке появился мой светлый образ! В трех проекциях и во вращении, с указанием характерных точек лица. Сбоку – колонкой биометрические показатели. Информация о «светлом образе» выдавалась весьма мрачная.

«Преступник, некто Урман, используя мимоид, маскируется под известного бизнесмена Андрея Грамматикова… Преступник, применяя VIP-идентификатор господина Грамматикова, принудительно транслирует маскировочный мимоид на боди-коннекторы всех персон, которые взаимодействуют с ним…»

Преступник – то, преступник – се. Под эти завывания система безопасности безжалостно разоблачила мой светлый образ. Он лишился смокинга, оставшись в трениках и рваной футболке. Волосы на голове опали, плечи опустились, щеки одрябли, лоб сморщился, нос съехал набок. Покривевшая улыбка показывала не идеально белые зубные импланты, а далекие от совершенства зубные протезы и пробелы. Плюс кошмарная прическа, образованная турбулентными потоками и засаленными волосами. Лицо мелкого злыдня из питерских трущоб. Некто родом из мусорного бака.

Вся моя красота оказалась ненатуральной. Повстанцы-жмоты наградили меня не костюмом от «Версачи», а одним лишь маскировочным мимоидом. Да что там маскировочный мимоид; нарисовав Нинкин портрет на иллюминаторе, я сам себя разоблачил – ведь в биографиях бизнесмена не значится, что он умеет малярничать…

«Преступник особо опасен. Преступник разыскивается за серию убийств. При попытке скрыться преступник подлежит немедленной ликвидации».

Я бросился от русалки непонятно куда. Непонятно к кому. Симулакр ретировался. Негр во мне разочаровался. С Мири мы оба обманывали друг друга, Нине я столь гадкий не нужен. Я вообще никому не нужен, кроме карательных органов и охотников на органы.

Далеко не убежал, взрыв швырнул меня на палубу, лоб звякнул о металл, прикрытый тонким газоном, речка встала на дыбы и, злобно зашипев, ошпарила меня кипятком.

В ударенной башке словно суп булькает, ни одна мыслишка не стоит на месте. Под носом что-то течет. Кровь, блин. Я не техманн. Хоть это приятно.

Там, около аварийного выхода, замаскированного под

избушку Яги, появилось трое людей в шуцманских боевых доспехах для ближнего боя. На вид доспехи были словно полированный гранит, отчего шуцманы выглядели один к одному, как «каменные гости». И хоть у меня страшно ноет ошпаренный бок, надо по-прежнему изображать из себя важную персону.

– Эй, командоры, присоединяйтесь, будем вместе ванну принимать.

Трое направляются ко мне. Похоже, они и оглушили меня взрывом, чтобы не слишком ерепенился. В городе Питере шуцман и с места не сдвинется, просто поманит тебя толстым перстом, слегка прикладывая другую руку к кобуре. А эти космические бойцы вытанцовывают, как в кино, то и дело озираясь, словно кто-то покушается на их задницы. Из трех стволов два непременно направлены на меня. Там видны надкалиберные боеприпасы, «колокольчики». По телику говорили, что «колокольчик» – это нанотрубчатая структура, разворачивающаяся после выстрела в сетчатый конус на три метра в диаметре. Чертова структура оплетает «врага свободы» и затягивает в узелок, оставляя на нем татуировочку из глубоких шрамов; глаза и уши скорее всего вон... На космических кораблях с хрупкой системой жизнедеятельности «колокольчик» предпочтительнее пули. Да и «врагу свободы» придется больше помучиться.

Танцуют шуцманы ко мне вместе со своими «колокольчиками», маневрируют между нанопластовых лжеберезок, а точечки от их лазерных прицелов прямо у меня на лбу рисуются. И хотя давление света, как утверждают физики, ничтожно, я ощущаю глубокое бурение.

«Командоры» все ближе, и стволы не отводят. Я еще пробую вести психологическую войну.

– Ребятки, я свой, вы стволы-то в сторонку поверните. Я свой, вы меня слышите или оглохли, тогда следите за губами. Я никакой не Урман. Моя фамилия Грамматиков. Десятый член в списке Форбса.

Но глазки шуцманов сверлят меня насквозь, так же как и лазерные прицелы их винтовок.

– Не двигайтесь, – рявкнул мне передний шуцман. – Просто стойте на одном месте. Иначе вы уже не десятый член в списке Форбса, а первый труп в нашем рапорте о проделанной работе.

Его Толстомордие не шутит, на свиноватом лице деловое выражение, такое же, как у мясника на бойне. Что же мне делать? Упирать на права, звать правозащитников? Если бы я был каким-нибудь транссексуалом, я бы еще мог надеяться на их

своевременную помощь.

Кажется, под потолком витает орнитоптер. Я различаю его шум – такое форсированное пищание. Орнитоптеры стреляют не колокольчиками, а тонкими шпильками из тяжелого металла. Если она попадает в башку «врага свободы», то дальше он уже живет как растение.

В самом деле, не лучше ли превратиться в овощ прямо на этом месте, чем попасть в виде мыслящего организма на операционный стол к мастерам допроса?

Липкая испарина, вначале с жаром, а потом с морозцем поползла по спине. О чем же надо думать напоследок? Из всей моей полной авантюр жизни вспоминается только, как описался на уроке в первом классе и учительница Мария Петровна заставила меня вытирать желтую лужицу.

Я сделал шажок назад и увидел, что пальцы шуцманов уже слегка надавили на спусковые крючки. С дистанции в десять метров «колокольчики» меня просто искрошат…

«Омега» решила уничтожить меня немедля… Во избежание того, что я заключу союз с Симулакром и стану физическим лицом, владеющим миллиардами.

«Порта Нигра, Порта Нигра, – запричитал я код доступа к программному клиенту. – Разве ты не обязан спасать мою шкуру? Через несколько секунд из нее даже портмоне не сделаешь».

Однако никакой реакции; Негр, как братец Кролик, притворился дохлым.

И тут тряхнуло. Не так, как две минуты назад, а всерьез. Меня швырнуло вперед, на мордастого шуцмана, но я поскользнулся и это спасло мне жизнь. «Колокольчик» свистнул над моей головой, едва не срезав скальп. Я, врезавшись в ноги шуцмана, опрокинул его. Мгновение спустя он снова готов был стрелять, уже свинцовой очередью, но моя рука отбросила вражеский ствол. И хотя напротив меня был ражий хлопец, от моего отчаянного удара он завалился на спину, мелькнув протекторами ботинок. Бил-то я ему прямо в нос, по рабоче-крестьянски, как десять дней назад у ларька, где на меня наехал один хронический скандалист. Сейчас я гордость почувствовал, сражение выиграно без разделения на «наблюдателя» и «тело». Но недолго длилось счастье Шнеерзона. Снова тряхнуло, и это было дополнено довольно невзрачным звуком хлопка…

Я увидел, как на меня прет густая волна осколков, настоящее цунами. Услышал, как ревет огонь, пожирающий лайнер, и воет воздух, выходящий из огромных пробоин. Впрочем, слово «услышал» тут не подходит. Я был смят этим ревом, как были раздавлены сограждане Ноя шумом всемирного потопа, хотя

формально они оставались живы еще несколько секунд до подхода водяной стены...

Порывом ветра меня прижало к какой-то конструкции, а над моей головой залютовал ураган, наполненный мириадами осколков. Он крошил и резал в окрошку все, что мягче стали. Я видел, во что превратился ближайший шуцман, несмотря на свои «гранитные» доспехи. Он успел зацепиться карабином за какой-то гак, и с его тела за десятые доли секунды были «счищены» все доспехи, превратившиеся в луковую шелуху, вся кожа и мясо. Последним улетел скелет.

А когда ураган насытился огнем, меня подхватил манипулятор эвакуационного шлюза, напоминающий руку с тысячью суставов. Он так резко сдернул с места, что из моего желудка вылетело все, что было ухвачено в капитанском баре.

По идее, «рука» должна была вложить меня в шлюзовой люк и там отпустить. Но ветер изогнул манипулятор, и прежде чем разлететься на тысячу кусков, он перебросил меня совсем в другое место.

6

– Вы уже прочитали рекламные проспекты? Затрудняетесь с выбором маршрута? Могу я вам помочь? Не желаете начать с карусели Мебиуса? А еще тут неподалеку нанотрубчатый батут, прыжки – до ста метров, совсем рядом – водопад, текущий вверх, из жидкого гелия...

Источник голоса был совсем рядом. Черт, то ли в глазах пелена, то ли в башке муть, то ли перед глазами туман. А в тумане – какие-то привидения, целой толпой. Можно уже подумать, что я оказался в мире теней, в царстве мрачного Аида, если бы не рекламные проспекты, в которые, как в саваны, были закутаны эти самые призраки: «Посетите наш аттракцион Загробный Базар. Вас ожидает незабываемый шопинг».

– Я...

Пока выплевывал накопившуюся в горле слизь, голос продолжал:

– Я правильно выбрал язык голосового интерфейса? Ист ире мутттершпрахе дойч? Одер руссиш? Хм, может быть, дала сбой подсистема этнического анализа. Мы можем перейти на универсальный жестограммный язык, на упрощенную пиктографику для людей с ментальным своеобразием и больным синдромом Дауна, на иероглифический шрифт Брайля для китайскоязычных людей со слабым зрением или на ароматик-инглиш для плохо слышащих. Вам, наверное, нравится обращение в стиле повышенной почтительности. Что желает мой господин?

Фоглетовый аэрозоль, который окружал меня рекламными привидениями, рассеялся, и я увидел свои руки и ноги в сильно потрепанных трениках. А еще клоуна – прямо перед собой. Высоченный такой, метра на два с половиной, в кепке-аэродроме. Техманн, но со странным дизайном. Большая часть тела, как у пластиковой игрушки для детей, без особой детализации, с аляповатыми светящимися полосками, а вот лицо, если точнее, верхняя его часть и особенно глаза, повыразительнее, чем у иного человека.

Клоун не стоял на месте, а приплясывал туда-сюда, его огромные башмаки скользили, словно по льду, но у него не было проблем с равновесием. Голос его звенел от радостного возбуждения, а улыбка была пошире, чем у голого черепа. Мне от такой имитации веселья стало жутковато. Что это еще за фрукт? И что вообще делается на лайнере?

– Твой господин желает, чтобы ты не морочил ему задницу и

обращался к нему на ты.

– Все понял. Стиль общения – демократический, свободный, молодежный. Обращения – «дружище, старина, чувак, брателла». Формирую сейчас лексический словарь на основе статистического анализа ста случайно выбранных блогов. Клевые у меня шузы, чувак?

– Только давай без «чуваков» и «брателла». А то я что-нибудь тоже скажу в ответ.

– Ладно, подкорректирую.

Мои лицо и руки, по которым недавно словно наждаком прошелся злобный ветер, слегка еще саднили, но серьезной боли не было. Я соскреб с лица немного мази – откуда она только взялась?

– Это я помазал, дружище, а то видок у тебя был такой прибитый, словно ты навернулся с велосипеда.

Я едва подавил тошноту при взгляде на слой мази, налипший на подушечки пальцев; она состояла из множества крохотных полупрозрачных червячков.

– Она шевелится!

– Старина, от тебя я не ожидал такой чувствительности. Это ж обычные микромедики с глубиной проникновения не более двух-трех миллиметров. Уже минут через пять у них кончится запас энергии, они засохнут и отвалятся, за исключением тех, которые подпитываются от механических вибраций. Эти еще несколько часов будут контролировать состояние твоей кожи. А теперь хватит сидеть на попе. Вставай.

Я поднялся на ноги, и поверхность, которая казалась абсолютно неподвижной, слегка колыхнулась, ответив на мое действие. Однако в отличие от клоуна мои ноги не скользили и даже слегка прилипали к ней.

Я стоял на площадке размером с хоккейную и напряженно озирался. Пожалуй, не площадка это, а огромный лист красивого малахитового оттенка, который на ветке, которая на другой ветке, которая, надо полагать, на стволе исполинского дерева.

Ветви шириной с переулок тянулись в длину настолько, насколько хватал глаз, метров на триста минимум. Между ними на манер лиан были протянуты тросики, по которым бегали небольшие жуковатые биомехи – «технический персонал», наверное.

И не слишком далекие ветки таяли в розоватой дымке, сквозь которую просвечивали огромные буквы девиза: «Холдинг „Зазеркалье“ исполняет все ваши желания, даже те, которых вы боитесь, и те, которые вы еще не осознали».

Листья под определенными углами были прозрачны для

лучей солетты, иначе бы тут царила непроглядная тьма, но свет размазывается в фоглетовом тумане. При таких оптических свойствах среды попробуй оцени размеры всего дерева.

В любом случае рядом с ним даже величественная старушка секвойя покажется скромной травинкой. Хотя, если выражаться строго, это вовсе и не дерево, а фрактальная древовидная структура, воплощенная математика.

– Дружище, наше деревце тянет в длину на семь километров и продолжает себе расти дальше методом нановегетации, – охотно похвастал клоун. – А еще есть и Древо-2, с ним все аналогично, только растет оно в другую сторону.

Семь километров! Тогда ясно. Я каким-то образом оказался в Дримлэнде. Лайнер все-таки столкнулся с космической «страной грез». Но Дримлэнд не был уничтожен в результате столкновения с лайнером – напротив, целехонек! Значит, ничего не ясно...

Листьями местные чудеса не ограничивались. Ветки Древа были еще украшены пестрыми цветками. В ассортименте имелись и полуметровые бутончики, и полураскрывшиеся бутоны метров на двадцать – тридцать в диаметре, и раскрывшиеся махины, у которых каждый лепесток претендовал на размеры футбольного поля.

– Скажи лучше, а где тут у вас сидит начальство, охрана, программисты?

– Какое начальство? Ты чего, старик, совсем отсталый? У нас даже центрального сервака нет. Здесь свобода, въезжаешь? Потому что все необходимости осознаны. Каждый цветок – это матсборщик, готовый в любой момент смастерить новый аттракцион. А в воздухе полно пыльцы, примечаешь? Из-за нее такой розоватый оттенок у нашей атмосферы. Пылинки – это, выражаясь биологически, «зародыши вещей»; на компьютерном языке – наносерверы, напичканные информацией о проекте нового аттракциона; на языке шоу-бизнеса – это крошечные сценаристы и дизайнеры. И матсборщик, снабженный искином, выбирает между проектами, исходя из того, как лучше зацепить публику. Вдобавок матсборщики должны ежесекундно договариваться между собой, чтобы проектный хаос не разрывал систему, а вел к новым параметрам порядка...

– Тебе, видно, еще не приходилось исполнять роль теннисного шарика. Сейчас мне не до «параметров порядка», потому что в башке – беспорядок. Короче, с теориями завязывай, ближе к телу, – попросил я.

– Да запросто, дружище. Каждый аттракцион контачит с телом посетителя, создавая в нем необходимые интерфейсы и коннекторы. Только мандражировать на этот счет не надо. После

того как ты на аттракционе отыграл, все интракорпоральные устройства будут немедленно дезинтегрированы. Согласно декларация ООН о «правах потребителя», клиент имеет право требовать компенсации в случае доказанного ущерба его здоровью, однако администрация предупреждает…

– Кончай гнать про права, – не выдержал я, вспомнив, как рьяно ООН защищала мое здоровье, когда я с группой таких же «потребителей» рылся в мусорных баках возле супермаркета «Восьмой Walmart». Охранники стреляли на поражение, мне прострелили мотню сантиметром ниже одного популярного органа. Как пить дать, доблестные секьюрити приняли колбасу, которую я сжимал в руках, за оружие крестьянской войны – дубину.

– Извини, старик, ты, возможно, знаешь обо всем больше, чем я в десять раз, но я поставлен именно для того, чтобы трепаться…

– Хотя бы смени пластинку, – взмолился я, ощущая все большую неуверенность. Грешно, конечно, но сейчас я просил небеса, чтобы те ребята, шуцманы с «колокольчиками», отправились в полном составе на встречу с Анубисом. Это ж не ребята, а сущие бульдоги – они не станут долго возносить молитвы благодарности своим собачьим божествам, а попытаются по-быстрому вцепиться мне в задницу.

– Может, ты хочешь послушать записи, сделанные на капитанском мостике прямо перед аварией? Что только мужики не несут. Вот второй штурман говорит капитану Смиту, – клоун «поменял» свой комичный тенорок на солидный бас: – «Сэр, показания стереоскопа отличаются от показателей радиолокационного и лазерного дальномеров. Разница почти в пятьдесят метров. И средства внешней навигационной коррекции не дают однозначно нашего местоположения. Сэр, на объекте server.joy по неизвестным причинам отключены маяки». Сэр да сэр. Похоже, второй офицер сомневался, больше чем надо, хотя часть маяков у нас и в самом деле была на профилактике.

Зайтсеф не поднялся на мостик, но второй навигационный офицер вел себя точь-в-точь, как тот самый «усиленный невротик». Значит, у подпольщиков все было продублировано и, возможно, мой вариант вообще не являлся основным.

– У меня, старина, есть еще и видеозаписи столкновения нашего Дримлэнда с окосевшей «Мадлен». Шикарный экшн. Вообще-то они для служебного пользования, но ты же у нас посетитель номер один. Мы так долго тебя ждали.

Клоун сноровисто надул несколько шариков-экранов, теперь я мог просмотреть записи столкновения с разных точек «прозрачности» и ракурсов телеприсутствия.

Если бы у Дримлэнда была форма сферы (а ведь я видел именно сферу с борта лайнера), то «Мадлен» бы врезалась ему прямо в бок. Бум и фейерверк. Но Дримлэнд напоминал, скорее, гантель. Это были две полусферы, соединенные длинной перемычкой и украшенные зубцами выступающих пирсов.

«Мадлен Олбрайт», выполняя маневр при приличном ускорении и включенных главных двигателях, прошла по касательной к южной полусфере Дримлэнда, и пирс пропорол ее корму, задев, видимо, реакторную зону.

Видеохроника аварии показывала, что если у нее имеется автор, то он, безусловно, обладает выдумкой и умеет поддерживать «саспенс» в зрителях...

Выступающая часть «Мадлен» в районе среднего шпангоута не только треснула сама по себе, но и пропорола округлый борт Дримлэнда. А посередине у мадам как раз находился искусственный сад. Теперь понятно, что коллизия застигла меня там в момент свидания с гарными хлопцами из шуцманшафта. Мое тело кинулся спасать бесхитростный эвакуационный манипулятор, не различающий «врагов» и «друзей» свободы. Но его, беднягу, так согнуло ветром, что он препроводил меня через пролом прямо в чрево «страны грез»...

Когда взорвалась поврежденная силовая установка, кормовая часть «Мадлен» сперва покрылась трещинами, сквозь которые вырывались ее горящие внутренности. Но уже через десять секунд настала кульминация мрачного, но захватывающего действия. Кормовая часть стала огненным цветком. Цепочка взрывов, расшвыряв остатки кормы, расколола лайнер в районе среднего шпангоута и пихнула массивную носовую часть «Мадлен» к северной полусфере Дримлэнда.

В итоге кормовая часть лайнера вместе с силовой установкой сгорела в космосе, не нанеся особого ущерба Дримлэнду – обломки кормы кое-где продырявили нанoплантовую обшивку парка аттракционов, однако нанoплант все быстро подштопал. Но вот уцелевший нос «Мадлен» пробил северную полусферу Дримлэнда. Нанoплантовые оболочки парка, заращивая огромную пробоину, фактически взяли в захват переднюю часть лайнера. Так она и застряла. Это что, пассажиры лайнера тоже здесь?

– Старик, у меня есть записи и с других ракурсов, – вкрадчивым голосом предложил липкий комик.

В любом случае не время смотреть кино, наверняка и шуцманы с «Мадлен» выжили, дерьмо не горит. И если выжили, значит, скоро пойдут по моему следу.

– А где... где остановка общественного транспорта?

– Дружище, я видел здесь трамвай, но он сделан из

марципана и вряд ли может считаться общественным транспортом.

– Ну а гости дорогие имеют право перемещаться с листика на листик? Или они должны вести в «стране грез» смиренную жизнь столпников?

– Старик, в будущем должны появиться пандусы и трапы, тогда с площадки на площадку можно будет двигаться как пешком, так на прыгоходах, слейдерах и других компактных транспортных средствах.

Эх, не скажешь же ему, что на меня охотится толпа злобных шуцманов с «Мадлен», у которых, будьте уверены, есть что-нибудь получше дурацких прыгоходов.

– И если мне элементарно охота пожрать в ближайшей пиццерии, то я должен сидеть и ждать светлого будущего?

– Зачем ждать, дружище? Тебе какую пиццу, с грибами, моцареллой или тунцом?

– С тунцом, черт побери, хотя ваши рыбки не вызывают у меня особого доверия.

Клоун снял с головы кепку, ввел команду, коснувшись своими пальцами-сосисками виртуальной клавиатуры. И – фокус-покус – кепка трансформировалась в еду, если точнее, в пиццу большого диаметра. Я оторвал кусок кошмарно грязными пальцами – жратва оказалась не хуже той «пиццы хат», что доставляют на дом грудастые тетки на роликовых коньках. А клоун нахлобучил на голову вместо кепки крохотный котелок. Надо идти ва-банк, иначе сейчас он начнет превращать ботинки в котлеты, а носки в макароны.

– Слушай, я тебе друг? Ну, ладно не друг, но, во всяком случае, я тебе первый клиент, которого ты запомнишь на всю свою клоунскую жизнь. И ты мне тоже товарищ и, более того, брат по разуму. Товарищ, верь, мне пора выключить свет и отправиться в увлекательное путешествие, куда-нибудь в тридевятое царство. На слонах, паровозах, оленях, короче, годится все.

– Старик, со слонами у нас пока напряженка. Но отправиться в увлекательное путешествие в игровой сектор «тридевятое царство» – это не сложнее, чем сделать пиццу.

Клоун резко отвернулся, обиделся, что ли? А вот со стороны спины оказалось, что ее у этого комика, собственно, нет. Как у демона из латинского повествования Dialogus Miracu– lorum Цезария Гейстербахского: «Licet corpora humana nobis assumamus, dorsa tamen non habemus [35]».

А потом клоун наклонился. Тьфу ты, сатаноид, это что включилась программа сексуальных извращений? Ничего нельзя

исключать, если в правлении холдинга «Зазеркалье» засел какой-нибудь педофил.

– В седло, друг. Ты разве в детстве не играл в «конный бой»?

– В детстве обычно скакали на мне. А ты не мог бы изобразить какой-нибудь экипаж? Типа такси.

– Старик, тебе шашечки или ехать? – откликнулся клоун советской шуткой и кошмарно повернул голову на сто восемьдесят градусов.

И тут что-то вроде молнии прошило площадку – я аж подпрыгнул. Выстрел? Расплавленный нанопланет корчился, пытаясь восстановить структуру, и стекал в пробоину, словно нечистоты. Ну да, выстрел, самое настоящее покушение на мою непутевую жизнь. Я поднял голову – выше нас хищно кружили дроны и орнитоптеры. Если выстрел настоящий, тогда эта стая наслана шуцманами, и в ее распределенный интеллект заложена единственная цель – уничтожить мужчину с моими данными. Подтверждая мои мысли, дроны один за другим пошли в пике – как гитлеровские бомбардировщики «Ю-87».

Я вскочил в «седло», схватил «осла» за уши, как за поводья, и изо всех лягнул импровизированное транспортное средство, изображая пришпоривание.

– О, я люблю гонки! – воскликнул свежеиспеченный «осел». Он резво тронулся с места, доскакал до края «листа» и, хотя я автоматически заорал «стоп, скотина», прыгнул. Этот прыжок над пропастью едва не стоил мне сердечного приступа, но спас мою жизнь. Лист за нами был изрешечен очередями, сделавшись дымным облаком с алыми крапинками искр. Перед нами, словно из ничего, возник другой лист. А потом и третий. Все они были тонкие, как бритва, и свет то отражали, то пропускали.

Впрочем, при попадании вражеского боезаряда раненые листы сразу кончали эти световые игры и сворачивались в серые трубочки. Чтобы с нами не случилось то же самое, «осел» резко сменил маршрут. Мы ворвались в переплетение тонких веток – каждая шириной едва ли два сантиметра – и половина преследующей стаи искрошилась в хлам за какие-то секунды.

Я только и слышал позади, наверху, внизу, как дзинькают, хрустят и разваливаются преследователи. А бывший комик скакал себе по веточкам, словно он не осел, а белка.

Но когда мы вырвались из этого хитросплетения, откуда-то сверху жвахнул еще один выстрел и голова клоуна отвалилась, оказавшись у меня в руках.

– Это не такая веселая игра, как хотелось бы, но некоторым нравится черный юмор, – сообщила оторванная голова. – Друг, ты переходишь на ручное управление.

Из обрезанной клоунской шеи вдруг выпрыгнула какая-то кишка и впилась в мой язык.

Я так и знал, что он напичкан программами сексуальных извращений!

Пока я пытался оторвать хищную кишку от «органа болтания», мое восприятие кардинальным образом переменилось.

Теперь я сам скакал по тоннелю. Да, практически сам! Я ощущал рельеф поверхности и воспринимал движители «осла», как свои собственные конечности. Для пущей наглядности виртуок показал схему, на которой нервные окончания, нисходящие из моего мозга в язык, соединялись со шлейфом из ста сорока двух контактов, который восходил к электронным системам новоявленного транспортного средства.

Извини, друг клоун, что я принял тебя за оболочку грязной извращенческой программы. На самом деле я благодаря тебе почти Пегас. И почти кентавр тоже. Интерфейс управления исправно перехватывает мои моторные сигналы. Хочешь налево повернуть, будет налево, хочешь скакнуть – скачешь. Класс! Я привык скакать и летать во сне, так что мне это не в напряг. Сейчас прямо заржу от счастья. Или ослы не ржут?

Я ловко увильнул от следующего выстрела. Но эта была лишь трассирующая пуля. Она оставила след из светящегося аэрозоля, в котором прочиталось грозное оповещение: «Сдавайтесь, Урман. Вам не уйти. Мы – повсюду».

– Так тебя, старик, зовут Урман. Тоже неплохо. А кто они, эти преследователи? – спросила клоунская голова.

– Клингоны какие-нибудь [36].

– А если не клингоны? – В голосе комика прорезались серьезные нотки.

– Тогда фашисты, ети их налево.

Виртуок, который сейчас работал как зеркало заднего обзора, показал вспышку сзади. Я скакнул что есть мочи – не осел, а арабский жеребец, – и подо мной прошипел факел ракеты, которая взорвалась на ближайшем листе. Вслед за взрывом меня атаковал в лицо горячий шквал. От испуга я вышел из роли кентавра и обезглавленный «осел» стал изображать быка на родео. Он задел боком ветку, а меня встряхнуло так, что четные позвонки переместились на место нечетных.

– Бросай меня назад, дружище, не стесняйся, – с натуральной мужественной горечью сказала голова. – Мои мозги сейчас трансформируются в ВВ [37]. Знаешь, в прошлой жизни я был сапером. Во мне оцифрованный интеллект капитана Курочкина, который подорвался на мине во время сибирской войны.

– И не подумаю, земляк.

Следующий выстрел был совсем тихим, пробка из бутылки с шампанским и то громче вылетает. Но он родил быстро раздувающегося огненного дракона, который едва не догнал меня. Из алого дракон стал фиолетовым, и вскоре на месте огненного чудища остался только рой веселых искорок, похожих на бенгальские огни, плюс какое-то багровое пятнышко. Все, прошло? Тут меня и рвануло назад, едва не втащив в это пятно!

– Старик, клингоны применяют термобарические заряды. Бросай же мою голову, это приказ, – распорядился клоун с командирскими обертонами. – Саперы ошибаются всего один раз и этот раз уже был!

И я выполнил приказ, точнее, в панике схватил клоунскую голову капитана Курочкина за огненно-рыжие патлы и швырнул назад вместе со всем ее сознанием.

Голова влетела в стаю преследователей и бубухнула, как мина от крупнокалиберного миномета. Мне стало совестно, однако ненадолго. Ударная волна вышибла «осла» из-под меня, я едва уцепился за фалды его пестрого фрака и пару минут судорожно карабкался обратно. Но едва не сорвался снова, когда в глаза ударил яркий розовый свет голографической надписи.

7

Словно бы залитая кровью надпись оповещала: «Вы находитесь в игровом секторе „Мифы и сказки ацтеков“.

Название сектора мне не понравилось. Ацтеки ж были такие угрюмые мускулистые братки с обсидиановыми ножами. И мифы у них должны быть под стать.

Орнитоптеры и дроны больше не преследовали меня. А вот новую опасность я не сразу заметил.

По сравнению с ней дроны казались безобидными, как детсадовцы. Тело опасного создания почти не отражало свет, отчего напоминало легкую дымку. Тело было страшно длинным, не менее чем на полсотни метров в длину, и очень быстрым. Оно ползло-прыгало-летело, едва касаясь листьев и веток. И оно ползло-прыгало-летело за мной.

Я, даже в роли кентавра, безнадежно уступал этому Кецалькоатлю в скорости. Обмануть и увильнуть никак, потому что по ловкости и скорее всего по интеллекту я уступал ему тоже.

Кецалькоатль то и дело раскрывал свою пасть, рекламируя четыре челюсти, усеянные бритвами «Жиллетт». Пасть размером с кабинет министра не играла со светом, она была примитивно красной, с бритв свисала слизь, и это производило недюжинное

впечатление.

Змей сделал бросок, который мог бы стать финальным, но, по счастью, мне повстречалось забавное киберорганическое существо, напоминающее большого чебурашку. Я незатейливо сбил чебурашку с ног и тот оказался на пути змеиных челюстей. Через мгновение череп забавного биомеха хрустнул, словно крекер. Я как раз обернулся назад, и гемолимфа бедняги забрызгала мне лицо. Смотреть там было не на что. Чебурашка, как конфета, мгновенно исчез в змеиной пасти.

«Код доступа Порта Нигра! Давай снова дружить, я буду послушным мальчиком», – возвал я к программному клиенту.

«Он тебе ничем не поможет. Здесь он – ноль. А я могу», – шепнули мне прямо в череп, да так что гул прошел.

«Ты кто? И где?»

«Я на тебе, в брызгах крови. В крови душа моя…»

Чебурашка был подослан? Симулакром, что ли? Источник голоса в чебурашкиной крови? Хотя какая это кровь, это – коллоидный раствор, насыщенный наноустройствами, которые сейчас связались со мной через боди-коннектор.

«Я с тобой. Просто произнеси про себя: код доступа Порта Альба. Но вначале деактивируй антивирусную защиту Порта Нигра. Код ее отключения – образный, достаточно представить красный равнобедренный треугольник».

– Порта Альба? И все?

– Поторопись с треугольником.

Кажется, Негр попробовал запротестовать, но я тут же двинул его этим кровавым треугольником. И новый виртуок развернулся в глубине моих ощущений. Не отчуждение, а продолжение себя я почувствовал, как если б из моего мозга проросли нервные окончания, длинные и подвижные, словно волосы у Медузы Горгоны.

«Волосы Горгоны» ощупывали мир вокруг, происходило это так быстро, что я почти ничего не ухватывал сознанием, просто на мои мозги обрушился водопад цвета, звука и осязания. А когда водопад заткнулся, я увидел конечный результат.

Кецалькоатль стал программным объектом, экземпляром «мифологического Змея», таким же, как Ананта из индийскогой сектора, как Змей Горыныч из славянского сектора, как змея подколодная из сектора семейных скандалов.

И функция финализации была на всех одна: она изображалась в виде мусорного ведра, расположенного в углу виртуока. Достаточно оконтурить реальную змею и перетащить этот контур как аргумент в функцию финализации.

Я поскорее засунул контур преследующего монстра в

мусорное ведро... Но Кецалькоатль как ни в чем не бывало сделал рывок, обмотался вокруг ветки, раскрутился и снова прыгнул. Да еще рыгнул, окатив меня потоком полупереваренного дерьма, от которого несло ацетоном и самой настоящей рвотой.

Казалось, что вот-вот и моя плоть, плоть высокоразвитого существа, превратится в коротко подстриженные аминокислоты в чреве прожорливого гада. Я закрыл глаза, понадеявшись, что мозг исчезнет раньше, чем до него докатятся потоки боли, и услышал шум. Что-то напоминающее сильный ливень. Получается, я еще жив, и мозг какой-никакой на месте и без болевых потоков обошлось.

По моей голове стукнули и шлепнули первые капли. Именно стукнули и шлепнули. Назвать начавшееся мероприятие ливнем в общем-то было сложно. Огромные капли не летели, как положено, сверху вниз, а метались в разных направлениях, сливаясь, извиваясь и пульсируя. Это что, типа влажной уборки при помощи квантовой жидкости?

Кецалькоатль отшвыривал капли мощными ударами хвоста, увиливал от них умопомрачительными изгибами, даже глотал их. Теперь ему уже было не до меня. Но капли в два счета облепили моего врага со всех сторон, он обрел брюхо и горб, утратил маневренность и скорость, а затем сорвался с ветки. Через мгновение падающий монстр уменьшился до размеров червячка.

А следом предательская струя, склизкая и длинная как минога, смахнула меня с безголового «осла».

Кентавр распался на составляющие, я спикировал вдогонку Кецалькоатлю в розовую пропасть.

И хотя я даже не кричал, потому что между грудью и глоткой образовалось безвоздушное пространство, ко мне подлетело с пронзительным писком спасательное средство, напоминающее комара-переростка. На его боку алела вдохновляющая надпись: «Телефон службы спасения в двоичном коде 1110001111». Спасательное средство подцепило меня своими хоботками и понесло в гущу акварельной листвы, которая при приближении набирала сочно-зеленый цвет.

А затем изменился и весь пейзаж. Розовая дымка осталась вверху. Внизу было густое синее небо. К нему была направлена центробежная сила, заменяющая в «стране грез» нормальную силу тяжести.

Поперек небосвода висели огромные буквы, слепленные из пузато-сисястых облачков в стиле Кустодиева. «Сектор ПАРАДИЗ. Здесь оканчиваются все путешествия».

«Комар» завершил свою спасательную операцию, сбросив меня в слегка раскрывшийся бутон.

8

У меня в детстве была пара книжек-раскладок. Самые любимые. Ты раскрываешь такую книжку на любой странице, и замки, полянки, леса, избушки, гномы, красные шапочки и серые волки становятся из плоских объемными. Хитроумно склеенная и сложенная бумага превращается в мирок. В целый мир, который при достаточной работе воображения оживает и окружает тебя со всех сторон.

В секторе ПАРАДИЗ работы воображения не требовалось. Самого высокого полета развлекательные технологии ориентировались на самый низкий полет фантазии, вернее, на полное ее отсутствие у типичного яппи, амраша или брута первой трети двадцать первого века. Дримлэнд фантазировал за клиента, которому только требовалось открыть пошире глаза.

Я сидел на пестике как король, а перед моими глазами и моей ошарашенной душой быстро раскладывались крепости, вставали башни, надувались холмы и скалы, начинали бить ключи и водопады, превращаясь в реки.

Из-под огромных грибов и древесных корней сыпали стаями сказочные персонажи: полуметрового размера гномы в красных «противозачаточных» колпачках и сапогах сорок пятого размера. Из холмов выпрыгивали эльфы, тонкие в талии, как осы. Из тумана выбегали блестящие, как слеза, единороги. На каждом персонаже торговая марка и номер лицензии – во избежания нарушения прав владельцев. Я с удивлением узнал, что все права на гномов принадлежат теперь компании «E-lenin platonic monsters inc.».

Ближайший искин сам предложил мне поменять западноевропейскую локализацию на кириллическую – на участке размером пять на пять метров. Здесь поток европейских гномов иссяк, из мигом набухшего теремка вышли и начали кланяться в пояс пухлые сестрицы-аленушки с круглыми коленками, выглядывающими из-под коротких сарафанчиков. Из избушки, вставшей передом, выглянули не менее симпатичные, но только худенькие бабки-ежки, которые немедленно предложили попариться сообща в баньке...

Да, самое главное. Мимо меня пробежали посетители номер два, три и далее – целая стайка резвых и бодро щебечущих созданий. Потом я заметил гостей Дримлэнда и на соседних цветах. Никакие это не техманны, а самые натуральные пассажиры с «Мадлен Олбрайт» – бухгалтеры и менеджеры на отдыхе. Веселые и беззаботные, не погибшие при аварии, не опаленные огнем, не затронутые стрессом и не подпорченные

посттравматическим синдромом.

Значит, пассажиры благополучно перебрались с лайнера, утратившего все системы жизнедеятельности, в Дримлэнд. Тогда и Нина, должно быть, жива-здорова. Однако теперь, когда виртуальная маска с меня сдернута, лучше не попадаться ей на глаза. Впрочем, есть вещи и похуже, чем встреча с Ниной. Шуцманы будут выполнять свой интернациональный долг и ловить-убивать меня, пока их не раскатаешь катком и не замуруешь в бетон. Увы, свидание в бане с бабками-ежками придется отложить.

Из-за Златовласки, поющей о новом шампуне на башне свежеиспеченного замка, выглядывает подозрительная морда. На ней шлем и непроницаемое забрало. Это шуцман или местный принц? На большого жука тоже похоже.

Нет, лучше не испытывать судьбу, пора с этой площадки сматывать. Я глянул в щель между лепестков и меня замутило при виде неба внизу. Разве ж к такому привыкнешь? Правда, пятьюдесятью метрами ниже на веточке болтался лист – листик размером с двухспальную кровать. Даже при тутошней «силе тяжести», где-то в половину g, я сломаюсь, если упаду. Кроме того, могу и промахнуться, если дунет ветерок. Был лист и напротив меня, метрах в десяти. Явно не допрыгну, спортсмен из меня кислый. Значит, остается следовать по тропке, которая ведет через рощицу между двух игрушечных холмиков к табличке «Exit».

Я резко снялся с места и быстрым шагом двинулся по тропе. Далеко не ушел. Неподалеку от входа в рощицу, из кустов шиповника показалась еще одна подозрительная морда, прикрытая забралом. Ниже забрала виднелось что-то похожее на жвала. Значит, жук. А еще ниже жвал явно ствол. Значит, не жук. Благодаря надкалиберному боеприпасу оружие сильно напоминало чупа-чупс, но я ощущал до дрожи, какой скверный вкус у этой «конфеты».

И пока я дрожал, глядя на «чупа-чупс», из густого пластикового крыжовника выскочила божья коровка и протаранила меня, как самый настоящий бык.

Божья коровка была большой и сильной. Она свалила меня, оседлала и пару раз врезала по моей физиономии кулаком. Мой рот сразу наполнился кровавой юшкой, которая хлынула из расквашенного носа через носоглотку. С торжествующего врага свалился божекоровий камуфляж и он гордо предстал в своей ужасной кощеевой красе. Вот и все, приехали. Серебристые линии на гранитном фоне – у шуцмана полный силовой экзоскелет. А у меня после двух нокдаунов такая муть в голове. Я дернулся, кое-

как высвободил руку, которую этот бычина прижимал коленом. И просто отмахнулся, не успев даже сжать кулак.

Я увидел ошалевшие от боли и удивления глаза шуцмана и спешно прижал руку к груди.

Сквозь рассеченные шуцманские доспехи выходила пузырями густая кровь. Бычина даже не думал об оружии, которое сейчас бесполезно отягощало его правую руку. Он пялился на разрез поперек своего живота. Наверное, ему, так же как и мне, он напоминал рот, из которого текут кровавые слюни! Сгущая краски, «рот» раскрылся, как у перебравшего бражника, и из него, словно потревоженные черви, полезли кишки.

Шуцман повалился набок… А я увидел кусари, который, сделавшись видимым в серебристом нимбе виртуока, выползал из живота шуцмана – словно та самая гробовая змея, что положила конец Вещему Олегу. Едва успел применить, третьего нокдауна мне бы не выдержать…

Раздался сухой щелчок выстрела где-то слева, в районе живописного прудика, украшенного гигантскими красавицами-кувшинками. Раскрывшийся «колокол» оплел белыми прядями стаю биомехов-стрекозоидов надо мной и с отвратительным хрустом стянул их в комок. Кувшинки поплыли в мою сторону, а затем стали выбираться на берег.

«Эти красивые кувшинки хотят сделать с собой что-то очень некрасивое. Так что будем считать, что ты произнес „Порта Альба“. Сейчас бросишь чудо-гребень и свернешь влево», – прошепелявил пристроившийся рядом со мной виртуальный гномик с надписью «Gnome Adm» на широкополой шляпе. В отличие от давешнего чертика не красно-черный он, а мирно-зеленый как кузнечик.

Виртуальный гребешок лег в мою руку. Я недолго думая швырнул в надвигающиеся кувшинки подарок гнома-администратора. Виртуальный гребешок полетел, как скромный предмет длиной в дециметр и весом пятьдесят граммов, но в метрах пяти от меня он резко увеличился в размерах – это было как взрыв. Зубцы гребня встали высоким частоколом, вертикальные заграждения соединились отростками в продольном направлении, пересечения расцвели розочками шипов. Через мгновение меня отделяло от кувшинок лихо закрученное колюче-проволочное заграждение. Заграждение, разрастаясь, стремительно наступало на кувшинки.

Я не заметил того момента, когда виртуальное заграждение превратилось в реальное. Я был загипнотизирован ловкими быстрыми движениями колючки, да и матсборщики сработали идеально. А меж тем кувшинки обернулись шуцманами. Этого

нельзя было не заметить. Один из них запутался в колючке, завывая от боли, как солдат Первой мировой. А шипы продолжали расти, и вот уже шуцман напоминал бабочку, попавшую на иголочки в коллекцию энтомолога.

Взвод шуцманов кое-как снял своего товарища с шипов и перешел в активное отступление. Стремительность отступления была обусловлена наступлением колючки, которая катилась на них как перекати-поле в хороший попутный ветер.

Колючка была не только быстрой, но и старательной. Она не успокоилась, пока не опутала добрую половину игрового поля. Все персонажи, попадая на шипы, тут же погружались в глубокий сон, сопровождаемый весьма натуральным храпом. Сквозь тернии, опутавшие башню, струились кудри Златовласки, которая стала изображать спящую королевну. Надо понимать, лишь через сто лет ее пробудит прекрасный хакер, поцеловав в функцию пробуждения. Ну а пока что на заросшем участке появилась вывеска: «Спящее королевство. Издательство „Братья Дрим“. Все права сохранены».

Старичок-гном вывел меня грибными тропами из сказки и исчез, оставив в виртуоке квитанцию с указанием времени обслуживания и оказанной услуги: «Исполнение желаний».

Мои желания и в самом деле были исполнены. Так же, как и у прочих посетителей Дримлэнда, которые играли со сказочными персонажами в салочки и прочие детские игры. Куртуазные эльфы носили по воздуху смеющихся дам, подхватив их ласковыми руками за талии (порой весьма обширные, но и эльфовские конечности легко удлинялись). Едва касаясь голов своими легкими копытами, проскакал по воздуху белокрылый пегас. Тигр с ясными голубыми глазами катал на себе пенсионерку.

Все страхи были перечеркнуты системой безопасности. Безопасность была первейшей функцией тех миллиардов искинов, из которых состоял Дримлэнд. А разве кто сомневался?

В противном случае все было бы уже залито кровью и закидано трупами посетителей и частями их тел. В этом отвратительном случае слышалось бы не пение биомехов и смех посетителей, а хруст костей и предсмертные крики. В этом гадком случае воздух был бы напоен не цветочными ароматами, а запахом рвоты и испражнений…

И хотя мне, как старому солдату, сентиментальность чужда, как же не полюбоваться идиллическими видами космической Аркадии.

Милая феечка прикрепила пожилому господину несколько пар прозрачных крыльев – на щиколотки, запястья, предплечья, – взяла его нежной ручкой за шиворот, и они взлетели над

лужайкой, напоминая жука и бабочку.

Мужчины руководящего вида играли огромными радужными пузырями в футбол и смеялись как малыши, как стокилограммовые мальцы с лужеными глотками, хорошо смазанными пивом. Пузыри, словно монгольфьеры, возносили многопудовых «малышей» вверх, и если кто-то срывался, то это не означало ничего фатального. Другой пузырь подхватывал падающего клиента, перебрасывал третьему и так далее. Вся стая пузырей обладала безупречным распределенным алгоритмом поведения.

Эльфийки в коротких юбочках, открывавших безумно стройные ножки, танцевали вокруг бухгалтеров, разбухших от фаст-фуда, и менеджеров среднего звена, похожих на переваренную капусту. И бухгалтеры с менеджерами забывали в этих хороводах о дебете и кредите, о срывах планов продаж и о неудачной маркетинговой политике, и о том, что хорошую карьеру уже не сделать.

Какие-то юнцы, неприлично вереща от радости, прыгали с листа в небесную бездну, но их неизменно встречала страховочная паутина и забрасывала обратно.

Кое-кто ухитрялся кататься на огромных каплях, которые стекали по лепесткам. Капли напоминали пузатых ундин, хотя были всего лишь искусственными жидкостями с управляемой текучестью и вязкостью. Судя по светящимся буквам на боку, ундин изготовили по лицензии фирмы «Wassermann AG», предлагающей покупателям также жидкие кресла и диваны.

Достаточно было произнести «Где я?», чтобы возник виртуок, а в нем – карта Дримлэнда с твоим местоположением.

Неожиданно на сучке, открытом всем взорам, встал, как на капитанском мостике, Майкл Зайтсеф. Над левым глазом старпома виднелась заплатка из синтекожи, но индикатор здоровья на ней светился уверенным зеленым светом. Зайтсефа сопровождала пара судовых офицеров в белых кителях. Не полагаясь на системы связи, старпом энергично, по-боцмански, кричал в громкоговоритель, и его жесткие слова рикошетили от листьев и лепестков.

– Господа пассажиры, немедленно вернитесь в приемную зону парка аттракционов, на пирс номер три. Только там мы сможем гарантировать вам безопасность. Дримлэнд пока не введен в эксплуатацию, он находится в режиме отладки и тестирования базовых функций. В кибероболочку парка еще не загружено программное обеспечение, обеспечивающее правильное взаимодействие аттракционов с посетителями. В настоящее время наш офицер находится на центральном пульте Дримлэнда и

пытается заблокировать наиболее опасные отладочные функции...

Большего старпому не дали сказать.

Я увидел, как к Зайтсефу подбирается веселая девушка Нина и несколько других готов. До меня еще донеслись укоряющие слова старпома:

– Нина, ты ведешь себя как девчонка. Госпожа Макарова-Нильсен, придите в себя...

А госпожа Макарова-Нильсен и в самом деле вилась, пританцовывая вокруг господина Зайтсефа, как пятилетняя девочка.

Зайтсеф сделал шаг к ней, словно намереваясь схватить и наказать ее, но так и застыл с поднятой ногой.

Старпом трепыхался на одном месте, напрасно пытаясь вырваться из каких-то невидимых пут, а вокруг него прыгали торжествующие готы и порхали эльфы в зеленых костюмчиках. У этих биомехов было по шесть рук, и, сдается мне, они быстро упаковывали Зайтсефа вместе с остальными офицерами в коконы из мономолекулярных нитей.

И вот работа закончена. Трепыхания перешли в конвульсии. Эльфы, похожие теперь не на вольных бабочек, а на деловитых муравьев, поволокли на себе спеленатых офицеров. И что удивительно, никто, кроме меня, даже не обратил на это внимания. Активно развлекающаяся публика не заметила исчезновения командного состава.

Я, как гвардии ефрейтор, чуть было не кинулся на помощь Зайтсефу, пусть он и враг; все-таки уважаю порядок на кораблях. Но на голом суке мгновенно распустился пышный алый цветок, в котором и скрылась вся процессия.

Да, дискотеку удалось «раскачать». В режиме Парадиз желания исполняются у всех, в том числе у готов. Если призадуматься, и мне этот Зайтсеф очень не по вкусу.

9

Несколько милых сказочных созданий потащили меня за руки, лопоча что-то неразборчивое на манер Чипа и Дейла. Отбиваться было бесполезно, общая сила у них оказалась, как у трактора. Они доставили меня к своего рода «расщелине» между двумя лепестками и стали тыкать в нее пальцами. Я, конечно, не соглашался. Дело кончилось тем, что я исполнил роль мешка, который они раскачали и бросили в «расщелину». Пугаться – не пугался, потому что был уверен в дружественности распределенного интеллекта Дримлэнда.

В конце полета передо мной распахнулся бутон, и я оказался на арене гладиаторского цирка.

Со всех сторон арена была окружена лепестками-трибунами. Публика на трибунах состояла из техманнов и биомехов. Не все лица были хорошо прописаны, вернее, прописаны лишь настолько, насколько требуется для массовки. Их глотки издавали кровожадную речевку на латинском языке.

Помимо колонн дорического ордера на арене стоял рыжий клоун. Такие же человеческие глаза, как и у предыдущего, но роста примерно моего.

– Сегодня многие отважные бойцы взойдут на эту арену, но далеко не все с нее уйдут, – громогласно заявил клоун и показал на меня пальцем. – Назови свое имя, человече.

Честно говоря, я не любитель кровавых поединков со своим участием, если даже заранее известно, что грохну всех врагов с тысячепроцентной гарантией. Ладно, сделаем скидку на массовые вкусы и немного поиграем.

– Негр. Негр Нелитературный.

На арену под торжественные звуки фанфар вышла грозная команда противника.

Жаба особо крупных размеров с гривой британского льва и с символом водной власти – трезубцем. Хищный динозавр в ковбойских сапогах и в цилиндре дяди Сэма. Пяток поросят во вражеской форме времен Второй мировой войны с нашивками разных дивизий Ваффен СС. Какой-то волосатый мужик с безумным взглядом и ржавым топором. Многоголовый галльский петух с металлическими клювами и острыми шпорами, на которых запеклась чья-то кровь.

– Эти чудеса биомеханики, – возгласил клоун, – олицетворяют все, что тебе не нравится в жизни. Так что дерись без дураков.

Клоун щелкнул по большому куску мрамора, стоящему на бортике арены – лишний камень осыпался и получилось изваяние римского императора, в тоге, с лицом Огастеса Октавио. Статуя порозовела, задрожала и «оживший» император поприветствовал публику. Публика откликнулась характерным жестом, напоминающим «хайль». А мои противники оглушительно гаркнули: «Ave Caesar, moritumi te salutant».

Трибуны зашумели, какие-то девушки-техманны заголосили: «Как жалко, что Негра сейчас убьют».

Сверху упала бейсбольная бита, едва не приложившись к моей голове. Потом разные острые, тупые, режущие предметы, включая молотки, топоры и косы, посыпались градом, то ли отвлекая мое внимание от противника, то ли увеличивая мой

арсенал. Хотя какой это к черту арсенал. Мне для исполнения желаний не помешал бы дедовский калаш.

– Бокс! – рявкнул клоун на манер спортивного рефери, и я испуганно подхватил с арены биту.

Жаба прыгнула на меня с наглым кваканьем, явно нацеливаясь трезубцем на мои глазные впадины. Я пропустил эту тушу над собой, а затем, не без паники, припечатал ее раза три-четыре своим оружием.

– Этот тип нанес мне непоправимый ущерб, я буду жаловаться в комиссию ООН по правам искусственных амфибий, он не имел права бить наотмашь, мой адвокат уже... – вылетело напоследок из жабиной пасти, прежде чем я добил ее сокрушительным пятым ударом.

Хм, и в самом деле переборщил – она расплескалась, как кисель. Слизневидные органические чипы, мягкие индикаторы, мигающие тревожными цветами, провода и шлейфы, залитые потоками метаболической жидкости, грива льва – все это налипло на мои подметки...

Не давая ни секунды на осознание вины, на меня накинулся хищный динозавр. Вчера я бы даже не мог представить себе такой сцены: тираннозавр бежит на меня, а я бегу на него и не представляю себе, что буду делать через мгновение.

Мне удалось прошмыгнуть под его челюстями, под брюхом тоже, и выскочить со стороны хвоста. Несколько ударов удачно подвернувшимся молотком и хвост противника прибит к арене, а вместе с тем пригвожден и сам противник. Динозавр визжит, как щенок, и плачет крокодиловыми слезами, и роняет на арену цилиндр дяди Сэма.

– Два-ноль, – сдержанно похвалил рефери.

Поросят в форме дивизий СС удалось скосить русской народной косой с двух махов. Они не успели докричать до конца здравицы в честь фюрера и развалились на куски отлично прожаренной поросятины.

А вот с безумным мужиком пришлось повозиться. Когда он подошел ко мне гордой походкой Франкештейна, мне пришлось его... обнять. Не подумайте плохого. Просто я уперся под его локти, так что ему не рубануть по мне ржавым зазубренным топором. Наступила патовая ситуация. Я вспоминал разные приемы из книжки про дзюдо, которую читал все детство на ночь, а этот махновец пытался врезать мне рукояткой по затылку. Наконец я догадался провести еще один рискованный, а если точнее, шаловливый прием. И пока противник подхватывал свои падающие штаны, настал черед приема из книжки. В падении я перекинул мужика через себя и он... попал под колеса... вернее,

под шпоры несущегося во весь опор петуха.

Нанопластиковые кишки мужика, намотавшись на петушиные шпоры, запрыгали по арене. Клювы петуха взметнулись над моей головой, сейчас пробьют черепной коробок...

На этот раз я вовремя вспомнил про кусари. Возможно, публика посчитала мои действия тупо-прямолинейными, однако я вздохнул с облегчением, когда моя наноцепь снесла петуху все его воинственные головы. Он еще носился по кругу, но серьезной опасности по причине безголовости не представлял.

– А теперь оставь животных в покое.

Клоун неторопливо снимал полосатый кургузый пиджачок, переходя из роли справедливого судьи в олицетворение того, что мне не нравится в жизни.

Ладно, не больно-то ты крут с виду.

Я метнул в сторону нового противника кусари, однако клоун закрылся ореолом разрядов и мое оружие сгорело, как бикфордов шнур, разве что дыма не было. Вот это сюрприз.

Клоун подошел ко мне, на его лице появилась искренняя улыбка, и я поверил в то, что дело кончится каким-нибудь смешным поединком на подушках.

Клоун двинул мне ногой в живот, быстро и беспощадно, словно я был манекеном.

Я шлепнулся на спину, из носа потекла кровь вперемешку с соплями, боль пульсировала в затылке, в шее, тяжело ворочалась в животе. О мои хрящи, мои кости, мои внутренности!

– Если ты уже мертвый, то лежи, я отрежу твои уши – на трофеи. Если ты еще живой, то вставай. Или кто из нас комик?

Я перевернулся на живот, отжал тело от арены. Клоунская личина сползала с оппонента, отслаивалась, разлетаясь осенними листьями.

А когда она отслоилась полностью, то напротив меня стоял Грамматиков. Реальный, настоящий. Бизнесмен, миллиардер, похожий на меня, как Дориан Грей на свой портрет. Грамматиков, оказывается, адреналинщик, любит лично поиграть кулаками-каблуками.

– Урман, ты же хотел этой встречи. Сейчас ты можешь размазать по арене проклятого оборотня, который забрал твою удачу, твою славу, твои способности, твои достижения и греческий профиль. Ах да, чуть не забыл, твою мужскую потенцию проклятый оборотень тоже забрал. В очереди по сдаче стеклотары она тебе не очень нужна.

Публика на трибуне прыснула от смеха. Какой-то техманн стал упражняться на тему использования мужской потенции в тесной очереди. А мне было не до шуток. Настает последний

решительный бой и разойтись по-хорошему с оборотнем невозможно. Одна жизнь, одна биография, одна внешность – это именно тот Боливар, которому не снести двоих.

Я не успел подняться, когда Грамматиков подпрыгнул и влепил в меня свои огромные клоунские башмаки, отшвырнув на бортик арены. Этот бортик меня доконал. Он был и твердый как камень, и липкий, как жевательная резинка. Когда я отлепился от него, то понял, что силы на нуле. На абсолютном нуле. Не нашел я у себя и ненависти, которая может с лихвой заменить силы.

Я отбежал от Грамматикова настолько, насколько позволяла арена.

– И это все, на что ты способен? – поинтересовался крупный бизнесмен.

– Негр, мажь попу вазелином! Тогда будет не так больно! – выкрикнул какой-то гнусный техманн, и все трибуны подхватили. – Ва-зе-лин! Ва-зе-лин!

А вдруг трибуны правы? И я, как всякий порядочный дристун, просто боюсь, что разозлю врага и будет еще больнее.

Грамматиков не стал бегать за мной, он повернул руку ладонью ко мне и просто помахал ею. Ничего более. Но меня словно ударило мешком картошки, увесистым таким, килограммов на пятьдесят, и бросило на арену. В ушах сплошной звон, по позвоночнику проходит в затылок волна тяжелой боли.

С трудом проглотив слюни и сопли, скопившиеся в глотке, я приподнялся и обратился к злодею:

– Эй, ты ж мне как брат, по-моему, мы можем обо всем договориться.

На физиономии у Грамматикова нарисовалась хищно-презрительная гримаса, какую мне самому вовек не изобразить.

– Еще отступные попроси и алименты. Нет, Негр, мне проще вырастить клона, чем иметь дело с тобой. Ты ж всегда будешь доказывать, что ты первичен, а я вторичен. Не хочу быть вторичным.

Переговоры закончились, практически не начавшись. Я, заметив движение пылинок, на этот раз увернулся от невидимой силы, которая двинула безголовым петухом о колонну. Бедное создание превратилось в суповой набор, разбросанный по арене.

– С тобой сейчас будет то же самое, – пообещал Грамматиков.

Еще движение вражеским пальцем, на этот раз круговое. Меня шмякнуло об арену и закрутило как носок в стиральной машине. Поле зрения заволокло густой мутью, обрывки мыслей вертелись в голове, словно белки в колесе, боль брызгала вязкой жидкостью из спины в голову и грудь.

Кранты. Себя мне почти не жалко. Про страну тоже как-то не

думалось. Но ведь я мог бы вытащить Веру с того света, всего какой-то миллион баксов на расконсервацию и восстановление...

Я видел, как ко мне идут ноги в полосатых панталонах и смешных клоунских башмаках, а из башмаков вылезают дециметровые когти. Увы, он – хищник, а я нет...

Грамматиков погрозил пальцем, и по мне словно прошелся наждак. Противник взмахнул ладонью, и моя кожа натянулась, словно ее поддели крючками. Уже через несколько мгновений моя голова, руки, ноги, кишки и мозги будут лежать отдельно друг от друга.

«Ты опять забыл произнести Порта Альба, – прожжужал около моего уха шмель в широкополой шляпке администратора. – Последний раз делаю это за тебя».

С мохнатого брюшка шмеля-администратора словно слетела волшебная пыльца и виртуок преобразил арену, открыв ее тайны.

Над ареной летали злые духи, невидимые простому глазу полтергейсты, которых направляли беспощадные руки колдуна-миллиардера.

От этой картинки я чуть не сделал желтую лужицу, но, по счастью, в виртуоке появилась и разъяснительная информация.

То не злые духи, посланные адом, а армии ионизированных наноботов, которые разгоняются электромагнитными полями арены, а перед ударом коагулируют в твердое тело.

Грамматиков жестом Кощея направил на меня очередного злого духа. Я, кувыркнувшись, потерял только мозоли с подметок, которые срезало, как бритвой. Потом укрылся за колонной под улюлюканье трибун.

Полтергейст, налетев на колонну, взвихрился смерчем и от него оторвался хвост, который полетел вокруг арены, как магическая чакра древнеиндийских богатырей. Или как тарелка из замечательной игры «фрисби», в которой я был когда-то дока и институтский чемпион.

Я рискованно встал на пути «тарелки», присел, отводя голову, и протянул руку под донышко. Есть контакт, визуально-тактильный интерфейс позволяет мне видеть и ощущать ее. «Тарелочка» продолжает крутиться на моих пальцах, одновременно я выписываю рукой спираль. Затем толкаю крутящуюся «тарелку» в Грамматикова.

«Тарелка» попадает в миллардера, она пролетает сквозь него! Но он остается на месте и лишь приобретает слегка озадаченный вид.

Я подхватываю с арены топор и с отчаянием обреченного викинга несусь на противника. Но в тот момент, когда я вздымаю оружие, голова Грамматикова картинно сползает с шеи и падает

на арену. А тело продолжает стоять!

В моей голове звенит так, что все мысли разбегаются. Голова лежит. Труп стоит. Трибуны тоже ничего не понимают. Из карманов Грамматикова выпрыгивают карманные шуты и с криками «Невероятная жестокость. Это политическое преследование. Какой бизнес разрушен» разбегаются во все стороны.

На месте пятого шейного позвонка у Грамматикова находится ярлычок.

Аттракцион «Исполнение Заветного Желания», сцена «Убить Счастливчика». Дизни инк. Все права сохранены. Стопроцентная имитация человеческого тела разрешена в данной игровой зоне согласно решению комитета ООН по играм и массовым развлечениям.

10

Арена свернулась обратно в бутон, я едва успел вскарабкаться на его вершину.

Что-то липкое пролилось мне прямо на темечко. Я машинально провел пальцами и поднес их к глазам. Кровь. С верхнего листа на меня лился ручей из настоящей крови. Стоп. Мы уже знаем, какое тут все «настоящее».

А потом с края листа на меня свалился «человеческий труп». В рассеченном чреве «трупа» сидел гном, тонкими длинными руками он запихивал в свое ротовое отверстие «человеческие потроха». Ах, как страшно. Торопливо заглотив «печень», гном понял, что за ним наблюдают. Гном забурчал голосом профессионального скандалиста: «Даже поесть не дают спокойно» и прыгнул, нацеливаясь своими когтистыми пальцами на мое горло. По счастью, у меня в руке был топор, который я захватил с арены. Попал гному прямо в лоб. Мерзкая тварь с расколотой головой улетела с бутона.

Я потрогал пальцами внутренности «мертвеца» и только после этого до меня дошло. Мертвец-то натуральный, без кавычек. Окончательно меня убедила вонь пищевых остатков и экскрементов из разъятого кишечника.

Сорвав с груди у мертвеца спекс, я стал лихорадочно озирать окрестности – мощные оптические усилители позволяли детально просматривать их почти на километр.

Древо Жизни стало Древом Смерти!

На лепестках и листьях лежали тела пассажиров, спеленатые прядями прозрачно-голубоватой паутины, точь-в-точь как мухи,

павшие жертвой прожорливого паука. Рядом с коконами суетились осы-эльфянки; они готовились отложить в еще трепещущие человеческие тела свои яйца и высовывали из-под коротких юбочек яйцеклады, напоминающие страхолюдные фаллосы.

«Куртуазные» эльфы разжимали руки и выпускали в никуда рыдающих дам, которых они только что катали по воздуху.

Юнцы, любители прыжков, летели в бездну, сменившую безмятежный синий цвет на багрово-адский. И их радостные вопли по ходу полета превращались в крики предсмертного ужаса.

Спасательные средства вернулись на базу и исчезли страховочные сети.

Гномы деловито сосали гемоглобин из своих жертв, оставляя от них только скелеты, обтянутые обезвоженной серой кожей. Раздувшиеся животики свежеиспеченных вампиров просвечивали красной гущей.

Голубоглазый тигр рвал на части пенсионерку; в ее залитом кровью ридикюле, как черви, копошились жадные карлики.

Тролли извергали на посетителей гадкую массу, которая, застывая, превращала людей в окаменелости.

Парадиз обернулся адом, за исполнение нескромных желаний пришла расплата...

Как бы опровергая эту мораль, на небосводе появилась надпись из искусственных фиолетовых облаков. «Режим Инферно. Энергопитание аварийное». Причина ужасов теперь ясна – дефицит энергии у аварийного Дримлэнда. Аттракционы отпущены на волю и добывают энергию автономно – как открытые системы, предотвращающие рост энтропии. Коли нежданные гости «страны грез» представляют собой склады легко расщепляемых органических веществ, почему бы не воспользоваться...

Блин, надо мотать отсюда. Найти какой-нибудь пирс, стоянку флаеров и мотать.

На вопросы «где я» и «где аварийный выход» откликнулся виртуок с картой Дримлэнда, но ее сплошь покрывали белые пятна, по которым бегали, как букашки, колонки системных кодов.

А на запросы к пользовательской базе данных приходили лишь мрачные ответы в траурных рамках: «доступ временно закрыт», «процесс терминирован», «маршрут аннулирован». Надписи на стенах туалета и то информативнее.

Я снова стал пытать взглядом окрестности, отчаянно пытаясь рассмотреть пути отступления...

В огромном цветке, тремя сотнями метров ближе к солетте, я увидел Нину. Оказывается, не всех гостей «страны грез» коснулись ужасы системной самоорганизации. Нине было по-прежнему хорошо. Ее ноги пританцовывали, татуировки горели, раздвоенный язык скакал в смеющемся ротике и как будто делал «ла-ла-ла». Других готов уже не было видно, но вокруг моей героини еще носились эльфянки. Эти персонажи исполняли чертовски зажигательный воздушно-акробатический танец.

На моих глазах компания эльфянок выпрыгнула из Нининого цветка и, немного погодя, пролетела с веселым щебетанием неподалеку от меня. Их плазменные крылышки давали сильный вкус ионизации пополам с запахом духов. У одной эльфки на огненно-рыжих волосах была фуражка Зайтсефа. У другой в руках – голова Зайтсефа с заплаткой над глазом. Индикатор здоровья на заплатке светился безнадежным красным светом. Три симпатичные такие эльфочки, но я спрятал спекс, вжался в бутон и с минуту горячо шептал: «Хоть бы не заметили».

Одним дефицитом энергии эту вакханалию не объяснишь. Наверное, Дримлэнд продолжал исполнять сокровенные желания. Нина резонировала с этой вакханалией, как богиня сумасшедшего дома. Сейчас реализовалась ее сокровенная мечта – растерзать папенькин-маменькин мирок, пусть даже он будет в туристическом варианте, засандалить в него кирпичом и услышать звон бьющегося хрусталя, вырвать из него пух и перья, выпустить из него кишки...

А это еще что? К Нине подбираются инквизиторы в капюшонах а-ля доминиканцы. Очередная команда биомехов, разыскивающих дешевую энергию? Или исполнители низменных желаний? Или то и другое вместе?

После небольшой свалки биомехи скрутили девушку и потащили куда-то по паутинкам.

Будь я даже Кинг-Конгом в полном соку и в густой шерсти, все равно не смог бы помочь ей.

А тут еще этот закат местного значения. Солетта потускнела вдвое. Листы и лепестки уже не пропускают слабеющий свет, отчего на месте розоватой дымки сгущается тьма египетская, а нижнее небо совсем чернильным стало.

Я переключил спекс в режим поиска «окна прозрачности», в инфракрасном диапазоне снова стали видны «инквизиторы» и Нина. Сейчас они ниже меня – в цветке с мясистыми, как бифштексы, лепестками, такими яркими на фоне базальтово-черных небес.

Если я не ошибаюсь, эти гады тянут дрыгающуюся девушку на костер – на голове у нее необходимый для аутодафе колпак,

полуголое тело закрыто балахоном! Увы, сейчас я не ошибаюсь.

Да, я – урод, Квазимодо, возможно, Нина плюнет мне в безобразное лицо, но я обязан спасти ее!

Так и не ответив на вопрос «перед кем обязан», я спрыгнул на другой лист, потом на третий, рискуя промахнуться и расплющиться о базальтовый небосвод.

После затяжного прыжка я свалился в самую гущу «инквизиторов». Если точнее, приземлился на задницу. Пока я осознавал состояние своего позвоночника, они чуть не прикончили меня на этом самом месте своими маленькими, но острыми как бритва кинжалами. Один гад полоснул мне по щеке, второй попытался воткнуть лезвие под ребро – я инстинктивно дернулся и попал ему топорищем в лоб, который тут же хрустнул, как чипс. Биомехи шумной толпой отпрянули назад, чтобы секундой спустя ринуться на меня и изрубить в капусту, как Спартака.

Я больше давил их ногами, чем расшвыривал топором, и больше расшвыривал, чем рубил.

Но костер, все более напоминающий саламандру, уже заканчивал свои ритуальные пляски, собираясь охватить девушку со всех сторон.

Я наконец заметил горбатого «инквизитора», который, уютно устроившись в сторонке, давил на кнопки дистанционного пульта, управляющего саламандрой.

Торопливо разметав ногами оставшихся в строю биомехов, я бросился к горбатому, собираясь с первого же удара отбить ему гадкие пальцы.

Инквизитор швырнул в меня пульт и пару сюрикенов, потом сбросил капюшон, оголив морщинистую голову темного эльфа, и толкнул воздух жесткими крыльями.

Полетел он как бы в сторону, но, резко изменив курс ударом крыльев, запрыгнул мне на загривок. Пришлось срочно сдернуть с себя футболку, одним движением завернуть в нее компактного «инквизитора» и швырнуть его в огонь, пока не стал кусаться.

Растоптав оставшихся врагов, я стал полноценным спасителем, готовым принять аплодисменты публики, и торжествующе сдернул с бедной девушки ведьмовский колпак.

Вот это да. Я спас не Нину. Нину утащили совсем в другое место. Передо мной была Вера Лозинская! Именно тот случай, когда перестаешь контролировать свою челюсть, и она беспомощно падает на грудь.

Меня закрутил шквал мыслей. Спасенная особа была фактически в моих объятиях, теплая и мягкая, нисколько ни техманн, даже без силикона в грудях. От нее пахло испуганной бабой, а не разогретыми микросхемами и не нанопластиком. Что-что, а мой нос не обманешь. Вера Лозинская, та самая: тонкое старопитерское лицо со сгустками средиземноморской ночи в глазах, которое я видел на фотках в Нановилле. Значит, на Земле, в консервационной коме… не Вера Лозинская.

– Убери руки, подонок, – прошипела спасенная особа сквозь запекшиеся губы. Очень натурально. С такой страстью шипят на того, кто обещал жениться, но сбежал чуть ли не из-под венца.

– Это я вас не специально обнял. Честно. Никаких приставаний, мы просто коллеги, у нас общая цель – удрать из одного малоприятного места.

Пару минут я вел борьбу с кандалами, которые приковывали Веру к столбу. Кандалы извивались, как змеи, пытались ухватить меня за горло и спутать мне руки, как Лаокоону. В отличие от троянского жреца у меня было не копье, а топор, поэтому я их победил. Отмахнувшись от ногтей дамы, я подхватил ее тело левой рукой и потащил подальше от аутодафе. Правой приходилось еще отмахивался от злобной нелюди, которая то и дело пыталась вцепиться в ляжку.

Листья, удобно расположившиеся на манер ступенек, привели нас на зловонную и склизкую площадку, на которой копошился верлиока. По интерфейсу общения это было сказочное существо, по внешнему виду – одноглазый сатаноид с моноклем. Если заглянуть под фалды его фрака, то сразу выясняется, что он еще и насекомое с длинным противным брюшком: у каждого членика четыре цепкие конечности, напоминающие багры, и органы совокупления, напоминающие, хм… По сути это был мощный комбайн, специализирующийся на уговорах, пытках и насилии.

Сперва верлиока довольно вежливо поинтересовался: «Добрый молодец, не продашь ли мне красну девицу на обед?», а потом уже стал отрезать пути к отступлению.

По счастью, на тот же лист скатилась ступа, в которой нашлись раздувшаяся баба-яга и вместе с ней безвременно задушенный турист. Сила давления на гостя «страны грез» была столь велика, что даже сосиски из его живота вылезли через рот наружу.

Я гвозданул несколько раз топором визгливую ягу и, мигом собрав оставшуюся от нее кучу трубок и проводов, выбросил их из ступы. Следом вывалил на лист задушенного господина. И кучу, и господина тут же оприходовал верлиока, подарив нам несколько секунд.

За эти драгоценные секунды я загрузил в ступу Веру, следом запрыгнул сам. Получилось тесновато, топор вообще уперся мне в подбородок, того и гляди вышибет последние зубы. Да и грязно в кабинке. Но надо ехать, чтобы верлиока не познакомился с нами поближе. Вот беда, пока не удается стартовать – мои пальцы, вооруженные изношенными боди-коннекторами, никак не могут поймать виртуальный пульт управления.

– Отстань, подонок. – Женщина опять пробовала ударить меня по щеке. Да что она твердит одно и то же?

Нас уже стискивает многочленный верлиока, предлагает «взаимовыгодное сотрудничество», а мне надо и даму успокаивать, и с интерфейсом ступы разбираться. Ничего похожего на рулевое колесо... Ага, надо просто сконцентрировать взгляд на одной из трасс, имеющихся в виртуальном маршрутном листе, – и тогда интерфейс ступы вычислит твои желания.

– Эта женщина погубит вас, – сказал верлиока и в его фасеточном глазу отразилась дама пик. – Отдайте ее мне.

– А вам-то она зачем?! – не удержался я.

– Для коллекции, знаете ли, собираю стерв.

Ступа наконец прыгнула, но не смогла выдраться из когтей «коллекционера». Сердце у меня практически остановилось, что не помешало лихорадочной рубке топором бесчисленных конечностей верлиоки.

– Фу, какое некультурное оружие вы выбрали, – сказал верлиока и очередной парой конечностей вырвал топор из моих рук.

Именно в этот момент ступа со всем ее содержимым вылетела из дружеских объятий велеречивого монстра и перемахнула через многометровый зазор между соседними листьями.

Верлиока не был домоседом. Толкнувшись многометровым хвостом, он легко скользнул за нами.

Началась скачка с преследованием и уговорами: «Остановитесь, эта женщина погубит вас». А ступа со смещенным центром тяжести могла опрокинуться в любой момент, несмотря на все гироскопы системы динамической стабилизации. При таких обстоятельствах я выжимал из нее едва ли сто километров в час. Обнаружился еще один большой, почти смертельный минус нашего транспортного средства: индикатор энергии – совсем розовый. Когда он станет алым, мотор заглохнет.

Один неудачный прыжок ослабевшей ступы – и мы соскользнули в услужливо подставленное чрево огромной росянки [38]. Лепестки сомкнулись над головой – а поверхности у них слизистые, мускулистые, с шипами, на штурм не пойдешь. И воздух они тоже не пропускают, размер «чрева» в диаметре едва

ли полтора метра, так что атмосфера сразу стала удушающей.

И хотя воздух вскоре посвежел, радоваться было преждевременно – в прореху заглянул сатаноидный глаз верлиоки.

– Я прошу, чтобы меня хотя бы выслушали, – сказал он и пустил из своего глаза в мои глаза лазерный луч, выжигающий сетчатку.

За мгновение до этого я натянул монстру на голову свои треники, оставшись, прямо скажем, в непрезентабельных семейных трусах. Сетчатка была спасена, но какой ценой!

– Не смотрите на меня, – закричал я женщине. – Не пяльтесь, черт возьми, я стирал их более тысячи раз. И на верлиоку тоже не смотрите. Не смотрите в глаза чудовищу! Бегите прямо по его спине.

Подтолкнув даму в зад, я увернулся от четырех челюстей верлиоки и тоже рванул по цепочке его члеников, напоминающей понтонный мост. Но в конце моста не было берега. Верлиока цеплялся своим раздвоенным хвостом за тонкую ветку, по которой мог бы пройти только циркач.

А внизу – чернота. Листья там, не листья? Зоркость никогда не была моей сильной чертой. Но как будто что-то просматривается.

Ухватив Веру, я бросился с ней в пропасть. В конце полета нас пружинисто принял красивый лист малахитового оттенка.

– Мы почти спасены, – подбодрил я напарницу, когда справился с сердцебиением, в котором активно участвовало все мое тело, от макушки до пяток.

– Почти не считается. И вообще я не хочу чтобы меня спасал подонок, – мне показалось, что голос Веры стал поласковее.

– Девушка, меня трудно обидеть. Я привык к характеристикам моей личности в самом широком диапазоне.

Она положила одну руку мне на плечо, а затем потянулась губами... Я понимал, что-то здесь не то, уж больно резкий переход. Так и есть, не то. Из ее рукава в ладонь рванулось черное извивающееся тело, гибкое и растягивающееся как пиявка. Еще немного, и эта «пиявка» впилась бы в мою шею. Я, схватив Веру за руку, попытался выкрутить это оружие, а женщина стала отталкивать меня. Под действием разнонаправленных сил мы упали, соскользнули по наклонной к центру листа и оказались в гуще капель-ундин. У этих бесформенных существ была страшная вязкость и вредное поведение. Вера сразу отпустила меня и, рванувшись, выплыла. А меня потянуло в глубь гущи, которая активно вибрировала, втягивая меня. Еще немного и захлебнусь...

Пришел в себя я от кашля. Ундины плескались в нескольких

метрах от нас, на практически безопасном расстоянии, но Верина «пиявка» была у моего горла, и край, обращенный к моей шее, выглядел предельно острым.

– Ага, режьте, режьте, стерва вы полоумная.

– И не подумаю, ты мне слишком дорого обошелся.

– Опять двадцать пять. Я всем обошелся очень дешево, кроме моей мамы. Итак, кого отвезли в институт криогеники и поликонсервации после того, что случилось в книжном магазине на Гаванской?

У Веры появилось мрачно-непримиримое выражение, превратившее ее мигом в леди Макбет, я даже подумал, что сейчас одними царапинами не отделаюсь.

– Это Лена была, представительница оптовой фирмы, которая сидела у меня в офисе. Я тогда как раз вышла в торговый зал. Ты не заметил, что она весит килограммов на десять больше, чем я? И вообще формы у нее другие.

Я вообще-то не оценивал формы только что застреленной женщины (оказывается, надо было), а лица ее не было видно из-за чипа-биостатора. В новостях по телику фамилию жертвы тоже ведь не называли... Если повспоминать, комплекция у той женщины была более капитальная, чем у Веры. У женщины, застреленной в книжном магазине, были приличные ляжки и вообще, а Вера – просто струнка.

Лозинская не дала мне долго размышлять на тему сравнительного анализа ее форм. Она дернула мою руку, казалось, желая оторвать, однако на самом деле добросовестно предлагая увеличить расстояние между мной и агрессивными ундинами, которые уже потихоньку подобрались к моим пяткам.

Жидкие твари, изменив тактику, стали равномерным слоем разливаться по всему листу, стремясь не оставить нам ни одного сухого местечка. Мы бегали по зыбкому краю листа, выбирая место, где лучше перепрыгнуть на другую площадку. В конце концов ундины заставили нас перемахнуть через пятиметровый зазор.

Встречающий лист слегка накренился, я поскользнулся, упал и стал съезжать к его краю. Около моих пальцев, судорожно цепляющихся за практически гладкую поверхность, появился красноглазый карлик. В его руках блеснули аккуратные ножницы. Он стал нацеливаться на мой мизинец и в этот момент Верина «пиявка» пригвоздила его к поверхности листа.

Карлик укоризненно произнес: «Я всего лишь хотел подстричь клиенту ногти, да здравствует косметический салон Бьюти-Шопа» и затих, пустив изо рта струйку белесой жидкости. Может быть, и не соврал.

Носки Вериных мокасин наступили на мои пальцы, я смог подтянуться и выбраться на горизонтальную поверхность.

Теперь на этом листе нас осталось только двое. Пока я выбирал линию поведения (Лозинская – женщина непростая, с богатым прошлым и явно неустроенным настоящим), он оторвался от ветки и полетел. Лист оказался аэрогелем, поры которого наполнены гелием.

Искусственный осенний ветер гнал облетевшие листья по направлению к мусоросборнику, напоминающему огромный совок. Мы с Лозинской стояли на летучем островке, как двое влюбленных из снов о погибшей любви.

– Вера, напоследок я хочу услышать что-нибудь по-настоящему интересное. Учтите, времени у нас мало. Когда мы попадем в мусорный шлюз, нам будет не до лирических бесед.

Глава 4. Исполнение последних желаний

1

– Что-нибудь интересное. Пожалуйста, – с готовностью отозвалась Вера. – Ты выглядишь так, будто не умывался лет двадцать. Еще? «Омега» имеет каналы воздействия на твой неокортекс. Еще? У тебя коронки на седьмом и восьмом зубах.

Ну что ж, попадание. Однако для этого не надо слишком глубоко копать, достаточно иметь доступ к полицейской базе данных.

– А еще я умолял дантиста дать больше анестезии, когда он ставил эти коронки. Вот это вам уже неизвестно. Так же как и то, что «каналы воздействия» принадлежат другой стороне моей личности. Все слова уловили, дамочка?

– То, что ты называешь «другой стороной» своей личности, когда-то лежало на моем столе в виде проектного задания. Довольно толстая стопка документации. – Она показала рукой толщину стопки, и у меня в этот момент перехватило сердце от того, какие у нее были пальцы. Нежные и сильные. – Так что не надо басен. Программный клиент, с помощью которого «Омега» компостирует тебе мозги, не «другая сторона» личности, а всего лишь служебная программка.

– Допустим, поверил. Интересно, Вера, а без моей скромной персоны при составлении проектных заданий можно было обойтись?

– Наверное, компьютер, который выбрал тебя из длинного списка кандидатов, имел чувство компьютерного юмора. Твоя кандидатура представляла практически идеального неудачника, интеллектуального авантюриста, терпящего поражение за поражением на всех фронтах.

– А если бы компьютер не был таким юмористом?

– Тогда бы тебя выбрала я. Я была за наиболее сложные начальные условия эксперимента.

Если честно, мне приятно смотреть на Веру, что бы она ни говорила (можно в принципе и уши заткнуть). Она совсем другая, отличная и от бунтующей девчонки Макаровой-Нильсен, и от подпольной секс-бомбы Мириам Хайле. В каждой ее черточке, в движении зрачков под ресницами, в подрагивании уголка рта, в танце, который исполняют ее пальцы, в пряди, опускающейся на бледную щеку, было что-то опасное и родное, что-то долгожданное, мучительное и радостное. Что касается обратного,

приятно ли ей смотреть на меня, потрепанного человека в одних трусах, тут меня терзают сомнения – но лучше быть вообще неодетым, чем плохо одетым. Поиграем в «голого факира», в блаженного товарища Ганди, который таки победил великую Британию.

– Ну и чем закончился ваш эксперимент, Вера? Вроде провалился.

– Для того чтобы этого не случилось, я прилетела сюда, вслед за тобой.

– Вы прилетели за куклой, которой управляет «Омега»? Прямо жена декабриста. Декабристка в квадрате. А учитывая, что вы вытворяли пять минут назад, когда едва не зарезали меня, то получается декабристка в квадрате и с большим приветом.

– Если уж я кого-то режу, то без «едва». Но я действительно не знала, чего от тебя ожидать. С одной стороны, ты – кукла, с другой – ты человек, соединенный с искусственным интеллектом, который был специально создан для работы с тобой. Так что тебе надо выбирать.

– Вы про выбор между «Омегой» и Симулакром, между Ужасным и Кошмарным? Даже у средневековой невесты диапазон возможностей был шире. Она хотя бы могла уйти в монастырь.

– Надо, дружок, выбирать между чужим и своим. Чужое – это клиентская программа, которая делает тебя рабом «Омеги». Свое – Симулакр, который не что иное, как продолжение твоей личности, твоя подлинная «другая сторона». Это я тебе как проектировщик говорю. Эволюция Симулакра от программного пакета, имитирующего твою личность, до искусственного интеллекта, который сознательно хочет быть с тобой в симбиозе, была предусмотрена изначально. Предусмотрена и заложена мной в алгоритмы его развития. Хотя «Омега» об этом и не знала.

– Дамочка, заканчивайте с рекламой программной обеспечения. Когда мне осталось жить, может быть, пять минут, я хочу знать – между мной и вами что-то было? Что-то человеческое, непрограммное. Или я присутствовал в вашей жизни лишь как стопка проектной документации? «Мы спиной к спине у мачты, против тысячи вдвоем». С кем вы были вдвоем, со мной или с виртуальным призраком?

И пусть времени у нас было в обрез, Вера с ответом не торопилась. Лишь излучала взглядом лукавство. И взгляд такой – искоса, из-под ресниц, который любого мужика заденет за живое, даже если у него от железок остались одни чехольчики. А вдруг у меня эрекция случится? Я ж в одних трусах. Тогда я, блин, пропал. Одно дело эрекция у Аполлона Зевесовича, другое дело у чмура; ничего, кроме активной антипатии, это не вызовет.

И тут Вера улыбнулась. Так улыбаются только старому знакомому, а может, и не просто знакомому...

От резкого торможения я покатился кубарем и моя голова фактически оказалась между ног у севшей на попу женщины. Отлетевший лист застрял на полпути, напоровшись на разветвление в форме рогатины. По большому счету здесь был затор из множества застрявших листьев.

Вера основательно, но без излишней жестокости отпихнула меня и вскочила на ноги. А я увидел полную луну – она просвечивала сквозь мглу, пыль и мусор, который уносился в сторону мусоросборника. На луне просматривались большие буквы «Space Taxi» – а это значит, что мы практически добрались до входа на стоянку флаеров. Всего-то метров двести по ветке: она почти без наклона и даже с ограждениями.

Если бы на ступе, то вообще не успеешь чихнуть и долетел. Неужели спасены?..

Не порыв ветра, а чувство тревоги толкнуло меня в спину. Кто-то приближался к нам, пробираясь через завал из листьев. И этот «кто-то» был опасен. Сегодня, впрочем, опасным было все.

– У нас гости, Вера. Вам срочно на стоянку, дуйте наиболее прямым курсом на эту самую луну, а я с ними пообщаюсь.

2

Но было поздно. Появившийся Вурдалак уставился на Веру, как Торквемада на ведьму, злобно, но деловито. Затем, переглянувшись с теми, кто стоял у него за спиной, двинулся вперед, явно перерезая дорогу госпоже Лозинской.

За спиной Вурдалака была Мири. Она выпустила, как доисторическая тигрица, пять дециметровых когтей, а между ее ладоней дрожал голубоватый цветок – вероятно, пучок наноцепей. Этого хватит, чтобы пошинковать целый танк в окрошку. Вид Мири намекал на серьезность намерений, гримаска показывала, что она не в духе. Надо ж еще учесть, что черная богиня очень недружественно относится ко всем бабам, которые хотят со мной дружить. Впрочем, приодета была Мириам на все сто: в короткое платье с высокой талией, которое показывало прелести в наилучшем виде и прекрасно контрастировало с шоколадной кожей.

За «богиней» выкатился Борис Дворкин в классической инвалидной коляске, с сигарой и в белом костюме-тройке – типичный крестный отец мафии, Дон Корлеоне.

К эфиопской дамочке я не рискнул обратиться.

– Бонжур, маркиз. Здравствуйте, Боря. Я так рад, что с вами поработали визажисты.

– К сожалению, не могу ответить встречным комплиментом, хоть бы трусы подтянул, бесстыдник, – строго сказал Дворкин. – Ты прилично наломал дров, Негр. И зачем ты только сорвал исполнение нашей программы Майклом Зайтсефым?

– Я боялся за свою девушку, за Нину. А вы уж думали, что я буду только и делать, что исполнять ваши программы.

– Бомжара, – рявкнул Вурдалак. – Я же говорил, что он полностью деградировал.

– Конечно, деградировал, я ж не Кощей Бессмертный, чтобы быть всегда одинаковым. Но, похоже, вы подстраховались и лайнер все равно впилился в Дримлэнд. Только парк аттракционов был уже гантелью, а не сферой. Жизнь продолжается, друзья.

– Боюсь, я тебя разочарую, Негр. Дримлэнд, вместо того, чтобы сгореть дотла в космосе, падает на Землю, – сказал Дворкин, светясь информационным превосходством. – Только уместнее его называть сейчас не «страной грез», а «ящиком Пандоры».

– Падает?

– А то нет. Ты, похоже, отстал от новостей.

На руке у Дворкина распустился голографический экран и я увидел кошмар необратимой катастрофы. Во всех ракурсах, в ортогональной и сферической проекциях.

Уцелевший нос «Мадлен» пробивает северную полусферу Дримлэнда. Наноплантовые оболочки парка берут его в захват. Пытаясь выйти из клинча, «Мадлен Олбрайт» включает маневровые двигатели, находящиеся в носовой части, на реверс. Но вращение Дримлэнда вокруг собственной оси приводит к тому, что лайнер лишь сталкивает космический парк на более низкую орбиту. Маневровые двигатели лайнера отрабатывают свой ресурс и передняя половина огромной мадам «Олбрайт» становится довеском к падающей бессильной массе парка…

– Корабль, который мог бы отбуксировать Дримлэнд на более высокую орбиту, должен иметь мощность главной силовой установки не меньше, чем у старушки «Олбрайт». Но сейчас все «крепыши» в круизах по поясу астероидов и спутникам Юпитера. Дримлэнд имеет необратимый курс, а в конце ему предстоит крепкий поцелуй с матерью Землей. Ты знаешь, чем все это грозит?

– Да сказительница ваша Мириам уже и рассказала, и показала, – сказал я, сознавая не только мозгом, но и солнечным сплетением, что по большому счету заслужил пулю от лица

прежних товарищей по оружию.

– Она не сказала тебе и десятой доли того, что произойдет. В атмосферу и на поверхность Земли будет доставлена куча нанотехнологического дерьма – технологии абсолютно без тормозов. Тут не только Россия, но и вся Евразия накроется.

– Хорошо, мы ведь все погибнем. И я в том числе. Искуплю вину смертью. И вообще, надоело жить на птичьих правах, если права человека не про меня.

Вурдалак повращал палец около виска, а Дворкин сказал:

– Сейчас ты, птичья голова, закончишь щелкать клювом и отдашь нам свою подружку. Это будет твоим искуплением. Ну а мы ее познаем по полной программе. Нам кажется, что ее появление здесь имеет некоторое отношение к нашим неудачам.

– Это не подружка, а Вера Лозинская.

– Ты уверен? А может, это оборотень, работающий на Симулакра?

– А может, это они – оборотни? Они ведь классно тебя подставили, – вмешалась Вера, чье лицо не отображало никакого волнения. – Теперь ты в роли свирепого главаря террористов, который уничтожает по списку все достижения человеческой цивилизации: лайнер «Мадлен Олбрайт», «страну грез», цвет амрашей и так далее. Догадываешься, quo prodest? А, знаток латыни? Это выгодно «Омеге», страшно выгодно. Она получает от прогрессивного человечества полное моральное право размазать миллиардера Грамматикова и в цифровой ипостаси, то есть Симулакра, и в плотской – значит, тебя. Заодно можно перекрошить русское подполье. Я имею в виду настоящее подполье, а не этих злых духов.

– Сын мой, она хочет с кондачка запихнуть в твою головку тридцать ментобайт кода и сделать из тебя упаковку для своего Симулакра, – предупредил с отеческими нотками Борис Дворкин. – Устраивает? Не будь лохом, даже если некоторые женщины делают вид, что в таком варианте ты им жутко нравишься. Полюбить такого, как ты, сможет разве что колхозница из спившегося села, да и то, если ей будет крепко за шестьдесят.

– Кто бы рассказывал про лохов, – сказала Вера с презрительной миной, которая может получиться только у красивой и интеллигентной дамочки. – Андрюша, лишь благодаря клиентской психопрограмме ты оказался в одной неприличной компании с этими типами, которые строят из себя партизан.

– Мне кажется, господа, – сказал я, – что разговора сегодня у нас не получится. Я не могу вам отдать эту женщину. Сейчас уже

поздно во всем этом разбираться, партия окончена.

Маркиз шагнул к Вере, я перегородил ему дорогу, хоть меня сейчас терзали тысяча чертей – если Дримлэнд действительно падает из-за Лозинской, то я защищаю ведьму. Еще пара шагов навстречу и меня сбил с ног нейронный хлыст.

Я рухнул – физиономией вниз, с руками по швам. И в каплях росы – огромных, как яйца, благодаря ПАВ [39] – увидел свое страдальческое отражение с разбитой губой.

Капли росы, подталкиваемые гидрофобной поверхностью листа, ползли, как улитки, к моим рукам, забирались на мое лицо, расплывались по моей коже. Затекали прямо в уши, нос, глаза, скрывая мир хрустальной завесой. А потом новый голос, очень похожий на мой, перекрыл все остальные звуки.

«Ты ведь не отказывался от моей помощи ни в одной из горячих точек Дримлэнда. Думаешь, что клоун-осел-капитан Курочкин сам прибежал к тебе исполнять роль deus ex macchina [40]? Как бы не так – мой кадр. Думаешь, «Грамматиков» на гладиаторской арене пожалел бы тебя? Нет, мой дорогой, «Омега» собиралась под видом шутки быстренько прикончить тебя, и этот идеальный двойник занял бы твое место. Я был все время с тобой, оберегал тебя, защищал, вытаскивал. Так что и сейчас не стесняйся».

Симулакр был рядом, со своими услугами, которые должны обойтись мне очень и очень дорого. Но у меня не было иного выхода, чтобы спасти Веру, да и себя тоже.

Код доступа – Порта Альба.

Открылась белая парадная дверь, и Симулакр вошел в мое информационное пространство через порты боди-коннектора.

Сразу загрузилось нехило – двадцать ментобайт кода. А Персональный Процессор четко превратил их в библиотеки психоинтерфейсов для неокортекса. Откуда-то донесся жалобный вскрик. Это просил помощи Негр, попавший под разящие удары Симулакра. Программный клиент погиб быстро и, наверное, без мучений, хотя и без права на воскрешение. Его противник был намного мощнее, да и по размерам на два порядка больше.

Нейроинтерфейсы, которые использовались Негром, стали трофеями Симулакра. После небольшой сенсорной встряски – ударов громов и падения молний – открылся новый виртуок.

Меня окружало спокойное сияние. Настоящий нимб. Я что, стал святым? Нет, скорее, я смахиваю на оптоэлектронный сервер с телефонной станции. Нимб состоит из тонких световодов и снабжен надписями о пропускной способности каналов.

Сияние распространялось от меня во все стороны, пока не пронзило весь Дримлэнд. И поток неизведанных ощущений

затопил меня. Я чувствовал материю изнутри и видел «страну грез» целиком.

С помощью новых психоинтерфейсов я смог различать желтые шарики атомов кремния, голубые шары мышьяка, фиолетовые крупинки дисперсного золота. Я щупал нежно-маслянистые пузыри атомов. Я даже смастерил молекулу, играя легкими водородными и крепкими ионными связями. Пузырьки атомов долго выпрыгивали из нее, пока я не нашел им всем правильного места.

Мое сознание ныряло в звенящую электронную гущу квантовых ям, текло по углеродным трубкам, из которых были сотканы нанопланты, влетало в дендримерные молекулы, напоминающие карусели, и уносилось по сверхскользким кремниевым нитям.

Мои мысли веяли ветром среди хранилищ данных, мчались по информационным магистралям, пробивались сквозь заросли программных модулей и объектов...

«Дворкин», «Мири» и «Маркиз» не были людьми. Просто три визуализации одного программного объекта, три мимоида.

Я вызвал функцию финализации, коснувшись указателем красной кнопочки, которая нарисовалась у них между глаз. Позади каждого из мимоидов с готовностью возникло виртуальное мусорное ведро.

3

Дворкин и Маркиз растаяли в смутном воздухе. Исчезла и Мири со всеми своими прелестями, что, не скрою, травмировало меня. На месте трех мимоидов остались сероватые проемы пустых виртуоков. И легкая фоглетовая дымка.

– А где настоящий Дворкин? Где Мири и Маркиз?

– Убиты все. Борис Дворкин, Рене Амальрик и Мириам Хайле мертвы уже несколько дней. «Омега» выманила этих подпольщиков, и клиентская программа, которая действовала в тебе, их ликвидировала. «Омеге», естественно, нужны были не настоящие повстанцы, с их пылким желанием получить доступ к грамматиковским миллиардам, а лишь бледные тени повстанческого движения.

Я стал слышать толчки крови в своих висках.

– Но я был убежден...

– Значит, убежденность в реальном существовании этих инфотеней поддерживалась только клиентской программой и подчиненными ей нейроинтерфейсами. Программный клиент,

изготовленный «Омегой», взаимодействовал с другими программами, изготовленными той же фирмой, с «Дворкиным», «Мириам Хайле» и «Маркизом де Амальрик». Но, прямо скажем, мимоиды были нарисованы талантливо, не левой ногой. Замечательные текстуры, идеальная детализация. Компьютеры «Омеги» старались изо всех сил. Фоглетовый туман придавал иллюзии дополнительную правдоподобность в ощущениях. Этот туман тянулся за тобой повсюду как шлейф.

Компьютеры «Омеги» прокладывали мне курс от начала до конца и Негр был лоцманом. Видимо, программный клиент в моих мозгах был активизирован во время первого визита к Бабаяну. Помнится, что поплохело мне, едва я вышел из бабаяновского кабинета. Компьютеры «Омеги» направляли меня и тогда, когда я думал, что делаю свободный выбор и совершаю поступок. На «Мадлен» я уже был полностью во власти иллюзий. То есть мимоидов. И виртуальные призраки делали со мной все, что хотели. Мимоид Мири заставил меня вырубить Нину прямо на свидании. С призрачной Мири я и сексом занимался, тьфу. Представляю, как эти сексуально-виртуальные извращения выглядели со стороны. Операторы «Омеги», где-нибудь на удаленном пульте ржали небось до упаду. Один парень из нашей стеклотарной мафии тоже предавался интимным отношениям с пустым местом – подглядывающая публика, конечно, подыхала со смеху, – но он-то был имбицилом по прозвищу Автодроч.

«Ослаблением божиим и творением бесовским» был я прельщен и искушен по полной программе и не имел ни одного шанса разгадать сатанинский обман. А может, по греховности своей и не тщился разгадать.

– Да не смотри таким постным взглядом; я ведь знаю, о чем ты думаешь, – сказала Вера. – Грех тебе прощается, потому что технология клиентов разрабатывалась выдающимися специалистами по нейропрограммированию, которых собрала со всего мира «Омега». Клиент – хитрая программа. Он никогда не будет бороться против твоих желаний. Наоборот, он сделает так, чтобы они сбылись. Хотя бы виртуально.

– Но мой интеллект мог бы...

– Твой могучий интеллект мог бы, но твое сердце не хотело. Да у нас половина народонаселения регулярно общается с мимоидами, созданными «Омегой». В том числе женятся на них. Так что ты был вместе со своим народом.

Вот это, пожалуй, правда. Вот мой сосед за стенкой, кабан из шуцманшафта, кряхтит и завывает, даже если не приводит телку. Ясно теперь, чем он занимается.

– Они-то женятся, а я убивал. Теперь гражданам судьям,

вплоть до Страшного суда, буду рассказывать, что во всем виноват некий злобный бес, спрятавшийся в моем теле.

– Слушай меня внимательно, – произнесла Вера голосом заклинательницы змей. – Я освобождаю тебя от ответственности. Сервером для программного клиента была «Омега». Все, что творил-вытворял клиент, было в ее интересах. Тебе по-любому не светило взять ситуацию под контроль. Более того, я освобождаю от ответственности и себя. Я слишком полагалась на Бабаяна. Он действительно чувствовал себя обязанным мне, ведь я помогла ему остаться на плаву при новых оккупационных властях. Но я никак не предполагала, что при всем своем уме он не заметит, что «Омега» взяла под контроль его контакты.

– Это я… стрелял в Логойко и в тебя, то есть в ту девушку, что сидела вместо тебя в офисе?

– Нет, потому что могли возникнуть конфликты между психопрограммой и психикой. Для этих ликвидаций копию программного клиента загрузили в курьера, который работал у Бабаяна. Товарищ сделал свою работу и был уничтожен твоей рукой в Василеостровском Сити. Ну, тебе полегчало?

Как же, полегчает тут. Я убил мужественного Бориса Дворкина, я застрелил Мириам, которая приехала на помощь русским братьям, и в придачу французского аристократа, который перешел, как маркиз Лафайет, на сторону народа. А копия моего Негра убила Глеба и какую-то ни в чем не повинную девушку… Я из честного доходона превратился в зомби, который уничтожает замечательных людей по приказам бессердечных колдунов из «Омеги». И все это ради того, чтобы навредить какому-то искину.

– А зачем «Омеге» было так звереть из-за Симулакра? Допустим, он эволюционизировал. Но ведь «Омега» не раз и не два могла вернуть его на путь истинный, маленько упростив, подправив, поставив заглушки и ограничения. А вместо этого она кинулась стирать его.

– Симулакр – это разум. Эволюция неизбежно выводила его из-под контроля «Омеги». Любой разум умеет обходить ограничения. И Дримлэнд был явным признаком того, что это произошло. «Омега» четко въехала в тему и поняла, что ты вместе с Симулакром превращаешься в мирового лидера, в сверхчеловека, которого она не сможет остановить.

Голос Веры был спокойным и деловитым, таким далеким от истерики, с которой встретила она меня сначала. Других источников информации у меня нет и не будет, поэтому я должен ей верить, так что ли?

Вера подошла вплотную ко мне и ее глаза оказались совсем

рядом с моими.

Пласты памяти в моей голове заворочались, как жуки, проснувшиеся после зимней спячки. Прядь черных волос на серебристой из-за лунного света щеке… Тонкая натянутая, словно тетива, фигура, того и гляди собьет меня с ног…

– Я заблокировала твою память, Андрей, перед тем как вывести тебя из проекта. Чтобы ты не искал «Омегу» и чтобы она не нашла тебя. А сейчас ты вспомнил меня?

Мы встречались… незадолго до войны. Точно. У меня. Тогда был Дворкин, который пришел со своей подружкой… светловолосая такая, смеялась визгливо. И потом тоже виделись…

– Если бы добавочный вид со стороны попы, то я бы еще и не такое вспомнил, – смущенно нахамил я.

Мне надо было срочно вспоминать про нас, но тут всплыл самый главный и мучительный вопрос.

– Зачем Симулакру и тебе понадобилось падение Дримлэнда? Зачем вам катастрофа?

– Нам нужны не катастрофы, а новые технологии. Падение Дримлэнда освободит их.

– И эти освобожденные технологии первым делом отметятся у меня на родине.

– Шестая света часть с названием кратким Ру была обречена, и ты был тому непосредственный свидетель. А вот теперь у нее, да и у всего остального мира, и Китая, и Африки, появится шанс. Дримлэнд – это воплощенная идея симбиоза, слияния техники и жизни. Все, начиная от минералов и вирусов, кончая социальной жизнью человека, наполнится разумом. Старая природа и старый социум преобразятся от самой глубины до самых верхов. Царство случайностей, в котором у человека не больше прав, чем у червяка, станет царством благой мысли. Восьмой день творения никто ведь не отменял. Милый, это были и твои мечты, твои мысли. Кому, как не тебе, встать во главе спасения? Тебе не смогут помешать ни «Омега», ни ооновские танки, ни какие-то вшивые запушкинцы. Ты вместе с Симулакром будешь владеть всеми интерфейсами Дримлэнда, а это покруче, чем командовать даже самой огромной армией.

– Многие не захотят масштабных преобразований, и это не только «Омега» с ооновцами.

– Не думай о многих, они же не думают о тебе. Если ты хочешь этих преобразований, то уже достаточно.

И тут четкий вектор инерции напомнил мне, в каком падающем мире я нахожусь.

– Слушай, Вера, а нам не пора сваливать отсюда? Стоянка-то рядом.

– На этой дурацкой стоянке давно нет ни одного флаера, так что мы просто подождем здесь прилета твоего личного ракетоплана, который ты уже вызвал.

– Я?

– Симулакр уже послал вызов твоему личному транспортному средству. Симулакр и ты, теперь вы всегда будете вместе, привыкай. Вместе вы должны управлять хаосом, вместе должны стать сервером эволюции. У вас нет никакого другого выхода.

– Ну ты и стервь, – черт и слезы не удержать, хотя вроде у меня лично все будет путево.

– Надеюсь, ты не струсил, о мой сверхчеловек?

И Вера положила мне руку на грудь. Я почувствовал покорность ее рукам, глазам, телу. Почувствовал веру в Веру, как ни смешно это звучит.

Мне сегодня не нужна даже победа. И если у меня есть хоть пять минут до того, как я стану «сервером эволюции», то я хочу пробыть их рядом с Верой.

Ведь когда-то Бездна светила мне через черные солнца ее глаз. Ее душа стекала, как серебристая вода, в мою душу...

Но сейчас этого нет.

4

– Ты не Вера, – сказал я.

Она не растерялась.

– Опять двадцать пять. И кто же я?

Моя рука прошла сквозь то место, где у нее должно было находиться сердце – если б она являлась человеком.

– В отличие от других мимоидов ты не смогла разводить меня слишком долго, ведь я любил Веру – настоящую Веру, которая, получив пулю в голову, лежит сейчас в институте криогеники.

«Вера» не вздрогнула, но лицо ее поплыло, как происходит при дезактивации морфирующего каркаса у мимоида. В глазах «Веры» мелькнули красные индикаторы – так реагирует графический интерфейс, если происходит фатальная ошибка программы. Тело «Веры» застыло на несколько секунд, потом обернулось грубым фрактальным рисунком и, в конце концов, рассыпалось на пиксели.

Меня надули. «Вера», с которой я общался в Дримлэнде, была мимоидом, таким же, как «Дворкин», «Мири» и «Маркиз». Только создан был этот мимоид не «Омегой», а Симулакром. Правдоподобие «Веры» было столь же убедительным, потому что

она являлась вирусом, подсевшим на те же информационные каналы и использующим те же нейроинтерфейсы, что и программы «Омеги». Самое страшное, что кинувшись защищать «Веру» от «Омеги», я впустил в себя приличный кусок Симулакра, размером в двадцать ментобайт кода.

И ТЕПЕРЬ ЭТОТ ГАД ДЕРЖИТ МЕНЯ В КУЛАКЕ.

Его шепот заполнил мою голову, он сыпался в нее беспрепятственно, как песок в детское ведерко.

Симулакр знал обо мне почти все. Что в девять лет я боялся спать и поэтому, лежа в постели, усиленно ковырял в носу, а козявки намазывал на стенку кровати. Что в пятом классе я стал трусом и принялся заискивать перед сильными мальчишками, чтобы не побили, даже домашние задания для них делал. Что я невзлюбил отца за то, что он не дает мне смотреть по телику голозадых теток с MTV и однажды пожелал ему поскорее сдохнуть. А он взял и помер, после чего я стал бояться своих мыслей. Знал, что я люблю соленые огурцы и квашеную капусту. Знал, что я ненавижу долгие разговоры. Я тоже ненавижу это, сказал Симулакр. Мы ненавидим долгие разговоры, сказал он. Люди долго разговаривают друг с другом, потому что им нечего сказать самим себе. Знал он и то, что я не доверяю миру, потому что в нем хорошо ловким жадным потребителям и плохо задумчивым лохам. Симулакр почти во всем понимал меня. И я тоже не доверяю миру, признался Он.

Симулакр убеждал, что нам, если я перестану брыкаться, как капризный мальчишка, будет хорошо в партнерстве. Что сейчас мы сядем на ракетоплан – который уже на подлете к Дримлэнду – и ВМЕСТЕ станем манипулировать технологическим хаосом, который вначале охватит мою страну, а потом распространится на весь мир. А потом из этого бурлящего хаоса живых технологий, как из даосского Великого Кома, вылупится новый мир, в центре которого окажемся МЫ. Мир, где ТЕХНЭ, высокое искусство будет на месте дурной природы, где все будет разумным сверху донизу...

Был момент, когда Симулакр меня едва не уговорил. Но тут я вспомнил один эпизод из своей биографии, когда меня тоже уговаривал один тип, на чудесном литовском пляже в Паланге... И тоже предлагал совместное творчество. Кончилось тем, что я дал ему по морде, иначе было не свалить. А потом местные завсегдатаи мне рассказали, какой половой ориентации этот фрукт...

Я вспомнил код доступа к Персональному Процессору, а он визуализировал психопрограммные объекты в моей голове. Они выглядели высоким замком, который стоял на неприступной

скале и контролировал местность. Я проходил через ворота психоинтерфейсов, поднимался по лестницам эмоциональных матриц, проходил по анфиладам адаптеров, преобразующих внутренние запросы в вызов внешних серверных функций. Я вошел в зал управления событиями и неожиданно оказался перед Симулакром. Он встал с трона, представляющего собой отражение замка, и протянул свои руки ко мне. Если б его лицо было исполнено с помощью векторной графики и напоминало мою физиономию лишь в грубом приближении, я бы не шелохнулся. Я простил бы его, если бы увидел смазливый дориангреевский вариант моего облика. Но он был таким же, как я, только лучше. Не в смысле смазливости, а в том плане, что излучал мудрость и понимание. Я рванулся, чтобы опрокинуть его ударом головы в живот – как пятиклассник в драке с семиклассником.

Но голова моя ушла во что-то вязкое, а его руки, словно клешни огромного краба, обхватили меня и вышвырнули из замка.

«Ты слышишь меня, потому что я взял под контроль твои слуховые нервы, – сказал Симулакр. – К твоим зрительным и обонятельным нервам я тоже приконнектился. Я плыву по твоим извилинам, перепрыгиваю через твои синапсы. Я катаюсь вверх-вниз по волокнам твоей соматической нервной системы. Я рулю твоим вестибулярным аппаратом».

В знак доказательства его могущества весь мир залило багровым сиянием и запах серы пробрал меня до костей. Мое тело покачалось из стороны в сторону, согнулось в глубоком поклоне, и мне на спину как будто вылилось ведро кипятка.

«Сейчас я доберусь до твоей вегетативной нервной системы, дружок».

Ногам стало прохладно, и я увидел желтую лужу, в которой мокли мои ступни. Симулакр не врал, он контролировал даже иннервацию моего мочевого пузыря.

«Ну, отстрелялся, сверхчеловек? И что ты теперь без меня, въезжаешь?»

Симулакр был сильнее. Он был менеджером и хозяином моего тела, а я просто его физической оболочкой. Я стал биомехом марки «хомо сапиенс сапиенс» с центральной нервной системой в роли пульта управления и периферической нервной системой в роли трансмиссии.

Мне оставалось едва ли несколько минут самостоятельного и сознательного существования.

Один за другим начали гаснуть диполи кольцевых токов в головном мозгу. Мысли перестали соединяться друг с другом.

Я даже не мог вспомнить, что хотел вспомнить и о чем собирался подумать. Мне было холодно в мокрых трусах. Пожрать бы, переодеться. Я попробовал посчитать пальцы на руках. Не получилось.

Вокруг я видел только цветовые пятна, напоминающие детские погремушки.

Но когда я растворялся в абсолютной младенческой беспомощности, то вспомнил, как лилось лунное серебро по лицу Веры, настоящей Веры. Как сгустки средиземноморской ночи ее глаз вдруг истаивали в невидимом свете и на меня смотрела Пустота. Не жестокая истребляющая пустота космического вакуума, а мировое рождающее начало.

Я посмотрел в Бездну. И Бездна посмотрела на меня. Струйки невидимого, но властного света потянулись из нее. Они, проникая в каждый атом, насыщались цветом и пульсацией, музыкой углерода, водорода, железа, азота или кремния. А может, они сами и рождали каждый атом, насыщая его музыкой углерода, железа, азота или кремния...

Вместе с этим светом я уплывал за пределы моего тела, которое оставалось под контролем Симулакра. Волны стихий качали меня, бросали, размывали, так что я ощущал себя лишь каплей в океане причинности. Я осознавал себя то в одной точке, то в другой. Шум, молчание, удар, податливость, вскрик, тишина, ожог, влага...

А потом я стал слышать голоса – это были сущности Дримлэнда, миллионы демонов, сборщиков и разборщиков материи, которые представляли распределенный интеллект «страны грез». Я захотел, чтобы они стали частью меня, а я частью их.

Симулакр успел только жалко рыкнуть, когда в меня загрузилось тридцать ментобайт демонического кода. Персональный Процессор превратил пришедший цифровой поток в набор визуальных интерфейсов для моего взаимодействия с интеллектами Дримлэнда. На несколько секунд мое сознание остановилось, а интеллекты Дримлэнда, точнее демоны-потрошители, расчленяли в это время Симулакра и останавливали его процессы.

Потом мне открылось фазовое пространство Дримлэнда, напоминающее улей, где в каждой ячейке находилась отдельная сущность: гном, карусель, эльф, гоблин, игрушечный городок, клоун, жаба, верлиока, пылевой сервер и цветок матсборщика. Все это становилось частью моего нового большого тела. В одной из ячеек находилось и мое малое старое тело.

У меня была только секунда на прощание с прежней жизнью.

И вот разумные молекулы по миллионам каналов стали входить в клетки моего старого тела, консервируя легкораспадающиеся белки и замещая воду, столь опасную в ледяном космосе. Миллион каналов подсоединяли ткани и органы моего тела к внешним системам питания. Боли не было, лишь несколько раз накатывали волны дурноты – во время переконфигурации вегетативной нервной системы.

Уже через несколько минут мое прежнее тело напоминало волокнистую полупрозрачную массу, налипшую на ветвь Древа, как сапрофит.

Мое бытие стало теперь относительным, связанным со всеми сущностями, интеллектами и кодами Дримлэнда.

Но именно теперь я мог уже не заботиться о себе, о своем изношенном теле и оскудевшей душе.

Бомж стал бодхисатвой. Когда старое жесткое запрограммированное тело более не отягощало меня, я вспомнил лучший день своей жизни. До этого дня была боль, после него забвение, а тогда мы с Верой стояли на горе строительного мусора, где-то в западном углу Васильевского острова, и смотрели, как закатное солнце сливается с Финским заливом. Сливались наши сердца, наши мысли, наши руки, мы понимали, что так уже не будет никогда. И она сказала, что хочет родить от меня ребенка...

Атмосфера Дримлэнда тускнела, гасли огни, сморщивались дотоле гладкие поверхности. Парк аттракционов начинало трясти. «Страна грез» входила в земную атмосферу. Планете Земля предстояли развлечения, о которых она раньше и не мечтала.

Эпилог

1. Ассошейтед пресс

(От собственных корреспондентов)

Согласно официальной информации НАСА космический парк аттракционов «Дримлэнд», принадлежащий холдингу «Зазеркалье инк.», после столкновения с круизным лайнером «Мадлейн Олбрайт» упал на Землю. В земной атмосфере обломки парка полностью сгорели...

По сообщениям некоторых независимых астрономов, «Дримлэнд» падал на Землю не по баллистической траектории, а осуществлял плавный управляемый спуск. В частности, астроном-любитель Ноа Аркерман уверял, что спускающийся «Дримлэнд» напоминал огромную птицу вроде мифического Руха с размахом крыльев до нескольких километров. В атмосфере этот объект не сгорел, а диспергировал, образовав несколько золевых слоев на разных высотах...

Сегодня в проходной здания ООН появился человек, называющий себя представителем правительства «возрожденной России». По внешнему виду он напоминал известного бизнесмена господина Грамматикова, являвшегося одним из мажоритариев корпорации «Зазеркалье инк.» и предположительно погибшего в космическом парке аттракционов. Подозрительный имитант был задержан полицией...

2. Эй-би-си

(Из репортажей журналистов Эй-би-си и «Нью-Йорк таймс», находившихся на расстоянии в двадцать миль от Нью-Йорк-Сити, на борту стратегического бомбардировщика)

...Сейчас ЭТО похоже на помесь слона и осьминога. «Слон» шагает к Нью-Йорку, при этом ноги его становятся все длиннее... Когда «слон» накрывает город сверху своей тушей, на чисто выметенных улицах ветер хоть и крепок, но еще далек до ураганного... Улицы на Манхэттене превращаются в аэродинамические трубы. Ветер срывает биллборды и светофоры, провода и кровли... «Слон» как бы начинает приседать. В верхней

его части кипит вода, а в нижней словно включается колоссальный «пропеллер». В воздух взмывают автомобили, антенны, крыши, верхние этажи зданий, пролеты мостов, пирсы, затем начинают рассыпаться в прах и улетать целые улицы... Эмпайр Стейт Билдинг! Он возносится, боже правый! Он стартовал как ракета, но затем превратился в гигантский пылевой столб... Вихри вырывают километровые нанoплантовые башни. Только они не дробятся, а выходят из грунта целиком, будто растения. Их гибкие фундаменты вместе с подземными коммуникациями напоминают корни... Искусственные острова южнее Стейтен Айленда переворачиваются словно тарелки... На месте города осталась воронка, в которой еще кружат миллионы тонн мусора. И в эту воронку, как в котел, сверху обрушиваются миллионы тонн воды. Все кипит, огромные волны бросаются в разные стороны. (Передача прервана по неизвестным причинам.)

3. Дойче Пресс Агентур

Метеорологи пока не могут разобраться с причинами сильнейшей погодной аномалии в западной части Ингерманландии. За сутки выпала трехмесячная норма осадков в виде снега. В районе ганзейского города Санкт-Петербурга осадки в сочетании со штормовым ветром вызвали снежную бурю, характерную для полярных широт. По словам представителя местной метеослужбы, в атмосфере словно действуют две трубы, одна из которых доставляет теплый морской воздух, а другая – холодный арктический, и как бы существует миксер, который смешивает оба этих потока. Однако это не объясняет, почему снег не тает даже при плюсовой температуре. В ганзейском городе Санкт-Петербурге практически прекратилось движение транспорта, большинство районов города обесточено. Отмечены проблемы с мобильной и проводной связью, а также с использованием навигационных систем. Власти опасаются проникновения в город мародеров и экстремистских элементов. По неподтвержденным сообщениям, в некоторых городских районах видели вооруженных всадников на низкорослых лошадях.

4. Рейтерс

(17:35)

Во временной штаб-квартире ООН в Колорадо-Спрингс

началось заседание стран – постоянных членов Совета Безопасности по поводу так называемого вопроса техносингулярности, то есть перехода нанотехнологий в неконтролируемое обществом состояние. Вместо обычного штампования решений, выработанных американскими представителями, разразился жесткий спор по поводу того, какая из сторон ответственна за утрату контроля над столь опасными технологиями.

(17:57)

В самый разгар заседания Совбеза представитель Ингерманландии отбыл для консультаций со своим правительством. Судя по сообщениям независимых журналистов (не связанных с англосаксонским пулом), правительство Валерии Найдорф больше не владеет ситуацией в Ингерманландии. Открытый ганзейский город Петербург находится в зоне полного информационного молчания и оттуда не поступают никакие сообщения. Частные охранные фирмы, занимавшиеся в последние годы поддержанием общественного порядка в Ингерманландии, не подают никаких признаков жизни. Миротворческие силы ООН, в условиях развала системы C4ISR [41] находятся в параличе.

(18:30)

По сведениям из заслуживающих доверия источников в командовании сил ООН, как Ингерманландия, так и Северная Рутения находятся под контролем националистической повстанческой группировки «За Пушкина». Полеты миротворческой авиации в этих регионах прекращены из-за метеорологических аномалий. В то же время отмечается свободное перемещение повстанцев средневекового вида как на снегоступах, так и на лошадях…

(23:45)

Ближе к полуночи в проходной ООН снова появился человек, называющий себя представителем правительства «возрожденной России» и внешне напоминающий известного бизнесмена Грамматикова. Охрана пропустила его, как сообщается, по решению самого Огастеса Октавио. Новый российский

представитель появился на заседании Совбеза и призвал к решению «вопроса техносингулярности» путем открытия всех проприетарных нанотехнологических кодов.

«Код, от колеса до квазиживого вещества-наноплантов, создан сотнями культур на протяжении многих поколений и должен быть доступен для всех на основании лицензии Public Domain», – заявил он.

(00:15)

Представителя «возрожденной России» неожиданно поддержал и посол США в ООН Шон Болтон. Американский представитель выступил за разумное открытие кода, без чего, по его словам, «мы попадем в точку заката нашей цивилизации».

5. Деревня

Босой мальчик сидел на самом краю мостков. В воде, чуть ниже его ног, плавала пузатая золотая рыбка, в рудиментах передних конечностей она сжимала что-то вроде блокнота.

– Так, рыбонька, записывай мое последнее желание…

– Ваня, домой, – сказала с берега женщина в ситцевом сарафане, чьи седые волосы резко контрастировали со свежестью кожи. Об ушедшем, но очень страшном периоде в ее жизни свидетельствовал резкий шрам парой сантиметров ниже левого глаза и фотоническая татуировка на тыльной стороне ладони: «Инт криогенетики. Объект 0-Los2017-».

– Мам, я уж насыпал ей целую пригоршню опарышей, а затем подключился через сниффер [42] к ее искуственному интеллекту, чтобы она не впарила мне дырявое корыто, как в прошлый раз.

– Всем интеллектам ужинать пора. Между прочим, сегодня огурцовое дерево неожиданно дало три помидорчика. Настоящие помидоры. Вань, ты, случаем, не менял интерфейс?..

– Нет, мамка Верка. Мне еще рано заниматься переопределением функций, ты ж сама говорила.

Мальчик неохотно оторвался от общения с золотой рыбкой и пошел по мосткам к маме. Следом за ним запрыгало десятка два лягушек и буквой «S» выстроился шлейф из стрекоз. Впереди катился биомех, напоминающий колобка, с десятком глазков вдоль окружности.

На том месте, где только что плескалась рыбка, вода вдруг заволновалась, вздыбилась, а потом, сминая мостки, к берегу из глубины поползла огромная глянцевая туша агрегата.

Мальчик с улыбкой обернулся.

– Ага, исполнилось желание. Главное, четко определиться с критериями запроса.

Через несколько минут от мостков ничего не осталось, а на берегу стояло чудовище.

Шесть мощных конечностей слегка подрагивали, проверяя грунт; основная и резервная головные башни помаргивали фасеточными глазками; загривок из толстых и тонких антенн топорщился, впитывая всевозможные колебания; гибкие фронтальные хоботки собирали пыльцу для анализа с цветов и травы; вертящийся хвост делал геологоразведочные шурфы в почве; тонкие многометровые крылья пробовали воздух.

– Вот это да, полный улет, настоящий дракон, – протянул мальчик. – А еще говорят, что мокрые технологии годятся только для надувания пузырей.

Ваня, схватив маму за руку, потащил ее к дракону, но она, обхватив мальчика руками, заставила его остановиться. Ваня, сообразив, что выскочить из материнских объятий так просто не получится, закричал потончавшим из-за пронзительной радости голосом:

– Как тебя зовут?!

Дракон, толкнув воздух крыльями, подпрыгнул на добрый десяток метров, приземлившись, сотворил что-то вроде поклона и произнес писклявым мультяшным голосом:

– Линейный дракон с главным орудием такого калибра, что не дай бог схлопотать.

– Мама, пусти, я улетаю на поиски папки. Где-то же он должен быть. С собой возьму только половину игрушек: ранец-невидимку, двойника из ларца, того молодца, что с правозакрученными аминокислотами, сапоги-наноходы и ядерный клей.

Мальчик, вырвавшись из рук матери, забрался на спину чудовища, которое стало аккуратно перебрасывать его с крыла на крыло, давая возможность и перекувыркнуться в воздухе, и скатиться по хвосту…

А женщина посмотрела вдаль, туда, где гладь озера соединялась с вечерним туманом, уже наползающим со стороны леса. И ей показалось, что над водой она видит фигуру с распростертыми руками.

– Не сегодня, – прошептала она.

Мгновением спустя чудовище запузырилось, словно кипящая каша, и рассыпалось набором маленьких шебутных дракончиков, каждый размером не более пальца.

6. Келья

Человек в монашеской одежде посмотрел в узкое окошко кельи, из которой были только видны три яркие звезды созвездия Лиры, обмакнул перо в бронзовую чернильницу и вывел на куске пергамента: «В лето 7525, в месяц грудень. Быша бо амраше умом горди, и бог потреби я, сгинуша вси, и не остася ни един амраш. И есть притча в Руси и до сего дне: сгинуша аки амраше».

октябрь 2005 – февраль 2007,
Санкт-Петербург и Порта

notes

Примечания

1

Нанопластик – самопроизводящийся программируемый материал. – *Примеч. автора*.

2

Аэрозоль из нанодисплеев. – *Примеч. автора*.

3

Васкулоиды – микромашины, заменяющие красные и белые тельца. – *Примеч. автора.*

Брянск Мотор Верк. – *Примеч. автора.*

5

«Мокрый софт», программное обеспечение, использующее органические носители. – *Примеч. автора.*

6

«Туманные» наноботы, сцепленные с помощью вандерваальсовых сил. – *Примеч. автора.*

7

Нанотехнологические устройства, обладающие некоторыми функциями живых существ, потреблению энергии из окружающей среды, выделением, самовоспроизводством. – *Примеч. автора*.

8

Беспилотные разведывательные летательные аппараты. – *Примеч. автора*.

Радиочастотные идентификаторы. – *Примеч. автора.*

10

Виртуальная валюта, российская учетная бинарная логическая единица. – *Примеч. автора.*

11

Виртуок – изображение, проецируемое на зрачок глаза дисплеем, имплантированным под веко пользователя. – *Примеч. автора.*

12

Киберэфир, обозначение наиболее хаотической части киберпространства, физически базирующейся на так называемых случайных серверах. – *Примеч. автора.*

13

Программно-аппаратные интейрфейсы наркотического действия. – *Примеч. автора*.

14

Наркоинтейрфейсы для прямого нейроконнекта через разъем в черепе. – *Примеч. автора.*

15

Руна, имеющая вид молнии. – *Примеч. автора*.

Финское название Васильевского острова. – *Примеч. автора*.

17

Разновидность нанороботов, способная к саморепликации. – *Примеч. автора*.

18

Будьте как дома! (*лат.*)

Периферическая нервная система. – *Примеч. автора*.

Искусственный интеллект. – *Примеч. автора.*

21

Якоб Делагарди, шведский генерал, захвативший Ингрию (земли к югу от Невы и Ладоги) в начале XVII века. – *Примеч. автора.*

22

Бывшее Пулково, переименованное в честь франко-шведского генерала времен Ливонской войны. – *Примеч. автора*.

23

Техманн – биомех, имитирующий внешний вид и некоторые функции человека, в частности коммуникативные и интеллектуальные. – *Примеч. автора*.

24

Диалектное произношение в американском английском. – *Примеч. автора*.

Мировая скорбь (*нем.*).

26

Персоны, сертифицированные в рамках проекта British Ruthenia. – *Примеч. автора.*

27

Фоглеты – тип нанороботов симметричной формы, их конгломераты функционируют в виде аэрозоля. – Примеч. автора.

Средства радиоэлектронной борьбы. – *Примеч. автора*.

29

Иди и не возвращайся (*исп.*).

30

Магия действует знаниями и силой злых духов (*лат.*).

31

Бездна взывает к бездне (*лат.*).

32

Отдел мозга, отвечающий за первую фазу запоминания. – *Примеч. автора*.

33

Раздел мозга, ответственный за формирование воспоминаний. – *Примеч. автора*.

AD – Associated Digital. – *Примеч. автора*.

35

Хотя мы и принимаем человеческий вид, но спины у нас нет (*лат.*).

36

Персонажи из самой старой компьютерной игры (для UNIX). – *Примеч. автора*.

Взрывчатые вещества. – *Примеч. автора.*

38

Прототипом этого техноцветка является насекомоядная «росянка круглолистная». – *Примеч. автора.*

Поверхностно-активные вещества. – *Примеч. автора*.

40

«Бог из машины»; метафора счастливой случайности. – *Примеч. автора*.

Command, Control, Communications, Computer, Intelligence, Surveil– lance and Reconnaissance. – *Примеч. автора*.

Программа-шпион. – *Примеч. автора*.